

АКАДЕМИК АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ БАЕВ ОТЛУЧЕНИЕ ОТ НАУКИ

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАЕВ

Лубянка

Казанская тюрьма

Соловки

Порильлаг

Сыктывкар

Нижне-Шадрино

Архивно-следственные
документы 1937–1954 гг. и многое другое

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(АИРО-XXI)

ПРОЕКТ Стивена КОЭНА и Катрины ванден ХЮВЕЛ

СЕРИЯ «АИРО – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ»
под редакцией Г.А. Бордюгова

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Надежда АЖГИХИНА	Ассоциация «ПЭН-Москва»
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Петр АКУЛЬШИН	Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ имени М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Ирина ВАРСКАЯ-ЧЕЧЕЛЬ	Интернет-журнал «Гефтер»
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр научных исследований «Актуальная история» АИРО-XXI
Алан КАСАЕВ	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Андрей КУЗНЕЦОВ	Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чепел Хилл
Александр РЫБАКОВ	Международный центр торговли (Москва)
Борис СОКОЛОВ	Центр научных исследований «Актуальная история» АИРО-XXI
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Катрина ванден ХЮВЕЛ	The Nation, Нью-Йорк
Марк ЮНГЕ	Рурский университет в Бохуме

Алексей Александрович БАЕВ

ОТЛУЧЕНИЕ ОТ НАУКИ

Академик
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ
БАЕВ

*Архивно-следственные документы
1937–1954 гг. и многое другое*

Москва
АИРО-XXI
2021

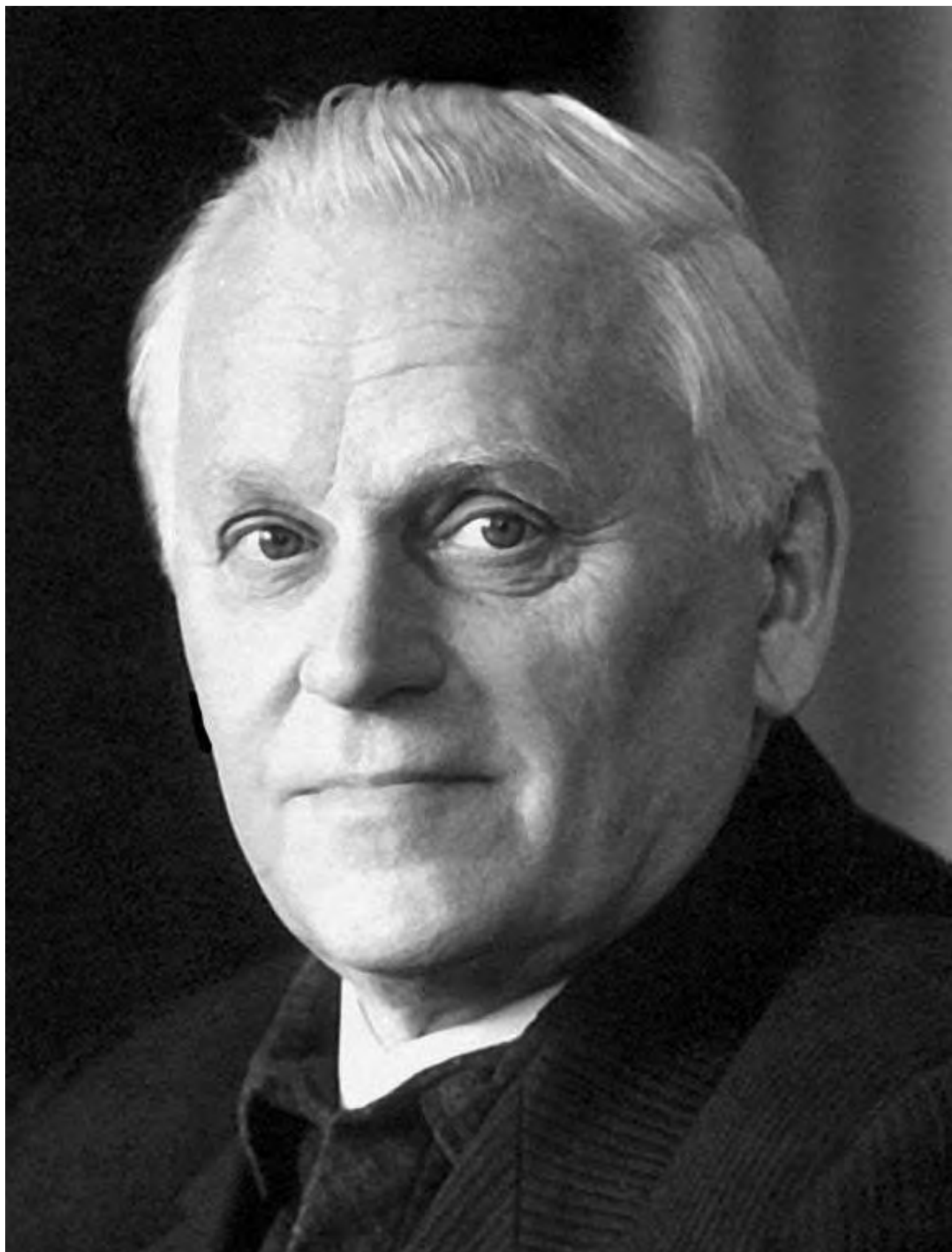
Баев А.А.

Отлучение от науки. Академик Александр Александрович Баев. Архивно-следственные документы 1937–1954 гг. и многое другое. 2-е изд. перераб. и доп. (Электронная версия). – М.: АИРО-XXI, 2021. – 408 с. : ил.,

ISBN 978-5-91022-502-6

Книга посвящена выдающемуся биологу, академику Александру Александровичу Баеву (1904–1994). А.А. Баев был одним из основоположников и организаторов исследований по молекулярной биологии, генетической инженерии, генно-инженерной биотехнологии и геному человека в нашей стране. В книге, на основе документальных материалов описаны события самого трагического периода в жизни А.А. Баева с 1937 по 1955 гг.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей и наукой.

Академик

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ БАЕВ

(10.01.1904 -31.12.1994)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ПРОЛОГ	11
ПЕРВОЕ СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО № 3314 (1937 г.)	65
НА СОЛОВКАХ	128
НОРИЛЬСК	158
ЕКАТЕРИНА БАЕВА	228
ПЕРЕСМОТР ДЕЛА № 3314	253
СЫКТЫВКАР	282
ВТОРОЕ СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО № 684 (1949 г.)	288
НИЖНЕ-ШАДРИНО. Личное дело № 7160 ссыльнопоселенца А.А. Баева (1949–1954 гг.)	304
РЕАБИЛИТАЦИЯ	360
ЭПИЛОГ	371
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	382
Памяти академика А.А. Баева	386
Основные даты жизни и деятельности А.А. Баева.....	387
Хронологический указатель основных научных трудов А.А. Баева (отобрано им лично)	392
Литература о жизни и трудах А.А. Баева.....	394
Об авторе книги.	404

*Светлой памяти моих родителей,
Екатерины и Александра Баевых –
посвящается.*

«И ототрёт Бог всякую слезу с очей их
и смерти не будет уже: ни плача, ни во-
пля, ни болезни уже не будет, ибо
прежнее прошло».

Апостол Иоанн. Откровение 21.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данной книге я обращаюсь к наиболее драматичному периоду в жизни моего отца с 1937 по 1955 год. Ядром книги являются документальные материалы из архивно-следственных дел А.А. Баева 1937 и 1949 годов и его личного дела ссыльнопоселенца 1949–1954 годов.

С этими делами я ознакомился в марте 1998 г., с разрешения ФСБ и МВД России, основанного на указе Б.Н. Ельцина от 1992 г. о том, что прямые родственники репрессированного (жена, муж, дети, внуки) «имеют право знакомиться с делами в соответствующих органах». Мне было запрещено делать ксерокопии и фотографии документов, но разрешили делать любые выписки из дел, чем я конечно воспользовался.

Как ни странно, соответствующие архивные службы ФСБ, дела эти не могли найти в течение нескольких месяцев (или делали вид, что не находят). Только после письма вдовы и детей А.А. Баева, на имя тогдашнего главы ФСБ – Николая Дмитриевича Ковалёва и его личного вмешательства, дела были разысканы в Казанском и Красноярском архивах.

Архивно-следственные документы дополняют сведения о жизни Баева, в период 1937–1954 годов, опубликованные в книге: «Академик Александр Александрович Баев. Очерки. Переписка. Воспоминания». Москва. Из-во «Наука». 1997 г.

Я привожу в книге практически все документы, за исключением разного рода второстепенных справок и распоряжений, которые содержат три «тома» дела А.А. Баева. С сожалением приходится констатировать, что карательным органам в СССР нужно было совсем немного, чтобы погубить невинного человека.

При работе над книгой я также использовал следующие источники.

«Академик А.А. Баев. Очерки. Переписка. Воспоминания». Е.В. Березин – «Судьба купеческого флота. Паровой флот вятских судовладельцев 1860–1918 гг.». Н.И. Бухарин – «Избранные произведения». О.В. Волков – «Погружение во тьму». Е.С. Гинзбург – «Крутой маршрут». Н.П. Дубинин – «Вечное движение». А.Н. Жуков – «Кадровый состав органов госбезопасности СССР. 1935–1939 гг.». К. Залесский – «Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь». Г.И. Касабова (редактор-составитель многотомного издания воспоминаний нориль-

чан) – «О времени, о Норильске, о себе». А.И. Колпакиди, Д.А. Прохоров – «Внешняя разведка России». С. Коэн – «Бухарин. Политическая биография. 1888–1938». С. Коэн – «Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв». Й. Лендел – «Просроченный ДОЛГ». А.Л. Литвин – «Запрет на жизнь». С.П. Неустроев – «Волжские затоны». Н.В. Петров – «Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1945 гг.». Н.В. Петров, К.В. Скоркин – «Кто руководил НКВД. 1934–1941 гг.». М. Поповский – «Управляемая наука». Е.С. Слепкова – «Биография В.Н. Слепкова». А.И. Солженицын – «Архипелаг ГУЛАГ». М.И. Терёшкина и К.Н. Сануков «Есть на Волге завод имени героя». Ю.И. Чирков – «А было всё так...». «Воспоминания о В.А. Энгельгардте», серия «Учёные СССР. Очерки. Воспоминания. Материалы». Семейный архив и ряд других источников.

Нужно отметить, что определённые трудности при написании книги были связаны у меня с тем обстоятельством, что отец, наученный горьким опытом, никаких записок, воспоминаний и дневников об этом периоде своей жизни практически не оставил. Разговоры на лагерные темы дома тоже никогда не велись. В такой ситуации, мне пришлось, в ряде случаев, опираться на воспоминания людей, которые были рядом с отцом в то время и в тех же обстоятельствах.

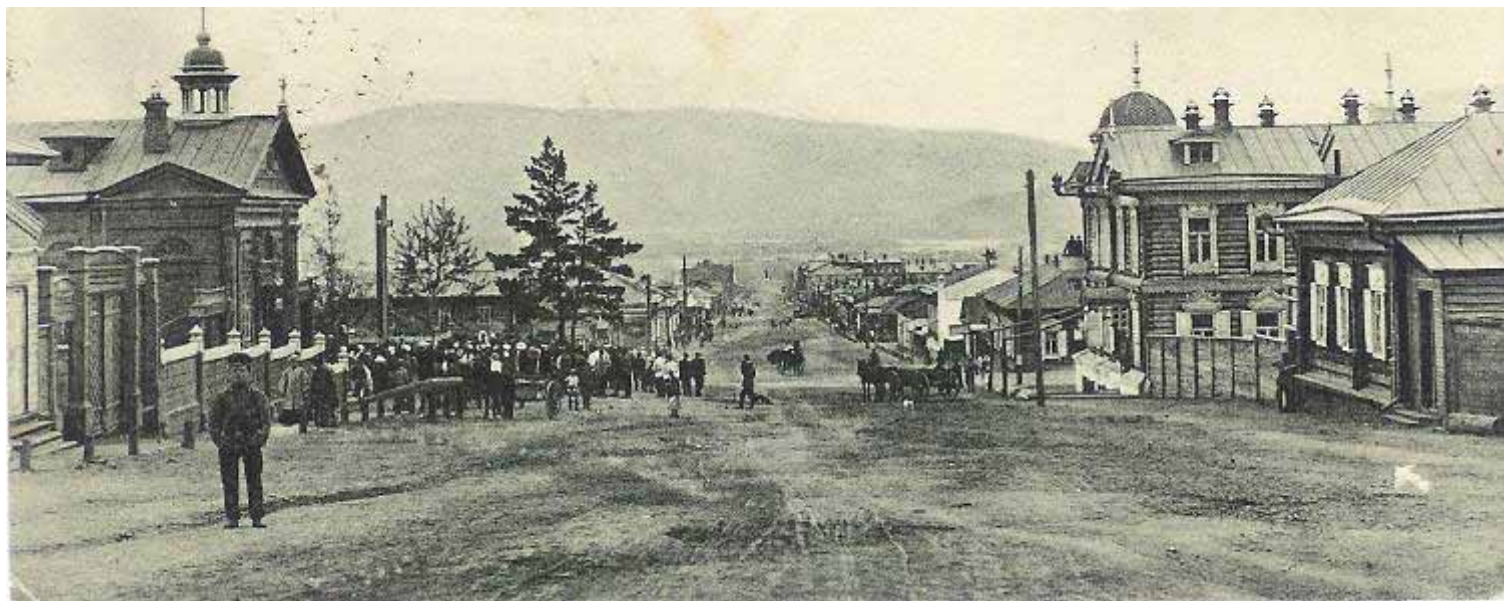
В книге я уделил внимание биографиям некоторых чинов из НКВД-ОГПУ, МВД и МГБ СССР, от которых зависела судьба А.А. Баева, как и судьбы миллионов других людей. Я исходил из того, что нынешнее поколение практически не знает, кто были эти верные «оруженосцы партии», наделённые правом карать и как плохо, зачастую, заканчивали они свою земную карьеру.

Алексей Александрович Баев. 31 декабря 1999 г. Москва.

P.S. В 2008 г. текст был дополнен отдельными комментариями и фотографиями. Сокращённый вариант книги был издан в 2015 г. Научно-исследовательским центром «АИРО XXI» в серии «АИРО – Первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова, в рамках проекта Стивена Коэна и Катрины ванден Хювел.

ПРОЛОГ

Александр Александрович Баев родился 10 января 1904 г. в Забайкалье, в городе Чита. Его отец – Александр Александрович Баев (ст.) (1873–1913, Томск – Казань) был мировым судьёй и адвокатом. Мать – потомственная почётная гражданка – Манефа Александровна Баева (Николаева) (1879–1938 гг.).

г. Чита на рубеже 20-го века.

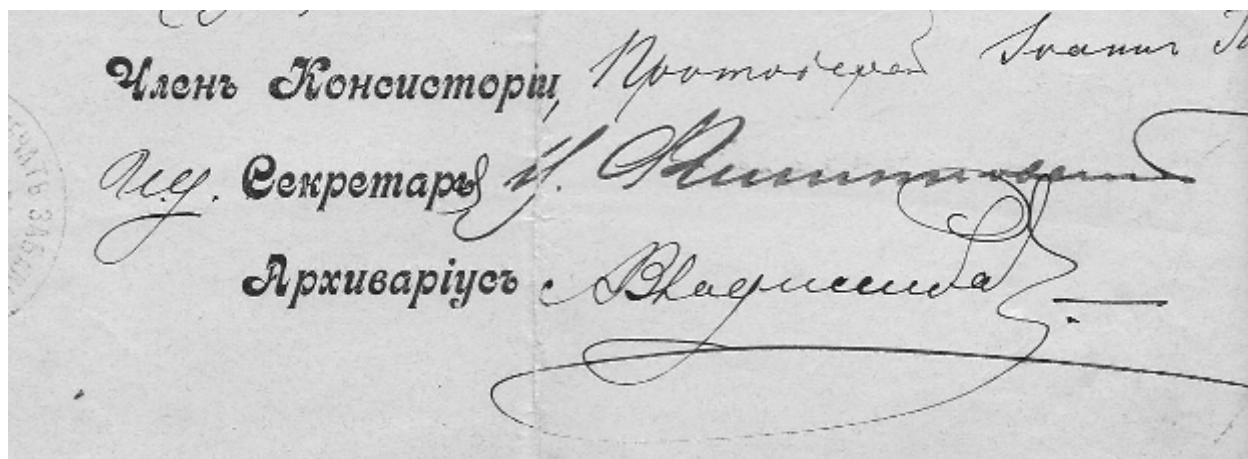
СВИДЕТЕЛЬСТВО

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, дано настоящее свидетельство из Забайкальской Духовной Консистории на основании 874 ст. IX т. св. Зак. (изд. 1899 г.) за надлежащим подписом с приложением казённой печати Отставному Титулярному Советнику Александру Александрову Баеву, вследствие его о том прошении, в удостоверение того, что в метрической книге **Старо-Читинской Михайло-Архангельской церкви** за тысяча девятьсот четвёртый (1904) год в первой части о родившихся под № 3 мужского пола записано: родился 28 декабря, крещён 6 января – Александр. Родители его: Колежский Секретарь Александр Александров Баев и законная жена его: Манефа Александрова, оба православные. Восприемниками были: Иркутский мещанин Александр Иванов Баев и Потомственная Почётная Гражданка Зинаида Александрова Николаева.

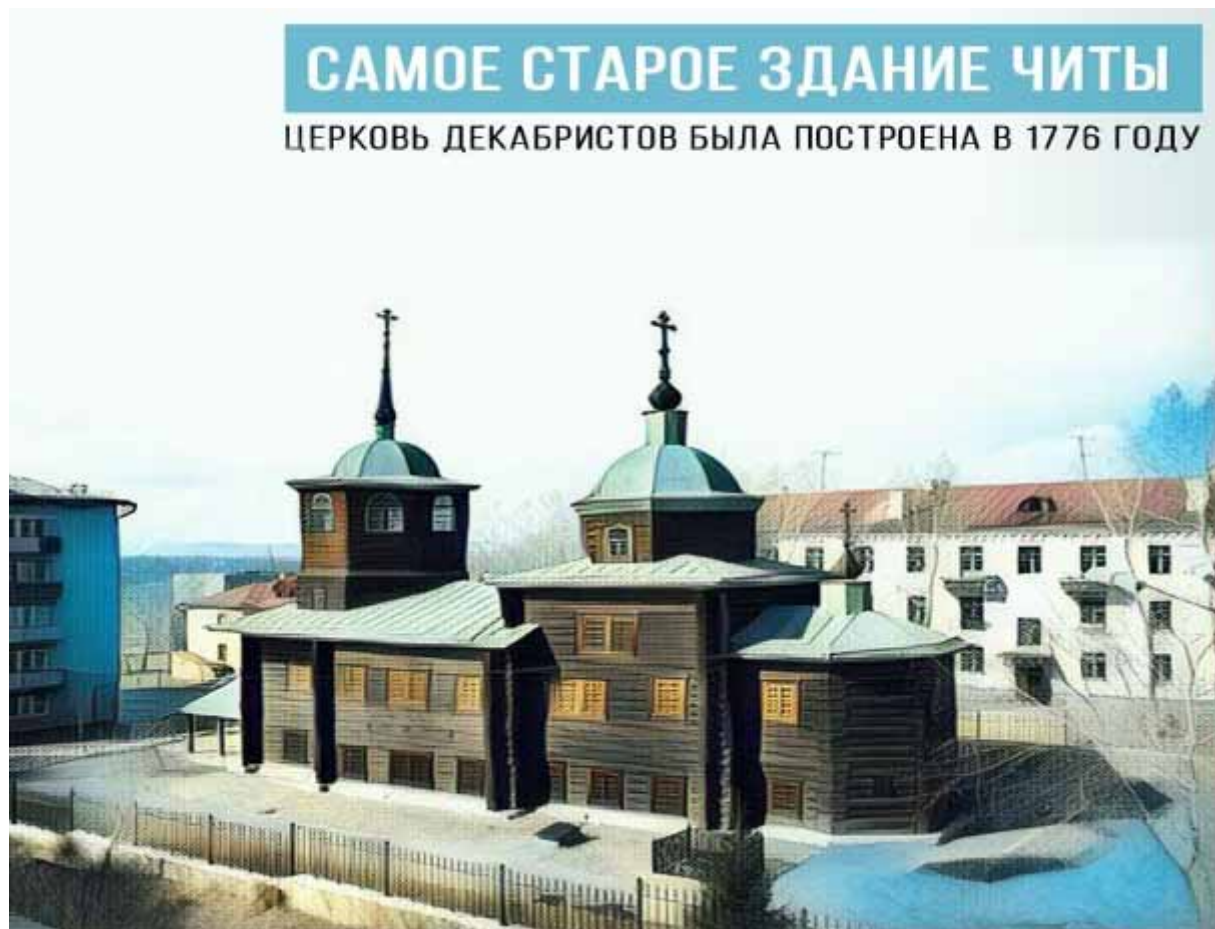
Таинство Св. крещения совершил священник Павел Переломов с диаконом Иоанном Зеровым.

Причитающийся гербовый сбор уплачен.

г. Чита. Декабря 9 дня тысяча девятьсот десятого (1910) года.

Крестники: Александр Иванович Баев – дед Баева и Зинаида Александровна Николаева – сестра матери Баева, выпускница Высших женских курсов.

*Старо-Читинская Михайло-Архангельская церковь,
где крестили Баева.*

* * *

Немного о предках. Прадед Саши Баева – Иван и жена его Елизавета, жили в Иркутске и Томске. Кем был Иван по профессии, я не знаю. Дед Саши – Александр Иванович Баев, был государственным чиновником. Жил и служил в Иркутске и Чите. Позднее служил в окружном полицейском управлении г. Томска и г. Мариинска Томской губернии. С 1861 г. он работал секретарём Мариинского окружного суда.

Отец Саши Баева – Александр Александрович Баев (ст.) родился в Томске и был шестым и самым младшим ребёнком в семье Александра Ивановича и его жены – Елизаветы Николаевны Баевой. Другие их дети: Анна (10.01.1859), Николай (1860), Елизавета (05.09.1861), Мария (07.01.1863) и Александр (30.08.1865), который умер в раннем возрасте.

В метрической книге Томского кафедрального собора, в первой её части, за 1873 г., под № 30 есть запись.

«По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Томская Духовная Консистория на основании записи в метрической книге Томского кафедрального собора за 1873 г. в первой части о родившихся под № 30 свидетельствует, что у канцелярского служителя Александра Иванова Баева и законной жены его Елизаветы Николаевой, обоих православных, родился сын Александр в 1873 г., февраля 15, а 28 того же месяца крещён.

Восприемниками были: воспитанник Томской губернской гимназии Александр Николаев Зудиллов и воспитанница Томской женской гимназии Татьяна Николаева Чаплина. Таинство крещения совершил Кафедральный Протоирей Иоанн Сухопаров с Псаломщиком Иоанном Архаровым.

В удостоверении чего дано сие свидетельство из Томской Духовной Консистории за надлежащим подписом и приложением печати матери упомянутого канцелярского служителя Александра Иванова Баева Елизаветы Николаевой Баевой вследствие прошения её». (Мать и жена А.И. были тёзками – А.Б.).

А.А. Баев (ст.) мечтал стать врачом, но по причинам материального порядка поступил на юридический факультет Казанского университета, где можно было не только учиться бесплатно, но и получать государственную стипендию в семь рублей в месяц. Его личное дело

(977-лд-32636. 1898 г. 32 листа) хранится в университетском архиве. По окончании университета в 1898 г. А.А. Баев (ст.) женится 18 сентября 1898 г. на Манефе Александровне Николаевой, дочери инженера и предпринимателя, потомственного почётного гражданина – Александра Николаевича Николаева. Венчание состоялось в церкви Святителя Николая (Никольской) села Звениговский затон, Чебоксарского уезда.

На веранде дома А.Н. Николаева в Звенигово. Манефа Николаева (слева), её сестра – Зинаида и лушмарский лесничий – Жданов. 1896 г.

Зинаида Николаева, Манефа Баева (Николаева), Александр Баев. 1898 г.

Звенигово. Церковь Святителя Николая. Первоначально церковь была деревянной и сгорела в 1918 г.

В тот же год он уезжает с молодой женой в Сибирь, где работает на протяжении нескольких лет в Иркутске, Чите и Благовещенске на Амуре мировым судьёй и адвокатом.

Вскоре у Баевых появляются на свет ещё двое детей: Татьяна (1906–1974. Чита – Казань) и Владимир (1908–1990. Благовещенск – Москва).

Во время жизни семьи в Благовещенске А.А. Баев (ст.), кроме юридической практики, принимает активное участие в местной общественной жизни. Как и в студенческие годы в Казани, он публикует в местных газетах свои статьи по разным аспектам жизни общества, театральные и книжные рецензии. Участвует в любительских спектаклях.

В 1906 г. А.А. Баев (ст.) становится издателем и редактором ежедневной литературно-общественной газеты – «Амурский летописец». Газета явилась, в какой-то мере, правопреемницей газеты «Амурский край», основанной в 1895 г. и закрытой в 1905 г. за поддержку первой русской революции 1905 г.

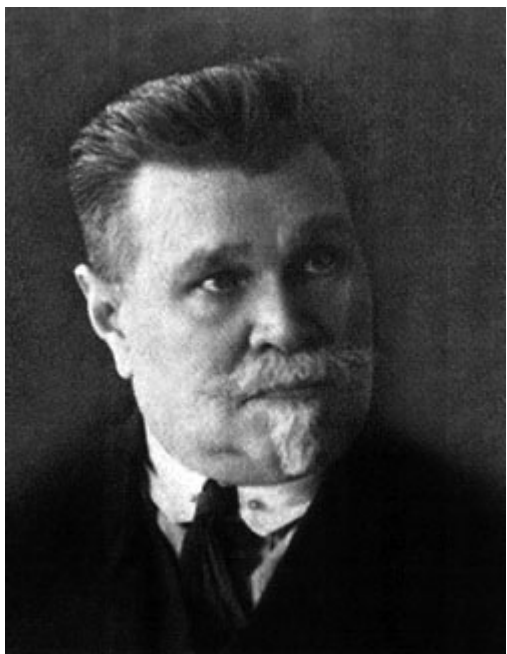
«Амурский летописец» просуществовал с 8 марта по 21 мая 1906 г. (вышло всего 37 номеров). Газета была закрыта по распоряжению Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера «ввиду непрекращающегося вредного направления» (социал-демократического – А.Б.). (Цензурное дело № 155. Г.у.п.д.п., 3-е отделение, 1906 г.). (Г.у.п.д.п. – Главное управление политического департамента полиции – А.Б.).

Генерал-лейтенант, барон
Павел Фёдорович Унтербергер
(1842–1921).

Семья Баевых, возле своего дома, который был расположен на пересечении ул. Зейской и ул. Шимановского (Бусеевской), с друзьями. г. Благовещенск. 1908 г. В первом ряду, вторая слева М.А. Баева (Николаева). Перед ней стоит Саша Баев, слева дочь – Таня Баева. Во втором ряду слева А.А. Баев (ст.) и З.А. Николаева (в замужестве – Зимницкая) – сестра М.А. Баевой. Манефа «на сносях», скоро появится на свет третий ребёнок – сын Владимир.

Зимницкий Семён Семёнович (1873–1927. Хославичи – Казань.) – выпускник Петербургской Военно-медицинской академии. Ученик И.П. Павлова, С.С. Боткина и И.И. Мечникова. Известный российский клиницист, профессор Казанского университета.

* * *

Саша с сестрой Таней. Казань. 1911 г.

В 1911 г. семья Баевых вернулась в Казань, где поселилась в доме родителей Манефы Александровны – Александра Николаевича и Марии Никитичны Николаевых. Детские и юношеские годы Саши Баева прошли в доме деда в Казани и Звенигово.

А.Н. Николаев.

Н. Николаева (Никитина).

М.Н. и А.Н. Николаевы.

*2-х этажный дом Балабанова на набережной Булака (Правобу-
лочная ул., д. 35.). Семья А.Н. Николаева арендовала второй
этаж. Казань. 1973 г. (В настоящее время дом снесён).*

*Семья Николаевых, породнившаяся с А.А. Баевым (слева) и А.С. Сунгуровым (справа).
Слева направо: Манефа Баева (Николаева); А.А. Баев; Татьяна Баева; Мария Ники-
тична Николаева (Никитина); Надежда Николаева; Юрий Сунгуров; Зинаида Николае-
ва (впоследствии – Зимницкая); Владимир Баев; А.Н. Николаев; Владимир Николаев
(расстрелян); Александр Баев (репрессирован); Александр Николаев (репрессирован);
Елизавета Сунгурова (Николаева); Вениамин Сунгуров; Николай Николаев; Александр
Сергеевич Сунгуров. 12.12.1912 г. Казань. Фотоателье Фельзер и Локо.*

Бабушка и внуки. Мария Никитична Николаева с Юрой и Валерианом Сунгуровыми, Владимиром, Александром и Татьяной Баевыми. Казань. 12.12.1912 г.

Глава семейства – потомственный почётный гражданин Александр Николаевич Николаев (185? – 1921) был инженером-конструктором судовых двигателей и совладельцем судоремонтного и судостроительного завода в Звениговском затоне (сейчас г. Звенигово) на Волге в 80-и верстах от Казани, выше по течению. Завод и затон, где зимой стояли волжские суда, был единым производственным организмом.

Звенигово. Контора завода. Февраль 1934 г.

Окраина Звенигово.

Затон и стапель завода.

Завод был основан в 1860 г., как мастерская по ремонту судов, котломостроительским паровым обществом «Дружина», которое принадлежало братьям А.П. и С.П. Шиповым. История завода подробно описана в книге: М.И. Терёшкина и К.Н. Сануков «Есть на Волге завод имени героя». Йошкар-Ола. 1971 г. Марийское книжное издательство. Завод назван в честь рабочего завода (кузнеца), танкиста, Героя Советского Союза – С.Н. Бутякова, геройски погибшего в 1940 г. в «зимней войне» СССР с Финляндией.

Общество «Дружина» выпускало буксиры и пассажирские пароходы, как в деревянных, так и в железных корпусах. Такие пароходы, как «Бриллиант» и «Жемчужина» долго ходили по Волге и их «внешний вид» хорошо известен россиянам по кинокомедии Г. Александрова «Волга, Волга» (1938 г.) с Л. Орловой и И. Ильинским в главных ролях.

«Особенно оживлённую деятельность развил завод во второй половине 90-х годов 19-го века, когда общество “Дружина” решило усовершенствовать свои устаревшие пароходы. Перестройка, проводившаяся под руководством механика А. Николаева, прошла удачно». Начался выпуск новых судов, в том числе и буксиров, снабжённых двигателями конструкции А.Н. Николаева. Двигатель получил золотую медаль на все-русской промышленной выставке. По указу императора Александра III, Александру Николаевичу было присвоено звание потомственного почётного гражданина и выдан диплом инженера-практика.

Буксиры, которые выпускали в Звенигово были двух серий. Одни суда носили «цветочные» названия: Азалия (1905), Астра (1903–1960), Гиацинт, Фиалка, Флокс (1898–1920). Другим давали имена притоков Волги: Звенига, Казанка, Кама, Свияга. «Эти суда были мелководными, экономными в расходе топлива. Поэтому их охотно покупали. Кроме того, Звениговский завод стал принимать заказы на строительство паровых котлов и нефтяных насосов». («Россия. Полное географическое описание нашего отечества», 1901 г., т. 6, стр. 27).

Несколько лет, перед революцией 1917 года и после неё, на заводе работал, в зимнее время, плотником по ремонту палубных надстроек и кают, молодой крестьянин из села Боркино, Вятской губернии, будущий Главный маршал авиации СССР – Константин Андреевич Вершинин (1900–1974).

Буксирный колёсный пароход «АЗАЛИЯ». Построен в 1905 г. Судовладельцем был Г.Д. Александров. Построен в Звениговском затоне АО «Дружина». Ширина по корпусу 6,71 м., высота борта 2,21 м. Котёл паровой оборотный. Освещение электрическое. Данные приведены по судну, числившемуся в 1915 г. за Волжским бассейном.

Один день в июне 1901 г., провёл в Звенигово и В.И. Ленин со своей сестрой Анной, когда они ехали на пароходе, принадлежавшем обществу «Дружина» к Н.К. Крупской из Нижнего Новгорода в Уфу, где она отбывала ссылку. (М. Прилежаева. «Три недели покоя». «Роман-газета», 1969, № 17, стр. 27).

В период первой русской революции 1905 г., в Звенигово и окрестностях, начались волнения среди крестьян и рабочих. Земский начальник, потомственный дворянин, действительный статский советник — А.С. Сунгуров, который был зятем А.Н. Николаева, «был вынужден дать письменное обещание выполнить часть требований крестьян, а об остальных доложить выше. По этому поводу он писал Казанскому губернатору: «Происшедший случай я всецело приписываю агитации, в ши-

*Нагрудный знак Земского
начальника. Носили на цепочке.*

роких размерах ведущейся в соседних с затоном деревнях, как рабочей молодежью с завода, так и многими крестьянами, проживающими в Звениговском затоне” (*“Национальное движение в период первой русской революции в России”, сборник документов, Чебоксары, 1935 г., стр. 295*).

Видимо мало, что было сделано из обещанного, т. к. в августе 1906 г. волнения вспыхнули вновь, и А.С. Сунгуров чудом избежал самосуда.

Толпа протестующих в 800 человек, состоявшая из крестьян окрестных деревень и некоторого количества рабочих завода, направилась «к земскому начальни-

ку, чтобы заставить его выполнить своё обещание по земским требованиям. Они разгромили земскую контору, захватили дела о штрафах и недоимках. В поисках земского начальника рабочие и крестьяне обыскали дом управляющего затоном Николаева (тестя земского начальника). В тот же день Николаев о “беспорядках” сообщил в Чебоксары.

На следующий день чебоксарский исправник с 20 конными стражниками, прибывшими из города Цивильска, направился в Звенигово. Рабочие и крестьяне недалеко от посёлка встретили этот отряд карателей и обратили его в бегство. После этого на подавление волнения в Звенигове и его окрестностях направился казанский вице-губернатор Кобеко с полусотней вызванных из Казани казаков».

Было арестовано и предано суду 12 наиболее активных участников волнений. Их приговорили к различным срокам ссылки в Архангельскую, Вологодскую губернии и в Сибирь.

После Революции А.С. Сунгуров служил в статистическом управлении г. Казани. Его сын – Валериан в Отечественную войну получил тяжёлое ранение в боях за Крым на Перекопе, лишился глаза. После войны работал бухгалтером, был первоклассным шахматистом, жил в Сочи. Другой сын – А.С. Сунгурова – Юрий (1908–1979) стал актёром и театральным режиссером, заслуженный артист РФ и Карелии, худрук драмтеатра в Петрозаводске, а внук Александр Юрьевич Сунгуров – д.б.н. и д.полит. н., известный политолог, живёт в Петербурге.

В 1906 г. «Дружина» достигла наиболее высоких экономических показателей в своей истории, но затем начался спад производства. Общество не выдержало конкуренции с такими известными судоходными компаниями, как «Нептун», «Самолёт», «Кавказ и Меркурий», которые располагали более крупными капиталами и значительными привилегиями со стороны государства.

В 1907 г. (по другим данным в 1910 г.) звениговский завод был выставлен на торги. Вначале его купил нижегородский купец – Шелагин (по другой версии это был А. Тет), который начал демонтаж оборудования и распродажу завода по частям. Дело усугубил крупный пожар, который произошёл, судя по всему, в результате умышленного поджога. Чтобы воспрепятствовать окончательному уничтожению завода, его выкупили у Шелагина «бывший управляющий затоном А.Н. Николаев и лесопромышленник А.Т. Зинин» (при заводе «вязали» плоты из кругляка и была большая лесопилка – А.Б.). Они создали компанию, в которую третьим членом вошёл судовладелец А.К. Иванов». Как рассказывал мне отец, сын А.К. Иванова был застрелен в 1918 г. военным патрулем, во время комендантского часа в Казани, после захвата города бело-чехами.

В июле 1916 г. завод был продан последнему своему владельцу – парходному обществу «Русь». Через полтора года грянула Октябрьская Революция и завод национализировали, но «было решено использовать знания и опыт старых специалистов. С этой целью на работе был оставлен один из бывших владельцев завода инженер А.Н. Николаев. Наряду с судоремонтными мастерскими и флотом в Звенигове были национализированы дачи (их было около 60) различных промышленников и купцов и переданы рабочей бедноте».

Дом А.Н. Николаева в Звенигово, после его скоропостижной смерти 24 февраля 1921 г. тоже попал под национализацию и в нём разместили детский сад.

* * *

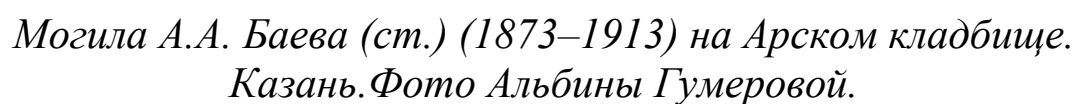

1919 г. Учителя и одноклассники Саши Баева по мужской школе № 2 в Казани (бывшая 2-ая казанская мужская гимназия). Его нет на фото, т. к. в тот день он был болен. Из всего класса в 47 учеников, к середине 20-го века, в живых осталось только трое: Саша Баев, Серёжа Спирин (отец будущего академика-биолога А.С. Спирина) и ещё один мальчик. Таковы были суровые реалии жизни в СССР.

* * *

Но вернёмся к судьбе главного героя. Я не буду здесь останавливаться на событиях, которые пришлось пережить Саше Баеву и семье Баевых – Николаевых в казанский период их жизни. Я уже писал об этом в книге о А.А. Баеве.

Скажу только, что семье Баева с большим трудом удалось выжить после смерти отца Саши в 1913 г. и смерти деда в 1921 г. Ситуацию усугубила Первая мировая война, две Революции, Гражданская война, тотальная экономическая разруха в стране и голод в Поволжье.

Манефа Александровна Баева (Николаева) (вторая слева) с детьми – Владимиром (первый слева), Татьяной, Александром и любимой сестрой – Зинаидой Александровной Зимницкой (Николаевой). 1922 г.

* * *

Несмотря на все тяготы, А.А. Баев заканчивает в 1921 г. среднюю школу и поступает на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета. В 1923 г. он переводится на медицинский факультет КГУ, который заканчивает в 1927 г. по кафедре физиологической химии. Ещё год Баев проводит в стенах университета в терапевтической ординатуре, а затем уезжает вместе с женой – Татьяной Сергеевной Вельховер в Буинский кантон ТАССР, в качестве санитарного врача и заведующего Туберкулёзным отделением Российского общества Красного Креста в г. Буинске. В 1931 г. у них появляется на свет сын – Александр (1931–1966, Казань – Новосибирск).

Т.С. Вельховер (1905–1979, Казань – Алма-Ата, врач, хирург, д.м.н., профессор), выпускница Казанского университета, дочь знаменитого казанского врача-микробиолога – Сергея Тимофеевича Вельховера (1887–1942). С.Т. Вельховер родился в Казани. Его отец был купцом Первой гильдии. В 1935 г. Вельховер открыл зависимость циклической метахромазии бактерий от фаз солнечной активности, что согласовывалось с теорией А.Л. Чижевского «о земном эхе солнечных бурь». Это явление получило название эффект Чижевского-Вельховера. Младший брат Т.С. Вельховер – Евгений Сергеевич Вельховер – врач, биофизик, писатель, д.м.н., профессор, был президентом Общества иридиологов СССР. Проживал в Москве, преподавал в Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Т.С. Вельховер. Зинаида Александровна Бурлянд – сестра В.А. Бурлянда. А.А. Баев. Владимир Александрович Бурлянд – радиоинженер, друг А.А. Баева. 1928 г.

Саша Баев (1931–1966).

*Манефа Александровна Баева с дочерью Таней Руцай (Баевой) и внуками:
Сашей Баевым и Юрой Руцай. 1936 г.*

Баев работает в Буинске и окрестных деревнях почти три года. За это время он публикует несколько научных статей медицинского характера, активно участвует в съездах врачей и научных конференциях медиков. Его всё больше начинают интересовать проблемы фундаментальной биологической науки.

А.А. Баев (второй ряд, третий слева) среди медперсонала и пациентов. В первом ряду, вторая слева – Т.С. Вельховер. Во втором ряду, третья справа – А.Н. Захарова. Буинск. 1929 г.

*Медсестра А.Н. Захарова делает реакцию Пирке грудному ребёнку.
Тубдиспансер. Буинский кантон Татарии. 1929 г. Фото Баева.*

*А.А. Баев (третий ряд, 4-й справа) среди делегатов 4-го съезда здравоотделов
Татарстана. Казань. 1928 г.*

А.А. Баев среди коллег медиков. В центре профессор П.В. Дезидерьев, директор и зав. отделом социальной патологии Казанского туберкулёзного института.

А. Баев с коллегами. Второй слева – Дезидерьев.

А.А. Баев среди участников научной конференции по туберкулёзу. У левого края стола – проф. Дезидерьев.

В одной своей большой и, к сожалению, не опубликованной работе, посвящённой распространению туберкулёза среди татар и чувашей в деревне Тиньгаши, Буинского кантона Татарии, Баев иллюстрирует научный материал большим количеством фотографий, отражающих деревенский быт в конце 20-х годов 20-го века. Вот несколько фотографий из этой работы.

«Дрожки», на которых Баев ездил по Буинскому кантону при обследовании населения на туберкулёз. 1929 г.

Изба бедняка и дом зажиточной семьи.

В праздничном наряде.

У люльки.

За прялкой.

Кружевница.

Молодая семья.

«Детская спальня».

За работой.

У рукотойника.

За ткацким станком.

На кухне.

Застолье в бедной чувашской и богатой татарской семье.

В 1930 г. Медицинский факультет КГУ преобразуется в Казанский медицинский институт и в нём впервые открывается приём в аспирантуру. Баев возвращается в Казань и подаёт документы в аспирантуру кафедры биохимии. Кафедру возглавлял в то время профессор Владимир Александрович Энгельгардт. Мог ли Баев предполагать, что учёба в аспирантуре однажды круто изменит его жизнь...

Из воспоминаний Баева. «Я отчетливо помню день в начале сентября 1930 г., когда я, молодой врач 26 лет, явился на кафедру биохимии Казанского медицинского института и представился Владимиру Александровичу как его аспирант. Был солнечный тихий день бабьего лета, я поднялся по истёртым ступенькам 3-го лабораторного корпуса университета, не без робости открыл высокую застеклённую дверь и оказался на территории кафедры биохимии, где провел затем 4 года.

Владимир Александрович, тогда ещё молодой (ему было 36 лет), но с заметной сединой, высокий, сухощавый, спортивного вида, принял меня в кабинете. Он отнесся к моему появлению без энтузиазма. Поводов для восторга я, действительно, давал мало, прежде всего потому, что не имел никакого отношения к экспериментальной науке. После окончания медицинского факультета Казанского университета в 1927 г. я стажировался в течение одного учебного года на кафедре госпитальной терапии у профессора Н.К. Горяева, а затем уехал в деревню – в Буинский кантон Татарской республики, где проработал врачом вплоть до 1930 г. В тот год в Казанском медицинском институте впервые был проведен большой набор аспирантов. Я подал заявление в биохимическую аспирантуру не столько потому, что меня привлекала биохимия, сколько из-за малого конкурса по этой специальности. Я был «классово чуждым элементом» и с этим обстоятельством мне приходилось считаться. Зачисление аспирантов тогда проводили иначе, чем теперь. Все решала институтская комиссия, и я не уверен, что мнение будущих аспирантских руководителей играло какую-нибудь роль при этом. Во всяком случае, я явился к Владимиру Александровичу, так сказать, в готовом виде, уже будучи зачисленным в аспирантуру, и только тогда он получил возможность взглянуть на своего будущего ученика. Понятно, что он отнесся сдержанно к моему появлению, однако ничем не проявил своего недовольства. После этого представления я начал свою деятельность как аспирант и вскоре преподаватель кафедры.

Кафедра биохимии Казанского медицинского института до 1930 г. была кафедрой биохимии медицинского факультета Казанского университета. Она была основана как кафедра медицинской химии еще в 1862 г. и многие годы существовала под названием кафедры физиологической химии. Я был выучеником именно этой кафедры. В бытность мою студентом медицинского факультета ею заведовал профессор Панормов, пожилой человек с густой шевелюрой седых волос, медлительной походкой и такой же замедленной речью, в неизменном зеленом халате и с белым галстуком. При нем на кафедре работали доцент Поляков, ассистент Дмитриев (он продолжал свою деятельность и при Владимире Александровиче) и служитель Софиенко. Последний принадлежал к категории кафедральных служителей, которые составляли своеобразный слой в людской структуре сотрудников Казанского университета.

Когда я пришел на кафедру к Владимиру Александровичу, Панормов уже умер, Полякова не было, а Дмитриев и Софиенко продолжали работать. Новым человеком был З.Н. Блюмштейн, доцент по физической и коллоидной химии, и служительница Вера – смешливая, средних лет женщина (фамилии её не помню). В первый же день я познакомился с Милицей Николаевной Любимовой, женой Владимира Александровича. Она отнеслась ко мне приветливо и, нужно сказать, своим разумным отношением помогла моей адаптации к новым условиям существования, а это был нелегкий процесс. Милица Николаевна была очень существенным членом кафедрального коллектива. Держалась она в высшей степени тактично и за все годы ни разу – ни словом, ни поступком – не дала почувствовать, что она жена заведующего кафедрой. Она была профоргом коллектива и в этой роли проявила немало инициативы и разума.

Теперь о моей адаптации. До этого я работал врачом в деревне, целыми днями имел дело с больными, чувствовал, что кому-то нужен и делаю полезное дело. А тут, на кафедре, нет никаких больных, никому я вроде не нужен, не приношу видимой пользы. Мне казалось, что я очутился в каком-то вакууме, ничего не делаю, бездельничаю. Со временем это чувство прошло, и я втянулся в новую эгоистическую жизнь, совесть моя замолкла.

С появлением на кафедре Владимира Александровича туда пришла новая биохимия. Владимир Александрович работал на этой кафедре в переломный для нее момент, когда рождалась динамическая биохимия, стержнем которой стали процессы обмена веществ

На кафедре Владимир Александрович читал систематический курс биохимии. Я как новичок в этом предмете был его постоянным и внимательным слушателем. К сожалению, в архиве Владимира Александровича не сохранилось ни его записок, ни плана курса. Мои собственные конспекты попали, видимо, в архивы правоохранительных органов, хотя до этого они сослужили мне добрую службу. Когда после отъезда Владимира Александровича в Ленинград в 1933 г. я стал читать курс биохимии, то неукоснительно следовал плану его лекций 1930–1933 гг. Во всяком случае, курс биохимии Владимира Александровича содержал самые современные для тех дней сведения по энзимологии, алкогольному брожению и гликолизу.

Тогдашними студентами-медиками 2-го курса многое, по-видимому, усваивалось с трудом. В этом, прежде всего, была повинна плохая общая подготовка – это было основное. Но второй (вполне реальной) причиной затруднений могло быть существо самого предмета. Динамическая биохимия только складывалась, в ее собственных построениях было много неясного, противоречивого, неполного, на ее шаткие концепции накладывался к тому же груз прошлых теорий и гипотез, отживавших уже свой век. Несмотря на все старания преподавателей и действительно высокий уровень преподавания, биохимия считалась среди студентов предметом, трудным для усвоения. Помню, однажды было даже собрание слушателей кафедры, на котором раздавались (иногда очень эмоциональные) жалобы на трудности усвоения биохимии. Но что было делать? Менялись устои и облик самой науки, возникали ситуации, трудные даже для преподавателей, а здесь аудиторию составляла плохо подготовленная молодежь, которой через 3 года предстояло выйти из стен института и (уж в отношении биохимии бесспорно!) унести с собой во внешний мир лишь то, что успели и смогли вложить в них преподаватели. Пока медицинское образование существовало в стенах университетов, обучение покоилось на широком биологическом фундаменте и первые годы существования самостоятельных медицинских институтов еще не принесли того разрушительного оскудения биологической подготовки и того ремесленничества, которые стали очевидными несколько позже».

* * *

В.А. Энгельгардт. 1935 г.

Энгельгардт Владимир Александрович (1894–1984, Москва – Москва). Выдающийся отечественный биохимик и молекулярный биолог. Выпускник медицинского факультета Московского университета. Академик АМН и АН СССР. Герой Социалистического труда. Кавалер пяти орденов Ленина, ордена Трудового красного знамени и ордена Отечественной войны 2-ой степени. Награждён высшей академической наградой – Большой золотой медалью им. М.В. Ломоносова АН СССР. Дважды лауреат Государственной премии СССР. Член ряда иностранных академий и научных обществ.

По окончании университета (1919 г.) В.А. Энгельгардт служит два года в Красной армии на южном фронте, начальником санитарного отдела 2-ой конной армии. В 1921 г. начинается его научная карьера в Биохимическом институте Наркомздрава под руководством академика А.Н. Баха. После защиты докторской диссертации профессор Энгельгардт назначается руководителем кафедры биохимии медицинского факультета Казанского университета (1929–1933 гг.). В 1934–1940 гг. он профессор Ленинградского университета, а в 1939–1940 гг. ещё и руководитель кафедры биохимии. В 1936–1959 гг. профессор Московского университета. В 1935–1959 гг. заведующий лабораторией биохимии животной клетки Института биохимии им. А.Н. Баха АН СССР. В 1944–1959 гг. заведующий лабораторией биохимии животной клетки Института физиологии имени И.П. Павлова АН СССР (Ленинград). В 1945–1952 гг. заведующий отделом биохимии Института экспериментальной медицины АМН СССР (1945–1952 гг.). В 1959 г. основал Институт радиационной и физико-химической биологии АН СССР (с 1964 года – Институт молекулярной биологии АН СССР), который возглавлял до последних дней жизни. В 1988 г. институту присвоили его имя.

Скончался 10 июля 1984 года. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

* * *

Успешная научная работа Баева, под руководством В.А. Энгельгардта, приостанавливается в 1933 г., когда Владимир Александрович уезжает в Ленинград, а затем в Москву. Там он организует новые биохимические лаборатории. Оставшись в Казани Баев сосредоточился, в основном, на преподавательской деятельности. Он читает лекции по биохимии для студентов, проводит занятия философского кружка на курсах усовершенствования врачей. Кроме этого он, по приглашению профессора П.В. Дезидерьева, в 1933–34 гг. возглавляет биохимическое отделение в Казанском туберкулёзном институте.

В 1934 г. Т.С. Вельховер и А.А. Баев развелись. Т.С. Вельховер забрала их общего сына – Александра (1931–1966, Казань – Новосибирск) и уехала в г. Алма-Ата, Казахская ССР, с новым мужем – А.Н. Сызгановым, где и прожила всю оставшуюся жизнь.

Два Александра. Старший сын и старший внук А.А. Баева. 1957 г.

Сызганов Александр Николаевич (1896–1980, д. Берёзовка, Арского района Татарстана – г. Алма-Ата, Казахская ССР). Выпускник Казанского университета, хирург, д.м.н., профессор, академик АН Казахской ССР, Кавалер трёх орденов Ленина, двух орденов Трудового Красного Знамени, двух орденов Знак Почёта. С 1945 по 1975 гг. директор Института клинической и экспериментальной хирургии АН Казахстана. Теперь это «Национальный научный центр хирургии им. А.Н. Сызганова». Алма-Ата.

* * *

В конце 1934 г., Энгельгардт приглашает Баева на работу в свою московскую лабораторию биохимии животной клетки в только что основанный Институт биохимии АН СССР. Забрав с собою маму, Баев переезжает в Москву. С 10 января 1935 г. он сотрудник института. Баев продолжает исследования, начатые ещё в Казани, по окислительному фосфорилированию в ядерных эритроцитах птиц в связи с дыханием. Интенсивная научная работа приносит свои плоды. К концу 1935 г. у Баева готова кандидатская диссертация. Но дата защиты несколько раз переносится. Баев, как Учёный секретарь института, занят подготовкой празднования 80-ти летнего юбилея академика А.Н. Баха – директора института.

В.А. Энгельгардт в одном из позднейших отзывов о Баеве так пишет о становлении его, как учёного, в этот период. «Александр Александрович Баев с полным основанием может быть отнесён к числу наиболее перспективных наших биохимиков, более молодого поколения. Он был моим учеником, а затем долголетним сотрудником, пройдя у меня аспирантуру на кафедре биохимии Казанского мединститута, затем будучи ассистентом этой кафедры и, наконец, в качестве сотрудника лаборатории биохимии животной клетки, руководимой мною в Институте биохимии Академии наук СССР. Незаурядная одарённость, безраздельная преданность научной работе, прекрасные данные экспериментатора, проявленные им при его работе под моим руководством, на кафедре биохимии Казанского института, побудили меня привлечь его в мою ла-

бораторию при самом создании её, в составе организованного в 1935 г. Института биохимии АН СССР. Несмотря на трудности организационного периода, А.А. Баев развернул здесь свою экспериментально-исследовательскую работу настолько интенсивно и продуктивно, что в том же году смог выступить с самостоятельным, весьма содержательным докладом на проходившем в Ленинграде Международном физиологическом конгрессе. За время работы в Институте биохимии АН СССР А.А. Баевым было опубликовано несколько весьма ценных научных работ, посвящённых вопросам промежуточного клеточного обмена веществ. В этих работах в полной мере проявились его прекрасные способности и задатки серьезного научного исследователя. Продуманность экспериментальных подходов, безупречная тщательность их осуществления, широкие и основательные познания в научной литературе, притом отнюдь не только в узкой сфере его собственных исследований, строгий критический анализ — все это позволяет ставить работы А.А. Баева как пример полноценной научной продукции.

Интенсивно и постоянно работая над систематическим расширением своего научного теоретического кругозора, А.А. Баев обладает уже сейчас очень солидной эрудицией, которая у него весьма счастливо сочетается с большим искусством лабораторной экспериментальной работы. Это дает ему возможность быстро ориентироваться даже в новых для него областях и правильно находить пути для разрешения встающих перед ним исследовательских задач, чему в большой мере способствуют прекрасные организационные его способности.

Все сказанное выше позволяет сделать с полной определенностью тот вывод, что в лице А.А. Баева мы имеем зрелого, эрудированного, вполне самостоятельного научного работника, с большой научной инициативой и всеми данными для дальнейшего плодотворного научного роста».

Лабораторные будни

*В.А. Энгельгардт за экспериментом. Институт Биохимии
АН СССР. 1936 г.*

*Лаборатория В.А. Энгельгардта. В.А. Энгельгардт, А.А. Баев, Ми-
лица Николаевна Любимова-Энгельгардт, Александр Павлович
Бархаш. В центре сидит Вера Яковлевна Волкова, выпускница
химфака МГУ, будущая жена брата Баева – Владимира. 1936 г.*

А.А. Баев (крайний слева) в лаборатории В.А. Энгельгардта. Крайняя справа М.Н. Любимова-Энгельгардт, А.П. Бархаш, В.Я. Волкова. Институт биохимии АН СССР. 1936 г.

А.А. Баев в лаборатории. 1937 г.

Институт биохимии АН СССР. Заседание учёного совета. 1936 г. Учёный секретарь института – А.А. Баев (в торце стола, второй справа). За столом сидят академики: А.И. Опарин, А.Н. Бах, В.Э. Энгельгардт. За Баевым стоит М.Н. Любимова-Энгельгардт. У стены стоит (первая слева) – В.Я. Волкова. Слева от А.И. Опарина, в первом ряду А.П. Бархаш.

* * *

Всё как будто складывается для Баева замечательно, но наступает 1937 г. и привычный уклад жизни, как и в 17-ом году летит под откос...

В своей автобиографии Баев писал: «Когда я стал студентом Естественного отделения Физико-математического факультета Казанского Университета, у меня существовал живой и деятельный интерес к общим проблемам биологии и философии. Это было и позже, в бытность мою аспирантом Казанского медицинского института. Я был ревностным слушателем и активным участником курса диалектического материализма, ориентированного на проблемы биологии, который читал для аспирантов-биологов Казанских высших учебных заведений профессор Василий Николаевич Слепков, что послужило причиной моих последующих жизненных злоключений. Более того, в 1933–1934 годах я сам вел философский факультативный курс по общим проблемам медицины для слушателей Курсов усовершенствования врачей в Казани и не без успеха».

Невинное увлечение марксистско-ленинской философией обошлось беспартийному Баеву в семнадцать с половиной лет тюрем, лагерей и

ссылок. А начало этой невеселой истории, как это не покажется странным, было положено в далекие 20-ые годы, когда один из лидеров ВКП(б) – Николай Иванович Бухарин (1888–1938 гг.), наряду с партийной и государственной работой, занялся преподавательской деятельностью в только что открытом Институте Красной профессуры (ИКП).

Современники давали Бухарину такую характеристику: «Бухарин, невысокий, рыжебородый человек, с глазами фанатика, о котором говорили, что он более левый, чем Ленин».

Бухарин Николай Иванович (9.10.1888 – 15.03.1938), член партии с 1906 г., член ЦК в 1917–1934 гг. Член Политбюро ЦК 02.06.24 – 7.11.29 гг. Родился в Москве. Окончил гимназию, учился в Московском университете (был исключен в связи с арестом). С 1917 г. член Московского комитета партии, участник Октябрьского вооруженного восстания в Москве, редактор «Известий Московского ВЧК». В 1917–1929 гг. ответственный редактор газеты «Правда», одновременно в 1919–1929 гг. член Исполкома Коминтерна и его Президиума. С 1924 г. редактор журнала «Большевик». В 1928 г. Бухарина избрали академиком АН СССР. С 1932 г. Бухарин член коллегии Наркомата тяжелой промышленности СССР. В 1934–1937 гг. он ответственный редактор газеты «Известия ЦИК СССР». Член ВЦИК и ЦИК СССР. На ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК был выведен из состава Политбюро ЦК. На февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК его исключили из состава ЦК и из партии. 27 февраля 1937 г. Бухарин был арестован. 13 марта 1938 г. военной коллегией Верховного суда СССР Бухарина приговорили к расстрелу и через день, 15 марта 1938 г. расстреляли. Через сорок лет – 4 февраля 1988 г., Бухарин был реабилитирован. Решением Пленума Верховного суда СССР от 21 июня 1988 г. и КПК при ЦК КПСС его восстановили в партии.

При избрании Бухарина в академики против его кандидатуры резко выступил великий физиолог, первый российский Нобелевский лауреат – Иван Петрович Павлов. На общем собрании академии он сказал, что Бу-

харин – это человек «у которого ноги по колена в крови». Павлов был известен тем, что не скрывал своего отрицательного отношения к Советской власти и называл Октябрьскую революцию – «опасным социальным экспериментом». Он демонстративно носил царские награды и был церковным старостой в Знаменской церкви (снесена) у Московского вокзала в Петрограде (С-Петербурге), где службы вёл замечательный проповедник, епископ Петергофский, митрополит – Николай (Ярушевич). Учитывая всемирную научную славу Павлова, новая власть академику все его эскапады прощала.

Надо сказать, что И.П. Павлов не всегда и не со всеми бывал столь резок. Так при избрании в академики другого видного большевика И.И. Скворцова-Степанова, власти обратились к Павлову с просьбой – поддержать кандидатуру Степанова. На сей раз, Павлов выступил на общем собрании академии с саркастической речью. В ней он вспомнил историю о том, как римский император Калигула, несмотря на протесты сенаторов, сделал своего любимого коня по кличке «Incitatus» (Быстроногий) членом сената. Павлов закончил своё выступление так: «Но то был конь, господа, а вы взгляните на Ивана Ивановича Скворцова-Степанова, ведь это вполне симпатичный человек! К чему же нам упорствовать?!».

* * *

ИКП был основан в 1921 году и имел 3-х годичную программу по экономике, истории и философии. Слушатели ИКП, как правило, уже имели одно высшее образование и, таким образом, Институт выпускал не только всесторонне образованных, но и идейно подкованных партийных функционеров, призванных заменить дореволюционные руководящие кадры во всех сферах государственной жизни.

При наборе в ИКП, Бухарин всегда лично отбирал студентов в свою группу. Среди прошедших отбор, были два родных брата: Александр Николаевич Слепков (1899–1937 гг.) – историк и Василий Николаевич Слепков (1902–1937 гг.) – генетик. Они были из многодетной семьи сельского учителя (три брата и три сестры). Высшее образование оба получили в Петроградском университете.

Из учеников Бухарина наиболее заметными в общественно-политической жизни страны стали: А. Айхенвальд, В. Астров, Е. Гольденберг, А. Зайцев, Д. Марецкий, П. Петровский, Д. Розит, А. Слепков, Стецкий и Е. Цейтлин.

Бухарин, его ученики и соратники были яркими представителями ортодоксального большевизма. На какой-то период их взгляды даже утвердились в качестве официальной партийной идеологии. Благодаря этому к 1925 году «бухаринская школа» играла существенную роль в партийной и государственной жизни страны. Члены «школы» активно пропагандировали и развивали экономические и политические идеи Бухарина, порой теряя осторожность и политическое благоразумие. Применительно к бухаринцам даже появилось выражение – «красный профессор», которое носило негативный оттенок. Так было, например, в 1925 году, когда, в связи с НЭПом, в народные массы (в основном это касалось крестьян) был брошен бухаринский экономический лозунг – «Обогащайтесь, накапливайте, развивайте своё хозяйство». Другое, не менее знаменитое, бухаринское высказывание, касалось идеологии и уже не сулило тем же массам ничего хорошего: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов, является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи». (Н.И. Бухарин. «Азбука коммунизма: Популярное объяснение Программы Российской Коммунистической партии большевиков. М. 1919 г.»). Правильность этого своего тезиса «популяризатору» Бухарину предстояло испытать в будущем, как говорится, на «собственной шкуре». Концепцию, о перевоспитании через принуждение, всецело разделяли Ленин, Троцкий, Сталин и другие партийные руководители, что послужило одним из поводов для массовых репрессий двадцатых, тридцатых годов. Бухарин и его товарищи по партии были не оригинальны. Они фактически повторяли слова своего учителя – К. Маркса: «Есть только одно средство укоротить, упростить корчи старого общества: кровавые родовые муки нового – революционный террор».

Распространяя свое влияние, Бухарин активно выдвигал учеников на ответственную государственную и партийную работу. Так в «Большевике» и «Правде» в разное время работали: Астров, Зайцев, Марецкий, А. Слепков, Цейтлин. В «Комсомольской правде» – Стецкий, в «Ленинградской правде» – Астров, Гольденберг, Петровский. В Госплане работали Айхенвальд и Гольденберг, в Центральной Контрольной Комиссии – Розит и Стецкий. Цейтлин – первый председатель ЦК РКСМ, работал

затем в секретариате Исполкома Коминтерна и заведующим секретариатом Бухарина.

«Правая рука» Бухарина – Александр Слепков, который до 1918 года был, якобы, кадетом, быстро эволюционировал в «пламенного большевика» и став ответственным инструктором ЦК ВКП(б) имел право контролировать деятельность низовых партийных организаций и местной прессы по всей стране. Кроме того, он был зам. главного редактора газеты «Правда» (Бухарина) и первым главным редактором газеты «Комсомольская правда».

Многие из бухаринских учеников также занимали руководящие посты в Коминтерне, Рабселькоре, были профессорами и ректорами университетов, писали учебники, возглавляли партийные ячейки в Московской Промакадемии, ИКП, Коммунистической Академии и Академии Коммунистического Образования.

Вскоре Бухарин и его последователи фактически превратились в некую оппозицию Сталину, т. к. их взгляды на политическое и экономическое развитие страны отличались от сталинских. Так они выступали за продолжение НЭПа, против тотальной коллективизации деревни, индустриализации страны любой ценой и т. п.

«Коба» отреагировал на это традиционно. В конце 1928 года, после очередного заседания Политбюро Бухарин нашел на полу, под столом заседаний, листок бумаги на котором рукой Сталина было написано – «Надо уничтожать бухаринских учеников».

Уничтожение началось с политических гонений. Исключение из партии, лишение работы, аресты, ссылки, политизоляторы – все это, на протяжении многих лет, стало уделом соратников Бухарина. В 1930 году, в результате очередного витка внутрипартийной борьбы за власть, Александр Слепков оказался в ссылке вместе с Айхенвальдом, Зайцевым, Марецким, Петровским и Цейтлиным.

В начале тридцатых годов против Сталина и его политики было две внутрипартийные оппозиции. Одну возглавляли Рыков-Бухарин-Томский, другую Сырцов-Рютин-Угланов.

В 1932 году, «масла в огонь» подлил главный политический критик Сталина на тот момент, бывший первый секретарь московской парт-организации – Мартемьян Рютин. Он организовал некий «Союз марксистов-ленинцев», составил и тайно распространил антисталинскую политическую платформу на 200 страницах – «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». Этот документ поддержали: А.Н. Слепков, (кото-

рый, к тому времени, был активным соратником Рютина), Марецкий и Петровский. На заседании ЦК ВКП(б), Сталин и Каганович требовали расстрела Рютина, но это предложение не прошло и Рютина отправили в ссылку.

Катастрофические последствия для партийной верхушки, а затем и для миллионов рядовых коммунистов и беспартийных граждан, имели результаты тайных выборов высшего партийного руководства в феврале 1934 г. на 17-ом съезде ВКП(б), так называемом, «Съезде победителей». Другое его (народное) название – «Съезд расстрелянных», т. к. большая часть делегатов съезда была вскоре уничтожена. У Сталина на это были веские основания. Против него активно агитировали первые секретари Крайкомов: И.М. Варейкис (Центрально-Чернозёмный), Г.И. Петровский (Украина), Б.П. Шеболдаев (Сев. Кавказ) и группа А.П. Смирнова из 29 делегатов съезда. Среди противников Сталина, якобы, были С. Орджоникидзе и А.И. Микоян. Против Сталина проголосовало, по разным данным, 166, 270 и даже 292 делегата съезда. Против Кирова – три. Результаты голосования были аннулированы и подтасованы. По официальной версии, против Сталина было подано три голоса, против Кирова – четыре. По этому поводу Сталину приписывали следующее высказывание: «Не важно, как голосуют, важно, как считают». На самом деле, похожие слова Сталин сказал ещё в 1923 г. на заседании Политбюро: «Я считаю, что совершенно не важно, кто и как будет голосовать, но вот что чрезвычайно важно – это кто и как будет считать голоса».

На партийных съездах и конференциях, проходивших в 20-е годы в Москве, голоса считал личный секретарь Сталина – Назаретян. Они были знакомы ещё со времени нелегальной партийной работы в Закавказье. После Назаретяна секретарями Сталина были: Борис Бажанов (в 1929 г. убежал на «Запад»), Товстуха (в 1935 г. умер от туберкулёза) и пресловутый генерал-лейтенант ГБ Александр Николаевич Поскрёбышев (в 1952 г. уволен с поста в результате провокации устроенной Л. Берия).

У Поскрёбышева, фельдшера из Вятки, была феноменальная память, но Сталин при их первой встрече оценил не это. Оглядев претендента на должность, Сталин, якобы, сказал: «Поскрёбышев, у тебя очень страшный вид, тебя будут бояться». А чтобы нового секретаря ничего не отвлекало от дел, Сталин, верный своим правилам, отправил жену Поскрёбышева в лагерь. Так он поступил с жёнами Калинина, Молотова, Будённого и многих других своих соратников.

На съезде должны были избрать Генсека партии, но Сталин, видимо опасаясь, что члены ЦК при выборах Генсека, выберут Кирова, отменил эти выборы и остался одним из четырёх секретарей ЦК в компании со Ждановым, Кагановичем и Кировым.

Встретив, в очередной раз, противодействие со стороны своих партийных «товарищей», Сталин принял решение любыми способами, вплоть до физической расправы, избавиться от всех личных недругов, а заодно и людей, которые не поддерживали его политики в области индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Индустриализация и коллективизация являлись краеугольными камнями в его плане построения социализма в одной, отдельно взятой стране – СССР, не дожидаясь мировой социалистической революции, за которую ратовал Ленин, Троцкий, Зиновьев и их сторонники в Коминтерне.

Жизнь показала, что сталинский экономический курс был правильный. Уже к 1934 г. объём промышленной продукции в СССР вырос в четыре раза, по сравнению с 1913 г. В 1937 г. в колхозах трудилось 100 миллионов человек. Цена колхозной продукции была в 10–12 раз ниже, чем у частника. Создание, в кратчайшие сроки, предприятий тяжёлой индустрии на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, позволило СССР выиграть схватку с фашизмом. Но досталось всё это дорогой ценой.

1 декабря 1934 года в коридоре Смольного произошло убийство Кирова неким Леонидом Васильевичем Николаевым (1904–1934), неврастеником одиночкой, который, судя по всему, руководствовался личными мотивами. Среди них – многолетние безуспешные попытки поправить свою пошатнувшуюся партийную карьеру и ревность к Кирову, т. к. он считал, что его жена – Милда Драуле была любовницей «Мироныча». Народ же подозревал, что к убийству Кирова был причастен Сталин.

Как бы то ни было, Сталин использовал убийство в своих целях. Было объявлено, что за Николаевым стояла контрреволюционная организация. Это открывало Сталину путь к расправе с многочисленными «врагами». В тот же день был принят ряд «драконовских» законов, которые открыли дорогу политическому и юридическому произволу. Для ускорения расправ реанимировали пресловутые «двойки» и «тройки» – внесудебные карательные органы, созданные ещё в 20-е годы, деятельность которых регламентировалась исключительно ведомственными директивами и инструкциями. Они активно действовали в стране на протяжении нескольких последующих лет. 75 % всех политических приговоров тогда выносили именно эти внесудебные структуры.

Термин «закон» в данном случае не верен. На самом деле, это было Постановление Президиума ЦИК и СНК СССР от 01.12.1934 г. «Об установлении особого порядка рассмотрения дел о терроре», написанное лично Сталиным. Оно касалось порядка рассмотрения дел «о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти».

В постановлении отводилось 10 дней на следствие. Ознакомление обвиняемого с делом, за сутки до суда. Слушание без сторон обвинения и защиты. Кассация, жалобы, прошения о помиловании не допускались. ВМН приводилась в исполнение немедленно. Это постановление было отменено только в 1956 г.

Пока народ забавлял себя крамольной частушкой: «Эх, огурчики, да помидорчики, Сталин Кирова пришил в коридорчике!» и пытался понять, не являются ли махровой антисоветчиной лозунги типа: «Кролик – это сталинский бычок!», «Коза – сталинская корова!», в стране опять стал набирать обороты маховик массовых политических репрессий.

После разгрома партии эсеров и раскулачивания, новая волна сталинского террора была направлена вначале против делегатов «Съезда победителей». Из 1966 делегатов, в ближайшие годы, были уничтожены 1108. Затем пришла очередь троцкистов и других инакомыслящих, в собственных партийных рядах. К 1937 году репрессии охватили не только партийцев, но и широкие слои рядовых граждан. Лозунгом дня стала фраза Максима Горького из его статьи в «Правде»: «Если враг не сдаётся – его уничтожают»!

Удивительно, но «Запад» приветствовал преследование Троцкого и троцкистов в середине 30-х годов. Американская «Нью Йорк Таймс» писала: «Наконец большевизм Сталина приобрёл человеческое лицо и перестал угрожать цивилизованному миру». Причина была в том, что «Запад», как огня, боялся мировой социалистической революции, выражителями которой и главной движущей силой были Ленин, Троцкий и Зиновьев. Сталин же, придя к власти, сосредоточился, до поры до времени, на построении социализма в пределах СССР.

В 1935 году, по наущению Сталина, Н.И. Ежов, будущий глава НКВД, «пишет» свою знаменитую статью – «От фракционности к открытой контрреволюционности». Как он её «написал», с одним классом образования, не представляю? Статья подводила идейную базу под окончательный разгром бухаринской оппозиции и содержала прямые обвинения в адрес, так называемых, «правых коммунистов» из «Парал-

лельного правого центра» во главе с Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым и М.П. Томским. Центр назывался параллельным, так как, якобы, был аналогичен другому оппозиционному центру – троцкистскому.

Несмотря на то, что Бухарин активно поддерживал Сталина в его борьбе против Троцкого, Каменева, Зиновьева и в письме к К.Е. Ворошилову в 1936 г. называл расстрелянного Каменева: «циник-убийца, омерзительнейший из людей, падаль человеческая. Что расстреляли собак – страшно рад», всё это не спасло его от ареста 28 февраля 1937 года.

Начались повательные аресты учеников и сторонников Бухарина и людей, так или иначе с ними связанных, чтобы создать впечатление, что всю страну опутала сеть контрреволюционеров из «Правого центра». Они, якобы, действовали с 1928 г. «по директивам всесоюзного контрреволюционного террористического центра правых в лице: Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова, и др.» не только в Москве, но и в, так называемых, «филиалах» (в том числе в Казани). В 1937 году, в ходе подготовки политического процесса над Бухариным, который состоялся в 1938 году, М. Рютина, А. Сlepкова и уже с ними арестовали, «судили» и расстреляли. Из всех упомянутых бухаринских учеников, репрессии 1937 года пережил только Астров, который еще в конце 20-х годов был завербован ОГПУ и регулярно доносил на своего учителя и его сторонников.

* * *

В 1937 г., дошла очередь и до Василия Николаевича Слепкова (член ВКП(б) с 1920 года). Он родился в 1902 г. в г. Рязани. Как уже упоминалось, по образованию он был биолог. В 1920 г. В.Н. Слепков закончил Петроградский университет по кафедре зоологии, где активно интересовался генетикой. В 1925 г. он заканчивает ещё и Институт красной профессуры. Какое-то время В.Н. работает секретарём А.И. Рыкова, но политическая карьера его не привлекает.

Главным делом своей жизни он выбирает науку. Слепков – ученик Б.М. Завадовского и А.С. Серебровского. Он работает в лаборатории выдающегося отечественного генетика, член-корреспондента АН СССР, Серебровского (1892–1948 гг.). Изучает мутации у дрозофилы под действием рентгеновских лучей. Открывает с коллегами явление инверсии отдельных участков хромосом дрозофилы. В 1928 году В. Слепкова отправляют на стажировку в Берлин, в лабораторию крупного зоолога и генетика – Курта Штерна.

В.Н. Слепков.

В 1929 году блестящий молодой профессор – Василий Слепков, оказался в Казани, где преподавал в Казанском университете, Казанском медицинском институте, Татарском педагогическом институте и Коммунистическом университете Татарии. Он читал студентам и аспирантам лекции по генетике, диалектическому и историческому материализму, вел семинар по теоретической биологии (методологии биологии). Им были написаны книги: «Евгеника», «Генетика», «Биология и марксизм». Из-за ареста в 1937 г., ему не удалось дописать книгу «Биология и философия», над которой он работал во время уфимской ссылки.

Вот как описывал Василия Слепкова академик Н.П. Дубинин в своей книге «Вечное движение». «В.Н. Слепков был совсем молодым человеком. Высокий с хорошо поставленной головой, с зеленоватыми глазами, красивый, внимательный, Вася Слепков много обещал в будущем... Он сразу показал себя блестящим философом и учёным. Был он тогда весёлым, юным, влюблённым в свою невесту, в ореоле близости с Н.И. Бухариным. Начались незабвенные годы дружбы с В.Н. Слепковым, работа до изнеможения в стенах лаборатории, встречи в его доме, знакомство с его невестой». По воспоминаниям жены Слепкова – Евгении Семёновны: «Василий был быстр в движениях, образованный, умный, любящий шут-

ки, добрый и внимательный, в нём сочеталось много хорошего». На судьбе Слепкова и, как следствие, на судьбе людей, которые окружали его в то время, трагически отразилась принадлежность Слепкова к «бухаринской школе», его пробухаринские политические взгляды и бурная политическая жизнь брата.

Как только очередные репрессии, по тому или иному поводу, обрушивались на Бухарина или А. Слепкова тут же ощущал это на себе и Василий Слепков. Так в 1930 году он был исключен из партии за принадлежность к «правым коммунистам». В 1933 году Слепков был арестован и помещён в политизолятор в Суздале. В 1935 г. его из изолятора отправляют в ссылку в Уфу, где он преподавал в Медицинском и Педагогическом институтах. В 1936 году, по окончании ссылки, В. Слепков с женой уезжает к ее родителям в Баку надеясь «отсидеться» вдали от центра. Но на работу никуда не берут, а 14 января 1937 года вновь арестовывают и привозят в Казань для следствия. Теперь его и доцента Татарского педагогического института Ф.П. Медведева обвиняют не только в принадлежности к «правым коммунистам», но и в руководстве подпольной террористической организацией в Казани, ставившей своей целью «совершение терактов над руководителями ВКП(б) и Советского правительства».

Постановление на арест В. Слепкова написали сотрудники Казанского ОГПУ – сержант Константин Чернаков и капитан Ян Веверс.

Из обвинительного заключения по делу В.Н. Слепкова № 2751. «Обвиняется в том, что: а) является руководителем контрреволюционной, террористической организации правых в Казани; б) имел непосредственную связь и действовал под руководством к.-р. террористического центра правых; в) во исполнение указаний этого центра, практически вербовал новых участников к.-р. организации, вербовал в духе враждебности к Советскому строю, ставя себе конечной целью свержение Соввласти и реставрацию капитализма в СССР; г) в достижении этого воспринял и разделял установку к.-р. центра на борьбу с руководством партии и Соввласти методами террора, практически подготавливал исполнителей терактов; д) с 1933 по 1936 гг., находясь в заключении, связей с участниками к.-р. организации не порывал. Справка: Дело следствием начато 23 января 1937 г., окончено 15 мая 1937 г. Слепков В.Н. содержался под стражей с 14 января 1937 г. Вещественных доказательств по делу нет».

По окончании следствия, в конце июля 1937 г., В. Слепкова и его «подельников» отправили в Москву. В Лефортовской тюрьме состоялось

выездное заседание Военной коллегии ВС СССР в составе: Л.Д. Дмитриева, И.Т. Голякова и С.В. Преображенцева. 1 августа 1937 г. В.Н. Слепкова, Ф.П. Медведева, П.В. Быкова, С.Г. Виноградова, С.А. Комарова, В.А. Кудрявцева и ряд других фигурантов дела приговорили к расстрелу. По некоторым данным, останки Слепкова захоронены в могиле № 1 невостробованных прахов возле бывшего крематория на Донском кладбище в Москве.

Дело Слепкова было, от начала до конца, «липовое», как и многие другие политические дела той поры. Судя по всему, его окончательно сгубило то, что он, через брата Александра, знал содержание антисталинской политплатформы Рютина. В 1937 году были уничтожены три брата и одна из трёх сестёр – Слепковых: Александр, Василий, Владимир и Анастасия. Уцелели – София и Евгения.

Жену В.Н. Слепкова – Евгению Семёновну (Соломоновну) Слепкову (Брейтман), агробиолога, арестовали 25 августа 1937 г. 28 марта 1938 г. она была приговорена к восьми годам заключения, а в 1949 г., после повторного ареста, к бессрочной ссылке в Красноярский край.

После смерти Сталина все Слепковы были реабилитированы, «за отсутствием в их действиях состава преступления». Василия Николаевича Слепкова реабилитировали в декабре 1957 г.

* * *

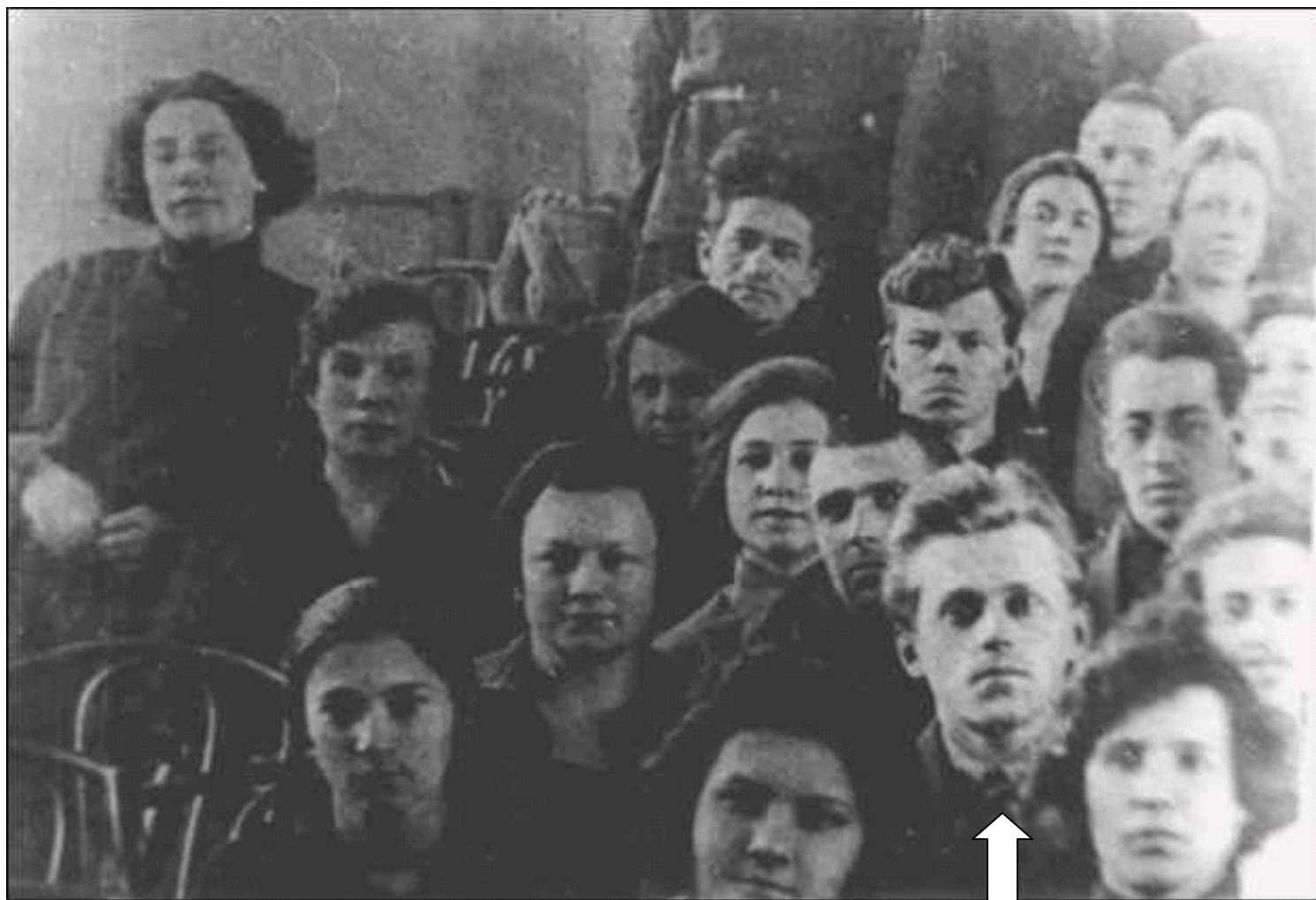
На следствии и суде В.Н. Слепкова, в числе прочего обвиняли в том, что он, якобы, по заданию Бухарина, был организатором и руководителем молодёжной, контрреволюционной, террористической организации «правых коммунистов» в Казани в конце 20-х начале 30-х годов. За принадлежность к этой мифической организации, так называемых «младобухаринцев», НКВД арестовало в 1937 году более 150 человек по всей стране. 44 из них было расстреляно.

Вот некоторые фамилии арестованных: Н. Анашкин, А. Афанасьев, А. Баев, Л. Белова, П. Бродовский, П. Быков, С. Виноградов, А. Горшков, А. Григорьева, Ф. Демашев, И. Егерева, В. Исаев, И. Калинин, Ю. Карпова, С. Комаров, В. Кудрявцев, В. Лучинский, Мало-Ярославцева, Т. Матюшин, М. Медведев, Ф. Медведев, А. Налимов, И. Поздин, Д. Пронин, М. Сафин, Г. Смирнов, М. Столбова, Б. Фёдоров, Л. Цинципер, А. Челбуков, А. Юнусов и многие, многие другие.

В основном, это были бывшие студенты, аспиранты и научные работники казанских вузов, в массе своей беспартийные и, как следствие,

весьма далёкие от внутрипартийной борьбы за власть. В 1937 году их судьбы объединило одно трагическое обстоятельство. Всем им, в конце 20-х начале 30-х годов, преподавал В.Н. Слепков.

В 1930–1932 годах, слушал лекции и участвовал в работе семинаров В.Н. Слепкова по генетике, философии, методологии биологии и Александр Баев – выпускник Казанского университета, аспирант кафедры биохимии Казанского медицинского института.

*А.А. Баев среди однокурсников Казанского университета.
1925 г. Фрагмент.*

ПЕРВОЕ СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО № 3314 (1937 г.)

Отсутствие судимости не ваша
заслуга, а наша недоработка.

Ф.Э. Дзержинский

*Обложка архивно-следственного дела А.А. Баева
(из архива КГБ Татарстана)*

Совершенно секретно ВК ВС СССР и ОС

№ II-408942 при МГБ СССР

Хранить вечно № 4н 09114

Архивное уголовное дело № 2–2087 Прокурор: м-р Захаров

Следственное дело № 3314 17 авг. 1954 г., 2 тома

Центральный архив МГБ СССР Год производства 1937 г.

Старый архивный номер 269772. Хранилось в Особом архиве, как многотомное дело из 7 томов (том 5). При разработке Особого архива в 1952 году дело передали в общий следственный архив (3-е отделение, 4-го сектора) и зарегистрировали под № II-408942 вторым томом к архивно-следственному делу.

**Оперуполномоченный 1-го отдела,
4-го сектора МГБ СССР – Дрожжин.**

Зам. помощника начальника 1-го отделения,

4-го сектора отдела «А»

МГБ СССР – Зезюлин.

4 авг. 1952 г.

* * *

В настоящее время (1998 г.) дело № II-408942 (№ 2–2087) хранится в Казанском архиве КГБ Республики Татарстан. (Адрес: 420111, г. Казань, ул. Дзержинского, д. 23, КГБ ТР). Орфография и пунктуация подлинников сохранена.

Дело состоит из двух папок, которые содержат различные справки, протоколы допросов, постановления, приговоры, копии писем и т. п. В деле имеются фотографии Баева, в фас и профиль, сделанные в тюрь-

мах после ареста, отпечатки всех 10 пальцев и обеих ладоней, а также паспорт, военный билет и телефонная записная книжка, изъятые при аресте в 1949 году.

В связи с чем, проводили разработку Особого архива в 1952 г. не ясно. Возможно, таким образом, подбирали фигурантов, с богатым «контр-революционным» прошлым, для новых политических процессов. Баев находился в это время в бессрочной ссылке в Красноярском крае. Не исключено, что готовились материалы для нового ареста Баева, в связи с фабрикававшимися в 1952 г., после смерти Андрея Жданова, делами «врачей-убийц». Хотя при чём тут сельский доктор в сибирской глубинке? Тем не менее, именно в 1952 году Баев был неожиданно отстранён от заведования сельской больницей, но вскоре восстановлен в должности, без каких-либо объяснений.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Утверждаю: Рудь

29 апр. 1937 г.

1937 г. апреля 29 дня, гор. Казань. Я, оперуполномоченный 1-го отделения, 4-го отдела УГБ НКВД Татарской Республики мл. лейтенант Рукавишников, рассмотрев сего числа следственное дело № 2751 по обвинению Матюшина, Поздина, Виноградова, Слепкова и др. в порядке производства по ст. 17–58–8 и 58–11 УК РСФСР,

Нашёл:

Следствием по делу установлено, что Баев А.А. в 1930 г. был завербован в Казанскую контр-революционную террористическую организацию правых, возглавляемую Слепковым В.Н. и являлся активным её членом, присутствовал на нелегальных сборищах и проводил програмные контрреволюционные установки правых, а посему руководствуясь ст. 128, 145 и 158 УПК РСФСР,

Постановил:

Баева А.А., 1903 года рождения, русского, гражданина СССР, с высшим образованием, уроженца г. Читы, служащего, проживающего в данное время в Москве и являющегося сотрудником АН СССР – арестовать и привлечь в качестве обвиняемого по делу № 2751, предъявив ему обвинение по ст. 17–58–8 и 58–11 УК РСФСР. Под стражей содержать во внутреннем изоляторе НКВД ТР.

**Оперуполномоченный 1-го отделения, 4-го отдела УГБ НКВД ТР,
мл. лейтенант ГБ – Рукавишников.**

**Начальник 1-го отделения, 4-го отдела УГБ НКВД ТР,
мл. лейтенант ГБ Царевский.**

**Согласен: Начальник 4-го отдела УГБ НКВД ТР,
капитан ГБ – Веверс.**

Год рождения Баева – 1903, в официальных документах, указан по «старому стилю» из-за ошибки паспортистки при выдаче ему паспорта в 1920 г.

* * *

***Рукавишников Николай Иванович** (1907), д. Волово, Советский р-он, Кировская обл.*

Рукавишников, положивший начало «делу» Баева, благополучно пережил чистки 1937–1938 гг. в своём ведомстве. Его «звёздный час» настал во время Великой Отечественной войны. В 1944 г. он уже майор, увешанный орденами и медалями, начальник отдела Управления Контрразведки (УКР) «СМЕРШ» истребительной противотанковой бригады на Первом, а затем и Втором Белорусском фронте. С подачи СМЕРША, военными трибуналами, только к смерти, было приговорено около 160 тысячи человек.

* * *

Баева арестовали тогда, когда во главе НКВД, вместо Генриха Ягоды, был поставлен Николай Иванович Ежов (с 27 сентября 1936 г.).

* * *

***Ягода Генрих Григорьевич** (1891–1938). Родился в г. Рыбинске в семье ювелира. Перед революцией жил в Нижнем Новгороде, где познакомился с Я.М. Свердловым и женился на его племяннице – Иде.*

К предреволюционным годам относится знакомство Ягоды и с Максимом Горьким, которое переросло в дружбу. Горький ласково называл Ягodu – «ягодкой». В 1904–1905 гг. Ягода участвовал в работе подпольной типографии. С 1907 г. он член РСДРП. В 1911 г. Ягода был арестован

и получил 2 года ссылки. В Петрограде принял участие в Октябрьской революции.

Ягода один из главных руководителей советских органов госбезопасности (ВЧК, ОГПУ, НКВД). Нарком внутренних дел СССР (1934–1936). В 1935 г. Ягоде первому было присвоено новое звание – «Генеральный комиссар госбезопасности». Под руководством Ягоды был учреждён ГУЛАГ (Главное Управление Лагерея) и увеличилась сеть советских трудовых лагерей. При нём началось строительство, силами заключённых, Беломор-Балтийского канала.

Ягода создал в своём ведомстве лабораторию по разработке различных ядов, для проведения спецопераций. Он активно участвовал в организации судебных процессов над «убийцами» Кирова, «Кремлёвского дела» и показательного процесса против Каменева, Зиновьева и других, который состоялся в августе 1936 г. Но уже в сентябре 1936 г. Ягода был смещён со своего поста и назначен наркомом связи. 4 апреля 1937 г. Ягоду арестовали и 15 марта 1938 г. он был расстрелян. Не реабилитирован.

Создавая ГУЛАГ, Ягода «вырыл могилу» не только сотням тысяч советских граждан, но и своим ближайшим родственникам. После его ареста, всех отправили в ссылку в Астрахань, а оттуда в лагерь.

Ю.И. Чирков в 1938 г. на Котласской пересылке встретил «дряхлого старика в бекше на обезьяннем меху». Это был отец Генриха – ювелир Григорий Ягода. Он всё недоумевал: «Я член партии с 1905 г. Меня-то зачем за Генриха наказывают?». Когда этап на барже привезли в речной порт Усть-Вымь, заключённым надо было пройти ещё четыре километра до очередного пересыльно-сортировочного пункта. Обессиленные люди еле шли. Многие падали и уже не вставали. Одним из первых упал старик Ягода и, как вспоминал Чирков, «больше мы его не видели».

* * *

Ежов Николай Иванович (1895–1941). Родился в Петербурге в семье рабочего (металлиста-литейщика). Образование: 1 класс начального училища. Работал рабочим. В Первую мировую войну – рядовой на фронте (1915–1916). Был ранен, в результате чего, хромота. Был болен туберкулёзом и, якобы, имел нетрадиционную сексуальную ориентацию.

В ВКП(б) с 1917 г. После революции работал на различных партийных должностях в Татарии, Киргизии, Казахстане и в Центральном аппарате в Москве. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (16 съезд). Член ЦК ВКП(б) (17 съезд). Член Оргбюро ЦК ВКП(б) (1934–1939). Зам. пред. КПК при ЦК ВКП(б) (1934–1935). Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (12.10.37–21.03.39). Председатель КПК при ЦК ВКП(б) (28.02.35–21.03.39) Секретарь ЦК ВКП(б) (01.02.35–21.03.35). Депутат Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР 1 созыва. Зам. наркома земледелия СССР (1929–1930 гг.). Член Центр. комиссии ВКП(б) по чистке партии (1933–1934 гг.). Зам. пред. КПК при ЦК ВКП(б) (1934–1935). Нарком внутренних дел СССР (1936–1938 гг.). В 1938 г. он был назначен наркомом водного транспорта СССР, а в 1939 г. арестован. 04.02.1940 г. ВК ВС СССР приговорила Ежова к расстрелу. Не реабилитирован.

По воспоминаниям оперной солистки Большого театра В.А. Давыдовой: «Неприятное впечатление производил крошечный, почти карликового роста, с отталкивающим лицом профессионального вора-домушника, Ежов». За жестокость во время допросов и малый рост (чуть более 1,5 метров) его называли – «кровавый карлик». Ежов любил повторять подчинённым, что население страны делится на три категории – «Подозреваемых, подследственных и заключённых». Погубив миллионы людей, Ежов не забыл и своих личных врагов, к которым он причислял близких друзей своей жены Евгении Фегенберг-Хаятиной: И. Бабеля, М. Кольцова и М. Шолохова. С последним ему не повезло, Шолохов чудом избежал ареста. Предупреждённый друзьями о том, что из Ростова за ним в станицу Вешенская выехали НКВДешники, он окольными путями бросился в Москву, прямо к Сталину. Сталин посмеялся над незадачливым ловеласом и велел Ежову писателя не трогать.

* * *

В 1937 году в ГУГБ НКВД СССР было 10 отделов. 1-ый – Охраны (Нач. К. Паукер). 2-ой – Оперативный (Нач. Н. Николаев-Журид (до 14.06.37 г.), затем А. Залптер. 3-ий – Контрразведовательный. Здесь боролись со шпионами (Нач. Л. Миронов, затем А. Минаев-Цикановский). 4-ый – Секретно-политический. Здесь расследовали, а чаще фабриковали все «политические» дела (Нач. Я. Агранов, затем М. Литвин). 5-ый – Особый (Нач. И. Леплевский). 6-ой – Транспортный (Нач. А. Шанин). 7-ой – Иностранный. Создание агентурной сети за рубежом и военно-техническая разведка. (Нач. А. Слуцкий). 8-ой – Учётно-регистрационный (Нач. В. Цесарский). 9-ый – Специальный. Научные разработки, зачастую секретного характера, в том числе и учёными заключёнными в закрытых институтах НКВД, так называемых, «шарашках» (Нач. И. Шапиро). 10-ый – Тюремный (Нач. Я. Вайншток).

* * *

Приведённое выше «Постановление» об аресте предъявили Баеву под расписку только 20 июля 1937 г., во внутреннем изоляторе НКВД ТатАССР в г. Казани.

Никаких следов показаний Слепкова, Матюшина, Поздина, Виноградова против Баева, в деле Баева нет.

Статья 17–58–8 УК РСФСР, предусматривала наказание за террористическую деятельность против Советской власти и её вождей.

Статья 17–58–11 УК РСФСР, усугубляла вину по любому пункту 58 статьи, т. к. предполагала проведение той или иной преступной деятельности не в одиночку, а в составе организации (в данном случае «террористической»). В редакции 1934 г. эта статья так же предполагала наказание за «Активные действия и борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или особо секретных должностях при царском строе или у контрреволюционных правительств, в период гражданской войны».

Всего, пресловутая 58 статья Уголовного Кодекса 1926 г., состояла из 14 – и пунктов.

* * *

Арест Баева был проведён в ночь с 30-го апреля на 1-ое мая в Москве, где он в то время жил и работал в Институте биохимии АН СССР, в лаборатории В.А. Энгельгардта.

Ордер № 1464 от 30 апреля 1937 г. на арест А.А. Баева и обыск в его квартире (Большой Спасоглинищевский пер., д. 9, кв. 8, напротив Синагоги) был выдан сотруднику ГБ Ярморину.

Московская хоральная синагога в Большом Спасоглинищевском переулке.

Ордер подписали: заместитель народного комиссара внутренних дел СССР, комиссар госбезопасности первого ранга Михаил Петрович Фриновский (1898–1940) и начальник второго отдела ГУГБ (Оперативный отдел), комиссар ГБ 3-го ранга Н.Г. Николаев-Журид (1897–1940). Обыск длился до 4-х часов утра 1 мая. Понятым при обыске был дворник – Георгий Е. Тютин.

* * *

Михаил Петрович Фриновский (1898–1940). Сын учителя. Один из высших руководителей органов государственной безопасности, командарм 1-го ранга (14.9.1938 г.). Образование получил в духовном училище (1914 г.) и на курсах высшего командного состава при Военной академии РККА имени Фрунзе (1927 г.).

В январе 1916 г. поступил в кавалерию вольноопределяющимся, унтер-офицер. В августе 1916 г. дезертировал. Был связан с анархистами, участвовал в убийстве генерал-майора М.А. Бема. С марта 1917 г. работал бухгалтером. В сентябре 1917 г. вступил в Красную гвардию в Хамовниках (Москва). В октябре–ноябре 1917 г. командовал группой красногвардейцев, участник штурма Кремля, был тяжело ранен. В 1918 г. вступил в РКП(б), в июле 1918 г. – в Красную армию, командир эскадрона, нач. Особого отдела 1-й Конной армии. В 1919 г. переведен в органы ВЧК. Участвовал в важнейших операциях ЧК – разгроме анархистов, ликвидации анархистских и повстанческих отрядов на Украине и т. д. В 1928–1930 гг. командир и комиссар дивизии особого назначения имени Ф.Э. Дзержинского при коллегии ОГПУ СССР.

В 1930 г. Фриновский получил очередное повышение, став председателем ГПУ Азербайджана. С этого момента его карьера стала развиваться с невероятной быстротой. В 1933 г. он занял пост начальника Главного управления пограничной охраны ОГПУ СССР, 10.7.1934 г. – Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД СССР. Его карьерный рост продолжился и после снятия Ягоды и прихода в НКВД Ежова, заменившего почти всех ставленников Ягоды. С 15.4.1937 г. Фриновский 1-й зам. наркома внутренних дел СССР. Одновременно, с 15.4.1937 г. по 9.6.1938 г., он возглавлял Главное Управление Государственной Безопасности, а с 28.3.1938 г. Управление государственной безопасности НКВД СССР. С 1937 г. он депутат Верховного Совета СССР.

Фриновский – один из ближайших сотрудников Ежова и один из главных организаторов массовых репрессий. Участвовал во всех «мероприятиях» такого рода, в том числе, и по фальсификации дел «военно-фашистского заговора в РККА». Большая часть ордеров на арест подписана им лично, без санкции прокурора.

После прихода в НКВД Л.П. Берия и начала «чистки» этого ведомства, теперь уже от выдвиженцев Ежова, Фриновский через 17 дней (8.9.1938 г.) был убран из органов и назначен наркомом Военно-морского флота СССР. 6.4.1939 г. его арестовали, обвинили в «заговоре в рядах НКВД» и 4.02.1940 г. расстреляли. Не реабилитирован.

Вот как описывал Фриновского Н.С. Хрущёв. «Фриновский – здоровенный такой силач со шрамом на лице, физически могучий».

Николаев-Журид Николай Галактионович (1897–1940). Сын домовладельца. Родился в г. Конотоп Черниговской губернии. Комиссар государственной безопасности 3-го ранга (29.11.1935 г.). Учился на юридическом факультете Киевского университета Святого Владимира (не окончил). Образование получил в Одесской школе прапорщиков (1917 г.). В январе 1917 г. призван в армию, прапорщик запасного полка (Москва). В феврале 1918 г. вступил в Красную армию.

С 1918 г. работал на разных должностях в ЧК. С января 1935 г. Николаев-Журид зам. нач. Ленинградского УНКВД. Принимал активное участие в проведении кампании репрессий после убийства Кирова. В 1936–1937 гг. нач. 2-го (Оперативного) отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР в Москве. Николаев один из ближайших сотрудников Ежова и его выдвиженец. В 1937 г. назначен начальником. 5-го (Особого) отдела ГУГБ. Один из главных организаторов массового террора в рядах высшего комсостава РККА.

28.3.1938 г. переведен на должность нач. 3-го (Контрразведывательного) отдела 1-го управления НКВД СССР. Одновременно, с 20 апр. по 28 мая 1938 г., Николаев-Журид был зам. нач. 2-го отдела, а с 9.6.1938 г. – 1-го отдела ГУГБ. При очередном реформировании НКВД в сентябре 1938 г. Николаев-Журид был оставлен только в должности нач. 3-го отдела ГУГБ (Контрразведывательного). К этому моменту Ежов уже впал в немилость и Берия начал аресты сподвижников «железного наркома». Менее чем через месяц – 25.10.1939 г., Николаев-Журид был арестован. 4.2.1940 г. приговорен к смертной казни и расстрелян. Не реабилитирован.

Анс Карлович Залпетер (1899–1939). Сын крестьянина-бедняка, латышский стрелок. Образование 7 классов. Член ВКП(б) с 1919 г. До 1918 г. работал в деревне. С 1920 г. на разных должностях в органах ЧК в Закавказье, Сибири, Белоруссии, Ленинградской области. В 1936–1937 гг. начальник второго, а затем четвертого отдела ГУГБ НКВД СССР. Старший майор госбезопасности. С 1938 г. его карьера пошла на спад, т. к. Берия, став начальником ГУГБ НКВД СССР, припомнил ему их разногласия во время совместной работы в ЧК Закавказья.

В 1938 г. Залпетер был удалён из центрального аппарата и отправлен зам. начальника строительства Куйбышевской ГЭС, а затем назначен на совсем уж ничтожную должность начальника 2-го отделения Самарского ИТЛ НКВД. Через два месяца его арестовали и в 1939 г. расстреляли. В 50-ые годы Залпетер был реабилитирован.

* * *

30 апреля 1937 г., за несколько часов до ареста, А.А. Баев – старший научный сотрудник лаборатории В.А. Энгельгардта и учёный секретарь Института биохимии АН СССР выступил (в числе прочих) на общем собрании сотрудников института, посвящённом 1 мая. В своей корот-

кой речи он, отметив трудовые успехи института в преддверии Первомая, как положено, «заклеймил» очередного разоблачённого «врага народа» – Юрия Пятакова, заместителя наркома тяжёлой промышленности, от бурной партийной и хозяйственной деятельности которого «стонал весь Донбасс».

По отзывам современников, Пятаков «по уму и энергии не имел соперников в партии». Это видимо его и сгубило. Сталин не терпел конкурентов. Пятаков был расстрелян 30 января 1937 г. несмотря на то, что 21 августа 1936 г. опубликовал в «Правде» статью – «О линии нашего великого Сталина», в которой восхвалял вождя и традиционно призывал «уничтожать как падаль» Троцкого, Зиновьева и Каменева.

После ареста Баева, В.А. Энгельгардту пришлось, в свою очередь, выступить с осуждением своего ученика и сотрудника. Таковы были «правила игры» в то время.

Брат Баева – Владимир, который работал в это время в Москве, во Всероссийском электротехническом институте им. Ленина (ВЭИ), как положено, сообщил об аресте родственника руководителю своего отдела – д.ф.-м.н. Францу Элоизовичу Квиттнеру (коминтерновцу, члену ЦК Австрийской компартии). Выслушав Владимира, Квиттнер глубокомысленно заметил, что: «Невиновных у нас не сажают». Через две недели Квиттнер, столь уверенный в непогрешимости Советской власти, был арестован...

* * *

А.А. Баев проживал вместе с матерью в Большом Спасоглинищевском переулке, рядом с площадью Ногина (теперь это Славянская площадь), с декабря 1934 года. Его двухкомнатная квартира (одна комната проходная) была служебной площадью АН СССР. После ареста Баева, чиновники из Управления делами АН СССР, вначале подселили к его матери четырёх (!) аспирантов мужского пола, превратив квартиру в общежитие. А затем переселили её в совершенно не пригодную для проживания комнату (сквозь дыры в потолке было видно небо) в квартире по адресу: 1-ый Хвостов переулок д. 3, кв. 13. Переулок расположен между Б. Полянкой и Б. Ордынкой, недалеко от Марфо-Мариинской обители. Здесь она вскоре простудилась и 7-го декабря 1938 года умерла от крупозного воспаления лёгких. Похоронена в колумбарии Донского кладбища, в Москве.

То, что не смогла сделать с Баевым вся сталинская репрессивная машина за 17 лет его злключения, с лёгкостью сделали чиновники АН

СССР с его матерью – «переселили» на тот свет. Это к вопросу об ответственности за злодеяния сталинизма, которые так любят целиком перекладывать на Сталина, Ягоду, Ежова, Берия и других, считая себя при этом «чистенькими». Не надо забывать, что весь механизм репрессий многие годы исправно крутился и перемалывал миллионы судеб во многом благодаря таким «шестерёнкам».

*Последняя фотография Манефы Александровны.
Москва. 1937 г.*

Трагичной была судьба не только Манефы Александровны и её старшего сына, но и двух (из трёх) её братьев – Александра (инженер) и Владимира (лесоустроитель). Оба тоже были арестованы в 1937 году.

Александр Александрович Николаев (1890–1940, Звенигово – Москва) – выпускник Механического отделения Императорского Московского Технического Училища (ныне МВТУ им. Н. Баумана). В Первую мировую войну Александр служил главным механиком на подводной лодке на Балтике. После Революции работал инженером-механиком на различных судах на Оби и Амуре, а затем инженером на судостроительном заводе в г. Горьком (Нижнем Новгороде), где его и арестовали. А.А. Николаев

был осуждён по статье 17–58–7 на три года лагерей, которые вскоре заменили, в рамках законодательства, на один год принудительных работ. В последние годы жизни, Александр Николаев работал в Москве старшим инженером отдела капитального строительства Министерства речного флота СССР. Конструировал стапели и слипы для судов различного тоннажа. Похоронен в колумбарии Донского кладбища, в Москве.

*На «побывку» с фронта. А.А. Николаев с племянником
Володей Баевым. Казань 1916 г.*

Владимира Александровича Николаева (1888–1938, ? – Хабаровск), выпускника Императорской сельскохозяйственной и лесной академии в Москве (будущая Тимирязевка), арестовали 13 июля 1937 г. в с. Бичевая, Лазовского р-на, ДВК (Дальневосточный край), где он работал техническим директором Хорского ЛПХ (лесопромышленного хозяйства). Выездная сессия ВК Верховного суда в Хабаровске приговорила его 7 апреля 1938 г. по статьям 17–58–1а, 17–58–7, 17–58–8, 17–58–11 (в редакции 1934 г.) к ВМН. В тот же день он был расстрелян. Похоронен в общей могиле в Хабаровске. О нём есть материал в «Книге памяти жертвам репрессий» Хабаровского общества «Мемориал».

Статьи: 17–58–1а: Измена Родине, подрыв, ослабление, свержение Советской власти, покушение на основы политического строя, хозяйственные завоевания революции. 17–58–7: Противодействие, в составе организации, нормальной деятельности госучреждений и предприятий, подрыв промышленности, транспорта и торговли. 17–58–8: Организация терактов против представителей Советской власти. 17–58–11: Активные действия и борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или особо секретных должностях при царском строе или у контрреволюционных правительств, в период гражданской войны.

«Особо секретной должностью» В.А. Николаева чекисты, видимо, посчитали то, что до Революции и в Гражданскую войну В.А. руководил лесничеством, недалеко от Звенигово, территорию которого сейчас занимает Национальный природный парк Республики Марий Эл.

После смерти Сталина оба брата были реабилитированы «за отсутствием в их действиях состава преступления». В.А. Николаева реабилитировали 5 октября 1957 г.

Третий брат Манефы Александровны Баевой (Николаевой) – Николай Александрович Николаев (188? – 1924, Звенигово – Казань) выпускник Юридического факультета Казанского Университета. Проживал по 2-ой Солдатской ул., дом Поплавской. В Первую мировую войну окончил в Казанском военном училище (КВУ) юнкерскую школу, воевал на Румынском фронте. В Гражданскую войну, несколько месяцев он был в Белой армии у Колчака. После окончания Гражданской войны, с такой биографией о юридической карьере пришлось забыть. Какое-то время он жил в Екатеринбурге, а затем вернулся в Казань, где работал секретарём Казанской художественной школы и преподавал методику чистописания всем желающим. В 1924 г. умер от рака, что спасло его от

неизбежных репрессий 1937 года, в которых пострадали два его брата. От него, у моей троюродной сестры – Ирины К. (внучке А.А. Николаева и внучатой племяннице Н.А. Николаева) сохранился серебряный подстаканник с дарственной надписью: «Николаеву Николаю Александровичу на добрую память от юнкеров КВУ. Февраль. 1916 г.».

* * *

При аресте Баева и обыске в его квартире ничего «террористического» найдено не было. «Улов» был более чем скромный. Из протокола обыска:

«При обыске изъято: Письменная переписка (4-е письма), два блокнота, адресная книжка, одна книжка поэзия – “Поэтика и задачи поэтического творчества в СССР” (автор Н. Бухарин), паспорт: МУ № 529184, служебное удостоверение сотрудника АН СССР».

«Книжка поэзия» – это, изданный отдельной брошюрой, доклад и заключительное слово Бухарина на 1-ом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. – «Поэзия, поэтика и задачи поэтического творчества в СССР». В своём докладе Бухарин хвалил поэзию Пастернака и критиковал «комсомольских поэтов». В свою очередь, Сталин раскритиковал доклад Бухарина, и брошюра попала в разряд запрещённых.

С критикой поэзии С. Есенина Бухарину повезло больше. Вот что он писал в 1927 г., в подведомственной ему газете «Правда», в статье «Злые замечки».

«Есенинская поэзия по существу своему есть мужичок, наполовину превратившийся в “ухаря-купца”: в лаковых сапожках, с шелковым шнурком на вышитой рубахе. “Ухарь” припадает сегодня к ножке “государыни”, завтра лижет икону, послезавтра мажет нос горчицей половому в трактире, а потом “душевно” сокрушается, плачет, готов обнять кобеля и внести вклад в Троице Сергиевскую лавру “на помин души”. Он даже может повеситься на чердаке от внутренней пустоты. “Милая”, “знакомая”, “истинно русская” картина!

Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого «национального характера»: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще». Красиво и, в чём то, верно сказано.

* * *

*Нагрудный знак
работника НКВД.*

«Лубянка».

После ареста Баева доставляют на «Лубянку», которая находилась в двух шагах от его дома и куда привозили для регистрации всех «политических».

Никаких бумаг и документов, изъятых при обыске и связанных с пребыванием Баева во внутренней Лубянской и Бутырской тюрьме, в деле нет.

Некое косвенное свидетельство о «прибытии» Баева на «Лубянку» в ночь на 1 мая 1937 г. можно найти в «Книге исторических сенсаций» (Москва, Из-во «Раритет», 1998 г.). А. Витковский в главе «Тайна подвалов Лубянки» на стр. 176 пишет о регистрационно-учётном журнале Лубянской тюрьмы.

«Это толстое, в 500 листов дело с картонными обложками — под серо-коричневый с красными прожилками мрамор. Красновато-бурую паутину можно сравнить с подтёками крови, запёкшейся на тюремном полу.

Дело насчитывает несколько томов. Мы выбрали этот, начатый 1 января 1937 года, оконченный 17 ноября того же года. Самого страшного за всю историю репрессивного лихолетья. Все страницы прошиты, пронумерованы и опечатаны сургучной печатью. Ни один лист не потерян, ни одна фамилия не вымарана.

Что отмечалось в этом журнале? Число и месяц прибытия в тюрьму; номер ордера, по которому прибывал «преступный элемент»; порядковый номер арестованного; фамилия, имя и отчество узника; дата и основание убытия из тюрьмы; последняя графа – куда выбыл.

Всего в этой книге (за 1937 г. – А.Б.) имеется 2857 фамилий. Две тысячи восемьсот пятьдесят семь человек были доставлены в эту тюрьму. Всех допросили, составили протоколы и через некоторое время вручили подорожную – кому в Бутырскую тюрьму, кому в Лефортовскую, а далее в вечность. Даже в дни революционных праздников не останавливался набравший обороты маховик репрессий. 1 мая 1937 года на Лубянку было доставлено четыре узника. (Подчёркнуто мною – А.Б.). Это не выходило за пределы среднесуточной нормы «нутрянки» – от двух до двадцати человек».

* * *

Через две недели – 15 мая в 4-ом отделе ГУГБ издаётся постановление об этапировании Баева в Казань для проведения следствия. Баева с «Лубянки» переводят в Бутырскую тюрьму, где он ждёт этапа около двух месяцев. НКВД не справлялось с невиданным наплывом заключённых. Камеры были переполнены в пять, десять раз больше нормы. Не хватало и вагонов для перевозки зеков. За всё время существования Бутырки, со времён Екатерины II и до наших дней, через неё прошло 1,5 миллиона человек. В этой мрачной статистике, утешает только то, что такое же количество человек посещает в Москве Третьяковскую галерею за год!

* * *

Из воспоминаний Баева. «Я работал в 1937 г. старшим научным сотрудником в лаборатории В.А. Энгельгардта и одновременно ученым секретарем Института биохимии АН СССР. 30 апреля 1937 г. ночью меня разбудил незнакомый мужской голос. Мне протянули две бумажки – одну на обыск, другую на арест. Это было столь неожиданно и нелепо, что я даже не успел испугаться и только плачущей маме сказал, что скоро вернусь. Увы, я ее больше никогда не видел. Она умерла в 1938 г. в сырой комнате, выселенная из квартиры, от воспаления легких. Одним из тяжелейших ударов был этот неожиданный арест: стыд, обида, непонимание происходящего, тревога за маму, разрушенные надежды на защиту диссертации и все же уверенность, что это ошибка. Обыск, конечно, ничего не дал. Повезли в Бутырскую тюрьму. Обитатели камеры

показались мне истинными преступниками – одутловатые, заросшие щетиной лица являли страшное зрелище. Скоро и мой вид был схож с их видом. Камера перегружена, арестанты разнокалиберные (много шпаны). Здесь я прошел “краткий курс тюремного университета”. Ко мне подсел некто Пятков – администратор Московского автомобильного завода (“ЗИЛ” – А.Б.) и преподавал урок поведения, за что впоследствии я был ему очень благодарен.

Бутырская тюрьма. (Бутырский следственный изолятор № 2).

Наш разговор: ну, а вас, Александр Александрович, за что посадили? Не знаю. Анекдоты, небось рассказывали? Нет. Анекдоты иногда слушал, но не рассказывал и не запоминаю я их. Может быть, высказывали какие-нибудь предосудительные идеи? Не высказывал и был далек от политических интересов. Возможно, у вас есть какие-нибудь недоброжелатели – могли донести? Нет у меня недоброжелателей. Вы член партии? Беспартийный. Кто-нибудь из ваших знакомых был арестован? Разве только В.Н. Слепков, в семинаре которого я состоял, будучи аспирантом. Ну вот, вас из-за этого и арестовали. Теперь вас обвинят в том, что вы были участником подпольной организации.

Я обиделся и два дня с Пятковым не разговаривал. Он подсел ко мне сам и возобновил разговор, сказав, что он не думает, что я был членом подпольной организации, но, наверняка, именно в этом меня будут обвинять. Пятков рассказал мне, что сейчас происходит, и объяснил, как ведут следствие. Он предостерег меня от подписывания протоколов с признаниями, которые мне будут подсовывать, от наговоров на себя, потому что «тот, кто наговорил на себя, легко оговорит другого или других...» В заключение Пятков сказал: «Никаких надежд на выход из тюрьмы у меня нет, как нет их ни у кого из сидящих здесь сейчас».

Последние его слова были для меня тяжелейшим ударом, и я несколько дней был сам не свой, но затем смирился со своей судьбой – что было делать? Еще раз скажу, что Пяткова я вспоминаю с величайшей благодарностью: он лишил меня иллюзий, но зато укрепил дух. Я решил твердо, что оговаривать себя и других не стану ни при каких обстоятельствах (еще не зная всего набора вымогательств признаний). Потом я получил представление о том, какие трюки применяют следователи. Таким образом, я был уже достаточно подготовлен к жестокому следствию, которое велось в Казанской тюрьме, куда меня вскоре привезли».

Постановление

15 мая 1937 года.

Для проведения дальнейшего следствия из Москвы в Казань отправить: Баева Александра Александровича, Анашкина Николая Максимовича, Бродовского Петра Константиновича.

Оперуполномоченный 2-го отделения, 4-го отдела ГУГБ, мл. лейтенант ГБ – Абакумов.

Согласен: начальник 2-отделения, 4-го отдела ГУГБ, ст. лейтенант ГБ – Хатенев.

Утверждаю: зам. наркома внутренних дел СССР, нач. 4-го отдела ГУГБ, комиссар ГБ 1-го ранга – Агранов.

* * *

По словам А.И. Солженицына Я.С. Агранов: «Чекист, феноменально успешливый в расправах, – издумщик “таганцевского заговора” и убийца поэта Н. Гумилёва. Будучи начальником 4-го отдела, он фабриковал дела по всем важнейшим политическим процессам (дело Промпартии, Зиновьева-Каменева и др.)». Принципиальным «открытием» Агранова было создание заранее «сценариев» дел, распределение «ролей» подсуди-

мых, подчинение воли подследственных, травливание их друг с другом. Обещание сохранить жизнь, в обмен на нужные следствию показания. Интерпретация показаний в протоколах в нужном для следствия ключе и т. п. Метод Агранова был растиражирован в сотнях дел. Думаю, что соавтором «открытия» Агранова был Сталин.

Постановление о переводе Баева в Казань было одним из последних, подписанных Аграновым, т. к. его на этом посту, 17 мая 1937 года, сменил соратник Ежова – Михаил Иосифович Литвин, который активно участвовал в разработке и реализации дела Бухарина. В 1938 году Агранов был арестован и расстрелян, а Литвин, в том же году покончил с собой, не дожидаясь ареста.

Всесильный, в недалёком будущем, Виктор Абакумов пока простой оперативник 2-го отделения, 4-го отдела ГУГБ.

* * *

Агранов Яков Саулович (1893–1938), первый зам. наркома внутренних дел Генриха Ягоды, а затем Ежова. Начальник 2-го (Оперативного) отдела, а затем 4-го (Секретно-политического) отдела Главного управления Госбезопасности НКВД СССР. Комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935 г.). Родился в местечке Чечерск, Рогачевского уезда Могилевской губернии, в семье владельца бакалейной лавки. В 1911 г. окончил 4-х классное городское училище. В 1912 г. вступил в партию социалистов-революционеров (эсеров). В 1914–1915 гг. член Гомельского комитета ПСР. Был арестован и выслан в Енисейскую губернию. В ссылке познакомился со И.В. Сталиным и Л.Б. Каменевым. Член ВКПб с 1915 г. В мае 1919 г. направлен на работу в органы ЧК и назначен особоуполномоченным Особого отдела ВЧК. Руководил расследованием обстоятельств мятежа матросов в Кронштадте (1921 г.). Агранов курировал работу следствия по делу Тактического центра; по делу Таганцева (несет непосредственную ответственность за расстрел 87 проходивших по этому делу, в том числе поэта Н.С. Гумилёва; по делу участников крестьянского восстания Антонова в Тамбовской губернии и т. п. Лично руководил допросами.

Агранов готовил такие сфальсифицированные процессы 1920-х и начала 1930-х годов, как процесс правых эсеров, процессы Промпартии и Трудовой крестьянской партии, по которым были арестованы многие представители интеллигенции. По поручению Ленина и Дзержинского,

он составил списки представителей дореволюционной интеллигенции, которые подлежали высылке из РСФСР в 1922 г. на знаменитом «философском пароходе» (среди них Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, М.А. Осоргин и т. д.). По мнению ряда исследователей, именно Агранов организовал «самоубийство» Маяковского. Агранов пользовался исключительным доверием Сталина. После убийства Кирова 2.12.1934 г. он прибыл вместе со Сталиным в Ленинград и возглавил руководство следствием по делу Кирова. По мнению ряда историков, именно он занимался непосредственной организацией и самого убийства.

Я.С. Агранов (в центре первого ряда, в форме сотрудника ГУГБ НКВД СССР) среди соратников. Н.И. Ежов (первый ряд, крайний слева, в форме сотрудника НКВД), В.В. Чернышов (второй ряд, второй справа).

Будучи заместителем Ягоды, сыграл главную роль в его падении. Агранов один из главных организаторов политического процесса по делу Зиновьева, Каменева и др. Под надзором Агранова проводились допросы Каменева, Зиновьева, Бухарина, Рыкова, Тухачевского, Якира и др. Именно Агранов готовил материалы для главных политических процессов 1930-х годов. 17.05.1937 г. Ежов удалил его из центрального

аппарата, назначив нач. управления НКВД по Саратовской области. На этом посту Агранов 20.07.1937 г. был арестован, после того как направил Сталину письмо, где обосновывал необходимость ареста Н.К. Крупской и Г.В. Маленкова. Признал себя «виновным» в принадлежности к антисоветской троцкистской организации и 01.08.1938 г. был расстрелян. Не реабилитирован. (По другим данным, реабилитирован в девяностых годах).

Его жена – Валентина Александровна Агранова (Кухарева), была арестована вместе с мужем и 26.08.1938 г. расстреляна. В 1957 году реабилитирована.

Литвин Михаил Иосифович (1892–1938). Родился в Забайкалье. Комиссар госбезопасности 3-го ранга (20.01.1938 г.). В Средней Азии познакомился с Ежовым и стал пользоваться его покровительством. Когда Ежов стал наркомом, он не забыл о Литвине и вызвал его в Москву. 15.10.1936 г. Литвин возглавил Отдел кадров Главного управления госбезопасности НКВД СССР. На этом посту он руководил чистками сторонников Ягоды в аппарате ГУГБ и НКВД. Литвин хвастался: «Я почистил 14 тысяч чекистов».

17.5.1937 г. был переведен на должность нач. 4-го (секретно-политического отдела) ГУГБ НКВД СССР. Участвовал в разработке и реализации дела Н.И. Бухарина. С 1937 депутат Верховного Совета СССР. Когда Литвину стало ясно, что дни Ежова сочтены, а сам он получил приказ выехать из Ленинграда в Москву, то он счёл за лучшее застрелиться.

Хатенев Арон Меерович (1905–1940). В июле 1937 г. получил звание майора госбезопасности и занял пост зам. начальника УНКВД по Ленинградской области. Составлял расстрельные списки. На его совести сотни жизней. В 1940 г. был расстрелян.

Абакумов Виктор Семёнович (1908–1954). Родился в Москве. Сын истопника и прачки. Образование 4-е класса (1921 г.). В 1921–23 гг. служил санитаром во 2-й Московской бригаде частей особого назначения (ЧОН). С 1924 г. – рабочий, в 1925–27 гг. упаковщик Московского союза промысловой кооперации, в 1927–28 гг. стрелок 1-го отряда военно-промышленной охраны ВСНХ СССР, в 1928–30 гг. упаковщик складов Центросоюза. В 1930 г. вступил в ВКП(б). В 1930 г. Абакумов был зам. нач. Административного отдела торгово-посылочной конторы Наркомата торговли РСФСР. В 1932 г. он перешел на комсомольскую работу и был назначен секретарем ячейки ВЛКСМ на штамповочном заводе «Пресс». В 1931–32 гг. Абакумов назначается зав. военным отделом Замоскворецкого райкома комсомола. В 1932 г., в числе других комсомольских работников, Абакумов был переведён в ОГПУ «для усиления».

В 1932 г. он перешел на комсомольскую работу и был назначен секретарем ячейки ВЛКСМ на штамповочном заводе «Пресс». В 1931–32 гг. Абакумов назначается зав. военным отделом Замоскворецкого райкома комсомола. В 1932 г., в числе других комсомольских работников, Абакумов был переведён в ОГПУ «для усиления».

Благодаря постоянным «чисткам» в «органах», после которых появлялось много вакансий, Абакумов сделал быструю карьеру. В 1932–33 гг. он практикант экономического отдела ОГПУ по Московской области. В 1933–34 гг., Абакумов занимает должность оперуполномоченного 3-го отдела экономического управления ОГПУ (с 1934 г. НКВД СССР). В 1934 г. над Абакумовым «сгустились тучи». Он был обвинён в том, что использовал конспиративные квартиры для интимных встреч. Но скандал замяли, а Абакумова перевели в Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений и назначили оперуполномоченным 3-го отделения Оперативного отдела. С апреля 1937 г. Абакумов становится оперуполномоченным 4-го (секретно-политического) отдела ГУГБ НКВД СССР (подчёркнуто мною – А.Б.). С 1938 г. он начальник отделения в 4-ом (секретно-политическом) отделе 1-го управления НКВД и 2-го отделения 2-го отдела (секретно-политического) ГУГБ.

После прихода в НКВД Л.П. Берия, Абакумов с 5.12.1938 г. стал исполнять обязанности начальника управления НКВД по Ростовской области. Руководит организацией массовых репрессий в Ростове-на-

Дону против казачества. Руководит, видимо, успешно, т. к. с 25.02.1941 г. Абакумов уже зам. наркома внутренних дел СССР и одновременно, начальник Управления особых отделов, которое осуществляло руководство деятельностью органов государственной безопасности в Советской армии, флоте, пограничных войсках, внутренних войсках и милиции (с 19.07.1941 г.). В 1943 г. Абакумову было присвоено звание комиссара государственной безопасности 2-го ранга. Он назначается зам. наркома обороны СССР и переходит в непосредственное подчинение к Сталину. Под руководством Абакумова создаётся Главное управление контрразведки – СМЕРШ.

В 1944 г. Абакумов активно участвует в организации депортаций некоторых народов Северного Кавказа, за что получил ордена Кутузова и Красного Знамени. В январе-июле 1945 г. он был назначен уполномоченным от НКВД по 3-му Белорусскому фронту. В 1945 г. ему присвоено звание генерал-полковника. В 1946 г. Абакумов избран депутатом Верховного Совета СССР. В апреле 1946 г. он подготовил материалы, по которым были арестованы руководители авиационной промышленности: А.А. Новиков, А.И. Шахурин и др. В мае 1946 г. сменил В.Н. Меркулова на посту министра государственной безопасности СССР, а его детище – СМЕРШ вошел в состав министерства в качестве 3-го управления. В 1946–51 гг. Абакумов был также членом Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам.

В 1950–51 гг., под руководством Абакумова, министерство «состряпало» «Ленинградское дело» по результатам которого были произведены многочисленные аресты и казни партийно-хозяйственного актива Ленинграда. В эти годы влияние Абакумова резко выросло и его стали рассматривать, как одного из главных конкурентов Берия. Постепенно из МВД в МГБ перешли все важнейшие подразделения, в том числе: милиция, уголовный розыск, военизированная охрана. Однако в мае 1947 г. из ведения Абакумова была изъята разведка. В 1948 г., по поручению Сталина, Абакумов организовал в Минске убийство известного актёра и режиссёра С.М. Михоэлса.

Абакумов был скандально известен благодаря его крайней жестокости. Обладая большой физической силой, он, даже занимая посты зам. наркома и министра, не мог отказать себе в удовольствии лично вести допросы, во время которых избивал и пытал подсудимых. В начале пятидесятых и ему досталось от коллег «по полной программе». 12 июля 1951 г., Абакумова арестовали, по доносу, на имя

Сталина, его заместителя Рюмина. Рюмин считал, что Абакумов тормозит «работу» органов по «Делу врачей» и скрывает наличие «Сионистского заговора» в МГБ СССР. Для проверки деятельности Абакумова была сформирована комиссия, в состав которой вошли: Л.П. Берия, С.Д. Игнатьев, Г.М. Маленков и М.Ф. Шкирятов. Во время следствия к Абакумову активно применялись пытки и избиения лично Рюминым, который в физической силе и жестокости не уступал своему шефу.

После смерти Сталина и ареста Берия, Абакумов так и не был освобожден. Началось новое следствие. На выездном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР в Ленинграде 12–19 дек. 1954 г. Абакумов был обвинен в фабрикации судебных дел (в том числе «Ленинградского дела») и других должностных преступлениях, назван «членом банды Берия». Виновным себя не признал, заявив: «Сталин давал указания, я их исполнял». Суд признал Абакумова виновным в измене Родине, вредительстве, совершении терактов, участии в контрреволюционной организации (всё это, конечно, полный бред) и приговорил Абакумова к смертной казни. В декабре 1954 г. он был расстрелян.

В «перестроечные» времена, часть абакумовских деяний была переqualифицирована по другим статьям УК РСФСР и смертный приговор ему изменили на 25 лет заключения. Как мне кажется, немного поздно-вато. Видимо кому-то очень хотелось, хотя бы частично, реабилитировать этого видного государственного деятеля и садиста.

В повседневной жизни Абакумов любил женщин, футбол, фокстрот и шашлыки из ресторана «Арагви».

* * *

Повторно, уже при Хрущёве и Булганине, дело Абакумова вёл прокурор Д.П. Терехов. Абакумов настолько верил в свою безнаказанность, что на допросе как-то сказал Терехову: «У тебя слишком красивые глаза, мне будет жаль тебя расстреливать! Уйди от моего дела, уйди по-хорошему».

А.И. Солженицын так писал о Терехове: «Вообще Д.П. Терехов – человек незаурядной воли и смелости (суды над крупными сталинистами в шаткой обстановке требовали её), да и живого ума. Будь хрущёвские реформы последовательней, Терехов мог бы отличиться в них. Так не составляют у нас исторические деятели».

Полковник Д.П. Терехов (в центре).

Терехов Дмитрий Павлович (1920–1980). Военный прокурор, полковник, затем генерал-майор юстиции. Заместитель председателя Военной коллегии Верховного суда СССР, заместитель главного военного прокурора в 1954–1958 гг.

Мир всё же тесен. По возвращении нашей семьи в октябре 1954 года в Москву из сибирской ссылки, я учился в одном классе и дружил с сыном Терехова – Володи (1946–1983), бывал у них дома. Обоих уже нет в живых. Их общая могила находится в 20-ти метрах от могилы Баева на новой территории Кунцевского кладбища.

* * *

Пока Баев ждёт этапа, Веверс и Царевский пишут 9 мая 1937 года в Казани справку, которая практически вся состоит из показаний людей, арестованных ранее и свидетельствующих о членстве Баева в контрреволюционной организации.

**«Утверждаю: Нарком внутренних дел Татарии,
комиссар ГБ 3-го ранга: Рудь. 9 мая 1937 г.**

**Справка на Баева Александра Александровича,
1903 г. рождения, уроженца г. Читы,
в данное время сотрудника АН СССР (г. Москва).**

С 1930 года в Казани существовала контр-революционная террористическая организация правых (руководитель – В.Н. Слепков). А.А. Баев являлся членом этой организации, что подтверждается показаниями свидетелей: «Являясь участником контр-рев. организации правых он – Баев разделял террористические методы борьбы с руководством ЦК ВКП(б) и все контр-рев. программные установки правых» (показания Медведева Ф.П. от 5 апр. 1937 г.).

«...В эту организацию входили: из Пединститута – Быков Павел (преподаватель); из Татарского коммунистического университета – Бродовский – преподаватель диамата; по Медицинскому институту – Баев, по специальности теоретик, научный работник медицины... Баев в 1930 году был вовлечен в контр-рев. террористическую организацию правых руководителем её – контр-революционером Слепковым...» (показания обвиняемого Комарова С.А. от 2 февр. 37 г.).

«...по КГУ – Смирнов, Цинципер, Поздин, Баев и др. Все эти лица разделяли контр-рев. взгляды правых, присутствовали на нелегальных собраниях и активно принимали участие в обсуждениях вопросов борьбы со всеми основными мероприятиями партии». (показания обвиняемого Калинина И.И. от 8 февр. 37 г.).

«...Слепков сколотил контрреволюционную группу, состав которой всецело с ним разделял контрреволюционные программные позиции правых. В состав этой контрреволюционной группы входили: Смирнов, Поздин, Баев, Калинин, Цинципер, Комаров, Сафин...» (показания обвиняемой Кареповой Ю.П. от 23 февр. 37 г.).

«...Контр-революционная террористическая группа правых состоит из следующих лиц: Поздина, Цинципера, Сафина, Баева... Все выше перечисленные мною лица твёрдо стояли на платформе правых,

всецело разделяли враждебное отношение к ЦК ВКП(б) и в особенности к Сталину, считая основным методом борьбы с ЦК – террор над руководством партии и правительства. Все эти лица поддерживали активное участие в контрреволюционной работе правых под руководством Слепкова. Основное направление и целеустремлённость этой контр-революционной работы – срыв всех мероприятий партии, насильственное устранение партийного руководства путём террора.» (показания обвиняемого Комарова С.А. от 5 февр. 37 г.).

«...В 1931 году он, Баев был участником полулегальной контр-рев. организации Слепкова В.Н. при Казанском медицинском институте, где также велись контр-рев. суждения». (показания Инюшкина Н.В. от 27 июня 36 г.).

«...Кроме того Баев был тесно связан с троцкистом Н.В. Инюшкиным (ныне репрессированном). Посещая квартиру последнего, участвовал в контр-рев. троцкистских суждениях, содержание которых носило характер резкой критики политики ЦК ВКП(б). При беседах на квартире между Инюшкиным и Слепковым присутствовал и разделял эти контр-рев. суждения Баев, врач, бывший эсер...» (показания свидетельницы Бурдиной Н.И. от 19 апреля 37 г.).

«Слепков руководил семинаром аспирантов, состав которого он сам комплектовал. Задачи семинара Слепков определил так: “Мы здесь будем свободно мыслить и критиковать, и я не позволю на это наклеивать кому-либо политических ярлыков и зарабатывать пятячки”. Семинар был внеконтроля партии и общественных организаций. Слепков говорил: “Для научного работника – наука все. Это та же общественная работа, нам не надо заниматься хлоппоткампаниями”. В своих лекциях Слепков старался унижать Сталина, как теоретика, одновременно с этим возвеличивая Бухарина, как выдающегося теоретика и “умницу”. Эта популяризация Бухарина и дискредитация Сталина на основных занятиях семинара завершилась прямой обработкой аспирантов Слепкова у себя на дому. Для этого практиковались сборища и беседы с аспирантами на квартире Слепкова, где уже не двусмысленно противопоставлялись программные и теоретические установки правых линии партии и партийного руководства. Таким путём из состава аспирантов и была сформирована Слепковым контр-рев. платформа правых.

Вопрос: Назовите состав участников этой контр-рев. группы?

Ответ: В состав этой контр-рев. группы правых входили:

- 1. Поздин Иван – аспирант Пединститута**
- 2. Смирнов Георгий – аспирант Пединститута**
- 3. Юсупов Фарей – аспирант Пединститута**
- 4. Сафин Марат – аспирант Пединститута**
- 5. Мало-Ярославцева – аспирантка Пединститута**
- 6. Каропова Юлия – аспирантка Пединститута**
- 7. Комаров – аспирант КГУ**
- 8. Цинципер – аспирант КГУ**
- 9. Егерова – аспирантка КГУ**
- 10. Федоров Борис – доцент КГУ**
- 11. Калинин Иван – аспирант Мединститута**
- 12. Баев – аспирант Мединститута**

Вопрос: В чём выражалась контр-рев. деятельность?

Ответ: Мы прежде всего были идеологическими сторонниками теоретических и практических установок правых. Это была опора Слепкова в его контр-рев. деятельности на научном фронте. Зная о протаскивании Слепковым в этой работе контр-рев. теории правых, названные лица его защищали и всячески оберегали от разоблачения. Разделяя контр-рев. взгляды правых эти лица были враждебно настроены к политике партии, её руководству и Советской власти. По сути дела, это была активная сила правых в целях борьбы с партией и Советской властью по всем важнейшим вопросам политики в стране, как-то: вопросы коллективизации, индустриализации страны и т. д.» (из протокола допроса Цинципера Льва Иосифовича от 19 апр. 37 г.).

Участие Баева в контр-рев. террористической организации правых подтверждается также активными членами этой контр-рев. организации: Медведевым Ф.П. от 5 и 15 апр. 37 г.; Калинин И.И. от 8 апр. 37 г. и др.

На основании изложенного Баев подлежит аресту и преданию суду по ст. 19–58–8 и 58–11 УК РСФСР.

**Начальник 4-го отдела УГБ НКВД ТР,
капитан ГБ Веверс.**

**Начальник 1-го отделения, 4-го отдела
мл. лейтенант ГБ Царевский.**

Рудь Пётр Гаврилович (1896–1937). Сын кро-
вельщика. Член РСДРП(б) с 1917 г. Комиссар гос-
безопасности 3-го ранга.

С 1919 г. в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД. С 1921 г.
Рудь начальник контрразведывательного отдела,
начальник Секретно-оперативного управления в
аппарате Полпредства ВЧК-ОГПУ Юго-Восто-
ка России и СевероКавказского края. В 1927–
1930 гг. он начальник Донского окружного отде-
ла ОГПУ, заместитель полпреда ОГПУ по Севе-
роКавказскому краю. В 1931–1933 гг. – полпред
ОГПУ по НижнеВолжскому краю. С 1934 г. –
полпред ОГПУ и начальник УНКВД по АзовоЧерноморскому краю.

С 11.1936 г. по 02.1937 г. начальник УНКВД ТатАССР. С 02.1937 г.
по 07.1937 г. Нарком внутренних дел Татарии. Был арестован и рас-
стрелян по, так называемым, Особым спискам. Не реабилитирован.

Веверс Ян Янович (1899–1978). Капитану ГБ
Я.Я. Веверсу, в «сталинской мясорубке» три-
дцатых-сороковых годов, крупно повезло. Он
уцелел.

Веверс родился в Риге. До 1931 года ра-
ботал начальником Канского окружного от-
дела ОГПУ в Красноярском крае, затем
начальником Экономического отдела пол-
предства ОГПУ по ВосточноСибирскому
краю и возглавлял отдел по делам спецпере-
селенцев. В 1933 году Веверса перевели на Се-
верный Кавказ. С 1935 г. он уже в Казани.

Капитан госбезопасности (1937 г.). В 1935–1937 гг. возглавлял Сек-
ретно-политический отдел (4-ый) УГБ УНКВД Татарии. Осенью
1937 г., избежав чистки среди сподвижников Ежова, был переведён на
работу начальником Дорожно-транспортного отдела ГУГБ НКВД
Амурской железной дороги. С 1938 г. по 1944 г. год работал в системе
ГУЛАГа. После войны занимался депортациями населения Молдавии,
Прибалтики, Черноморского побережья Кавказа, за что получил орден
Красного Знамени.

В 1949 г. получил звание полковника. Участвовал в депортации латышских крестьян в 1949 году. В 40 – 50 годах на руководящих должностях в НКГБ-МГБ-КГБ Латвии. Дослужился до генерал-лейтенанта КГБ и занимал должность министра государственной безопасности Латвийской ССР.

На закрытом пленуме ЦК Латвии в 1959 году, резко возражал против возвращения в Латвию репрессированных, обвиняя в излишней поспешности прокуратуру и Верховный суд Латвии, ссылаясь при этом на то, что: «Пережитки капитализма, а особенно пережитки национализма в нашей республике еще достаточно сильны». В этом он был, безусловно, прав. Похоронили его на «Аллее почёта» Центрального кладбища г. Рига.

Веверс любил «попижонить» и иногда приходил на допросы одетым в «...элегантный штатский костюм цвета голубинового крыла, на его физиономии, внимательной и напряжённой, вечная гримаса – смесь ненависти и презрения, та самая, которой обучают в спецшколах». (Е.С. Гинзбург. «Крутой маршрут»). Особенно поразили Гинзбург глаза Веверса. Она считала, что их надо показывать на киноэкране крупным планом. «Глаза совсем голые. Без малейших попыток маскировать цинизм, жестокость, сладострастное предвкушение пыток».

* * *

Эсером Баев никогда не был. Впервые фамилию Баева, как «контрреволюционера», произносит во время допросов, за десять месяцев до описываемых событий (в конце июня 1936 года), арестованный по политическим мотивам (троцкизм) некий Н.В. Инюшкин. Инюшкин, казанский приятель Баева, член редколлегии Казанского медицинского журнала. Н.И. Бурдина – жена Инюшкина. Этот эпизод остаётся для Баева без последствий. К апрелю 1937 г., когда количество упоминаний фамилии Баева разными людьми, во время их допросов в НКВД по фабрикуемому делу «младобухаринцев» достигает, с точки зрения «органов», некой «критической массы» – следует распоряжение об аресте Баева. Показания против Баева давали: Н.И. Бурдина, Н.В. Инюшкин, И.И. Калинин, Ю.П. Карпова, С.А. Комаров, Ф.П. Медведев, Цинципер Л.И. и ряд других людей.

Обычно, в сфабрикованных делах, подследственные называли фамилии тех, кого могли вспомнить или тех, кто был на виду. И в любом слу-

чае, если не было прямого давления следователя, назывались люди им не близкие, кого не жалко и «заложить», как они наивно полагали, для облегчения собственной участи. Они не понимали, что быть одинокой «заблудшей овцой» безопаснее, чем быть членом контрреволюционной, террористической организации.

В начале июля 1937 г. Баева, привозят в казанскую пересыльную тюрьму, а затем переводят в Казанский следственный изолятор УГБ НКВД Татарской Республики на Чёрном озере.

Казанская пересыльная тюрьма. 30-ые годы.

В изоляторе издаётся «Постановление».

Постановление.

Принимая во внимание, что документы подлежат хранению, книга уничтожению,

Постановил: Отобранные у Баева А.А. документы, перечисленные выше (изъятые при обыске – А.Б.) сдать на хранение в 8-ое отделение УГБ НКВД ТР. Книгу автора – врага народа Бухарина – уничтожить.

Помощник оперативного уполномоченного 1-го отделения, 4-го отдела УГБ НКВД ТР, сержант ГБ Черпаков.

Согласен: Царевский.

Утверждаю: Веверс.

Бухарин уже враг народа, хотя до суда над ним и смертного приговора ещё почти год.

* * *

***Черпаков Константин Дмитриевич** (1908) д. Батраково, Мензелинского р-на ТатАССР. Константин Черпаков вместе с Веверсом написал постановление на арест В.Н. Слепкова. Как Рукавишников и Веверс, Черпаков уцелел в чистках 30-х годов, а во время ВОВ орденоносец Черпаков в звании майора (1944 г.) возглавлял одно из отделений 1-го отдела УКР «СМЕРШ» Ленинградского фронта. С 1957 г. Черпаков, в более высоких чинах, служил в МГБ и КГБ Ленинграда.*

* * *

Протокол первого допроса (всего один вопрос – А.Б.) Баева в г. Казани, (середина июля 1937 года). Допрос проводил помощник оперуполномоченного 1-го отделения, 4 отдела, сержант ГБ – К.Д. Черпаков.

«Вопрос: Вы являетесь участником Казанской контр-рев. террористической организации правых, возглавляемой Слепковым В.Н. Следствие требует рассказать о своём участии в этой организации. Ответ: Участником контр-рев. террористической организации правых я не был и о существовании таковой мне не известно. Слепкова я знал только как профессора-биолога, который руководил занятиями по методологии биологии аспирантов при Мединституте, участником которого был и я – Баев».

Протокол допроса Баев подписывать отказался.

В деле имеется протокол еще одного допроса, который провёл Черпаков. Этот протокол я здесь приводить не буду, т. к. на допросе Черпаков последовательно зачитывает Баеву, уже известные по справке Царевского, показания Калинина, Кареповой, Цинципера, и др. и каждый раз спрашивает, подтверждает ли Баев эти показания. На все вопросы Баев отвечал односложно, по одной схеме:

«Показаний Калинина (Кареповой, Цинципера, Медведева и т. д.), в той их части, что касается меня лично, я не подтверждаю. Виновным себя не признаю».

Протокол допроса Баев опять не подписывает. По окончании допроса было принято решение о проведении Баеву очной ставки с Калининым И.И.

Протокол очной ставки с Калининым И.И.

Проводил очную ставку 22 июля 1937 года сержант ГБ – Месечко.

Вопрос к Калинину. Входил ли Баев в контр-рев. организацию правых?

Ответ Калинина. Да, гр-н Баев действительно вместе со мной и другими участниками входил в состав контр-рев. террористической организации правых в г. Казани, возглавляемой Слепковым. В состав этой контр-рев. организации обработал и втянул ее руководитель Слепков Василий.

Вопрос к Баеву. Подтверждаете показания гр-на Калинина?

Ответ Баева. Я этого не подтверждаю. В состав контр-рев. террористической организации не входил.

Вопрос к Калинину. Разделял Баев взгляды правых?

Ответ Калинин. Гр-н Баев был одним из активных участников контр-рев. террористической организации правых, полностью разделял взгляды правых, был в близких отношениях со Слепковым, т. е. руководителем данной контр-рев. организации. Разделяя взгляды правых, Баев активно выступал в защиту контр-рев. выступлений Слепкова на диспуте в Институте Марксизма-Ленинизма в конце 1932 или же в начале 1933 года. Слепков Баеву оказывал полное доверие в контр-рев. отношении, так как Слепков поручал Баеву проводить занятия на семинарах с врачами, где по заданию Слепкова Баеву так же предоставлялась возможность протаскивать контр-рев. установки правых.

Вопрос к Баеву. Гр-н Баев, вы подтверждаете показания гр-на Калинина?

Ответ Баева. Взглядов правых я не разделял, защищать контр-рев. установки я не защищал, показания гр-на Калинина я не подтверждаю.

Вопрос к Калинину. Участвовал ли, гр-н Баев в нелегальных собраниях?

Ответ Калинина. Баев также, как и я и другие принимал активное участие в посещении нелегальных сборищ, проводимых руководителем контр-рев. террористической организации Слепковым, также принимал активное участие в контр-рев. суждениях. Кроме этого, Баев неоднократно посещал единолично квартиру Слепкова, находясь в близких с ним отношениях.

Вопрос к Баеву. Гр-н Баев вы подтверждаете показания гр-на Калинина?

Ответ Баева. На этот вопрос ответить не могу.

* * *

Калинин – знакомый Баева по аспирантуре в Казанском медицинском институте. Забегая вперёд, надо отметить, что Иван Иванович Калинин, получивший вначале ВМН, которую заменили на 10 лет лагерей, в ходатайстве о своей реабилитации от 28 декабря 1954 г. брал на себя уже роль не обвинителя, а адвоката и предлагал «органам» – «реабилитировать всех осуждённых по этому делу»!!! А о Василии Николаевиче писал: «Слепков обладал способностью привлекать к себе молодёжь, мы все, в том числе и я, находились под влиянием его личности». Почувствуйте разницу!

* * *

Протокол очной ставки с Калининым, от 22 июля 1937 г., Баев подписывать опять отказался. 23 июля Месечко пытается провести ещё одну очную ставку Баева с Калининым, в которой Баев отказывается принимать участие. Очная ставка прекращается, фактически не начавшись, после чего следует короткий допрос из трех вопросов.

Протокол допроса Баева 23 июля 1937 года.

Допрос вел помощник оперуполномоченного, сержант ГУГБ – Месечко.

Вопрос. Расскажите следствию при каких обстоятельствах вы познакомились со Слепковым, в каких вы с ним были отношениях, и какие между вами существовали политические связи?

Ответ. Со Слепковым я познакомился в конце 1930 года на семинаре по методологии биологии. Приятельских отношений с ним не имел. Был на квартире 4–5 раз. Политической связи не существовало.

Вопрос. Вы обвиняетесь в принадлежности к контр-рев. организации. Какую практическую контр-рев. работу вы в ней вели и кого из членов организации можете назвать?

Ответ. В состав контр-рев. организации я не входил. О существовании её я не знал. Практической контр-рев. работы не вел и членов её я не знал.

Вопрос. Признаете себя виновным в предъявленном обвинении?

Ответ. Виновным себя не признаю.

По окончании допроса, Баев вновь отказывается подписывать протокол несостоявшейся очной ставки и допроса. Об этом следователь составляет 23 июля 1937 г. – «Акт». В «Акте» Месечко, после формальной преамбулы, связанной с проведёнными с участием Баева допросами и очной ставкой, в частности пишет.

В связи со злостным его (Баева – А.Б.) запирательством по фактам его контр-рев. работы было приступлено к производству очных ставок с лицами его изобличающими. Была проведена очная ставка с И.И. Калининым. Баев на очной ставке держал себя вызывающе и в знак протеста по отношению к следствию в подписи отказался. Им высказывался мотив, что он «требует» занести в протокол записи, которые по существу не имеют никакого отношения к фактам изобличения его, Баева со стороны Калинина и к вопросам, поставленным перед Баевым следствием. 23 июля, обвиняемый Баев вновь был вызван на предмет продолжения очной ставки. Баев и 23 июля свою враждебную демонстрацию по отношению к следствию так же продолжил. Дальнейшее проведение очных ставок было прекращено. В виду того, что дело следствием по обвинению Баева, кроме необходимости проведения ему ряда очных ставок закончено, то надлежит объявить ему лишь об окончании следствия по делу по ст. 17–58–8, 58–10 (часть 1-ая) и 58–11 УК РСФСР. В подписи об этом он – Баев так же, в знак протеста отказался. На предложение ознакомиться со следственным делом, Баев заявил: «Со следственным делом я ознакамливаться не хочу, подписывать протокол не желаю». Баев в знак протеста и своей личной ненависти ознакамливаться со следственным делом отказался, никаких дополнений, касающихся непосредственно следственного производства, не

дал, от подписи протокола с объявлением об окончании следствия злобно отказался, в чем я и составил настоящий акт. Месечко.

Статья 17–58–10 УК РСФСР. Контрреволюционная пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти, а равно и распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания.

Статья 17–58–10, по которой было осуждено больше всего людей в те годы, фигурирует в деле Баева только один раз (с «лёгкой руки» Месечко). Ни в обвинительном заключении, ни в приговоре её нет, хотя по всем описываемым событиям должна была быть.

Допросы на этом прекращаются и Баева, в наказание за упорство, отправляют на десять дней (до 3-го августа) в карцер. Предполагая такое развитие событий, Баев всегда ходил на допросы в пальто, чтобы, не замёрзнуть в карцере. В кармане пальто у него было несколько кусочков сахара, которые он иногда ухитрялся класть в рот, для поддержания сил, во время коротких перерывов при длительных ночных допросах.

Сержант Главного Управления Государственной Безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. 1937 г. Звание соответствует званию армейского лейтенанта.

Пока Баев сидит в карцере, начинается судебный процесс над, так называемыми, подельниками Баева: В. Слепковым, Медведевым, Комаровым, Калининым, Кареповой и др. (31 июля – 2 августа 1937 года). Суд

приговаривает их к расстрелу. В 1937–1938 гг., из числа арестованных НКВД Татарии, было расстреляно 3600 человек.

8 августа 1937 г., за подписью Фриновского, выходит общесоюзная Директива НКВД № 424 запрещающая сообщать осуждённому, на судебном заседании, о вынесении ему смертного приговора. Это было связано с многочисленными эксцессами в зале «суда» (обмороки, истерики, брань и т. п.). Чтобы избежать этого, осуждённому на смертную казнь говорили о том, что приговор ему «будет оглашён позднее», а родственникам сообщали, что, такой-то, осуждён «на десять лет, без права переписки и передач».

Главное дело сделано и следователи теряют к Баеву интерес. Во время допросов методов грубого физического воздействия и пыток в отношении Баева не было. Ему опять повезло. Определённая «робость» следователей в обращении с Баевым в этот период может объясняться недавними арестами среди сотрудников НКВД во главе с Ягодой. Чистки в собственных рядах вынуждали следователей какое-то время вести себя «прилично» и, кроме того, на освободившиеся места пришло много новичков без опыта «запечной» работы. Пытки во время следствия, конечно, применялись, но в то время для них требовалось прямое указание «сверху».

Официально пытки, как средство для получения нужных показаний, были санкционированы специальным решением ЦК ВКП(б) с ноября 1937 года и приняли после этого массовый характер. Настолько массовый, что спустя два года, 10 января 1939 г., Сталин вынужден был послать во все концы страны следующую шифрограмму.

«Секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД.

ЦК ВКП(б) стало известно, что секретари обкомов, крайкомов, проверяя работников НКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г., с разрешения ЦК ВКП(б). При этом было указано, что физическое воздействие допускается как исключение и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые используя гуманный метод допроса, начинают отказываться выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков – следовательно продолжают борьбу с Советской властью, также и в тюрьме.

Опыт показал, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. Правда, впоследствии, на практике метод физического воздействия был загажен мерзавцами – Заковским, Литвиным, Успенским и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять к случайно арестованным честным людям, за что они понесли заслуженную кару. Но этим нисколько не опорочивается сам метод, поскольку он правильно применяется на практике.

ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод. ЦК ВКП(б) требует от секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, чтобы они при проверке работников НКВД руководствовались настоящими разъяснениями.

Секретарь ЦК ВКП(б) Сталин».

* * *

Со слов Баева известно, что его лишали сна. Этому способствовали непрерывные, длительные ночные допросы – «конвееры». Иногда следователи отправлялись на «перекур» и помещали Баева в, так называемый «пенал», узкий и невысокий стенной шкаф. В «пенале» можно было находиться только в полусогнутом положении, что приносило дополнительные страдания. В процессе следствия С.В. Царевский, психически весьма неуравновешенный человек, лично допрашивал Баева во время «конвееров», угрожал ему револьвером. Однако никаких протоколов, свидетельствующих о длительных допросах и допросах с участием Царевского, в деле нет.

Отсутствие протоколов допросов не редкость. Так одного из арестованных допрашивали 54 раза, а в деле было лишь 7 протоколов.

С другой стороны, из-за большого числа подследственных, для ускорения следствия, власти разрешили дознавателям ограничиваться двумя, тремя допросами и одной, двумя очными ставками. После чего дело передавали в «суд», где члены ВК Верховного суда СССР или члены «тройки» часто «штамповали» приговоры по одному им ведомому принципу, не обращая внимания на результаты предварительного следствия.

Баев описывал Царевского так: «Истерик, наркоман, страшный человек!«.

По воспоминаниям Е.С. Гинзбург, «Царевский – сухопарый парень, лет 35-ти, с землисто-тёмным лицом маньяка, которое резко контрастировало с выгоревшими, взлохмаченными светлыми волосами. Говорил фальцетом, ходил быстрыми, скачущими шагами. В глазах, как и у Веверса, наряду с упоением палачеством, жила какая-то тёмная тревога, какой-то подспудный ужас. Царевский легко приходил в исступление, брызгал слюной, изрыгал ругательства, хватался за револьвер». По мнению Гинзбург «Веверс и Царевский нюхали кокаин».

Царевскому в 1937 г. было 39 лет. По воспоминаниям других людей, голос его был хриплым.

Надо сказать, что за все семнадцать с половиной лет мытарств ни следователи, ни тюремщики, ни уголовники не тронули Баева пальцем, что, по тем временам, очень большая редкость. Сам Баев объяснял это так: «В тюрьмах и лагерях уважали врачей». Объяснение конечно наивное, т. к. там не уважали никого! Но факт есть факт.

Только 8 сентября 1937 года Царевский находит время, чтобы написать обвинительное заключение по делу Баева и тем самым формально завершить следствие, хотя согласно партийным указаниям, следствие по делам о терроризме должно было длиться не более 10 дней. В обвинительном заключении Царевский часто ссылается на материалы суда, прошедшего над В. Слепковым и др. (многотомное дело № 269772, пятым томом которого было дело Баева).

Возможно, что отсутствие признательных показаний Баева, его сидение в карцере и, наконец, проволочка Царевского с написанием обвинительного заключения, благодаря чему Баева не судили вместе со В. Слепковым и другими, всё это спасло Баеву жизнь. Хотя возможна и другая версия, о которой ниже.

Обвинительное заключение, написанное Царевским, утвердили: зам. наркома внутренних дел Татарии – Иван Яковлевич Ельшин и Генеральный прокурор СССР – Андрей Януариевич Вышинский.

Утверждаю:
Зам. наркома внутренних
дел Тат АССР Ельшин

Утверждаю:
Прокурор СССР
Вышинский
13 сентября 1937 года.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по следственному делу № 3314 по обвинению Баева А.А., 1903 г. р., русского, гражданина СССР, с высшим образованием, уроженца г. Читы, проживающего в данное время в г. Москве и являющегося сотрудником АН СССР.

В 4-ый отдел УГБ НКВД ТатАССР поступили сведения, что Баев А.А. является участником контр-рев. террористической организации правых г. Казани. На основании этих данных Баев А.А. был арестован. В процессе следствия установлено, что обвиняемый Баев А.А. в 1930 году был вовлечен в контр-рев. террористическую организацию правых в г. Казани ее руководителем Слепковым В.Н. «За период времени с 1929 по 1933 год в контр-рев. террористическую организацию правых были вовлечены следующие лица: № 34... № 35 Баев, (и др.).» «Баев был научным работником Государственного института усовершенствования врачей (ТИДУВа) где Баев руководил кружком врачей». (Показания Медведева Федора от 5 апр. 37 г. и 15 апр. 37 г.). Участие Баева в контр-рев. террористической организации правых подтверждается показаниями и других членов этой организации.

Обвиняемый Калинин 8 апр. 1937 г. показал: «...Являясь участником контр-рев. организации правых он – Баев разделял террористические методы борьбы с руководством ЦК ВКП(б) и все контр-рев. программные установки правых».

«...В эту организацию входили: из Пединститута – Быков Павел (преподаватель); из Татарского коммунистического университета – Бродовский – преподаватель диамата; по Медицинскому институту – Баев, по специальности теоретик, научный работник медицины... Баев в 1930 году был вовлечен в контр-рев. террористическую организацию правых руководителем её – контр-революционером Слепковым...» (показания обвиняемого Комарова С.А. от 2 февр. 37 г.). «...по КГУ – Смирнов, Цинципер, Поздин, Баев и др. Все эти лица разделяли контр-рев. взгляды правых, присутствовали на неле-

гальных сборищах и активно принимали участие в обсуждениях вопросов борьбы со всеми основными мероприятиями партии». (показания обвиняемого Калинина И.И. от 8 февр. 37 г.).

«...Слепков сколотил контрреволюционную группу, состав которой всецело с ним разделял контрреволюционные программные позиции правых. В состав этой контрреволюционной группы входили: Смирнов, Поздин, Баев, Калинин, Цинципер, Комаров, Сафин...» (показания обвиняемой Кареповой Ю.П. от 23 февр. 37 г.).

” Слепков руководил семинаром аспирантов, состав которого он сам комплектовал. Задачи семинара Слепков определил так: «Мы здесь будем свободно мыслить и критиковать, и я не позволю на это наклеивать кому-либо политических ярлыков и зарабатывать пятачки.» Семинар был вне контроля партии и общественных организаций. Слепков говорил: «Для научного работника – наука все. Это та же общественная работа, нам не надо заниматься хлопполиткампаниями.» В своих лекциях Слепков старался унижать Сталина, как теоретика, одновременно с этим возвеличивая Бухарина, как выдающегося теоретика и «умницу». Эта популяризация Бухарина и дискредитация Сталина на основных занятиях семинара завершилась прямой обработкой аспирантов Слепкова у себя на дому. Для этого практиковались сборища и беседы с аспирантами на квартире Слепкова, где уже не двусмысленно противопоставлялись программные и теоретические установки правых линии партии и партийного руководства. Таким путём из состава аспирантов и была сформирована Слепковым контр-рев. платформа правых.

Вопрос: Назовите состав участников этой контр-рев. группы?

Ответ: В состав этой контр-рев. группы правых входили:

1. Поздин Иван – аспирант Пединститута
2. Смирнов Георгий – аспирант Пединститута
3. Юсупов Фарей – аспирант Пединститута
4. Сафин – аспирант Пединститута
5. Мало-Ярославцева – аспирантка Пединститута
6. Карепова Юля – аспирантка Пединститута
7. Комаров – аспирант КГУ
8. Цинципер – аспирант КГУ
9. Егерова – аспирантка КГУ
10. Федоров Борис – доцент КГУ
11. Калинин Иван – аспирант Мединститута

12. Баев – аспирант Мединститута

Вопрос: В чем выражалась контр-рев. деятельность?

Ответ: Мы, прежде всего, были идеологическими сторонниками теоретических и практических установок правых. Это была опора Слепкова в его контр-рев. деятельности на научном фронте. Зная о протаскивании Слепковым в этой работе контр-рев. теории правых, названные лица его защищали и всячески оберегали от разоблачения. Разделяя контр-рев. взгляды правых эти лица были враждебно настроены к политике партии, её руководству и Советской власти. По сути дела, это была активная сила правых в целях борьбы с партией и Советской властью по всем важнейшим вопросам политики в стране, как-то: вопросы коллективизации, индустриализации страны и т. д.» (из протокола допроса Цинципера Льва Иосифовича от 19 апр. 37 г.).

Баев систематически участвовал на нелегальных совещаниях контр-рев. террористической организации правых, где высказывал враждебное свое отношение против тов. Сталина (т. 1, стр. 122, 215, 241), (т. 13, стр. 21, 23). Являясь участником контр-рев. организации, солидаризовался с террористической деятельностью правых в борьбе против руководителей ВКП(б). Обвиняемый Комаров С.А. 5 февр. 1937 г. показал: «Контр-рев. террористическая организация правых состояла из следующих лиц:... Цинципер, Сафин, Баев... (и др.). Все выше перечисленные мною лица твёрдо стояли на платформе правых, всецело разделяли враждебные отношения к ЦК ВКП(б), в особенности к Сталину, считая основным методом борьбы с ЦК – террор над его руководством. Основное направление и устремленность этой контр-рев. работы – срыв всех мероприятий партии, насильственное устранение партийного руководства, путем террора». (т. 1, стр. 178). Враждебное отношение против руководства ЦК ВКП(б) и Советской власти высказываемое обвиняемым Баевым, подтверждается и показаниями Цинципера от 19 апр. 37 года (т. 13, стр. 23) и Калинина И.И. от 8 апр. 37 г. (т. 1, стр. 242). Обвиняемый Баев А.А. открыто выступал в защиту контр-рев. взглядов правых, а также пропагандировал их в научном медицинском кружке при Государственном институте усовершенствования врачей имея на это специальное задание руководителя организации

правых – Слепкова В.Н. (т. 1, стр. 121, 241; т. 13, стр. 20, 23). Баев свою контр-рев. деятельность отрицает, во всем уличается показаниями: Медведева Ф., Кареповой Ю.П., Цинципера Л.Е., а также изобличён очной ставкой с Калининым И.И.

На основании изложенного: Баев Александр Александрович, 1903 г. р., гражданин СССР, уроженец г. Читы, сын адвоката, до ареста работал старшим научным работником биохимии Академии Наук, женат, проживающий в г. Москве по Спасо-Глинищевскому переулку в д. 8, кв. 9.

Обвиняется в том, что он: а). являлся участником контр-рев. террористической организации правых в г. Казани, б). разделял террористическую деятельность правых в борьбе их против руководства ЦК ВКП(б) и Советской власти, в). систематически присутствовал на нелегальных совещаниях правых где высказывал враждебное отношение к руководству партии, г). вёл пропаганду контр-рев. взглядов правых, т. е. совершил деяния предусмотренные статьями 58–8, 58–11 УК РСФСР.

Вследствие изложенного Баев А.А. подлежит преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР в порядке закона от 1-го декабря 1934 года.

Обвинительное заключение составлено 8 сент. 37 года в г. Казани.
Царевский.

Согласен: Веверс.

Справка: Дело следствием начато 30 апреля 1937 г., окончено 23 июля 1937 г. Баев А.А. содержался под стражей в казанской следственной тюрьме № 3. Вещественных доказательств по делу не проходит.

* * *

Царевский Сергей Вячеславович (1898–1938). Родился в г. Казани. Член ВКП(б) с 1918 г. Участник гражданской войны. Образование высшее. В 1937 г. он мл. лейтенант ГБ и начальник 1-го отделения 4-го отдела НКВД г. Казани. В том же году он, якобы, получил звание лейтенанта и занял пост начальника Лаишевского РО НКВД ТАССР. На этом посту он пробыл недолго. С приходом Ежова на руководство НКВД, участь Царевского, который принадлежал к команде Ягоды, была предрешена. Как и многие другие, он вначале был уволен из орга-

нов (пр. № 2008 от 22.10.37 г.), а 31 декабря 1937 г. (по другим данным 8 января 1938 г.) Царевский был арестован. То ли по иронии судьбы, то ли из-за отсутствия фантазии у нового поколения следователей, Царевский был обвинён в том, в чём он недавно обвинял других – «отстаивал контрреволюционную позицию врага народа Бухарина» и «являлся членом троцкистской организации». Инкриминируемые ему статьи: 58–7, 58–11 и 58–14.

По словам Е. Гинзбург, «Царевский, находясь в тюрьме, перестукивался с заключёнными соседних камер и призывал их ничего не подписывать».

Во время следствия, Царевский заболел и умер в больнице ОМЗ НКВД ТССР 25 мая 1938 г. Судя по описанию Евгенией Гинзбург внешности Царевского, он был болен задолго до ареста. По другим данным, Царевский покончил с собой 2 мая 1938 г. повесившись в камере на собственном ремне. Мне это представляется маловероятным, т. к. ремни и шнурки от ботинок у заключённых отбирали.

Невероятно то, что 16 августа 1995 г. С.В. Царевский был реабилитирован. Понятно, что политобвинения против него тоже «липа», но как можно реабилитировать человека, если он не был осуждён и на совети которого столько загубленных судеб и жизней? Остаётся только развести руками!

* * *

Ельшин Иван Яковлевич (1900–1939?). Майор ГБ. Член ВКП(б) с 1919 г. С 1922 года сотрудник ГПУ НКВД РСФСР. В 20-ые – 30-ые годы работал на различных должностях в СевероКавказском, Ставропольском краях, Тульской, Челябинской, Калининской областях. В 1936–1937 гг. Зам. наркома внутренних дел Татарии. С приходом Ежова, в декабре 1937 г., был снят с должности и назначен начальником дорожно-транспортного отдела ГУГБ НКВД Туркестано-Сибирской железной дороги. В мае 1938 г. его арестовали. По официальным данным, он был приговорён, как и Рудь, по Особым спискам, к ВМН и в марте 1939 г. расстрелян. По другим данным, ВМН ему заменили на 10 лет лагерей. Возможно это и так, т. к. этого «обладателя бархатного баритона», утвердившего Обвинительное заключение Баеву, якобы, встретила в одном из колымских лагерей заключённая Е. Гинзбург, которая работала там медсестрой.

По её словам, Ельшин вскоре умер от рака. В словаре Даля, слово «ельшин» означает – столярный оселок.

Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954). Родился в Одессе. Отец – Януарий Феликсович Вышинский (Januarius Wyszyński), прихожанин католической церкви Пресвятой Девы Марии и владелец аптеки на Колюбакинской ул. в Баку, Мать – учительница музыки.

В 1901 г. поступил на юридический факультет Киевского университета, но окончил его только в 1913 г., поскольку неоднократно бросал учебу. В 1903 г. вступил в партию меньшевиков. По окончании учебы преподавал в Баку в частной гимназии, занимался адвокатской практикой. После Февральской революции 1917 г. стал комиссаром милиции Якиманского района в Москве. Будучи на этой должности, он подписал приказ об аресте Ленина, как немецкого шпиона, в случае его обнаружения в Москве. К большевикам примкнул в 1920 г.

В 1925–1928 гг. был ректором МГУ. При нём на факультетах действовали «проверочные комиссии», была сокращена автономия учебных подразделений, усилилась политико-пропагандистская работа среди студентов. Как результат – удаление из университета старой профессуры и снижение уровня преподавания. В конце 1920-х работал в органах госаппарата, связанных с образованием. Обвинитель в ходе Шахтинского дела.

С 1935 г. Генеральный прокурор СССР. За свою работу – «Теория судебных доказательств», получил в 1947 г. Сталинскую премию. Академик АН СССР (с 1939 г.). Выступал как государственный обвинитель на всех трёх Московских политических процессах 1936–1938 гг. Признание подсудимого, в тех или иных преступлениях во время допросов, Вышинский называл – «царицей доказательств». Для него был характерен бесцеремонный жёсткий стиль обвинительных речей и откровенно презрительное отношение к обвиняемым, в виновности которых он был изначально уверен. Роланд Фрейслер – председатель «Народного суда» в гитлеровской Германии считал такое поведение

Вышинского во время политических процессов примером достойным для подражания.

В 1940 г. Вышинский переводится в наркомат иностранных дел. В 1945 г. он присутствует при подписании капитуляции Германии. В 1949–1953 гг., Вышинский – министр иностранных дел СССР. После смерти Сталина, когда министром иностранных дел вновь стал Молотов, Вышинского назначили представителем СССР в ООН. На этом посту Вышинский и скончался в Нью-Йорке в 1954 г. от инфаркта. Похоронен в Кремлёвской стене, на Красной площади.

* * *

По окончании следствия в г. Казани, Баева отправляют в Москву для предания суду и помещают опять в Бутырскую тюрьму.

Подготовительное заседание Военной Коллегии Верховного Суда СССР, на котором были рассмотрены, представленные по делу Баева документы, прошло 17 сентября 1937 года. Присутствовали на нём: Зам. Генерального прокурора СССР – Рогинский, Председатель коллегии военюрист 1-го ранга – Кандыбин, члены коллегии бригаденюристы – Стельмахович и Ждан. Секретарь – военюрист 2-го ранга Кудрявцев.

* * *

Рогинский Григорий Константинович (1895–1959). Родился в Гомеле в известной семье гомельских хасидов Нехамкиных. Получил домашнее образование. До 1917 г. жил в Бобруйске, нигде не служил, давал частные уроки. Член РСДРП с 1917 г. С 1918 г. личный секретарь наркома Н.В. Крыленко. С 1922 г. работал в судебно-прокурорских органах в Ростове-на-Дону и на Дальнем Востоке. С 1925 г. прокурор уголовно-судебной коллегии Верховного суда РСФСР. С 1928 г. старший помощник Прокурора РСФСР. В 1928–30 гг. прокурор Сев. Кавказского края. С 1930 г. член коллегии Наркомата юстиции РСФСР. С 1933 г. ст. пом., а в 1935–39 гг. зам. Генерального Прокурора СССР. В 1939 г. был арестован. Находился в заключении.

Вот что писал Д. Азбель о братьях Нехамкиных в статье – «До, во-время и после» (журнал «Время и мы». Нью-Йорк, 1989, № 105, с. 204–205). «Революция выбросила Нехамкиных на гребень волны. Они жаждали мщения: мстить всем – аристократам, богатым, русским – лишь бы мстить! Это был их путь к самоутверждению. Не случайно свела судьба питомцев этого славного рода в ЧК, ГПУ, НКВД, проку-

ратуру. Большевикам для осуществления их целей нужны были “бешеные” и они нашли их в семье Нехамкиных. Один из этой семьи, Рогинский, достиг даже “сияющих вершин” – был заместителем прокурора СССР, но в годы сталинских чисток, как и многие, был спущен под откос и попал в лагерь, где превратился в дешёвого стукача. Остальные братья Нехамкины не были столь известны широкой публике. Сменив свою фамилию на более привычную для русского уха, они занимали весьма высокие посты в органах».

Кандыбин Дмитрий Яковлевич (1888–1955). *Фамилия Кандыбиных пошла из села Касторное, Курской области и видимо имеет украинские корни. «Кандыбой» на Украине называют хромую лошадь или человека. Член РСДРП с 1917 г. Участник борьбы за советскую власть в Курской губернии. В 1918 г. председатель Касторненского комитета РКП(б). В 1919 г. председатель уездного комитета партии, затем служил в органах ВЧК – ОГПУ. В 1921–23 гг. председатель Воронежской губ. ЧК и нач. губ. отд. ГПУ. В 1927–32 гг. нач. Татарского обл. отд. ГПУ, полпред ОГПУ по Татарской АССР. В 1935–45 гг. член Военной коллегии Верховного суда СССР.*

Д.Я. Кандыбин (в разные годы).

Кандыбин был ближайшим подручным, или как его называли заключённые – «запечным помогайлом», Василия Ульриха. До 1948 г., Ульрих был Председателем Военной коллегии Верховного суда СССР.

На заседаниях Военной коллегии Ульрих и Кандыбин часто работали вместе. Это они приговорили к расстрелу в 1940 г. писателя И.Э. Бабеля и М. Кольцова. По их приговору, 11 сентября 1941 г. в 9 км. от Орла, в Медведковском лесу был расстрелян 161 заключённый Орловской тюрьмы, в том числе лидер партии эсеров – М.А. Спиридонова. Кандыбин председательствовал в 1937 г. на Выездной сессии ВК ВС СССР, во Владивостоке, по делу «О контрреволюционной шпионско-вредительской организации, действовавшей в Дальневосточном филиале АН СССР» и Хакасскому делу о шпионаже и сепаратизме, которое рассматривалось в Красноярске в 1937 г. и т. д. и т. п.

Участвуя в судебных заседаниях Военной коллегии, Кандыбин приговорил к высшей мере наказания тысячи людей. С 1950 г. находился в заключении.

В апреле 1990 г. Военный прокурор 1-го отдела Управления главной военной прокуратуры по реабилитации – подполковник Зыбцев вынес по Орловскому делу следующее постановление.

«Приговор ВК ВС СССР от 8 сентября 1941 г., вынесенный в составе председательствующего Ульриха В.В., членов коллегии Кандыбина Д.Я. и Буканова В.В. в отношении 161 заключённого, является незаконным и необоснованным. Поскольку данное судебное решение вынесено на основании постановления Государственного Комитета Обороны – высшего в тот период времени органа государственной власти, действия Ульриха В.В., Кандыбина Д.Я. и Буканова В.В. состав какого-либо преступления не содержат.

На основании изложенного, руководствуясь п. 1 ст. 208 и ст. 209 УПК РСФСР, постановил:

1. Уголовное дело в отношении Ульриха Василия Васильевича, Кандыбина Дмитрия Яковлевича, Буканова Василия Васильевича прекратить на основании п. 2 ст. 5 УПК РСФСР за отсутствием в деянии состава преступления».

Вот так-то!

***Ульрих Василий Васильевич** (1889–1951). Армвоенюрист (20.11.1935 г.), генерал-полковник юстиции, Председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР. Родился в Риге в обеспеченной семье. Из почётных граждан. О его отце мне ничего не известно, мать – литератор, пи-*

сала книги для детей. Был женат на Анне Давыдовне Кассель (1892–1974 гг.), сотруднице секретариата В.И. Ленина (в РСДРП с 1910 г.). В 1908 г. примкнул к революционному движению. В 1910 г. вступил в РСДРП. После окончания реального училища поступил на коммерческое отделение Политехнического института. С 1914 г. работал конторщиком. В 1915 г. был мобилизован в армию. Участник первой мировой войны, окончил школу прапорщиков. Подпоручик саперного батальона. С 1918 г. в наркомате внутренних дел (под началом первого наркома Г. Петровского).

Заведующий финансовым отделом НКВД. С 1919 г. комиссар штаба войск внутренней охраны. Затем начальник Особого отдела морских сил Черного и Азовского морей. Ульрих начинал в петроградской ЧК под началом Я. Агранова как авантюрист и провокатор, причастный к выдуманной чекистами операции «Вихрь». В 1921 г. они вместе сфальсифицировали, так называемое «Себежское дело», и продвинулись по службе. В феврале 1922 г. руководил, вместе с Р.С. Землячкой (Залкинд, партийная кличка – «Демон»), массовыми арестами и расстрелами офицеров белых армий, оставшихся в Крыму. Впервые, как юрист, стал известен на суде над участниками эсеровского мятежа в Ярославле (1922 г.). Председательствовал на процессе по делу видного эсера и террориста Бориса Савинкова.

С августа 1924 г. Ульрих член Военной коллегии Верховного суда СССР. Хотя Ульрих не имел юридического образования, в 1926 г. он сменил В.А. Трифонова (отец писателя Юрия Трифонова, автора знаменитого романа – «Дом на набережной») на посту Председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР. В 1926–1948 гг. Ульрих председатель Военной коллегии Верховного суда СССР и одновременно в 1935–1938 гг. заместитель председателя Верховного суда СССР. Один из главных организаторов террора. Еще в 1930–1931 гг. председательствовал на сфальсифицированных судебных процессах над «буржуазными» специалистами, инженерами. Был председателем на крупнейших политических процессах. В том числе, по делам об «антисо-

ветском объединенном троцкистско-зиновьевском блоке» (24.8.1936 г.). «Параллельном антисоветском центре» (23–30.1.1937 г.). «Антисоветском правотроцкистском блоке» (2–13.3.1938 г.). «Заговор» в РККА во главе с М.Н. Тухачевским (1 1.6.1937 г.) и т. д. Получал лично от Сталина указания об определении для подсудимых меры наказания. После убийства Кирова в декабре 1934 г., «подключился» к подписанию смертных приговоров и ещё более сблизился со Сталиным. К 1937 г. устные и письменные отчеты Ульриха перед вождем стали практически ежедневными. В конце 1930-х годов председательствовал на процессах «контрреволюционной военно-фашистской организации», «правотроцкистского центра», но чаще всего на закрытых заседаниях Военной коллегии. Подписал санкции на расстрел Ягоды и Ежова. С 1948 г. Ульрих – начальник курсов усовершенствования при Военно-юридической академии. Солженицын писал об Ульрихе: «Он не пропускает случая пошутить не только с коллегами, но и с заключенными (ведь это человечность и есть! Новая черта, где это видано?). Узнав, что Сузи – адвокат, он ему с улыбкой: “Вот и пригодилась вам ваша профессия!”» (Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ: опыт художественного исследования. М., 1991 г., с. 261). Ульрих был внешне вежлив, неразговорчив и бессердечен. К нему многие обращались за помощью, но безрезультатно. Главным его увлечением было коллекционирование бабочек и жуков. Большую часть жизни Ульрих прожил в номере люкс гостиницы «Метрополь». Скончался в своей постели. В некрологе было сказано: «Товарищ Ульрих всегда сочетал беспощадную репрессивность к врагам народа с принципами революционной законности». Похоронили его на Новодевичьем кладбище. Я видел там очень скромное надгробие на его могиле.

* * *

18 сентября 1937 года Баев получил копию обвинительного заключения, а 19 сентября его привозят из Бутырки в вотчину органов госбезопасности – Лефортовскую тюрьму, где состоялось выездное, закрытое судебное заседание Военной Коллегии Верховного Суда СССР. То есть какой-никакой, а суд, в отличие от заседания пресловутой внесудебной «двойки» или «тройки». Судили его одного, без «подельников».

Лефортовская тюрьма.

* * *

**Протокол закрытого судебного заседания
ВК ВС СССР.**

г. Москва

19 сентября 1937 г.

Председатель: военюрист 1-го ранга – Кандыбин.

Члены суда: бригавоенюристы – Стельмахович, Ждан.

Секретарь: военюрист 2-го ранга – Кудрявцев.

В 10 час. 30 мин. заседание открыто.

Председательствующий разъяснил подсудимому сущность предъявленного ему обвинения и спросил его признает ли он себя виновным на что подсудимый ответил, что виновным себя не признает. На вопросы Председателя ответил, что в 1930 году был знаком со Слепковым.

Оглашаются показания Медведева (л.д. 121, 122, 90, 91), Калинина (л.д. 241–242), Цинципера (л.д. 22–23), Комарова (л.д. 178) и Кареповой. Подсудимый ответил, что он ничем не может объяснить показания этих свидетелей. Всех этих лиц он знает плохо. Враждебных

отношений у него с ними не было. О том, что Сlepков был исключен из партии в 1930 году за принадлежность к правым он знал. Больш дополнит судебное следствие подсудимый ничем не имеет. Судебное следствие объявлено законченным и подсудимому было предоставлено последнее слово, в котором он просит суд поверить ему, что он был честным и верным гражданином своей Родины. Суд удалился на совещание. По возвращении суда с совещания председатель оглашает приговор. В 10 ч. 50 мин. заседание закрыто.

ПРИГОВОР именем СССР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что подсудимый Баев А.А. являлся участником антисоветской террористической организации правых, неоднократно присутствовал на нелегальных собраниях участников контр-рев. организации на которых высказывал враждебное отношение к Советской власти. Таким образом подсудимый Баев А.А. совершил преступление, предусмотренное ст. 17–58–8 и 58–11 УК РСФСР. На основании изложенного, руководствуясь ст. 319 и 320 УПК РСФСР Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила:

Баева А.А. к тюремному заключению сроком на 10 лет с поражением политических прав на 5 лет, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Срок тюремного заключения Баеву А.А. исчислять с 30 апреля 1937 г. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Как вспоминал Баев, «Трое военных затратили на меня несколько минут, и когда приговор был произнесён, я впервые оцепенел от ужаса – тут только я понял, что эта тройка столь же легко могла бы приговорить меня и к расстрелу. С этого дня волосы мои начали седеть».

На тот момент, 10 лет тюремного заключения, а не лагерного, как у большинства осуждённых, являлось максимально суровым наказанием (не считая расстрела). Но можно сказать, что Баеву с приговором «повезло». Менее чем через месяц, по приговорам, которые выносила ВК ВС, после 1-го октября 1937 г., срок заключения мог достигать уже 25 лет. Кроме того, согласно служебной записке Ульриха на имя Сталина, в период с 1.10.1936 г. по 30.09.1937 г. ВК ВС СССР приговорила к расстрелу 30.514 человек и только 5.641 человек, был приговорён к различным срокам тюремного заключения.

С 1937 г. по 1941 г., в московской Военной коллегии Верховного суда выносили приговоры и председательствовали 24 военюриста. Г.А. Алексеев, В.В. Буканов, И.Т. Голяков, А.Д. Горячев, И.В. Детисов, Л.Д. Дмитриев, Я.П. Дмитриев, **С.А. Ждан**, И.М. Зарянов, Б.И. Иевлев, П.А. Камерон, **Д.Я. Кандыбин**, Ф.А. Климин, И.О. Матулевич, И.Т. Никитченко, А.М. Орлов, С.В. Преображенцев, М.Г. Романычев, Я.Я. Рутман, Н.М. Рычков, **А.Д. Стельмахович**, **А.Г. Суслин**, В.В. С్యльдин, А.А. Чепцов.

Мною выделены фамилии лиц, так или иначе, причастных к делу Баева, как на стадии осуждения, так и реабилитации. Многих из упоминаемых мною следователей, прокуроров, бригадистов и т. п. личностей из НКВД и МГБ, ответственных за злодеяния сталинизма, после смерти Сталина, вначале «ушли в отставку», уводя от наказания, а потом пристроили на «тёплые места». Они работали в качестве директоров театров, киностудий, творческих союзов, домов творчества, санаториев, магазинов, отделов кадров, режимных отделов в НИИ, писали детективы и т. п.

Суд ВК ВС СССР, как выяснилось позднее, был пустой формальностью. Судьба человека решалась ещё до суда. Порядок был следующий. В региональных отделениях и в центральном аппарате НКВД составлялись списки на лиц, по делам которых следствие было закончено. Несколько региональных списков объединяли в одну папку. На обложке значилось: «Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР». Списки содержали только фамилию, имя, отчество заключённого и указывалась категория будущего приговора: первая – расстрел, вторая – 10 лет, третья – 8 лет. Эти папки-списки Ежов передавал Сталину, который их просматривал, после чего подписывал и ставил дату на обложке. Иногда Сталин вносил в списки изменения по категории осуждения и вычёркивал отдельные имена. За период с 27 февраля 1937 г. по 29 сентября 1938 г., сохранилось 383 (по другим данным – 357) таких папок. Кроме сталинской подписи, на многих папках есть подписи – Ворошилова, Ежова, Жданова, Кагановича, Косиора, Молотова.

* * *

Немного лагерной статистики. Иногда с ней обращаются слишком вольно. Называют астрономические цифры репрессированных по политическим мотивам. К «политическим», «до кучи», присоединяют миллионы уголовников и бытовиков, жертв Гражданской войны, людей,

умерших от голода в период коллективизации и голода в результате разрухи и засухи в 20-е, 30-е и 40-е послевоенные годы, людей переселённых и сосланных, без всякого суда и следствия и т. д. Некоторые «исследователи» приводят, на мой взгляд, совершенно бредовые цифры потерь среди населения за годы Советской власти в 100 миллионов человек, включая сюда даже тех, кто, по их мнению, мог бы родиться, но не родился! Всего через лагеря (с 1929 г. по 1953 г.), якобы, прошло 28,7 миллионов человек из них 18 миллионов погибло.

Но есть и другие цифры. За время правления Сталина в заключении побывало от 6,5 до 9 миллионов человек (урки и политические). Из них 6,56 миллионов в колониях и 2,5 миллиона в исправительно-трудовых лагерях. С 1921 г. до 1953 г., по линии госбезопасности, было арестовано 4.060.000 человек. 840.000 человек было расстреляно, 2.300.000 депортировано.

Ещё цифры «контрреволюционных преступлений». С 1921 г. по 1954 г. было репрессировано – 3.777.380 человек. Из них приговорено к смерти – 642.980 человек. В тюрьмах и лагерях оказались – 2.369.220 человек. В ссылке находилось – 765.180 человек.

За семь лет НЭПА расстреляли 10.000 человек. С 1930 по 1935 гг. – 40.000 человек. В 1937–1938 гг. от 700 до 900 тысяч человек. В 1939–1940 гг. – 5.000 человек. 50 % расстрелянных были члены партии. Недаром про ВКП(б) говорили, что это «партия расстрелянных». В 1932–1933 гг. из партии исключили 450.000 человек (из общего числа партийцев в 3,5 миллиона человек). В 1936–1939 гг. арестовали более 1.200.000 членов партии.

Расхожее мнение современных «исследователей» о том, что индустриализация страны была проведена благодаря рабскому труду заключённых тоже, скорее всего, сказки. Так на стройках первой пятилетки трудилось более тридцати миллионов человек, что почти в десять раз превышало количество заключённых всех категорий на тот исторический период.

По данным ряда историков, с 1930 по 1953 год, в СССР (по политическим мотивам, 58-ая статья) было репрессировано 3.778.234 человека. Из них расстреляно 786.098 человек (с 26.03.47 г. по 12.01.50 г. смертная казнь была отменена). С другой стороны, в справке НКВД на имя Сталина, указано, что в 1937 г. было арестовано за контрреволюционные преступления 936.750 человек, в 1938 г. 638.509 человек (итого – 1.575.259). Из них в 1937 г. было расстреляно 353.074 человека (каждого

третьего), а в 1938 г. расстреляли 328.618 человек (каждого второго). Итого – 681.692 человека. Вряд ли это «липа». В то время не было людей, которые посмели бы обмануть Сталина.

По данным общества «Мемориал» всего репрессировано было от 7–12 до 38–39 миллионов человек. Многократный разброс в цифрах. Это что такое? О какой достоверности таких «научных исследований» можно говорить!

Вызывают большие сомнения и «исследования» Комитета партийного контроля (КПК), который во времена Хрущёва в условиях явного политического заказа, острой нехватки времени и людей, для тщательного изучения документов, определил число репрессированных с 1935 г. по 1941 г. в 19.840.000 человек, из которых 7.000.000 человек, якобы, было расстреляно.

В то же время, согласно справке 1-го спецотдела и начальника архивного отдела МВД – Павлова на имя того же Хрущёва, с 1921 по 1953 год за контрреволюционные преступления осуждено 4.060.308 человек. Из них расстреляно 799.455 человек. В лагерях и тюрьмах оказалось 2.631.397 человек, в ссылке 413.512 человек. Прочими мерами наказания подверглись 215.942 человека.

Я не исключаю, что многие репрессированные попадали в такую статистику неоднократно. Баева арестовывали дважды. Знакомого Баева по сибирской ссылке, правнука адмирала М.П. Лазарева (первооткрывателя Антарктиды) – О.В. Волкова пять раз и т. п. Всё это искажало и искажает истинную картину, т. к. статистические данные не отслеживают судьбу конкретного человека, они оперируют обезличенными цифрами по годам. Статистикам нет дела до того, что в разные годы арестован и наказан один и тот же человек. У них получается два, а то и пять!

В 1941 году в лагерях и тюрьмах содержалось 2,3 миллиона человек, из которых только 27 % были политические (около 800 тыс.). ГУЛАГ состоял из 424 колоний и 910 отдельных лагерных подразделений.

Что касается такого вида наказания, как массовые депортации. В разные годы, было депортировано в Сибирь и Казахстан – 3.300.000 человек из восточных районов Польши, Прибалтики, Поволжья, Крыма, Северного Кавказа, Калмыкии и других областей СССР. Депортация была связана, в том числе, с созданием немцами в 1942 г. добровольческих дивизий СС из представителей ряда народов СССР. Это: 29-ая русская (РОА Власова); 14-ая украинская («Галичина»); подразделение

«Белая Рутения» из белорусов; легион «Грузия»; 15-ая литовская; 19-ая латышская; 20-ая эстонская; 162-ая мусульманская (из мусульман Средней Азии, Кавказа, Крыма и Поволжья); 1-ая и 2-ая казачьи кавалерийские дивизии и другие подразделения.

Казаки «прославились» жестокостями и мародёрством против мирного населения и партизан в ряде стран, в том числе, в Югославии. Поэтому казаков, оказавшихся по окончании войны в западной зоне оккупации, «союзники» выдали Сталину без особых колебаний и сожаления вместе с их жёнами, детьми и обозами.

Ещё меньше, чем казакам, повезло власовцам. В 1944 г. немцы использовали части РОА при подавлении восстания в варшавском еврейском гетто. Власовцы так увлеклись, что принялись грабить, насиловать и убивать жителей, расположенной неподалёку от гетто, немецкой общины. Реакция немцев была вполне предсказуемой. Провинившихся холуёв четвертовали (отрубали руки и ноги), а затем утюжили изуродованные тела танками.

Считается, что советские военнопленные из немецких лагерей прямым ходом попадали в лагеря сталинские, автоматически становясь «политическими» (измена Родине). На самом деле, из 4.560.000 военнопленных (по другим данным – 3,8 миллиона) вернулось в СССР 1.836.552 человека. Остальные либо погибли в фашистских лагерях, либо, всеми «правдами и неправдами» остались на «Западе». Из вернувшихся (в том числе выданных «союзниками») – 1 миллион был направлен для дальнейшего прохождения службы. 600 тысяч направлены на работу в промышленность, в составе рабочих батальонов. 233.400 человек оказались в лагерях НКВД или ссылке.

В настоящее время, наибольшее доверие вызывают данные, которые приводит в своих исследованиях историк Виктор Земсков. Он считает, что за 72 года Советской власти (с 1918 по 1990 год) политрепрессиям подверглось **3.854.000** человек. Из них **828.000** было расстреляно. Ряд историков считает, что при Советской власти было расстреляно **968.000** человек. Осуждённые по политическим мотивам, как правило, составляли 20–30 % от общего числа заключённых.

После смерти Сталина было реабилитировано **2.438.000** человек (в том числе посмертно). Таким образом получается, что с точки зрения Советской власти, **1.416.000** человек были осуждены обосновано.

Словом, всякого рода цифры можно приводить до бесконечности, но насколько они верны – большой вопрос. Создаётся впечатление, что, статистика весьма субъективная «научная» дисциплина, во многом зависящая от личности исследователя и политического заказа. Прямо по Сталину: «Неважно как считают, а важно кто». Не случайно многие десятилетия во всём мире повторяют фразу Марка Твена из его – «Главы моей автобиографии», что «Есть ложь, наглая ложь и статистика». Остаётся только ждать, когда кропотливые и не предвзятые исследования расставят, наконец, всё по своим местам.

* * *

Арест и осуждение Баева пришлось на то время, когда НКВД руководил Ежов, заливший всю страну кровью. За два года его «правления» было арестовано (по политическим мотивам) 1,5 миллиона человек, из которых 750 тысяч было расстреляно (по другим данным – 681.692 человека, примерно по тысяче в день) т. е. «львиная доля» всех расстрелянных по 58-ой статье с 1930 по 1953 год.

Пик расстрельных приговоров пришёлся именно на сентябрь 1937 года, когда из восьми осуждённых, семерых приговаривали к расстрелу или, как тогда высокопарно говорили, «к высшей мере социальной защиты».

1937 и 1938 годы вошли в отечественную историю, как годы «Большого террора». В Москве, за 1937–38 гг. было расстреляно более 30-ти тысяч человек. Большинство из них на военных полигонах НКВД в Бутово и Коммунарке, под Москвой.

* * *

Что лежало в основе «ежовщины» 1937–1938 гг.? Сталин и Ежов планировали провести политические «чистки» в стране за четыре месяца со своими контрольными цифрами «врагов народа». В том числе, планировалось расстрелять 270.000 человек. К «врагами народа» руководство причисляло даже членов собственной партии, где завершалась борьба между сторонниками политики Сталина (построение социализма в одной стране) и сторонниками мировой революции (Троцкий, Зиновьев). Сталин не обошёл своим вниманием руководство и интеллигенцию союзных и автономных республик, помня о том, с какой лёгкостью, на волне национализма после революции, народы Российской империи разбежались по своим национальным «квартирам» и с каким

трудом Красной армии часть из них удалось вернуть в общий «союзный дом».

Другие враги – это пресловутая «пятая колонна», которую надо было выявить и уничтожить в преддверии неизбежного военного столкновения с «Западом», в частности, с фашизмом. Сталин хорошо знал человеческую психологию и смотрел на эту проблему как все, во все времена.

Вот что писал, например, Николай Васильевич Давыдов (юрист, писатель, общественный деятель 19-го века) в связи с отменой крепостного права в России в своём эссе. («Москва. Пятидесятые и шестидесятые годы 19-го столетия»).

«Старый общественный катехизис и внешние формы жизни оказались не соответствующими наступившей действительности, и старое общество с его непререкаемыми и незыблемыми правилами стушевалось, будучи не в состоянии справиться с новым течением, направить и даже понять его. Убеждения представителей дореформенного порядка не изменились, многочисленные исповедники старого режима покорились перед силой, перед свершившимся фактом, но они не приняли новый символ веры, а просто отступили, временно замолкли, замкнулись в самих себе, мечтая о реванше. Однако с внешней стороны всем пришлось примкнуть к новым порядкам».

Сторонники крепостничества, реванша не дождались, если не считать закабаления крестьян в колхозах. Сторонникам капитализма пришлось ждать более семидесяти лет пока к руководству партией и страной не пришли пустобрёхи, клоуны, прохиндеи и мародёры, которые при активной поддержке далеко не лучших представителей из разных слоёв советского общества, явно страдающих хронической ментальной недостаточностью, предали и продали Россию и деяния предков, столетиями строивших великое государство ценой невероятных усилий и жертв. «Псу под хвост» были пущены все усилия по государственному строительству за 300-летний период правления династии Романовых и 70-ти летний период советской власти.

В начале 90-х годов КПСС не только потеряла власть, но произошёл экономический и территориальный развал государства. Было утрачено почти 24 % территории, а население сократилось более чем вдвое. На столько же снизился валовый национальный продукт, промышленный и военный потенциал. Было основательно разрушено сельскохозяйственное производство. Русская деревня обезлюдилась.

На смену мифическому «великодержавному шовинизму» пришёл вполне реальный шовинизм мелкодержавный. 25 миллионов русских в одночасье оказались за пределами нового отечества в атмосфере русофобии, в качестве притесняемого и даже гонимого, в той или иной мере, национального меньшинства. Во многих бывших республиках, в том числе и в РФ, вспыхнули кровавые межнациональные конфликты. В результате разрухи и обнищания населения, без всякого ГУЛАГа, в России преждевременно ушло из жизни от 3 до 5 миллионов человек. 7 миллионов стали внутренними беженцами и переселенцами. 3 миллиона детей превратились в беспризорников. Более миллиона высоко образованных, талантливых граждан покинули Родину. И постыдная, ослабляющая страну «утечка мозгов» продолжается. Всё это привело к тяжелейшему демографическому кризису, на преодоление которого потребуются многие десятилетия.

На этом фоне, произошло стремительное криминальное обогащение и буржуазное перерождение партийно-государственной «элиты» и её прихлебателей. Из всех «щелей» полезла всякая шваль. Новыми «хозяевами жизни» стали подпольные «цеховики», спекулянты, фарцовщики, валютчики, бандиты, политические и экономические «перевёртыши» и авантюристы, в том числе, из партийной и комсомольской номенклатуры и изменившие присяге «служить трудовому народу» представители силовых ведомств и спецслужб. В результате «прихватизации», около 500 тысяч человек (0,7 % населения страны) завладели практически всеми природными и промышленными богатствами России. В обиход, по аналогии со «смутным временем» 17 века, прочно вошло выражение – «Семибанкирищина». Доморощенные «олигархи» и «сошки» помельче, набивая карманы миллионами и миллиардами долларов, мало что делали и делают для процветания страны и благополучия народа, уводя сотни миллиардов долларов в офшоры. Значительная часть современного российского бизнеса «делает деньги» по серым, мошенническим и откровенно криминальным схемам. Как результат, по уровню социального и материального неравенства населения, Россия прочно занимает одно из первых мест в мире.

В общественном сознании культ денег, алчности и потребительства легко пришёл на смену «культу личности», а лицемерная вера в коммунизм сменилась на не менее лицемерную веру в Бога и загробную жизнь. В обществе идут процессы моральной и интеллектуальной деградации, растёт правовой нигилизм и произвол. «Пышным цветом»

расцветает клерикализм и мракобесие, тотальная коррупция и воровство, оргпреступность и терроризм. Падает уровень науки, культуры, медицины и образования. Таковы весьма печальные итоги «перестройки».

Дольше всех в 20-ом веке на отечественной политической сцене продержались Советы депутатов трудящихся, которые возникли в 1905 г., как Советы рабочих депутатов. Они стали реальной политической силой, ещё до того, как попали под влияние большевиков. Всё же, это был какой-никакой, но инструмент народовластия. В конце 20-го века Советы подписали себе «смертный приговор», когда Верховный совет РСФСР в декабре 1991 г. ратифицировал Беловежский сговор и денонсировал договор 1922 г. об образовании СССР.

Расстрел здания Верховного Совета из танков и его кровавый штурм «Альфой», по приказу ренегата Ельцина в 1993 г., был закономерным финальным актом драмы, который положил конец государству рабочих и крестьян и социалистическому периоду в истории страны Советов. Тогда, по разным данным, только в Москве, у «Белого дома» и в Останкино погибло от 1400 до 4000 тысяч человек. Криминально-бюрократический переворот совершился!

Я никогда не забуду выступление одного из будущих вождей этого переворота – Ельцина, по американскому телевидению в сентябре 1989 г. С многозначительным видом напыщенного индюка, обводя традиционно мутным взором аудиторию и еле ворочая языком, он обещал американцам, что «похоронит коммунизм – понимаешь!», а похоронил в Беловежской пуще страну. Тогда один из американских политологов коротко охарактеризовал Б.Н. так: «Drunkard and adventurer».

Сталин «как в воду глядел», когда незадолго до смерти мрачно заметил своим соратникам по Политбюро: «Без меня вы всё просрёте!». С такими приемниками, как Горбачёв и Ельцин, которые окончательно обанкротили и развалили страну – конечно! Ещё не одно поколение россиян будет «добрым словом» вспоминать этих политических могильщиков, которых кое-кто пытается представить чуть ли не спасителями Отечества.

Современная Россия, ни по экономическому потенциалу, ни по людским ресурсам, не в состоянии противостоять и конкурировать с объединённой под германской гегемонией 550 миллионной Европой, зараженной вирусом русофобии, за которой маячит злоеущая тень всё более наглежащего «дяди Сэма». От полного уничтожения страну спасает пока только «ядерный щит».

* * *

Но вернёмся в 1937 год, к не менее зловещей фигуре «дядюшки Джо». «Чистка» сразу пошла не так, как планировал Сталин. Процесс не только затянулся по времени, но были значительно превышены плановые цифры и по «врагам народа». Произошло это, в немалой степени, благодаря энтузиазму местных руководителей и простых обывателей. Многие принялись доносить друг на друга, как до ареста, так и после. Арестованный «топил» ещё «энное» количество человек. Доносительство приняло глобальные масштабы. Можно было «загреметь» за рассказанный анекдот или селёдку, завернутую в газету с портретом товарища Сталина и т. п. Часто за этим стояли не только дореволюционные обиды и кровь гражданской войны, но корыстные и карьерные интересы, как руководителей всех рангов, так и рядовых граждан. По оценкам некоторых историков, в «компетентные органы» было подано от 3-х до 4-х миллионов доносов, в основном анонимных. Подобное народное «творчество» процветало и в последующие десятилетия советской власти. Мне, например, пришлось несколько раз давать объяснения партийным и прочим «органам», по поводу вздорных анонимок в мой адрес, в «застойные» семидесятые годы. Причём занимались этим «благовидным» делом не кто-нибудь, а сотрудники академического института, в котором я тогда работал. Из института пришлось уйти.

Как всегда, арестованные проходили по двум спискам: расстрельному и лагерному. В НКВД планировали расстрелять 270.000 человек. На деле получилось значительно больше. Так в 1937–1938 гг. было расстреляно 681.692 человека. Местные партийные бонзы, которым спустили разнарядку, выслуживаясь перед Москвой, не только выполняли, но и перевыполняли план. Расстрельные списки таких усердных руководителей, в среднем, содержали фамилии 6000–8000 человек. Были среди них и настоящие «стахановцы», знатоки своего дела, вроде Хрущёва. Будучи Первым секретарём Московского горкома ВКП(б), Хрущёв фактически отправил на смерть 35 высших партийных руководителей Москвы и области, из 38. Возглавляя Украину, он подал расстрельный список на 41305 человек! При нём из Украины были отправлены в лагеря и ссылку более 550 тыс. человек (из них 120 тыс. русских). Так что у этого пламенного борца с «культом личности» были свои «скелеты в шкафу», как и у других сталинских соратников.

Немалую роль в разгуле репрессий 1937–1938 гг., сыграла и сталинская задумка провести административную реформу, предусматриваю-

щую прямые, тайные, альтернативные, всеобщие выборы в Верховный Совет СССР не зависимо от партийной принадлежности. Это вызвало ожесточённую борьбу внутри партийной и бюрократической элиты за место «под солнцем» и увеличило число жертв. Сама реформа, во всей её полноте, тогда не увидела свет, т. к. против неё выступили практически все сталинские приспешники: Ворошилов, Ежов, Каганович, Косиор, Микоян, Чубарь и др. Но понятие – «блок коммунистов и беспартийных», в политической жизни страны осталось на долгие годы.

Признание своей вины подсудимым не являлось смягчающим обстоятельством. Часто оно служило главным доказательством его виновности и усугубляло судьбу, как арестованного, так и его родственников, которых так же подвергали репрессиям. Баев никого не оклеветал и не признав своей «вины» ни на следствии, ни в суде получил относительно «мягкий приговор» по такой статье, как терроризм.

Вся эта вакханалия арестов и «судов» проходила под фразу В. Лебедева-Кумача – «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» (из песни И. Дунаевского), которую любили цитировать «зеки» и присказку Сталина – «Жить стало лучше, жить стало веселей!». Вождь почерпнул её из письма крестьянина Дениса Лысенко, своему сыну – пресловутому академику-селекционеру, ламаркисту Трофиму Денисовичу Лысенко, последовательному интуитивному стороннику того, что сейчас называют – эпигенетикой и неутомимому борцу с одной из «продажных девок империализма» – генетикой, в классическом её понимании.

НА СОЛОВКАХ

После суда Баева отправляют отбывать наказание во Владимирскую тюрьму, или если быть точным – Владимирский центральный политический изолятор. Начальник тюрьмы – бывший латышский стрелок Жак Дюпорт (из обрусевших французов) в 1938 году сам становится одним из заключённых «Централа». Дюпорт известен тем, что был создателем первых политизоляторов для неугодных Сталину членов партии в Челябинске и Суздале, где сидел В. Сlepков.

После войны во «Владимирском центре» содержались высокопоставленные немецкие и японские военные преступники. Среди них: начальник личной охраны Гитлера – Ратенхубер; руководитель военной разведки – Пикенброк; фельдмаршал Шернер; генерал Вейдлинг (комендант и руководитель обороны Берлина); фельдмаршал Клейст и другие. Вейдлинг и Клейст умерли в этой тюрьме. В пятидесятые годы в «Централе» сидел сын Сталина – Василий и ряд соратников Берия.

«Владимирский централ».

В тюрьме, как вспоминал Баев – «свежевыкрашенной и холодной», он проводит, вместо 10-ти лет, только несколько месяцев. Поздней осенью 1937 г., через Вологодскую пересыльную тюрьму и г. Кемь, начинается путь Баева на север, в Соловецкую тюрьму особого назначения ГУГБ.

Из воспоминаний Дмитрия Быстролётова. («Пир бессмертных». Изво «Гранула». 1993 г.). «Помимо служебных вагонов наш поезд состоял из пятидесяти теплушек. В каждой было напичкано по семидесяти пяти заключённых. Все они – так нас теперь называют – контрики или пятьдесят восьмая (по номеру статьи уголовного кодекса, которой карается антисоветская деятельность). Болтунов, то есть осуждённых по пункту десятому (антисоветская агитация, срок до десяти лет), немало, но основная масса – тяжеловесы со сроком от пятнадцати до двадцати лет – вооруженные повстанцы (пункт первый), шпионы (шестой), диверсанты (седьмой), террористы (восьмой) и у всех пункт одиннадцатый – членство в контрреволюционной организации – или семнадцатый – соучастие: они увеличивают тяжесть преступления и удлиняют срок. Средний срок, по нашим грубым подсчётам, двенадцать лет, потому что на десять заключённых приходилось три с пятилетним сроком, три – с десятилетним, два – с пятнадцатилетним и один – с двадцатилетним. В поезде, на котором мы приехали, было 50 вагонов, в каждом вагоне – 75 человек. Получается: $50 \times 75 \times 12 = 45.000$ лет. Итак, одним поездом из красной Москвы, столицы нашей социалистической Родины, было доставлено три тысячи семьсот пятьдесят честных людей, невинно осуждённых на сорок пять тысяч лет заключения. А сколько таких поездов громыhalo в те годы по бескрайним просторам нашей Родины? Сорок пять тысяч лет! Увесистая цифра. Да, именно увесистая!».

Баев оказывается на Соловецких островах в Белом море. С 1923 г. по 1936 г. там находился Соловецкий Лагерь Особого Назначения (СЛОН), через который прошло 71.800 человек. Он входил в систему лагерей, занимавшихся строительством Беломоро-Балтийского канала. Аббревиатура ЗК (зек, зека), широко употребляемая и сегодня, в отношении заключённых, потеряла свой первоначальный смысл, т. к. расшифровывается как – «Заключённые Каналармейцы». Официально, Беломорканал – это 8-ое соловецкое специальное (штрафное) отделение Беломоро-Балтийского комбината ОГПУ-НКВД. На воротах Соловков красовался лозунг: «Железной рукой загоним человечество к счастью» автором которого некоторые считают Бухарина. Инициатором создания по всей

стране исправительно-трудовых лагерей был, в начале 20-х годов, Лев Троцкий.

«Исправление» заключённых рабским трудом на строительстве канала и на Соловках воспела в 1934 г., в специально выпущенном 600 страничном сером томе – «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина», целая когорта советских писателей – 36 человек. Среди авторов с удивлением обнаруживаешь фамилии: М. Горького, Е. Габриловича, М. Зощенко, Вс. Иванова, В. Инбер, И. Ильфа, В. Каверина, М.Э. Казакова, Л. Леонова, Ю. Олеши, Е. Петрова, А.Н. Толстого, К. Федина, М. Шагинян и других известных советских писателей, большинство которых трудно отнести к разряду партийных пропагандистов, но тут они ими стали.

28 ноября 1936 г., лагерь на Соловках был преобразован в Соловецкую Тюрьму Особого Назначения (СТОН). Начальником тюрьмы назначили Ивана Андреевича Апетера. До этого Апетер служил начальником Санаторно-курортного отдела НКВД СССР.

Вот как описывал появление на Соловках И. Апетера, в качестве руководителя «соловецкого санатория» – **Юрий Иванович Чирков, который попал на Соловки за подготовку покушения на секретаря ЦК КП(б) Украины – Косиора, будучи при этом учеником седьмого класса московской школы.**

Юрий Иванович Чирков (1919–1988 гг. г. Орлов, Кировской обл. – г. Москва). Арестован в Москве, в мае 1935 г. В заключении на Соловках и в Ухтижемлаге. В общей сложности 8 лет. Пока Юра находился в заключении, убитая горем умерла его мать, а затем и отец. В 1943 г. освобождён, но оставлен при лагере до окончания войны. Повторный арест в 1951 г. «Вечная» ссылка в Красноярский край. Реабилитирован в 1955 г. Итого: 14 лет изоляции.

Доктор географических наук, профессор. Зав. кафедрой метеорологии и климатологии Московской сельскохозяйственной академии им. К.И. Тимирязева (РГАУ – МСХА).

* * *

«Около десяти часов во двор КУРа (*КУР – колонна усиленного режима – А.Б.*) вахтёры втащили стулья, стол и установили их, углубив ножки в землю. Появился трясущийся Хохлов и застелил столы свежее-выглаженными красными полотнищами... Хохлов и вахтёры построили нас, грешных, лицом к столу, но на расстоянии метров десяти – двенадцати от него. Около одиннадцати часов за оградой раздался истошный крик: “Внимание!”. Сейчас же начальник КУРа завопил: “Внимание!”, Хохлов кинулся к проходной раскрывать ворота. Через проволочную ограду стало видно подходящее начальство. Впереди чётким широким шагом шёл высокий, толстый, в длинном коричневом пальто и в фуражке госбезопасности. За ним, отставая на шаг, шли двое, дальше ещё трое – все в таких же кожаных пальто и фуражках. За ними семенили, потеряв всю важность, начальник Соловков Агапов, начальник 3-й части Монахов и ещё кто-то из прежнего начальства. Замыкали шествие четыре стрелка. Мы рассматривали новое начальство, отмечая невиданную доселе форму и строгий вид. Наши прежние грозные начальники в форме ГУЛАГа и без пальто выглядели, как мужики у парадного подъезда. Шедший первым, сел в середине стола и оглядывал наши ряды. Потом он встал и представился: “Я старший майор госбезопасности Апетер – начальник Соловецкой тюрьмы особого назначения”». (*Старший майор ГБ – соответствует званию армейского генерал-майора – А.Б.*)

* * *

Иван Андреевич Апетер (1890–1938). Уроженец Латвии. Образование высшее (якобы, Академия внешней торговли??? – А.Б.). Член ВКП(б) с 1917 г. В ЧК с 1918 г. В Первую мировую войну воевал на Западном фронте. В 1918 г. комиссар Ставки Верховного Главнокомандующего в г. Могилёве. Служил в ЧК Западного фронта, Урала, Центрально-Чернозёмной области, Московской области. Начальник Центрального Управления конвойных войск НКВД СССР. Зам. наркома юстиции РСФСР. Прокурор Саратовского края. С 1934 г. начальник Санаторно-курортного отдела АХУ НКВД СССР. С 04.06 1937 г. начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР. 11.12.1937 г. арестован и 22.08.1938 г. расстрелян. Не реабилитирован.

Пётр Семёнович Раевский (1896–1967). Капитан ГБ. Заместитель Апетера, уроженец села Новопавловка, Елецкого уезда, Орловской об-

ласти. Член ВКП(б) с 1919 г. Служил в НКВД Ярославля и Костромы. С 1937 на Соловках. После ареста Анетера, Раевский исполнял его обязанности. В 1938 г. был назначен начальником Новочеркасской тюрьмы УНКВД по Ростовской области. Арестован в Новочеркасске 11 июля 1939 г. Обвинялся по ст. 17–58 п. 7 и п. 11 и ст. 17–58 п. 8 УК РСФСР за участие в, якобы, существовавшей на Соловках «антисоветской повстанческо-террористической организации» и развале «агентурно-оперативной работы, чем дал возможность находящимся в лагере осужденным создать антисоветское повстанческо-террористическое формирование».

По одним данным, Раевский был расстрелян. По другим данным, 29.05.1941 г. осуждён на 8 лет лагерей. Отбывал наказание в Унжлаге. Освобождён в 1947 г. Умер своей смертью в 1967 г. в г. Каменка, Пензенской обл. Реабилитирован в 1953 г.

* * *

После организации СТОНа «шефство» над Соловками перешло к 10-му (тюремному) отделу ГУГБ НКВД. Начальник отдела – Я. Вайншток, в тот же год, посетил Соловки с инспекцией.

Из воспоминаний Ю. Чиркова. «Примерно в конце июня, незадолго до обеда, послышалось клацание дверных замков. Через небольшие интервалы дверь за дверью открывалась и закрывалась. Очевидно обход. Дошла очередь и до нашей камеры. Дверь распахнулась, влетел начальник корпуса и крикнул: “Внимание! Встать!”. В камеру вошёл жирный незнакомый начальник, за ним – начальство СТОНа. Жирный представился: “Я начальник тюремного отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР – Вайншток. Клопы есть? Жалобы есть?”. Я поднял руку: “У меня”. Жирное, рыхлое, бледное лицо повернулось ко мне. Маленькие заплывшие глазки смотрели сквозь большие очки, лежащие на толстых щеках. Я спросил: “У меня закончился срок в мае, а уже июнь кончается. Почему меня не выпускают?”. Вайншток чётко ответил: “Кончился срок? Так добавят!”. Сокамерники уже закончившие сроки, побледнели и замерли. Вышел Геллер, заявив с великим гонором: “Я польский подданный! Я получал письма и посылки через Международный Красный Крест. Уже год, как я лишён этого. Я протестую против такого произвола. У нас в Польше так не поступают”. (Ой ли? – А.Б.). Вайншток так же чётко, как и мне, сказал Геллеру: “Нам Польша не пример, а ему”, тут он указал перстом на гонорового поляка, “дать кар-

цер!”. “Ещё вопросы есть?”. Все стояли бледные, подавленные. Начальство удалилось». (*Чиркову, действительно, «добавили» ещё пять лет! – А.Б.*).

С 1 января 1939 г. все тюрьмы ГУЛАГА были переданы в ведение новой структуры – Главное тюремное управление НКВД СССР.

* * *

По прибытии этапа с Баевым на станцию Кемь, заключённых построили в колонну и погнали на пристань. Всех поместили на баржу и привезли на Большой Соловецкий остров. Баев вспоминал: «Глубокое впечатление оставила высадка на главный Соловецкий остров. Ночь, холодный неподвижный воздух, яркая полная луна, под ногами шуршит крупная галька. Мы идём, сопровождаемые многочисленным конвоем и злыми собаками. Перед нашим взором встают из темноты древние стены Соловецкого кремля, сложенные из огромных ледниковых валунов и приземистые островерхие башни. Со стоном открываются кованые железные ворота».

Баева и ещё семь человек, переодевают в тюремную одежду. Баев вспоминал: «Когда нас облачали в тюремную одежду, произошёл памятный эпизод. У одного из моих коллег, совсем ещё молодого человека, была новенькая фетровая шляпа, которой он видимо, очень дорожил. (Это был будущий сокамерник Баева, Евгений Пушкарёв – А.Б.). Её, разумеется, отобрали, но почему-то не записали в выдаваемой квитанции, где были перечислены изъятые вещи. Тут же сгорбленный, подобно какой-то хищной птице, молча сидел начальник Соловецкой тюрьмы (И.А. Анетер – А.Б.). Владелец фетровой шляпы обратился к нему. Произошёл такой диалог: “В квитанции не упомянута моя фетровая шляпа. Зачем она тебе? Ну, как же выйду на свободу – нужно что-то на голову надеть. Отсюда не выходят!”. Анетер знал, что говорил.

Баев описывал Анетера так: «Высокий, мрачный субъект с резкими чертами лица».

После переодевания в тюремную одежду, заключённых повезли на грузовике по дамбе, построенной монахами, на остров Большая Муксалма, в 3-е отделение тюрьмы (всего их было шесть). Оно предназначалось, в основном, для «политических» не признавших себя виновными. Заключение там не гарантировало жизнь. В любой момент они могли быть уничтожены по постановлению карательных органов. Так, незадолго до прибытия Баева на Соловки, власть избавилась от многих оби-

тателей тюрьмы. Если бы Баев попал в эту тюрьму чуть раньше, то он со своей террористической статьёй имел мало шансов уцелеть.

А дело было вот в чём. После ряда совещаний у Сталина в течении июля и заседания Политбюро 31 июля, уже в начале августа 1937 г., Ежов издаёт пресловутый приказ № 00447, который позволил «зачистить» тюрьмы, лагеря и места ссылки по всей стране не только от кулаков и уголовников, но и от ряда других категорий осуждённых, освободив места для новых жертв. Приказ Ежова получил и Заковский с Апетером для проведения соответствующей акции в тюрьме на Соловках.

«Совершенно секретно.

**Начальнику УНКВД
в Ленинграде и Области,
комиссару Госбезопасности 1-го ранга
т. Заковскому.
г. Ленинград.**

В соответствии с моим приказом № 00447 – приказываю:

1. С 23 августа начать и в 2-х месячный срок закончить операцию по репрессированию наиболее активных контрреволюционных элементов из числа содержащихся в тюрьмах ГУГБ и осуждённых за шпионскую, диверсионную, террористическую, повстанческую и бандитскую деятельность, а также осужденных членов антисоветских партий (троцкистов, эсеров, гузмоков, дашнаков, иттихадистов, мусаватистов и т. д.) и прочих контрреволюционеров, ведущих в тюрьмах ГУГБ активную антисоветскую работу.

В Соловецкой тюрьме ГУГБ репрессированию подвергнуть также бандитов и уголовные элементы, ведущих в тюрьме преступную работу.

2. Все перечисленные контингенты после рассмотрения их дел на Тройках при УНКВД подлежат расстрелу.

3. Вам для Соловецкой тюрьмы утверждается для репрессирования 1200 человек.

НКВД СССР. Генеральный комиссар госбезопасности Ежов.

Дамба из валунов, построенная монахами в 1865–1871 гг., между Большим Соловецким островом и островом Большая Муксалма (слева).

о. Большая Муксалма.

Апетер и его зам. Раевский перевыполнили план. В августе, сентябре 1937 г. они составили расстрельные списки, по разным данным на 1820–1826 человек.

Вот что писал о том, что предшествовало расстрелу, заключённый СТОНА – Ю. Чирков. «В конце октября неожиданно выгнали всех обитателей камер кремля на генеральную проверку. На проверке зачитали огромный список, несколько сотен фамилий, отправляемых на этап. Срок подготовки – два часа. Сбор на той же площади. Началась ужасная суeta. Одни бежали укладывать вещи, другие прощаться со знакомыми. Через два часа большая часть этапиремых уже стояла с вещами. В это время из изоляторов вышли колонны заключённых с чемоданами и рюкзаками, которые направлялись не к Никольским воротам, где была проходная, а к Святым воротам, которые выводили на берег бухты Благополучия. Я подбежал к краю “царской дороги” ещё до приближения колонн и видел всех проходивших мимо, ряд за рядом, по четыре человека в ряду. Мелькали вперемешку знакомые и незнакомые лица. На всех было одно общее выражение: собранность и настороженность. Все стали какие-то суровые, отчуждённые.

В рядах проходящих, мелькнуло лицо профессора Флоренского, вот высоко несёт голову седобородый профессор Литвинов (оба из ПСБ). (ПСБ – Проектно-Сметное Бюро Соловков, где “трудились” заключённые инженеры и учёные – А.Б.) Показались Котляревский и Вангенгейм. А ряды всё шли и шли. Более тысячи заключённых было вывезено с Соловков в этот пасмурный октябрьский вечер. Это был уже второй этап с Соловков, названный “большим”. Всего этапов было три. И все, кто попал в них – погибли».

* * *

Удивительно, как иногда переплетаются людские судьбы. Брат Баева – Владимир в 1932 г. делал дипломную работу в Москве, во Всероссийском электротехническом институте им. Ленина (ВЭИ), в Отделе материаловедения, который возглавлял тогда профессор Павел Флоренский. 26 февраля 1933 г. П.А. Флоренского арестовали и приговорили к 10 годам лагерей. Наказание он отбывал в Амурской области, в лагере недалеко от ж/д станции – Сковородино. В сентябре 1934 г. Флоренского перевели в Соловецкий лагерь.

* * *

Непосредственный приказ на уничтожение людей на Соловках отдал комиссар ГБ 1-го ранга Л.М. Заковский. Биография «мерзавца Заковского» (смотри шифрограмму Сталина о пытках) – типичный пример жизненного пути классического чекиста. Тысячи таких «заковских» трудились тогда по всей стране.

* * *

Леонид М. Заковский (Генрих Эрикович Штубис) (1894–1938). Сын лесника. Образование – 2 класса сельской школы. Кочегар. Участвовал в революционном движении. По словам начальника Курляндского губернского жандармского управления – «Г. Штубис политически неблагонадежный анархист». Штубис неоднократно арестовывался полицией. Сидел в Либавской и Митавской тюрьмах. Был выслан в Олонецкую губернию на 3 года, под гласный надзор полиции. Позже Заковский скрывал своё анархистское прошлое и приписывал себе среднее образование, которого не имел. Член РСДРП с 1913 г.

Заковский жил в Петрограде и в 1-ой мировой войне предпочёл не участвовать, успешно уклоняясь от мобилизации. Зато Октябрьская революция пришлась ему по душе. В октябре 17-го Заковский, с отрядом матросов захватил Петроградскую городскую телефонную станцию. С декабря 1917 г. он уже сотрудник Петроградской ЧК. Участвовал в разгроме анархистов и левых эсеров. Его ценил и всячески поддерживал Ф.Э. Дзержинский.

В Гражданскую войну Заковский особоуполномоченный Президиума ВЧК на Западном, Южном и Восточном фронтах (1918 г.). Возглавлял отряды специального назначения при подавлении восстаний рабочих в Астрахани, Рязани, Саратове и Казани. Начальник ОСО Каспийско-Кавказского фронта, начальник осведомительного отделения Московской ЧК. Председатель Подольского и Одесского губотделов ГПУ, уполномоченный ГПУ Украины по Молдавии (1921–1925 гг.). Работая на Украине, Заковский был причастен к ограблениям и убийствам пере-

бежчиков и контрабандистов, при их попытках пересечь границу СССР. За это он получил партийное взыскание и был переведён на работу в Сибирь, правда, с повышением в должности.

С 1926 г. Заковский полномочный представитель ОГПУ по Сибири и начальник Особого отдела Сибирского военного округа. В 1928 г., во время поездки Сталина по Сибири, Заковский обеспечивал его безопасность. Заковский организатор коллективизации в Сибири и один из инициаторов создания системы ГУЛАГа. В 1928 г. он был председателем тройки ПП ОГПУ по Сибири. Только с 21.11.1929 г. по 21.01.1930 г. этой тройкой было рассмотрено 156 дел, по которым было осуждено 898 человек, в том числе 347 человек к расстрелу. В течение 1930 г. тройка ОГПУ по Западной Сибири осудила 16 553 человека. Из них 4762 человека расстреляли, отправили в лагеря – 8576 человек, в ссылку – 1759 человек. Заковский единолично подписывал предписания о расстреле осуждённых.

С 1932 г. Заковский полномочный представитель ОГПУ в Белоруссии и начальник Особого отдела Белорусского военного округа. В 1934 г. был Наркомом внутренних дел Белорусской ССР. Выдвинулся при Ягоде, став начальником Ленинградского управления НКВД (1934 г.). Руководил расследованием убийства Кирова. В Ленинграде Заковский и Жданов развернули массовый террор. Заковский лично участвовал в допросах, пытках и расстрелах. Был знаменит своим крामольным высказыванием: «Попади ко мне в руки Карл Маркс, он бы тут же сознался, что был агентом Бисмарка!».

По разным данным в Ленинграде в 1934–1938 годах были расстреляно до 85 тысяч человек. Десятки тысяч были отправлены в лагеря и ссылку, где многие погибли. Заковский был одним из организаторов, так называемого, Третьего Московского процесса и входил в Ленинградскую областную тройку НКВД и Московскую тройку НКВД. В 1938 г. Заковский уже заместитель наркома внутренних дел НКВД и начальник Московского управления НКВД. Пробыл он на этих постах совсем недолго.

Уже в марте 1938 г. Заковский был убран из центрального аппарата и назначен начальником треста Камлесослав. Вскоре был снят и с этого поста, уволен из НКВД и исключён из партии. 19 апреля 1938 г. его арестовали, как всегда, по бредовым обвинениям в «создании латышской контрреволюционной организации в НКВД, а также шпионаже в пользу Германии, Польши, Англии». По приговору Военной Колле-

гии Верховного Суда СССР, он был расстрелян 29.08.1938 г. на полигоне НКВД у посёлка «Коммунарка», под Москвой. Были расстреляны и все его ближайшие родственники. Реабилитирован не был.

(По материалам, подготовленным Михаилом Чарным (Иркутск) и книге К. Залесского «Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь». Москва. «Вече». 2000 г.).

* * *

Но вернёмся к Соловецким расстрелам. Происходило это так. 1117 человек (по другим данным 1111 человек) вывезли через Кемь в окрестности Медвежьегорска (Карелия, урочище Сандармох) и в конце октября, начале ноября 1937 г. (по другим данным – 9, 10, 14 октября) – уничтожили.

509 человек увезли в Ленинград и расстреляли там 10, 25 ноября 1937 г. (по другим данным казнили и 8 декабря). В том числе знаменитого философа-богослова и учёного Павла Флоренского. Захоронили расстрелянных на Левашовской пустоши у пос. Левашово (Выборгский р-он).

200 человек не успели вывезти (море замёрзло), и они были расстреляны 17 февраля (по другим данным – 14 февраля) 1938 г. в лесу у Секиргоры, уже во время пребывания в Соловецкой тюрьме Баева.

Всего с 1932 г. по 1938 г. в лагере и тюрьме, непосредственно на Соловках, было расстреляно 1818 человек.

* * *

Исполнять приговоры в урочище Сандармох, Заковский прислал на лава со стажем – Почётного работника ВЧК-ОГПУ, капитана ГБ Михаила Родионовича Матвеева. Матвеев участвовал в расстрелах с 1919 года.

М.Р. Матвеев и останки его соловецких жертв.
По виду 100 % психопат и маньяк.

Михаил Родионович Матвеев (1892–1974). Участник «штурма» Зимнего дворца в октябре 17-го. Член ВКП(б) с 1918 г. Образование – 2 класса сельской школы. Заместитель начальника административно-хозяйственного управления УНКВД по Ленинградской области. В 1932 г. награждён нагрудным знаком «Почётный работник ВЧК-ОГПУ», в 1936 г. орденом Красной звезды, в 1945 г. орденом Красного знамени и орденом Ленина!

* * *

Урочище Сандармох

Приговорённых к расстрелу, в урочище Сандармох, «готовили» в трёх комнатах барака, расположенных анфиладой. В первой комнате – раздевали, обыскивали и «сверяли личность». Во второй – раздетых заключённых связывали по рукам и ногам. В третьей – связанных людей оглушали ударом деревянной колотушки по затылку. Потом бесчувственные тела (до сорока человек) грузили в машину, и накрывали брезентом. Члены расстрельной команды садились сверху. Если кто-то из лежащих внизу приходил в себя, его опять «успокаивали» ударом по голове. По прибытии на место казни, полуживых людей укладывали в ряд в яму, на дне которой стоял Матвеев. Он каждому производил контрольный выстрел в затылок. Так Матвеев «приводил в исполнение» от 180 до 265 человек «за смену».

С падением Ежова и Заковского, Матвеева 11.03.39 г. арестовали за «исполнение незаконного приказа Заковского» и 30.05.39 г. приговорили к 10 годам лагерей. Но уже 23.09.39 г. решением ВКВС СССР наказание было снижено до трёх лет. Матвеев отбывал наказание в лагере под Рыбинском. Через три года, в 1941 г., Матвеев упросил лагерное начальство отправить его на фронт. С этим прошением видимо было связано решение Президиума ВС СССР от 12.07.41 г. о его досрочном освобождении и снятии судимости. Я не знаю, чем он занимался на войне, но в 1945 г. Матвеев вернулся с фронта живой и, судя по всему, опять чекистом. Позднее Матвеев был окончательно уволен из органов за поступок «не совместимый с высоким званием». На сей раз, «преступление», положившее конец карьере Матвеева, якобы, заключалось в том, что он женился на эстонке с сомнительной, по мнению органов, биографией. Умер Матвеев в 1974 г., в Ленинграде.

* * *

После ареста Анетера и перевода Раевского в Новочеркасск, с тюремным руководством на Соловках началась чехарда. 11.01.39 г. начальником тюрьмы был назначен Почётный работник ВЧК-ОГПУ, капитан ГБ Иван Карпович Коллегов (1900–1941). Член ВКП(б) с 1918 г., в ЧКа с 1918 г. Руководил СТОНОМ Коллегов недолго. Уже 08.06.39 г. его арестовали и по приговору ВКВС СССР 08.07.41. – расстреляли. За что не знаю. В 1959 г. он был реабилитирован.

*На освободившуюся должность назначили Почётного работника ВЧК-ОГПУ, капитана ГБ **Николая Васильевича Волохова**. В августе 1939 г. он повёз часть соловецких узников в Норильский лагерь, который и возглавил по приказу А.П. Завенягина.*

* * *

Особенностью Соловецкой тюрьмы, как и других ГУЛАГовских заведений было то, что часть её штата, от высшего до низшего звена, состояло из чекистов-уголовников. Это были работники НКВД, приговорённые к заключению за различные должностные и общеуголовные преступления. Эдакая «шарашка» для своих. «Ценные кадры» одновременно отбывали наказание и служили Родине.

Знаменитое высказывание: «Здесь вам власть не советская, а соловецкая!», принадлежит выходцу из Оренбургского ОГПУ, командиру пятой карантинной роты Соловков – Игорю Курилко (до революции,

то ли ротмистр, то ли гвардейский офицер, дворянин). Он получил пять лет за живодёрство, а в 1930 г. был расстрелян совершив, видимо, ещё что-то непотребное.

Другую версию высказывания Курилко приводит А. Солженицын. «Курилко выходит к этапной колонне в длинной чекистской шинели с устрашающими чёрными обшлагами, которые дико выглядят на старом русском солдатском сукне – как предвещение смерти. Он вскакивает на бочку или другую подходящую подмость и обращается к прибывшим с неожиданной пронзительной яростью: «Э-э-эй! Внима-ни-е! Здесь республика не со-вец-ка-я, а соловец-ка-я! Усвойте! – нога прокурора еще не ступала на соловецкую землю! – и не ступит! Знайте! – вы присланы сюда НЕ для исправления! Горбатого не исправишь! Порядочек будет у нас такой: скажу “встать” – встанешь, скажу “лечь” – ляжешь! Письма писать домой так: жив, здоров, всем доволен! Точка!». Архипилаг ГУЛАГ.

После расстрелов тюрьма быстро пополнилась новыми заключёнными. На 1-ое апреля 1938 г. в тюрьме содержалось 1667 заключённых, на 1-ое марта 1939 г. – 1688. На 1-ое августа – 1939 г. их было уже 2512. Это увеличение численности, почти на тысячу человек, произошло, в основном, за счёт арестов в «органах» после смещения со своего поста Ежова. Находясь на Соловках, Баев наблюдал, как «на баржах привозили сподвижников опального Ежова».

* * *

3-е Отделение тюрьмы на Муксалме, расположенное в урочище «Иисусова пустынь» – это здание бывшей гостиницы для паломников Соловецкого монастыря. Баева «со товарищи» помещают в камеру, на втором этаже здания. Камера была рассчитана на восемь коек в один ярус. Между койками расстояние в 25–30 сантиметров.

Вот как описывает Баев обстановку в тюрьме на о. Большая Муксалма (интервью Т.Ф. Косиновой 28.02.90 г.). «В тюрьме, в этот период времени, была строгая изоляция. И таким образом, самое большее, что могли видеть заключённые (во время прогулок нам не разрешали даже поднимать головы), это были кусочки неба, на которые мы иногда украдкой бросали взор. Нужно сказать, что в Муксалме камера была бывшей гостиничной комнатой, на втором этаже: высокие потолки, большие два окна, закрытые деревянными щитами, деревянные кровати, деревянный пол. Напротив, нашего здания, было другое, небольшое».

Остров Большая Муксалма. Урочище – «Иисусова пустынь». Здание бывшей гостиницы для паломников, превращённое в один из барачков Соловецкой тюрьмы. Баев содержался в одной из камер на втором этаже. В камере было два окна и, судя по «архитектуре» здания, его камера была либо в левом углу здания, либо в середине.

На стене камеры висели «Правила поведения в тюрьмах ГУГБ НКВД СССР». Что же разрешалось заключённым? Прогулка до 30 минут в день и пользование книгами из тюремной библиотеки. В дневное время дозволялось сидеть на кровати (лежать запрещалось), но при этом нельзя было прислоняться к спинке кровати или стене. Через две недели такого сидения ноги начинали сильно отекавать, причиняя дополнительные страдания. Разreshалось (ограниченно) получать и писать письма, пользоваться тюремной продлавкой (при наличии денег) и обращаться с заявлениями на имя начальника тюрьмы.

Остальные многочисленные пункты «Правил» гласили о том, что заключённые обязаны делать и что им делать запрещено. В качестве наказания предусматривался: карцер до пяти суток, лишение прогулок

до десяти суток и лишение книг до трёх месяцев. Свет в камере горел круглые сутки. Во время сна нельзя было накрываться одеялом с головой. Руки всегда должны лежать поверх одеяла. За этими и многими другими «правилами внутреннего распорядка» следил «вертухай», который каждые 10–15 минут заглядывал в камеру через глазок в дверях.

На общие работы заключённых тюрьмы не водили. Ежедневная прогулка реально длилась не более десяти минут.

Чтобы не деградировать морально и интеллектуально, Баев берёт научные и художественные книги в очень хорошей тюремной библиотеке, составленной из книг, принадлежавших монастырю и прежним поколениям заключённых. В то время фонд библиотеки насчитывал более 30-ти тысяч томов. 1800 книг было на 26 иностранных языках. Среди них прижизненные издания произведений Вольтера, Гейне, Гюго. Были книги с автографами Боборыкина, Витте, Комиссаржевской, Менделеева, Мицкевича, Пржевальского, Тургенева и других знаменитостей.

Кроме чтения художественной литературы, Баев много занимается высшей математикой, иностранными языками (английским, французским, немецким). В разговорном немецком, он практикуется с соседом по камере – А.Я. Вебером.

* * *

Вебер Александр Яковлевич. Родился в 1906 г. в с. Старое Привольное, Зельмановского кантона Саратовской губ. Жил в г. Энгельс. Из служащих. Педагог, нарком просвещения АССР немцев Поволжья. Арестован 06.11.1936 г. Обвинение по ст. 58–8, 11 УК РСФСР. Осужден 08.09.1937 г. ВК ВС СССР на 10 лет ИТЛ и 5 лет лишения политических прав. Срок отбывал на Соловках. В августе 1939 г. Соловецким этапом, вместе с Баевым, прибыл в Норильлаг. Освобожден 09.11.1946 г. (В.Г. Фукс. Роковые дороги поволжских немцев. Красноярск, 1993 г., с. 93. Архив ИЦ ГУВД КК. Картоотека Норильлага).

* * *

В камере, кроме Баева и Вебера, было еще шесть человек: Михаил Фёдорович Дорошин – журналист, поэт и писатель из Ростова, автор первой стихотворной поэмы о Павлике Морозове. Алексей Михайлович Горский – агроном. Женя Пушкарёв – семнадцатилетний рабочий тракторного завода в Сталинграде, уроженец донской станции Иловлинской. Фиалков – инженер из Киева. Коробков, о котором мне ничего

не удалось узнать и некий Митрофан, по прозвищу «Забайкальский», неграмотный, 65-летний ассенизатор, с одной из станций Забайкальской железной дороги, обвинённый в шпионаже. По иронии судьбы, место его было возле «параши».

По воспоминаниям Дорошина, Митрофан так описывал свои заключения.

«Кто ты? Спросил я его, когда он обосновался в углу, где стояла параша. Впрочем, другого места в камере не было. “Кто я такой? Шпиён!” – ответил он коротко и улыбнулся. “Шпион!” – удивились все разом. Живого шпиона мы видели впервые. “А на кого работал? Для кого шпионил?”. “А вот этого я не знаю!”. “Кто же знает?” – спросил Женька. “А те, кто меня сюда определили! Значит, я был им нужен. Приехали за мной на машине, забрали с собой, определили в особую палату, кормили. Я думал, лечить будут, у меня поясницу ломит. Я пожаловался на поясницу, а они сказали: “Вылечим!” А потом сказали: “Мы тебя в Москву повезём! Там ещё подлечишься. Вот, подпиши бумагу”. Я человек малограмотный и со всеми согласный. Ну и подписал им ту бумагу. Они, как и обещали, в Москву препроводили. Военный сопровождал, при оружии, охранял. Только в Москве я недолго побыл. Не дали поглядеть столицу. Вызвали на заседание. Посадили в залу одного, как важное лицо, а сами со сцены, как с амвону в церкви, зачитали бумагу. Вышло, что я шпиён. А потом вот сюда к вам переслали. Значит я тут нужен. Буду с вами тута куковать!”, закончил он с улыбкой». (Журнал «Советский мурман». «Прогулка в Соловках». 1991 г.).

Из воспоминаний Горского. «Первое мое знакомство с Александром Александровичем состоялось в 1937 г. в камере Вологодской пересыльной тюрьмы. Сюда привозили заключенных из разных тюрем, формировали из них отряды и этапировали в различные места необъятной Сибири для освоения природных богатств. На третий день пребывания нас подготовили к отправке. Место своего назначения мы смогли определить, когда нас высадили на станции Кемь: значит, нас везут в Соловки.

Перед размещением по камерам из общей группы вызвали семь человек, называя по фамилиям: Баев, Горский, Дорошин, Фиалков, Коробков и др. Нас не оставили в Соловецком Кремле, а отправили на небольшой островок Муксалма. Возник вопрос: почему нас отделили от общей группы? Потом стало ясно – мы не подписали предъявленных нам обвинений, поэтому нас считали злейшими врагами народа и размещать среди признавшихся сочли нецелесообразным.

Итак, началась наша жизнь в новых условиях. Первой темой беседы с Александром Александровичем стал вопрос, как же освоиться в этой новой жизни. Видимо, надо было признать, что мы находимся в другом мире, и воспоминания о том, что осталось в прошлом, лишь ослабят волю к борьбе за жизнь. Организм должен пребывать в деятельном, активном состоянии. Решили начать с организации бесед-пересказов приключенческих произведений, рыцарских походов, разных книг вплоть до «Двенадцати стульев». Неподрожжимым рассказчиком был А.А. Баев. Он знал огромное количество развлекательных новелл. Так все мы один за другим втягивались в беседы, активно обменивались своими впечатлениями и мнениями по возникавшим вопросам».

Баеву приходилось, время от времени, применять свои медицинские познания. Так Горский однажды был отправлен в карцер за отказ от предложения начальника тюрьмы, стать «стукачом». Проведя в холодном карцере двое суток, он вернулся в камеру чуть живой, т. к. вынужден был всё время двигаться, чтобы не замёрзнуть.

Из воспоминаний Горского: «Войдя в камеру, я упал. Александр Александрович вскочил с постели, подбежал ко мне и уложил на кровать. Пощупал пульс, выслушал лёгкие, сказал, что ничего тревожного пока нет, но организм ослаблен до предела, нуждается в усиленном питании. Денег на приобретение продуктов у меня не было, тогда он решил все продукты, покупаемые им в лавочке, передавать мне, а сам в течение месяца оставался на тюремном пайке. И силы мои были восстановлены. Я не находил слов, чтобы выразить благодарность за столь благородный поступок».

Но больше всего невзгод выпало на долю Пушкарёва. Баев вспоминал о нём.

«Одним из моих сокамерников был молодой человек со Сталинградского тракторного завода. Фамилию его не помню. Его обвиняли, вместе с другими работниками завода, в участии в фашистской организации. Дело в том, что на Сталинградском заводе когда-то работали немцы и ОГПУ считало, что вокруг них создались фашистские организации.

Наш сокамерник не хотел быть фашистом и протестовал. Но протестовал, можно сказать, примитивно. Например, входит кто-то из администрации – все должны встать, а он лежит. Или откроет форточку, которую открывать нельзя самим заключённым.

Вначале было несколько карцеров, возрастающей продолжительности, в самой тюрьме. А потом заключили в башенный карцер в Кремле.

После двух недель его привели под руки, он был весь отёкший и лишённый сил. Волосы у него почти все вылезли». (Журнал «Северные просторы». № 5–6. 1992 г. «Красный СЛОН на Белом море». Стр. 24).

Баев успевает получить несколько писем и денежных переводов от своей мамы, но в декабре 1938 года, в связи с её смертью, тонкая ниточка, связывавшая его с внешним миром, оборвалась. Брат Баева – Владимир и сестра – Таня в это время отношений с ним не поддерживали, опасаясь за себя и свои семьи.

* * *

Владимир Александрович Баев (1908–1990, Благовещенск – Москва). Окончил в 1932 г. физико-математический факультет Казанского университета по кафедре электротехнического материаловедения. Владел немецким языком. Работал на различных должностях на заводе «Динамо» и во Всероссийском электротехническом институте им. Ленина (ВЭИ) (основан в 1921 г.). В 1938 г. Владимир женился на Вере Яковлевне Волковой. В июле 1941 г. он зам. командира батальона Народного ополчения под Малоярославцем. Батальон копает противотанковые рвы. Вскоре его отозвали на только что организованный в Москве оборонный завод № 627 (сентябрь 1941 г.). В 1944 г. завод был преобразован в НИИ № 627, который затем стал называться – Всесоюзный научно-исследовательский институт электромеханики (ВНИИЭМ). (В дальнейшем институт внёс большой вклад в развитие не только военной, но и атомной и космической отраслей). В 1945 г. Владимир, с большим трудом, из-за арестованного брата, был принят в партию. В 1946 г. он был командирован, как главный инженер, в Советскую зону оккупации на восстановление ряда немецких электротехнических заводов в г. Дрезден и г. Цвиккау. Вопросы восстановления и репараций из Германии курировал, в то время, ген.-полковник ГБ – Б.З. Кобулов.

Вернувшись в Москву, В.А. Баев работал на различных должностях во ВНИИЭМ (зав. лаб., зав. отделом, зам. дир.). Организовал там отдел материаловедения. В середине 60-х годов, его назначают начальником технического управления Госкомитета по электротехнике, где он занимается вопросами разработки и внедрения вычислительной техники. Затем В.А. Баев работал в Министерстве электротехнической промышленности, где занимался вопросами научно-технического сотрудничества стран соцлагеря в рамках СЭВ и был постоянным

представителем СССР в комиссии СЭВ по стандартизации. (СЭВ – Совет экономической взаимопомощи стран соцлагеря). С 1972 по 1982 год В. Баев главный редактор «Информэлектро». С 1983 г. на пенсии. Кавалер ордена Трудового Красного Знамени и ряда медалей. Награждён Исполкомом СЭВ серебряной медалью.

* * *

Спустя десять месяцев, режим заключения Баева опять меняется. Его переводят в тюрьму на Большом Соловецком острове, в Кремле.

Режим содержания в тюрьме, на территории Кремля, был более жёстким, чем в тюрьме на Муксалме. Сидели в камерах, на сей раз двухместных. Это были бывшие монашеские кельи в нескольких келейных корпусах, которые шли вдоль монастырской стены. Баева поместили в камеру № 79.

Его сокамерником был Дорошин. Он был моложе Баева и имел довольно несдержанный характер. Вот что писал Дорошин Баеву в одном из своих писем в 1982 г. «Первое, что я должен, это поблагодарить вас за поддержку. Вы своим примером, стойкостью, уравновешенностью, выдержкой помогали мне, человеку очень импульсивному, неуравновешенному устоять в тех невыносимых условиях, в которых мы находились. Я часто впадал в отчаяние, и я помню, вы успокаивали меня, я помню наши беседы в соловецкой келье и в Норильске, и я устоял во многом благодаря вам. Спасибо вам!». После реабилитации Дорошин жил и работал в Сталинграде (Волгограде). Писал прозу и стихи для детей.

Из воспоминаний Баева. «Камеры в кремле были устроены из монашеских келий: маленькое оконце, низкие потолки, маленькие, для одного человека, камеры, но там помещали двух человек. Преимуществом камеры были большие монастырские печи, поэтому в камере было всегда тепло. Нар не было, были деревянные кровати».

Часть площади перед Спасо-Преображенским собором Соловецкого кремля, была превращена, с помощью трёхметрового деревянного забора, в прогулочные дворики размером 4 на 5 метров. Всего таких двориков было четыре. На «бумаге» прогулка должна была длиться 30 минут. На самом деле, гуляли не более 15. В середине баевского прогулочного дворика была могила последнего атамана Запорожской Сечи – Кольнишевского.

Соловецкий кремль. В левом (северном) торце кремлёвской территории видно длинное белое трёхэтажное здание (настояТЕЛЬский корпус), на первом этаже которого, в камере-келье № 79, место № 2, содержался Баев.

Из интервью Баева Т.Ф. Косиновой. «Прогулочные дворики – это небольшое пространство, приблизительно 20 кв. м., высокий забор, деревянные вышки – на них стояли вооружённые часовые, которые внимательно следили за прогуливающимися. Прогуливались по кругу, опустив голову и заложив руки назад. Длилось это 10 – 15 минут. Вообще-то на этой территории (возле собора) были захоронения разных почётных лиц. Когда территорию Кремля превратили в тюрьму, надгробия, за редким исключением, были снесены. Одним из таких исключений была могила последнего атамана Запорожской Сечи, Кольнишевского. Она находилась как раз посередине нашего прогулочного дворика. И я украдкой, описывая круги, останавливаться было нельзя, прочитал если не всю, то значительную часть надписи на могиле. Атаман Кольнишевский был заключён на Соловки по приказу Екатерины II, затем, когда ему было 110 лет, он был помилован, но не уехал, остался на Соловках и в возрасте 112 лет умер».

Атаман Пётр Кольнишевский. Плита на могиле Кольнишевского.

Надпись на надгробии атамана была следующая: «Бог наш – Иисус Христос, положив жизнь свою на кресте за всех нас, не хочет смерти грешника. Здесь погребено тело в Боге почившаго Кошевого бывшей некогда запорожской грозной Сечи Казаков, АТАМАНА ПЕТРА КОЛЬНИШЕВСКОГО. Сосланного в сию Обитель по Высочайшему повелению в 1776 году, на смирение. Он в 1801 году по Высочайшему повелению снова был освобождён, но уже сам не пожелал оставить Обитель, в коей обрёл душевное спокойствие, смиренного Христианина искренно познавшего свои вины. Скончался 1803 года. Октября 31 дня в Суб. 112 лет от роду смертию благочестивою, доброю. Блаженни мёртвые умирающие о Господе! Аминь». 1856 г. А.А.

Вот что говорил Баев в интервью Косиновой о времени, проведённом на Соловках. «Каким образом можно выжить? Я имею в виду, главным образом, не физическое выживание, а выживание моральное. И каким образом можно сохраниться, находясь в заключении? Я думаю, что у каждого человека свой путь. Для меня самым трудным было время пребывания в Соловецкой тюрьме. Это было связано с тем, что были свежи воспоминания о том, как я занимался любимой работой, а я свою работу

очень любил, и другие воспоминания: Москва, квартира, книги, одним словом, многое. Все эти воспоминания были свежи и это самое страшное, да ещё в таких суровых, жёстких условиях, которые были в Соловецкой тюрьме. И первой задачей было избавиться от этих воспоминаний, вытеснить их. Я помню, что это удалось сделать насильственно, путём насилия над собой.

И второе. Важно было создать свой внутренний мир каких-то интересов, доступных в этой обстановке, найти занятия, которые дисциплинировали бы и интеллект и эмоции. Я нашёл это в занятиях высшей математикой (с решением задач) и в чтении книг на иностранных языках.

Ежедневно я решал много задач, а это хорошее средство отвлечения — не все задачи решались так просто и над некоторыми из них, без какой-либо помощи и консультаций, я иногда сутками думал.

При чтении иностранной литературы гимнастика для ума заключалась в том, что словарей у меня не было, и таким образом, если встречалось незнакомое слово, то мне приходилось восстанавливать его смысл по контексту. То есть я встречал слово на какой-то странице, потом где-то дальше его встретил и таким образом определял смысл слова исходя из ситуации, в которой оно встречалось в тексте. Подобная умственная гимнастика отвлекала от окружающей обстановки, отвлекала от мысли, что вы находитесь в заключении».

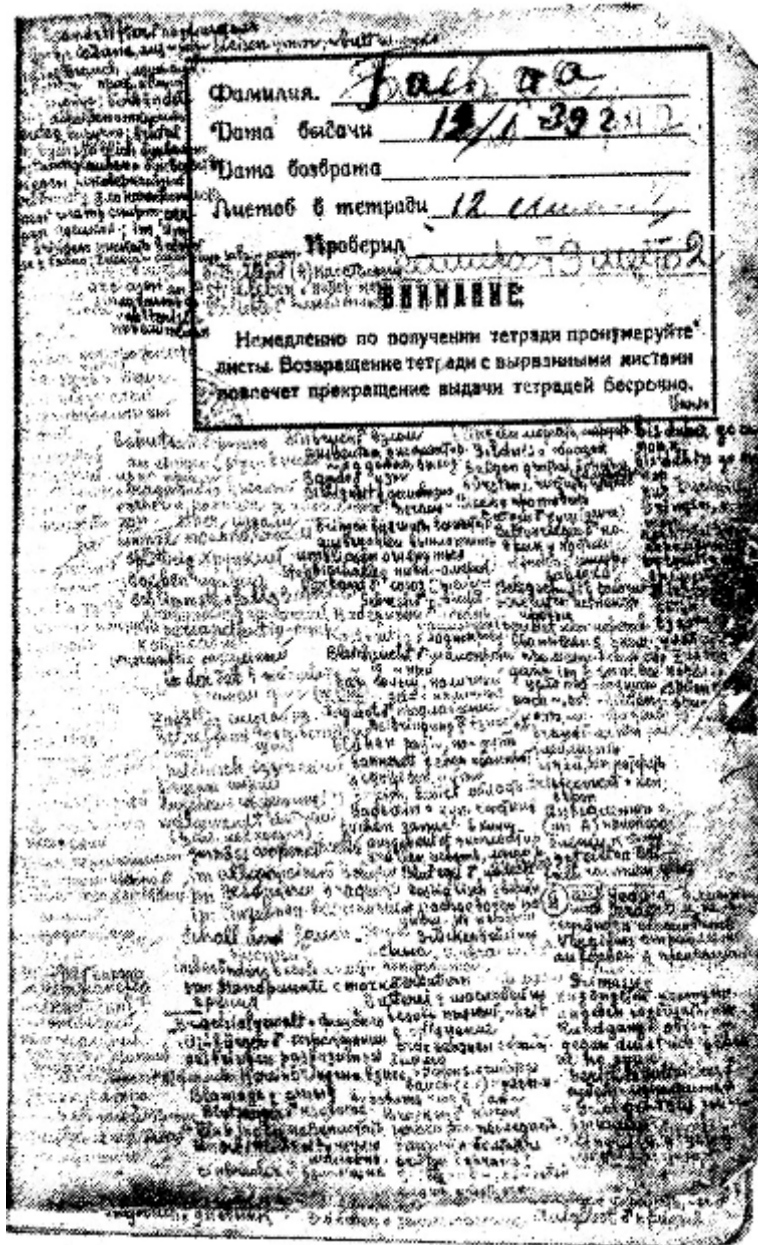
Высшей математикой Баев занимался по трёхтомнику Пуссена (с решением задач) на немецком языке. Проштудировав его, Баев считал известный «Курс высшей математики» Лузина — «учебником для детского сада».

В тюрьме Баевым были составлены две самодельные грамматики (немецкая и французская) и три словаря — немецкий, французский, английский. В каждом было по несколько тысяч слов. В семейном архиве сохранилась одна из тетрадок самодельного словаря, который Баев составил в Соловецкой тюрьме, в камере № 79 и пронёс с собой через все «шмоны» до дня освобождения.

С июня 1939 г. Баева стали водить на строительные работы. Это было связано с нехваткой рабочих рук на стройках Соловецкого архипелага. В это время на Соловках велось строительство здания новой тюрьмы и госпиталя. Начинается строительство военной базы и аэродрома.

Из чисто тюремного контингента, который на работы не водили, Баев становится лагерным. Это обстоятельство опять уберегло Баева

от худшего. Дело в том, что согласно директиве Берия от 2-го ноября 1939 г., о закрытии тюрьмы на Соловках к 15 декабря 1939 г. тех, кто попал в категорию лагерников, отправили в лагеря Воркуты и Норильска. Оставшиеся на тюремном содержании, попали во Владимирскую и Орловскую тюрьмы. Трагическая судьба заключённых Орловской тюрьмы, которых расстреляли в 1941 г. при приближении к Орлу немцев, известна.

Страницы самодельного тюремного словаря Баева.
Около 6000 слов. Соловки. 1939 г.

Из интервью Баева Косиновой. «Никакого предупреждения не было, день был как обычный. Но я помню, загремели замки, а мы очень чувствительны были ко всяким звукам, потому что это было очень существенное средство информации – всякий лишний стук, бряцание замков

или ещё что-нибудь. И вот загремели замки, и мы поняли, что открывают одну камеру за другой. Никто не представлял для чего это. Потому что это могло быть, как для цели уничтожения, так и перевозки массовой куда-нибудь. Но между тем нас выпустили во двор и тут мы увидели друг друга, все те, кто сидели в течение двух лет в одной Соловецкой обители.

А потом нас стали водить на работы. Там три пункта было для работ. Я попал вначале на бывшее монашеское кладбище за Кремлём. Мы выходили за ворота, проходили мимо Святого озера. На кладбище мы занимались тем, что вытаскивали гробы с останками монахов. Это делалось потому, что на этом месте – и это довольно символично для того времени – НКВД и управление Соловецкой тюрьмы решили сделать детский сад и ясли. *(По другим данным собирались строить госпиталь – А.Б.).*

На кладбище мне приходилось разрыхлять каменистую почву киркой. Однажды я ударил киркой и попал на камень. Кусочек отскочил и поранил мне руку. Он попал в вену на тыльной стороне правой руки и повредил сухожилие безымянного пальца. Было довольно большое кровотечение. За помощью я не обращался, рана зажила, но кусок Соловецкого гранита так и остался до сих пор в руке, как напоминание о тех временах, а безымянный палец на всю жизнь остался в полусогнутом состоянии. Образовалась, так называемая, контрактура.

Через некоторое время меня и ещё несколько человек перевели на работы на песчаный пляж на берегу моря, где мы строили аэродром для военных самолётов. Там были огромные валуны. Мы выкапывали в песке большую яму, валун сваливали в неё и зарывали». *Аэродром строили под «присмотром» майора Владимирова.*

Как Баев попал на строительство аэродрома? Вот что писал об этой стройке физик и писатель-фантаст Сергей Александрович Штейн (литературный псевдоним – Снегов). «Два месяца земляных работ у Белого моря вымотали самых стойких. Многие, добредя до площадки будущего аэродрома, валились на песок, и даже мат майора Владимирова и угрозы охраны не могли поднять их. Соловецкое начальство поняло, что хозяйственной пользы из нас уже не выжать и сотне истощённых, мне в том числе, дало двухнедельный отдых».

Вместо доходяг пригнали новую партию заключённых, в том числе Баева, и строительство продолжилось. На монастырском кладбище и аэродроме Баев работал в паре с Горским.

Аэродром на Большом Соловецком острове. На правой его оконечности, у воды, закапывал в песок соловецкие валуны Баев.

Из интервью Баева Косиновой. «Часть из наших ходила на строительство новой тюрьмы, но я там не работал. Рассказывали, что в новой тюрьме только железо и бетон, никаких деревянных кроватей. Тюрьма эта готовилась для таких как мы, но попали туда другие. Когда нас уже готовили к отправке, кого в Воркуту, кого в Норильск, целыми баржами стали привозить энкаведешников – сподвижников опального Ежова. Наблюдая это, мы испытывали известное злорадство».

Здание новой тюрьмы было расположено на высоком холме, лес вокруг был вырублен и, по словам Баева, тюрьма поразила его своим видом, т. к. «напоминала средневековый замок». Это не удивительно, т. к. проект тюрьмы, якобы, был немецким. По другим данным, авторами проекта были советские архитекторы, братья – К.В. и Б.В. Минихи. Здание тюрьмы сохранилось до сих пор, но по прямому назначению, насколько я знаю, никогда не использовалось.

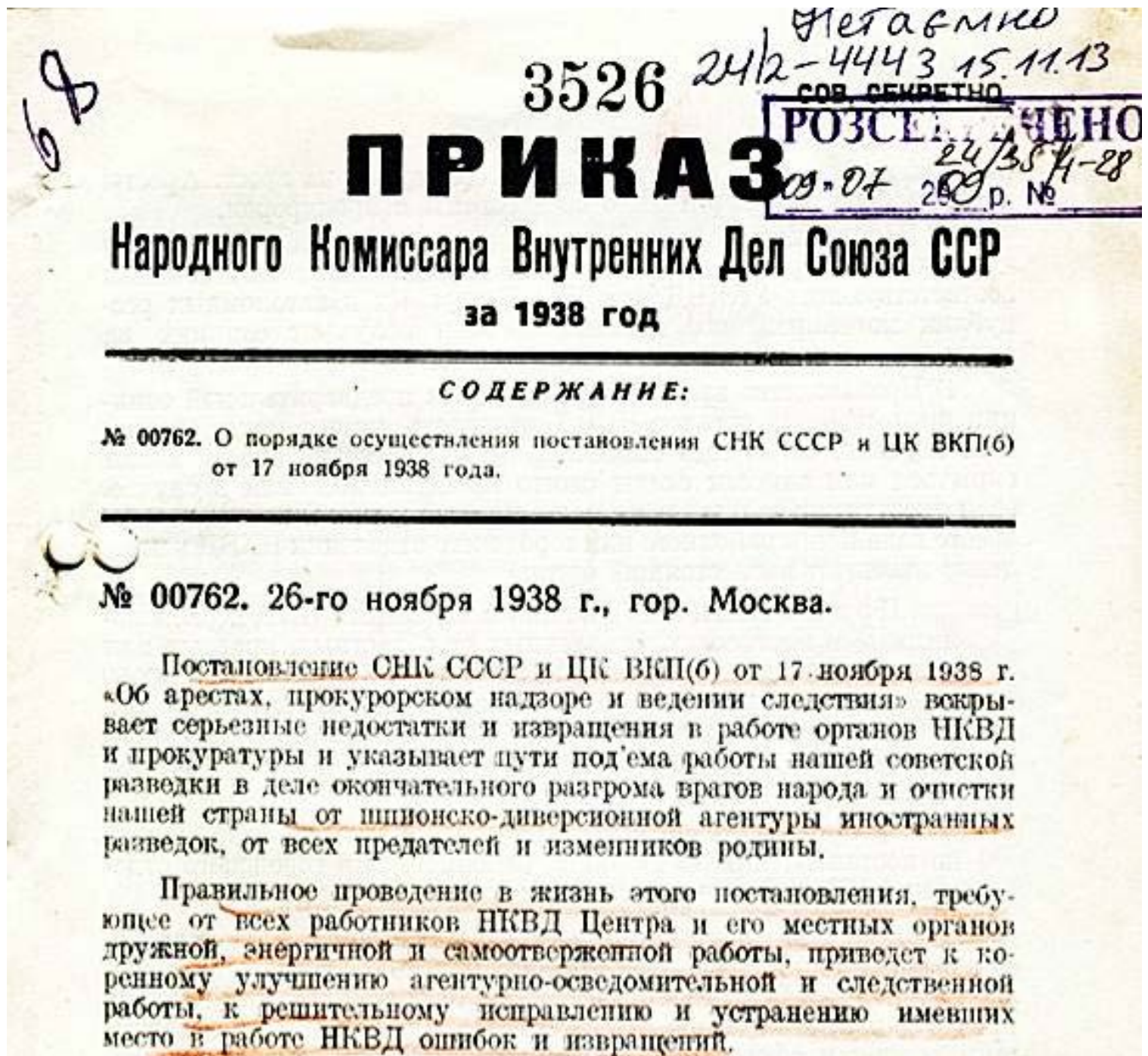
Внешний вид и интерьеры Соловецкой тюрьмы, построенной в 1939 г.

Никаких документов о пребывании Баева во Владимирской, Вологодской и Соловецкой тюрьме в деле нет. По некоторым данным, архив Соловецкой тюрьмы, после её ликвидации, был передан в Бутырскую тюрьму в Москве. Интересно, куда делись книги уникальной соловецкой библиотеки?

* * *

Как и в случае с коллективизацией в 1930 г., в репрессиях 1937–1938 гг. власти «перегнули палку». Когда дело было фактически сделано, дали «задний ход». В августе 1938 г., Маленков в записке на имя Сталина «О перегибах в НКВД» писал, что «ведомство Ежова виновато в уничтожении тысяч преданных коммунистов». О сотнях тысяч простых граждан, как всегда, речи не шло.

Сталин, верный своей иезуитской практике, поступил следующим образом. 8 октября 1938 г. вышло закрытое постановление Политбюро «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». 14 ноября появилась директива ЦК об усилении контроля за НКВД и очередной чистке в рядах этого ведомства. 17 ноября издаётся постановление ЦК ВКП(б) аналогичное постановлению Политбюро от 08.10.38 г. Терминология документа была традиционной. В нём говорилось о «шпионах и врагах народа в органах НКВД», повинных в извращении советских законов, массовых и необоснованных репрессиях. На какое-то время, запретили массовые аресты и выселения, ликвидировали «двойки» и «тройки».

Сталин вновь сменил руководство НКВД. Вслед за Ягодой в небытие теперь последовал Ежов и его соратники. 23 ноября 1938 г. Ежова вызвали в Кремль, где с ним в течение четырёх часов разговаривал Сталин, Ворошилов и Молотов. Ежов написал заявление об уходе с должности наркома НКВД. Новым наркомом (из семи кандидатов) Сталин выбрал Л. Берия. На тот момент в колониях находилось 6,5 миллионов человек. В ИТЛ – 2,5 миллиона человек. Берия освободил из колоний 103.800 человек. Из ИТЛ – 223.600 человек. Баев в число этих счастливицов не попал.

В армию вернулось из лагерей 10.994 офицеров. В том числе, такие видные в будущем военачальники, как Рокоссовский, Мерецков, Батов, Малиновский, Берзарин (будущий комендант Берлина), Горбатов, Ванныков (будущий руководитель военной промышленности) и др. Когда Ванныков, при назначении на должность, встретился со Сталиным, тот недовольно проворчал: «Нашёл время, когда сидеть». (!!! – А.Б.).

Невольно вспоминается, что при ликвидации высшего руководства Красной армии в 1937 г. Сталин, якобы, повязал своих ближайших сподвижников кровью. Ворошилов расстрелял Якира, Будённый – Тухачевского, Ежов – Уборевича. Остальных расстреливали Фриновский, Леплевский, Карпейский, Николаев-Журид, Ушаков. Насколько это верно, не знаю. Казнённых закопали 11 июня 1937 г., где-то на Ходынском поле, предварительно засыпав трупы негашёной известью. По другой версии их тела были кремированы в единственном, на то время, московском крематории на территории Донского монастыря, а то, что осталось, захоронили в могиле невостребованных прахов № 1, рядом с крематорием. Под крематорий была переделана недостроенная церковь Серафима Саровского, которую в начале 21 века церковные и московские власти начали восстанавливать и достраивать как церковь. Сейчас в ней проходят церковные службы.

Традиция «высокопоставленных расстрелов» пережила Сталина. За сомнительную честь отправить к праотцам Л. Берия, в 1953 г. боролись несколько генералов и маршалов. Свинцовую точку в карьере ненавистного менгрела, якобы, поставил 23 декабря 1953 г. генерал-полковник Павел Фёдорович Батицкий.

После «чистки в органах», в 1939–1940 гг. был расстрелян 4201 человек. С «большим террором» и «ежовыми рукавицами» было покончено.

НОРИЛЬСК

В ноябре 1939 года, в связи с началом Второй мировой войны и приближающейся войной СССР с Финляндией, Соловецкую тюрьму, которая была расположена близко к государственной границе, ликвидируют. Юридически это было оформлено постановлением СНК СССР от 1 декабря 1939 г.

Реальная эвакуация заключённых началась уже в конце лета 1939 г. Все заключённые прошли отбор через три медкомиссии. Физически ослабленных, якобы, погрузили на баржу и утопили. За остальными, в начале августа, на Соловки приходит из Архангельска лесовоз «Семён Будённый» в кормовом трюме которого уже находятся 400 зеков-уголовников. Баева и других обитателей Соловков разбудили ночью 5 августа, переодели в их гражданскую одежду и повели на пристань. В трюм лесовоза набили ещё 3800 человек. Нары в трюме были в шесть, семь ярусов.

Вместе с Баевым в Норильский лагерь были отправлены: бывший начальник СЛОНА, а к тому времени заключённый – А. Ногтев (освободился в 1945 г.). «Подельники» Г. Димитрова по «поджогу» Рейхстага – Благой Попов и Танев, которые в разговорах частенько «крыли» своего вождя непечатными словами. Спортсмены: вратарь сборной СССР по водному поло – Валерий Владимирович Буре (1912–1974 гг.) и чемпион Европы по прыжкам в воду – Николай Николаевич Сухоруков. Писатель – Александр Никанорович Зуев. Журналисты и писатели – Абрам Давидович Аграновский и Алексей Николаевич Гарри (Бронштейн) и прочие представители творческой, научной и технической интеллигенции. Лесовоз был неким ГУЛАГовским аналогом знаменитого «философского парохода», отправленного Лениным после революции на «Запад». По приказу Л. Берия, «Семён Будённый» взял курс на восток.

Гарри Алексей Николаевич (1903–1960). *В гражданскую войну Гарри был, то ли начштаба кавбригады Г. Котовского, то ли его адъютантом, а может ни тем и не другим, учитывая его юный возраст. Участвовал в подавлении антоновского мятежа на тамбовщине. Написал книгу – «Повести о Котовском». По другой версии, цикл рассказов – «Огонь. Эпопея Котовского». В норильском лагере Гарри заведовал научно-технической библиотекой норильского комбината.*

Могила А.Н. Гарри на Новодевичьем кладбище.

Журналист Аграновский А.Д., врач по образованию, был инспектором санитарного отдела (САНО) норильского лагеря и посёлка.

** * **

Лесовоз вышел с Соловков 5 августа. По Ледовитому океану он шёл в караване, в сопровождении ледокола и 15 августа прибыл в Дудинку – порт в устье Енисея. Утром 16 августа, зеков на баржах стали перевозить на берег. Уголовников и ещё 400 человек оставили в Дудинке для работы на лесобирже, а остальных направили в Норильский лагерь. Этим этапом с Соловков в Норильск попали пять врачей: А.А. Баев, П.Е. Никишин, М.А. Райвигер (по другой транскрипции – Райвичер, или Райвангер), З.И. Розенблюм, Д. Сагайдак (Сагойдак?).

Из интервью Баева Косиновой. «Точных сведений о том, куда нас отправят, не было, но были слухи, что в какой-то северный лагерь. Погрузка на пароход была обставлена со всеми предосторожностями. Вокруг было много стражи. Нас группами доставляли на пристань и сразу заталкивали в трюм, так что я даже не рассмотрел название парохода. В пути нас иногда выпускали на палубу и у меня в памяти сохранился вид моря, покрытого льдами. Погода была тихая. Кормили сравнительно скудно, но терпимо. Затем мы были выгружены в Дудинке и по железной дороге отправлены в Норильск».

А вот как описывают этот же «переезд» другие Соловецкие сидельцы.

Александр Арсентьевич Прохоров (1906–19?? гг.), инженер: «Прозвучала команда: “Со с вещёй!”. С вещами, значит. Выходим, а на рейде стоит пароход “Семён Будённый”. Пригнали нас на этот пароход. В трюме этажей в 6 нары. А посередине стоит огромная 40-ведерная бочка, она же параша».

Д. Сагайдак. «Наконец и обыск остался позади. У каждого в руках вещи: у одних чемоданы, у других рюкзаки, а у большинства мешки и рубахи с завязанными рукавами и воротом, набитые немудрёными вещами, ещё пахнувшими домом, несмотря на плесень, покрывающие их. Построили по четыре, раскрыли двойные железные ворота. И по ярко освещённому коридору из двух рядов конвоиров погнали четвёрку за четвёркой. Перед командой – “Марш!” нам объявили традиционную “молитву”: “Шаг влево, шаг вправо – конвой стреляет без предупреждения”, а конвою: “При попытке к бегству стрелять по врагам народа без команды!”. Затем уж: “Марш! Подтянись! Не отставай! Быстро вперёд!” – почти бегом до пристани, у которой пришвартован океанский лесовоз. Быстро, по одному человеку, взбегаем по трапу к люкам, которые окружены конвоирами с пистолетами в руках. Между ними свободный проход для одного человека. У самых люков по два конвоира без оружия. Они вырывают из рук рюкзаки или сумки с вещами и бросают в тёмную глубь колодца. Опускаюсь по вертикальной лестнице, наступая на чьи-то руки, вскрикиваю от ударов ботинками по голове и рукам, спускающегося вслед за мною. Внизу какая-то глубоко уходящая вниз яма, дна её не видно.

Не я один, многие подумали в эти минуты, что мы находимся в глубокой могиле, заживо погребённые. По всему телу пробегает холод ужаса, полной обречённости. В кромешной тьме с руганью и стонами разыскиваем свой немудрёный «багаж», и те, кому посчастливилось найти его, ощупью отыскивают себе место. А место необходимо. Этот трюм не на час, не на день. Ведь не зря выдали по три килограмма сухарей, как-никак это десятидневная норма. Кое-где мелькают жалкие огоньки зажжённых спичек. Постепенно стихли ругань, шум и крики, все нашли себе место на нарах. Волны с разъярённостью дикого зверя набросились на борта лесовоза. Он дрожит всеми переборками, стонет, скрипит и, непрерывно кланяясь этим волнам, тяжело взбирается на них. Вот уже на гребне волны переваливается с борта на борт и вдруг скользит, проваливаясь в пропасть. Сердце людей уходит в пятки, что-то выворачивает внутренности.

В трюме не слышно ни одного человеческого голоса. Стоны, проклятия, ругань подавлены грохотом бури.

Силы покидают нас. Мы уже не встаём, мы не в силах сидеть. Вентиляции никакой: все люки, ведущие с палубы в трюм, наглухо задраены от попадания воды, давно уже перекатывающей по палубе. Мы дышим, часто разевая рты, как рыбы, выброшенные на берег. Воды нет, а жажда становится нестерпимой. Густой, спёртый, горячий воздух пробирается внутрь, сушит лёгкие, горло. В ушах шумит, давит виски. Голова раскалывается на части. А время точно остановилось.

Шторм продолжался девять дней. На тринадцатые сутки мы вошли в устье Енисея, а через некоторое время пришвартовались у причалов Дудинки». (Журнал «Северные просторы». «Красный слон на Белом море». № 5–6, 1992 г.).

Можно подумать, что Баев и Сагайдак плыли на разных пароходах и в разное время. Скорее всего – это яркий пример позднейшего «олитературирования» и излишней драматизации своих несчастий. Этим «грешили» отдельные заключённые после освобождения, давая волю своей фантазии. Как говаривали в то время: «За версту несёт мадам Литературой».

От Дудинки до Норильска 102 километра. По прибытии в Дудинку заключённых, для отправки в Норильск, разбили на две группы. Одна группа, более сильная физически, пошла в Норильск вдоль узкоколейной железной дороги пешим этапом. В дорогу каждому зеку дали по два куска солёной трески и две пайки хлеба.

Другую группу, в которую вошёл Баев, повезли на открытых полу-платформах по железной дороге. Вот что пишет об этом Нина Семёновна Дзюбенко. «Одна группа заключённых до Норильска ехала по узкоколейке. Когда колонна подошла к вокзалу, то обнаружилось, что она вдесятеро длиннее линии платформы. Заключённых “нанизали” друг на друга: сажали на колени, плечи и даже головы. Таким образом, в сопровождении охраны и станкового пулемёта доехали до пункта, для многих действительно оказавшегося конечным».

Из воспоминаний Дмитрия Быстролётова о своём прибытии в «Норлаг» («Пир бессмертных» Из-во «Гранула». 1993 г.). «Год назад нас везли в Норильск в солнечный прохладный день. На середине пути мы разошлись с встречным поездом: на платформах лежали оборванные люди, плоские, бесформенные и безликие. Казалось, везут небрежно накиданный мусор. На разъезде оба состава остановились рядом. “Кто

вы?” – крикнул я тем, кто был на ближайшей платформе. Одна тощая фигура поднялась. Она была похожа на художественно сделанное пугало. Покачиваясь и неуверенно балансируя палками рук, фигура с серой лепешкой вместо лица долго беззвучно смеялась беззубым ртом, потом сипло каркнула: “Мы были такими, как вы, а вы будете такими, как мы”. Пугало шлепнулось в общую кучу, но с усилием подняло лицо-лепешку над бортом платформы, просипело “Ха-ха!” и окончательно растворилось в гряде “мусора”. Лязгнули вагоны, поезда тронулись и разошлись».

Дудинка. Конец 30-х годов.

* * *

В посёлке Норильск, Красноярского края, расположенном за Полярным кругом, при строящемся Горно-металлургическом комбинате НКВД, находился большой Исправительно-трудовой лагерь, так называемый – «Норлаг» или «Норильлаг». Одним из «отцов-основателей» «Норлага» можно считать Серго Орджоникидзе. Именно он предложил использовать труд заключенных для разработки никелевых месторождений Норильска.

«Норлаг» был образован 25.06.1935 г. и просуществовал до 02.08.1956 г. В начале 50-х годов в лагере было 30 лаготделений. Кроме этого, в административном подчинении «Норлага» находились несколько лагерей и

отдельных лагпунктов вдоль Енисея на протяжении 4613 км, от лагпункта «Бирюли» на берегу Карского моря, до с. Шушенское, на юге Красноярского края, где когда-то в ссылке находился Ленин. За время существования «Норлага» через него прошло около 400 тысяч человек. Политических среди них было около 300 тысяч. При образовании лагеря его формировали заключёнными из тюрем Ельца, Енисейска, Красноярска, Кустаная, Орла, Соловков, Юхнова и других мест. Прибытие заключённых в лагерь, в силу климатических условий, было возможно только летом по Северному морскому пути или по Енисею из Красноярска.

В 1939 г., этапы из Красноярска в Норильск шли по Енисею следующим образом. Заключённых помещали в трюм больших барж, которые буксирные пароходы и даже рейсовые, например, «Мария Ульянова» или «Спартак», брали на буксир. В сцепке находилось до трёх барж. Некоторые баржи имели названия: «Ангутиха», «Ермачиха», «Фатьяниха» и т. п. Баржи были оборудованы сплошными нарами в три яруса. На каждом ярусе помещалось до 200 человек и больше. Итого: 600–800 человек на баржу. Всего в этапе перевозили 1800–2400 человек. Обычно от Красноярска до Дудинки доплывали за 7–12 дней. Использовали для перевозки зеков три или четыре баржи повышенной вместимости. Это были настоящие монстры. Они назывались «Карские». Их длина была 80, а ширина 16 метров. Баржа была рассчитана на перевозку 1500 заключённых.

Из воспоминаний Виталия Николаевича Бабичева. «Кормили “затирухой” – сырая вода из Енисея, соль и мука. Вся суточная порция состояла из трёх черпаков на душу. Вместо посуды каждый получал свой черпак кто во что: в ботинок, фуражку, шапку, рукав или полу пиджака. Не получил – подыхай. Алюминиевые ложки отобрали, а деревянных не дали. Поэтому есть приходилось по-собачьи – вылизывать содержимое языком. Воды, кипятка, хлеба не давали. В барже было 600 заключённых. На каждом этаже нар для оправки стояла большая деревянная бочка, которую раз в сутки подавали через люк на палубу и выливали за борт. Так как бочки были без ручек, то часто выскальзывали из рук ослабевших людей, опрокидываясь на нары, постели, людей. На наших глазах они умирали от отсутствия воздуха, воды, человеческой пищи и от антисанитарии. Трупы умерших не выдавали на палубу конвоем до терпимого разложения. Это позволяло получать на усопших три лишних черпака “затирухи” в сутки. Только наша баржа потеряла более 150 человек».

Ещё свидетельство. «Берег Енисея. Солнечный, холодный и ветреный день. К этапу подходит молодцеватый розовомордый парень в белом полушубке и ремнях. Это начальник конвоя. “Заключенные, слушай предупреждение. Сейчас вас посадят в баржу. Когда вы войдете в трюм, двери будут заперты и запломбированы. При первом признаке неповиновения баржа будет отцеплена и потоплена вместе с этапом. Все слышали меня?”. Глухое движение по рядам. “Слышали”. “Всё поняли?”. “Поняли”. Женщин запирают в маленькую надстройку на корме, мужчин спускают в большой трюм на носу. Мельком я вижу на палубе отъезжающих стрелков, их жен и детей, запас дров и провизии, большую кухню в специально выстроенной будке. Но разглядывать некогда, моя очередь. Переступаю через край трюмного люка, вхожу на скользкий трап и спускаюсь в душную тьму. Потом сзади слышу крик: “Все вошли, товарищ начальник!”. И лязг запираемых дверей. Трюм представлял собой помещение в виде треугольника. Вершина его слегка усечена. Там, за железной переборкой, якорный ящик в нем лежат обледенелые ржавые цепи двух якорей. Представляете себе сцену Художественного театра во время постановки пьесы Горького “На дне”? Сатина, Барона, Татарина, еще двух-трех человек, их бутафорские вещи? Ну, а теперь представьте, что нары сплошные и в три яруса, а людей около двухсот – Сатин на Сатине, Барон на Бароне: все ползают по нарам во мраке, как обезьяны в дебрях тропического леса; что тряпье и мешки этих двухсот людей гроздьями и рядами висят на гвоздях и медленно покачиваются или кучами лежат по внутреннему краю нар, чтобы уберечь ноги от обледенелого железа бортовой обшивки. Такова одна сторона треугольника. Есть и вторая – точно такая же, но с другими двумястами людей. Наконец, основание треугольника: трап наверх, три бочки параши, ствол и основание передней мачты с лампочкой. Эта переборка – теплая. За ней семейный трюм для отъезжающих стрелков, их жен и детей. Освещенное место заняли урки и дуются в карты, которые пронесли в этап, несмотря на столько строжайших обысков. Внизу, между нарами, залитый нечистотами из параш железный пол. Сверху над этим треугольным пространством – рамы перекрытия. Одна приоткрыта для вентиляции, оттуда падает снежок, и льется жиденький серый свет. После нескольких минут растерянного молчания начинается галдеж, кто-то по липкой грязи бацает чечетку. Я начинаю командовать: больных укладываю на нижнем ярусе, остальные лезут на второй, урки сами по своей обычной манере располагаются на третьем. В помещении день и ночь ровный гул – про-

клятия, стоны, ругательства, смех, кашель, крики, песни. Представьте себе лица и руки людей, которые в этих условиях не мылись. Это не театральные Сатины и Бароны, это советские граждане. Вот им роздали пищу, они хлебают суп. Жуют хлеб. Серые черви, копошащиеся на темном фоне зловонной требухи. Их шестьсот. Ну, представили? Да? Тогда все».

В 1939 г. в Норильске, по вольному найму, работало 2404 человека. Из них: 1147 служащих, 837 рабочих и 420 стрелков ВОХР. Жилья не хватало и часто люди ютились в бараках по три семьи в одной комнате. К имевшимся в лагере 8000 заключённым, в 1939 г. из разных мест, пятью этапами: 13 июня, 19 июля, 17 августа (соловецкий), 17 сентября и 9 октября, было привезено ещё более 10 тысяч «зэков». Для них «норма проживания» на нарах была от 1 до 1,4 м. кв. на человека.

Соловецкий этап был самый многочисленный в том году и, несмотря на отбор, наименее работоспособный, т. к. состоял он, в основном, из доходяг-интеллигентов, изнурённых работами на Соловках. В октябре среди них вспыхнула эпидемия дизентерии, которая многих свела в могилу (умирало до 20 человек в сутки).

*Вместе с этапом в Норильск прибыл и начальник Соловецкой тюрьмы (окт. 1938 г. – июнь 1939 г.), капитан госбезопасности **Николай Васильевич Волохов**. Приказом А.П. Завенягина № 386 от 17 августа 1939 г. на основании предписания ГУЛАГа НКВД № 1820 от 20.07.39 г. он был назначен заместителем начальника Норильского комбината по лагерю, т. е. начальником лагеря. По словам норильчанки О.Н. Лукашевич: «Н.В. Волохов – хороший человек и жена его – чудесная женщина». А как же утопленная на Соловках баржа с людьми (если это правда) и массовые расстрелы в Норильске? Одним словом, в НКВД, кого не возьми, все милейшие люди, а творили такое, что страна до сих пор не может прийти в себя от их деятельности!*

В 1944 г. подполковник Волохов был назначен начальником Джидинского ИТЛ. К 1945 г. Волохов уже кавалер орденов Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и ордена Ленина!

Относительно численности заключённых в «Норлаге» по годам, в справочнике «Система ИТЛ в СССР. 1923–1960 гг.» (Москва. 1998 г., стр. 338–339.), приводятся такие данные. 1935 г. – 1200 человек; (1938 г. – 8000 – А.Б.); 1939 г. – 11560 (по другим данным от 19,5 до 24 тысяч – А.Б.); 1943 г. – 30757; 1951 г. – 72490 человек. В 1937 г. в лагере содержалось 10584 мужчин и 594 женщины. Позднее, в 6-ом женском,

лаготделении содержалось более 4000 женщин, в том числе, жена комсомольского вожака А. Косырева – Мария Викторовна Нанейшвили, жена командарма И. Якира – Сара Лазаревна Якир и другие жёны высокопоставленных и, как правило, расстрелянных «врагов народа». Было лагерное отделение на 160 человек и для несовершеннолетних. Национальный состав заключённых был более чем пёстрый (выходцы из 22 стран, от А до Я, от англичан до японцев). А уж многочисленных представителей народов и народностей СССР было не счесть. Заключённые шутили: «Если какая-то нация не представлена в ГУЛАГе, значит, её нет в природе!».

Норма питания для заключённых «Норлага» в 1935 году была – 800 гр. чёрного хлеба в день, 1600 гр. в месяц конской или оленьей солонины, часто не первой свежести. Больные получали в день 50 гр. мяса, 260 гр. чёрного, 260 гр. белого хлеба и 7 гр. сахара.

* * *

Первым руководителем «Норильского строительства и лагеря» 1 апреля 1935 г. Г. Ягода назначил В.З. Матвеева.

Матвеев Владимир Зосимович (1887–1947). Матвеев родился в Ташкенте в семье кожевника и был профессиональным чекистом. После революции активно боролся в Средней Азии с басмачами, которые обещали за его голову 5000 рублей. Матвеев видимо тоже придерживался азиатских обычаев, т. к. однажды привёз своей невесте отрезанную голову одного из бандитов, чем поверг её в неописуемый ужас. Когда он приходил в ярость то сжимал кулаки, скрежетал зубами, губы его белели и под руку ему, в такие минуты, лучше было не попадаться. С другой стороны, о нём отзывались, как о достаточно гуманном для чекиста человеке.

Работы, по обустройству Норильска, начались ударными темпами. Матвеев писал в одном из отчётов о проделанной работе. «Предстоящий ледостав и позднее прибытие барж с ценнейшим грузом требовали максимального напряжения лагерников Норильска и Валька для разгруз-

ки в минимальный срок прибывших ценностей. Это побуждало, при наличии свыше 2000 тонн груза и ограниченного числа лагерников, проявить особое напряжение и энергию сформированных штабом соревнования и ударничества бригад. С возложенной задачей бригады справились: все грузы разгружены в течение нескольких дней. Этому способствовала единодушная, ударная, энергичная работа бригад, работавших круглые сутки, выдвинувшая ядро подлинных ударников, сумевших организовать массы, с честью выполнившие производственный поход имени начальника ГУЛАГа тов. Бермана. Ни тяжелые условия разгрузки, ни усталость не сломили настойчивости лучшей части ударников, методично, звено за звеном, бригада за бригадой выгружали они на берег ценные грузы».

* * *

Матвей Давыдович Берман (1898–1939). Комиссар госбезопасности 3-го ранга (1935 г.). В ЧКа с 1918 г. Руководил ГУЛАГом в 1932–1937 гг. В 1933 г. начальник ГУИТЛ ОГПУ. В 1936 г. руководил строительством канала Москва-Волга. Замнаркома ВД СССР, Нарком связи. 24.12.38 г. арестован и 07.03.39 г. расстрелян. В 1957 г. реабилитирован.

* * *

Однако трудовой энтузиазм «зеков» не помог. Матвеев должен был пустить первые предприятия комбината в 1938 г., но не справился с заданием. Не функционировала должным образом и узкоколейка Дудинка–Норильск, насыпь которой содержала большое количество льда и снега. Летом всё это растаяло и привело к деформации ж/д полотна. Серьёзные просчёты московского руководства и самого Матвеева, ужасные климатические условия Заполярья, неизбежные трудности при организации нового дела, фактически на пустом месте, роковые стечения обстоятельств – сыграли трагическую роль в судьбе первого руководителя НорЛага. Ежов прислал в Норильск проверочную комиссию во главе с А.П. Завенягиным. Завенягин докладывал Ежову: «Положение стройки хуже, чем указывалось в отчёте (Матвеева – А.Б.). Управление лагерем отсутствует. Нет должного режима. На стройке вскрыто явное вредительство». Самое популярное слово тех лет произнесено и Матвеева и ещё 10 человек из высшего руководства ГУЛАГА, в том числе и тов. Бермана, арестовали. Его жене, благодаря помощи Г.В. Маленкова, уда-

лось скрыться и избежать репрессий. Её сын от второго брака – известный актёр Владимир Абрамович Долинский.

Матвееву предъявили обвинения по статьям 17–58–7, 17–58–8, 17–58–11. В обвинительном заключении указывалось, что Матвеев «по заданию врагов народа Плинера (на тот момент начальник ГУЛАГА – А.Б.), Госкина (начальник железнодорожного строительства НКВД – А.Б.) в составе антисоветской организации занимался вредительской деятельностью». Следствие, сопровождавшееся изощрёнными пытками, длилось год. В апреле 1939 г. Матвеева приговорили к 15 годам ИТЛ. Срок он отбывал на лесоповале в одном из лагерей в Архангельской области.

Во время следствия, находясь во внутренней тюрьме на «Лубянке», Матвеев говорил своему сокамернику – Д. Быстролётову. «Вы конченный человек! Как и я. Как тысячи белых негров в Норильске. Тундра вас быстро обработает без расстрела». (Д. Быстролётов. «Как я умер». – А.Б.). Тайга так же безжалостна, как и тундра. Однажды Матвеев упал в ледяную воду и заболел воспалением лёгких. Это обострило его хронический туберкулёз, от которого он и скончался в лагере в 1947 г. В 1955 г. В.З. Матвеев был реабилитирован.

* * *

Судьба следующего руководителя «Норлага» сложилась более чем удачно. После ареста Матвеева, руководство комбинатом и лагерем, по указанию Сталина, принял глава проверочной комиссии – А.П. Завенягин, который с 1933 г. руководил строительством Магнитогорского металлургического комбината на Урале.

Надо сказать, что в тех условиях свобода и жизнь Завенягина тоже «висела на волоске». Ежов как-то показал Завенягину, в качестве предупреждения, пухлую папку, до отказа набитую доносами его коллег и подчинённых по Магнитке, которых вполне хватило бы на расстрельную статью. При назначении А.П. на новую должность, на ночном заседании Политбюро (сталинская манера работы), на котором присутствовали: Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Косиор, Андреев и др., Молотов сказал Завенягину: «Мы решили Вас не добивать. Проявите себя на новой работе». За этими словами так и слышится неторопливая, рассудительная манера речи, с лёгким грузинским акцентом, совсем другого человека...

До сих пор находятся люди, имеющие наглость утверждать, что тогдашняя партийно-государственная верхушка не только ни в чём

плохом не замешана, но даже ничего не знала и не ведала о том, что творилось в стране. Они, якобы, занимались только хозяйственными вопросами, слепо доверяя «органам», «перегибы» и «ошибки» которых им потом приходилось неоднократно «исправлять».

Завенягину, в строительстве Норильского комбината и лагеря, помогал эксчекист, зек Ирохим Яковлевич Эпштейн, который до этого руководил лагерем и строительством Кузнецкого металлургического комбината. Там, под его руководством, заключённые массово умирали от голода. В 1938 году Эпштейна арестовали, судили и отправили в Норильский лагерь.

* * *

Завенягин Авраамий Павлович (1901–1956).

Генерал-лейтенант Госбезопасности, дважды Герой Соц. Труда (1949 г., 1954 г.), лауреат Сталинской премии, член КПСС с 1917 г., член ЦК КПСС, депутат ВС СССР. Протеже С. Орджоникидзе. С 1933 г. директор Магнитки, зам. наркома тяжёлой промышленности. С 1938 г. по апрель 1941 г. начальник Норильского лагеря и Норильского горно-металлургического комбината НКВД, которому присвоили, в дальнейшем, его имя.

Завенягин – одна из центральных административных фигур в отечественном атомном проекте. С марта 1941 г.

по 1950 г. он зам. наркома внутренних дел (с марта 1946 г. министерство) Берия, а затем Абакумова. С 20 августа 1945 г. зам. начальника 1-го Главного управления (Создание ядерного оружия. Руководитель – Берия.). С января 1946 г. Завенягин ещё и начальник 9-го управления НКВД (Управление специальных институтов, так называемых «шарашек», работавшее с учёными-заключёнными, в основном, по ядерной проблематике).

С 1953 г. Завенягин зам. министра, а с 1955 г. министр среднего машиностроения (ракетно-ядерное вооружение СССР), зам. председателя СМ СССР. За успешные испытания ядерной (1949 г.) и водородной (1953 г.) бомбы, дважды получал звание Героя Соц. Труда. Умер в 55 лет от инфаркта 31 декабря 1956 г. Похоронен на Красной площади, в Кремлёвской стене.

* * *

Что представлял собой Норильск осенью 1939 г.? Четыре дома в посёлке и пара лагерных бараков, были из бутового камня, который добывался в местном карьере. Остальные дома и лагерные бараки были из брёвен или имели дощатые стены, между которыми, для утепления, засыпали шлак («засыпушки»).

Норильск зимой.

Функционировал малый металлургический завод и обогатительная фабрика. Лагерные бараки были разделены на две группы – северную и южную. «Южане» работали на рудниках и шахтах. «Северяне» занимались строительными работами.

Баев попадает в 5-ое лаготделение (строительное). В бараке, справа и слева от центрального прохода, двухэтажные нары. На одного «зека» приходилось 1,4 кв. м. нар. Лагерная еда – это миска картофельно-капустной или овсяной «баланды», миска каши (овсянка, перловка), кусок отварной или солёной трески, чай, сахар и хлеб. Тем, кто выполнял норму давали 1,2 кг. хлеба в день. Если норма не выполнялась, хлебная пайка урезалась до 600 – 300 грамм. Для сравнения: в блокадном Ленинграде, в 1941 г., рабочим выдавали в день – 250 гр. суррогатного хлеба; служащим, иждивенцам и детям по – 125 гр.

Распорядок дня единый для всего ГУЛАГа: 6.00 – подъём, 6.30 – завтрак, 7.00 – развод, с 8.00 до 19.00 – работа, в 20.00 – обед, 22.00 – отбой. Заключённых выводят из лагеря колоннами по 100–120 человек (5–6 человек в ряд, двадцать в длину) в сопровождении вооружённого конвоя с собаками.

Обстановку, в которую попал Баев в «Норлаге», описали Александр Александрович Гаевский и Павел Чебуркин (врач по образованию). Гаевский содержался в 3-ем лаготделении, в амбулаторию которого, в декабре 1939 г. в качестве врача перевели с общестроительных работ – Баева.

Из воспоминаний Гаевского. «На месте современного города Норильска была тундра. Металлургического производства не было. Велись работы на первых подземных рудниках и угольных шахтах. Строилась большая автобаза, объекты железнодорожного транспорта, новые лаготделения для приёма непрерывного потока заключённых, рылись котлованы под фундаменты опытных металлургических производств. Всё это в условиях вечной мерзлоты. Никакого опыта работы в таких условиях не было. В районе промышленной площадки уже была первая в заводском посёлке короткая улица, названная Заводской. Одна её сторона была занята третьим лагерным отделением, противоположная несколькими жилыми домами для вольнонаёмных, центральной лабораторией и другими производственными и соцкультбытовыми строениями. Под прямым углом к Заводской улице подходила уже построенная дорога от промышленной площадки к будущему городу. Вдоль этой дороги размещались: больница для вольнонаёмных, дом инженерно-технических работников (ДИТР), Управление комбината, большой магазин, гостиница и ряд двухэтажных жилых домов для вольнонаёмных.

Военизированная охрана размещалась в военном городке, состоящем также из бараков. Начальство (Завенягин, Волохов и Ильюшенко – нач. оперативного отдела – А.Б.) размещалось в трёх двухэтажных коттеджах на берегу озера, названного Долгим. Тут же было три двухэтажных жилых дома для вольнонаёмных специалистов, строилось здание техникума. Территория, примыкавшая к противоположному берегу озера и покрытая низкорослым тундровым лесом, была отведена под будущий город Норильск. Шутники говорили, что в Норильске живут три национальности: основная – ЗЭКи (заключённые), и две малых – ВНЫ (вольнонаёмные) и ВОХРы (охрана). ЗЭКи, в свою очередь, делились на контриков (враги народа) и урок (уголовники). Наш этап разместили в

третьем лаготделении, состоявшем из бараков, сложенных из бутового камня. Жилые бараки делились на две изолированные половины, между которыми размещалась сушилка для одежды. Внутри секций – двухэтажные нары, при входе – место дневального и стол для раздачи пищи, которую он приносил из лагерной кухни. Один барак был занят под амбулаторию и стационар на два десятка коек. Кроме кухни и больницы, на территории лаготделения была баня, небольшой клуб, вещевые склады, небольшой магазин, административные и хозяйственные помещения разного назначения. Позднее были построены трёхэтажная Центральная больница, морг.

Основными структурными подразделениями в лаготделении были УРЧ (учётно-распределительная часть), АХЧ (административно-хозяйственная часть). Самым страшным человеком был оперуполномоченный, который пользовался услугами осведомителей из числа заключённых, их называли “стукачами”, презирали и боялись. Прибывшие с нашим этапом были расселены по разным баракам, определены в разные бригады. Наш и другие прибывшие этапы привезли с собой дизентерию, которая быстро распространилась на все жилые бараки. В маленькую больничку попадали счастливчики, мест для всех заболевших не хватало. С наступлением холодов умирать стали как мухи. Покойников не успевали вывозить, гробов не хватало. Трупы складывали штабелем возле торца больничного барака, как дрова. Это было ежедневным зрелищем, которое перестало волновать. Единственное желание – как бы не попасть в эту компанию. Нашлись рационализаторы, предложили индивидуальных гробов не делать, а вывозить покойников в больших деревянных ящиках-контейнерах, из которых в местах захоронения их вываливали в большие ямы. Экономия дефицитного лесоматериала. Следующее предложение – зачем хоронить в белье, его и так не хватает. Стали хоронить голыми, только с фанерной биркой на шее с номером. Людей экономить не было нужды, их в летнюю навигацию завозили достаточно, с учётом большой смертности. Я переболел дизентерией в лёгкой форме, на ходу.

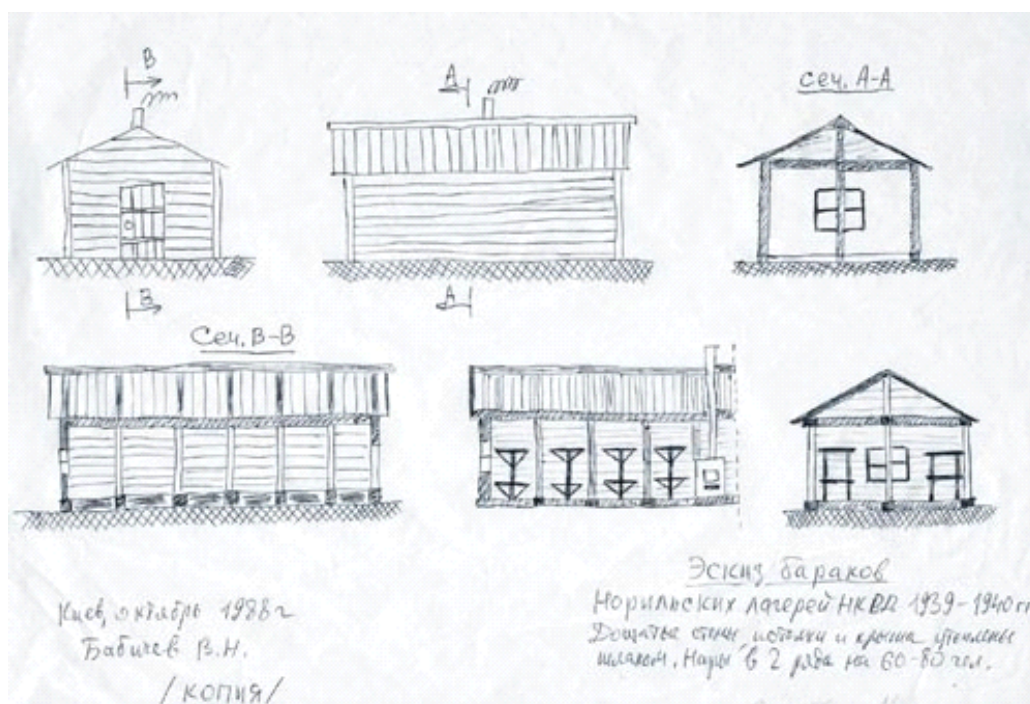
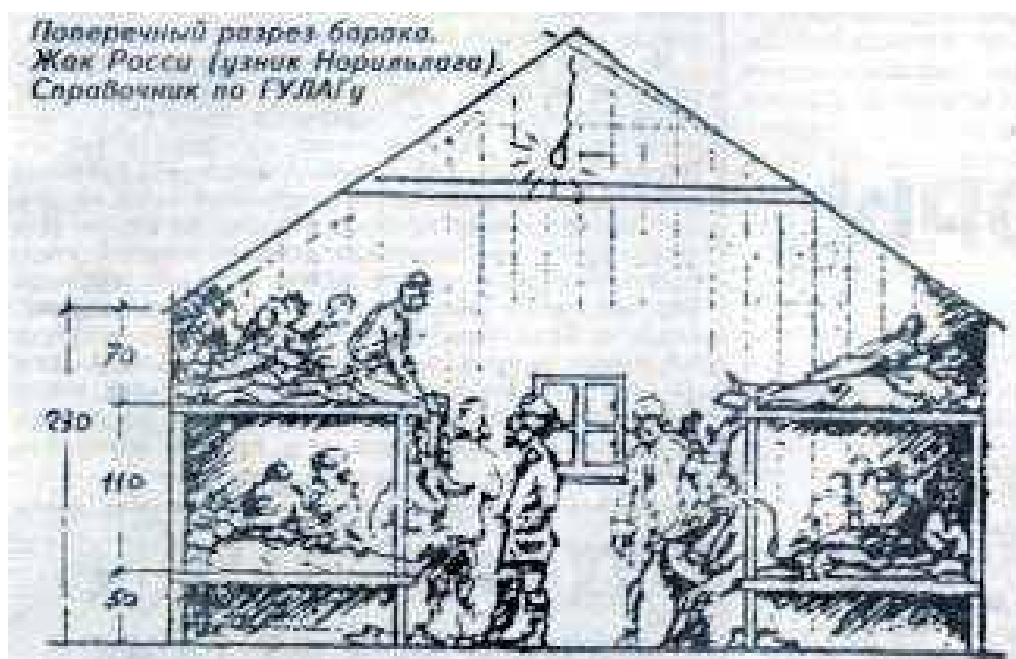
После прибытия в лаготделение я был направлен в бригаду, работавшую на строительстве автобазы и мастерских при ней. Рыли котлованы. Основной инструмент – кирка, которую называли кайлом. Грунт мёрзлый – “хоть зубами грызи”. Никаких укрытий для обогрева. Разрешалось только жечь костры. Растапливали снег, кипятили воду, в которую бросали добытый из-под снега брусничный лист. Получался душу согревающий “царский” напиток.

*Один из бараков Норлага, в котором жили соловчане. 1962 г.
Фото Н. Сибирика.*

Вершители судеб. Лагерное начальство. Крайний справа – А.А. Панюков.

Лагерный барак. Рис. Виталия Николаевича Бабичева.

Сказать, что работали с утра до ночи, нельзя, потому что в это время полярная ночь, почти непрерывные пурги с сильным ветром и снегом. Во время пурги мороз, как правило, ослабевает, и влажный снег облепляет лица, образуя ледяную корку. В результате – обморожение лица. Пурга с сильным морозом называлась чёрной. В этом случае обморожение лица ещё более сильное. Стали из фланели шить для лица маски с прорезями для глаз и рта. В такой маске работать неудобно. Пар от дыхания оседает на маске, образуя сосульки и изморозь, которая концентрируется у глазных отверстий и у прорези для рта. Работы в таких усло-

виях назывались общими работами и были самыми тяжёлыми. Самым приятным была команда о возвращении в зону. Строимся пятёрками, конвой пересчитывает – и шагом марш. Обычное предупреждение: “Шаг влево, шаг вправо считается побегом, стреляем без предупреждения”. Иногда встречаемся со встречно двигающейся колонной. Раздаётся команда: “Стой, садись!” Садиться приходится там, где стоишь в данный момент, в любую грязь. Встречные проходят, движемся дальше. Вот и ворота в лагерь. Из вахты выходят принимающие вахтёры и открывают ворота. Входим в зону по счёту – “первая, вторая” и так далее. Если не сходится, всех выгоняют обратно за ворота, и счёт начинается заново. Иногда такие манёвры повторяются по несколько раз. Конвой и вахтёры злятся, ругаются между собой. Заключением, обессиленным за рабочий день, остаётся только покорно исполнять команды. Наконец мы в зоне. Все торопятся в бараки, чтобы прежде всего лучше разместить в сушилке мокрую одежду. Затем еда, и до сна остаётся уже немного свободного времени. Частенько бывали и сюрпризы. Команда: «Выходи с вещами в коридор!» В коридоре несколько надзирателей. Внезапный обыск, перетряхивают все вещи, другие заходят в секцию и переворачивают постели. Иногда затевают переселение из одного обжитого барака в другой, менее благоустроенный, из одной секции в другую. Всё это для того, чтобы не давать людям покоя и отдыха. Перед праздничными днями – обыски в обязательном порядке, а в праздничные дни выводят на очистку дорог, которые пурга незамедлительно заметает, – бессмысленный труд. Знайте, враги народа, что праздники не для вас! К счастью, на общие работы ходил я недолго. По распоряжению начальника строительства комбината, Авраамия Павловича Завенягина, дипломированных специалистов отбирали для работы в Управлении комбината, в проектной конторе, позднее ставшей институтом, и других структурных подразделениях. Меня направили в отдел технического снабжения Управления комбината. Начальник отдела и руководители групп были вольнонаёмные, остальные ЗК. Попав под крышу, в тепло, в человеческие условия, мы, естественно, “лезли из кожи”, чтобы как можно быстрее усвоить и как можно лучше исполнять обязанности. Фактически работу за вольнонаёмных выполняли заключённые. В результате они привыкали к паразитическому образу жизни и стали считать, что так и должно быть. Лагерное начальство пошло ещё дальше. Все их личные потребности обеспечивались заключёнными. В лаготделениях организовывались различные мастерские – портняжные, сапожные, столярные и

другие, в которых работали заключённые, первоклассные мастера своего дела. Они, – так же, как и мы, – из кожи лезли, чтобы угодить начальству и не попасть на общие работы. Все домашние работы у начальства выполнялись женщинами-заключёнными. Была даже специальная бригада рыбаков, которая обеспечивала лучшими породами рыбы – осетровые, нельма, чир, муксун, хариус и другие. В то время в близлежащих реках и озёрах было её множество. Советской власти в те годы в Норильске не было, начальник комбината “был царь и бог”. В его подчинении были и прокурор, и третий отдел – гроза для заключённых. Фамилию его начальника – Племянников – заключённые произносили с трепетом.

(Племянников Виктор Валентинович. В 1936 г. – мл. лейтенант ГБ, в 1953 г. – полковник. Зам начальника и начальник ИТЛ «Енисейстрой» и ИТЛ «Таёжный» – А.Б.).

Первая зима в Норильске была трудной. Нештукатуренные стены бараков, сложенные из бутового камня, имели много щелей. Во время пурги в них дуло, и через щели на нары проникал снег. Просыпаешься утром, а подушка примёрзла к стене. С течением времени условия проживания изменялись к лучшему, в первую очередь, скажем так, для привилегированной части контриков, используемой не на общих работах. Секции бараков, где они жили, лучше обустраивались и содержались, одежда им выдавалась только первого срока (новая) и даже шилась в лагерных мастерских по мерке и из более приличных материалов. Даже хоронить таких разрешалось в одежде и индивидуальном гробу. Ежедневное общение с вольнонаёмными давало возможность приобретать через них в магазинах недостающие продукты питания. Когда возникала необходимость выполнения срочных работ, нас оставляли работать ночью и при этом обильно обеспечивали продуктами дополнительно к лагерному рациону. Всё это делалось отнюдь не по инструкциям, спущенным свыше, а по разрешению местной администрации, тем самым принимавшей на себя за это ответственность. А в те времена это грозило им возможностью превращения в заключённых, и даже более того. Начало применяться, в связи с необходимостью, бесконвойное хождение контриков по постоянным пропускам в течение определённых часов. Допускалось это, конечно, в интересах дела».

* * *

Павел Чебуркин так описал трагические реалии «жизни» в лагере. «Утром и вечером – по черпаку баланды и по миске овсяной каши с ус-

тюгами и шелухой. Заключение шутили: “Если останусь жив, стыдно будет смотреть в глаза лошадям за съеденный овес”. Хлеба давали 700 граммов. Кто норму не выполнял, тому только 400 граммов. А норма, как тогда говорили, – на двоих одна платформа. Работали по 10–12 часов, поэтому днем выдавали по куску отваренной трески. Со временем устраивались по специальностям инженеры, лаборанты, бухгалтеры, экономисты, механики, врачи. Другой люд группировался по национальным и земляческим признакам. Так, например, цыгане устраивались туда, где были лошади. Китайцы, корейцы – в прачечных и банях. Грузины – поближе к бойням и мельницам. Украинцы – дневальными, лагерной обслугой, на почту, склады, в инструменталки, на ремонт обуви и одежды. Несмотря на хорошее отношение к зэкам со стороны А.П. Завенягина, все-таки очень много ослабленных, больных, пожилых и малоприспособленных людей голодали. Уборные были открытые. За зиму намерзали горы кала и мочи. Я сам видел голодных доходяг, которые брали замерзшие куски кала, выцарапывали из него не переварившиеся крупинки овса, промывали и ели.

Сам видел, как люди не выдерживали сильных морозов и ветра, как вертухаи, несмотря на активированные дни, не уводили зэков в лагерь, ждали персональных указаний, держали людей на ветру, обставив бригаду четырьмя колышками и предупредив: “Кто выйдет за черту колышков, стреляю без предупреждения”. Из нашей бригады три человека не выдержали издевательств и произвола. “Чем так жить – лучше смерть” – переступили за черту запрета и были убиты. Я очевидец, на Нулевой пикет привезли в открытом кузове пятерых заключенных для отправки по железной дороге на штрафную командировку “Каларгон”. (Оттуда почти не возвращались. Если сами не умирали, то их просто убивала охрана или уголовники. Об этом все знали и боялись “командировки”). И вот три человека из пяти на сорокаградусном морозе при сильном ветре разделась догола и у нас на глазах превратились в ледяшки. Побелели и замертво свалились. До какой же степени нужно было довести людей, чтобы они решились на такую смерть! Мне самому довелось присутствовать и на “уроке” заключенным в назидание, когда привели двух беглецов и

привязали голых к столбу. А на утро они были обглоданы гнусом и мошкой. В Норильске перед войной производили массовые расстрелы заключенных. Забирали с вещами и увозили во 2-й Норильск. Далеко в тундре был специальный лагерь, куда свозили обреченных. Вначале их заставляли кирками в вечной мерзлоте рыть для себя могилы, а следующая партия их зарывала и готовила могилы для себя. Дабы скрыть правду о втором Норильске, обреченных приводили в тундре к определенному месту и там передавали другим, сопровождающим до лагеря смерти. Я этого не видел. Мне это известно из достоверного источника. Жертвой 2-го Норильска должен был стать композитор Сергей Федорович Кайдан-Дешкин, автор пионерского гимна “Взвейтесь кострами летние ночи, мы пионеры дети рабочих!” В 6-м л/о он руководил духовым оркестром, который обслуживал главным образом работников НКВД. Накануне большого праздника С.Ф. Кайдана ночью забрали и увезли во второй Норильск. Музыкантами были бытовики и уголовники (кроме Кайдана и меня). Их оперуполномоченный предупредил, чтобы готовились играть на торжествах. Музыканты заявили, что без Кайдана играть не пойдут. Угрозы не помогли, и, чтобы не сорвать увеселительные мероприятия, ответственные вынуждены были возвратить в оркестр С.Ф. Кайдана. Его доставили к нам уже совершенно седым. Несмотря на то, что его предупредили под строжайшую расписку никому не говорить о 2-м Норильске, — он все это мне рассказал. Я также являюсь свидетелем массовых убийств. Видимо, второй Норильск не справлялся. Работали мы на выгрузке угля в бункера. Здание котельной, деревянное, достигало высоты шестиэтажного дома. Однажды мы обратили внимание, что каждое утро из тюрьмы мимо ВЭС-1 работники НКВД возили на двух автомашинах через ручей в тундру хорошо одетых подвыпивших рабочих, а вечером их возвращали в тюрьму. У них были лопаты, кирки, ломы и топоры. И сопровождал их один энкавэдэшник, который находился в кабине. Мы заметили, что через некоторое время этими же машинами вывозили из тюрьмы в кузовах, затянутых брезентом, трупы убитых. После выгрузки машины ставили в ручей... Для наблюдения мы выделили из бригады молодого парня, который взбирался на чердак и затем подробно информировал нас. Он был освобожден от выгрузки угля, а его норму мы разложили между членами бригады. Наблюдение продолжалось в течение месяца. Кончилось тем, что после захоронения последней партии убитых работники НКВД напоили могильщиков, сняли с них полушубки, расстреляли и захоронили, чтобы не было свидетелей. Но свидетелем был я. И все мы, кто еще остался жив из нашей бригады».

* * *

В августе, сентябре, октябре, ноябре и большую часть декабря Баев работает на земляных работах – копает в вечной мерзлоте траншеи и котлованы под фундаменты очередных заводов. Будучи невысокого роста и субтильного телосложения к декабрю Баев начал терять силы. Это означало, что вскоре он не сможет выполнять требуемый объём работ. В качестве наказания, ему грозило урезание лагерной пайки и неминуемая гибель.

К счастью, в конце декабря 1939 г. лагерное начальство начинает использовать Баева по его прямой специальности – врача, которых не хватало в Норильске. Один месяц он работает врачом в амбулатории 3-го лаготделения (каторжного). Незадолго до ликвидации «Норлага», в июне 1953 г., в третьем лаготделении, после тщательной подготовки, вспыхнул бунт. «Историческая беседа» начальника «Горлага» с заключёнными происходила на крыльце амбулатории третьего лаготделения.

Наиболее активными участниками этого восстания были недобитые в послевоенных украинских лесах бандеровские ублюдки и их пособники. Бандеровцы использовали при расправах с неудобным им мирным населением, в том числе и поляками, во время Львовской (1941 г.) и Волынской резни (1943 г.) до 140 способов казни! Ими было убито и зверски замучено, по разным данным, от 36 до 125 тысяч человек. В послевоенные годы (до 1956 г.) бандеровцы продолжали лютовать и убили только на Украине 16 тысяч учителей, врачей, руководителей всех рангов и 28 тысяч рядовых граждан.

Зиму сорокового года Баев проводит в лаготделении рудника «Медвежий ручей». Единственный врач на руднике, он живёт в палатке, обложенной снегом. Рудник «Медвежий ручей» старейший в Норильске и единственный, где руду добывали и добывают открытым способом.

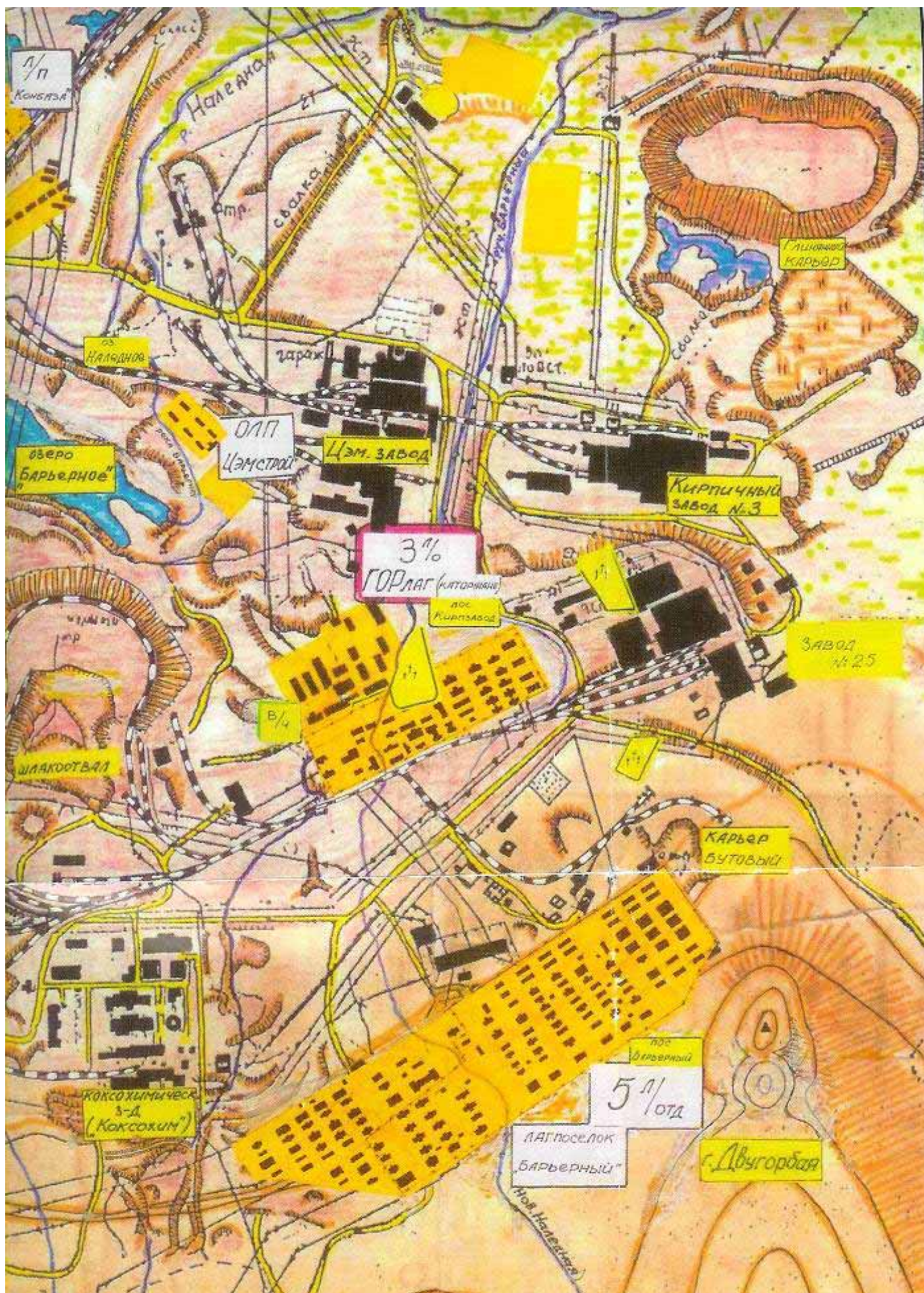
Из интервью Баева журналисту и историку Норильска – Анатолию Львовичу Львову. «Мы прибыли в Дудинку августовским караваном. С чего начался для меня Норильск? Опять долбил грунт, теперь уже вечномерзлый. Какую-то канаву проходили, точнее, не знаю. Похоже, что где-то прочли мою карточку или анкету, решили использовать по специальности. Вероятно, около месяца принимал в амбулатории 3-го лаготделения. И тут вдруг: “С вещами!”. “Медвежий ручей”, комната в деревянном доме, потом отдельная палатка. Я один на всю шахту. Травмы, дизентерия, но дистрофиков не было: на шахту отбирали тех, кто крепче».

Рудник «Медвежий ручей».

Весной сорокового года Баева переводят в качестве врача в лаготделение, у подножия горы Коришунья, так называемый, Второй Норильск, который пользовался дурной славой, т. к. оттуда мало кто возвращался. Здесь только что прошли очередные массовые расстрелы. Жертвами их, на сей раз, стали офицеры, чиновники и простые граждане из оккупированных СССР в 1939 г. территорий прибалтийских государств и Польши.

Расстреливали заключённых Норильска с завидной регулярностью. Так в сентябре – октябре 1937 г. было расстреляно 238 человек. В феврале – апреле 1938 г. – 211 человек. Происходило это не только во 2-ом Норильске, но и в, так называемом, расстрельном карьере и где-то в долине реки Егарлах, куда заключённых вели мимо 5-го лаготделения, вдоль склона горы Двугорбой. В военные годы расстрелы совпадали с неудачами Красной армии на фронтах. Расстрел десятков человек, в ноябре 1941 г. совпал с немецким наступлением на Москву. В начале 1942 г. расстреляли 143 латвийских офицера, выпускников французской военной академии. В 1942 году расстрелы были ещё дважды. 10 июня и 23 сентября, когда немцы подошли к Сталинграду.

*Карта «Норлага» (фрагмент). 3-е (каторжное) и 5-ое лаготделения.
Составлена В. Блохиным.*

Второй Норильск. Гора Коршунья.

В связи с этими расстрелами можно вспомнить судьбу 4421 польских офицеров, жандармов, полицейских и осадников, расстрелянных по приказу Сталина в Катыни в 1940 г. Возможно, расправа с поляками — это отчасти отголосок событий далёких двадцатых годов (Советско-Польская война 1919–1920 гг.), когда Польша, желая расширить свои границы, напала на Литву и молодую Советскую Республику. Контрнаступление Красной Армии, под руководством Тухачевского, Будённого и Сталина на Варшаву провалилось, во многом из-за разногласий внутри этой троицы. Маршал Пилсудский назвал поражение красных — «Чудом на Висле» по аналогии с известным выражением — «Чудо на Марне», когда в 1-ю мировую войну французы остановили наступление немцев на Париж. К Польше отошли Западная Украина и Западная Белоруссия. С нашей стороны было много убитых и пленных. В польских лагерях умерло от голода, болезней и было замучено, по разным данным, от 28 до 100 тысяч красноармейцев. По воспоминаниям графа М. Коссаковского, одним из «развлечений» поляков было следующее. Приводили пленного и приносили кошку. Заключали пари — «кто сдохнет раньше», после чего пленному вспарывали живот и засовывали туда живую кошку.

Сталин, будучи человеком злопамятным и мстительным, видимо припомнил это полякам (и правым и виноватым) после раздела Польши между Германией и СССР в 1939 г. Когда Советские войска заняли восточные районы Польши, то выискивали и арестовывали, в том числе и тех, кто воевал против Красной Армии в двадцатые годы на Варшавском направлении и служил в лагерях русских военнопленных. Так одна жестокость породила другую, иногда спустя десятилетия.

На судьбе поляков сказалось и то, что Польша, на протяжении столетий проводила, да и проводит, откровенно русофобскую политику. В канун Второй мировой войны (в 1938 г.) поляки, успешно «оттяпав кусок» от Чехословакии (Тишинскую волость), активно предлагали свои услуги Германии в походе на Восток, надеясь немецкими руками присоединить к Польше значительные территории на западной границе СССР за счёт Украины, Белоруссии, Литвы, Смоленской, Брянской и др. областей, с выходом к Чёрному морю. Эдакая реинкарнация Речи Посполитой (*Rzeczpospolita*) образца 1569 г., от моря до моря. Свои территориальные притязания к соседям Польша собиралась «юридически» оформить в январе 1939 г. с помощью, так называемого, «Пакта Риббентропа-Бека» (Юзеф Бек – министр иностранных дел Польши), но у Гитлера в отношении Польши были другие планы. По воспоминаниям «придворного» архитектора и министра промышленности и вооружений Германии – Альберта Шпеера, Гитлер презрительно называл Польшу за это – «шакалом Европы», а Черчилль, в своих мемуарах – «жадной гиеной».

Кроме Катыни пленных поляков содержали и расстреливали в лагерях: Козельска, Старобельска, Осташкова, Медное (расстреляли 6000 человек), Пятихатки и в Быковлянском лесу под Киевом, в котором расстреляли 3 тысячи человек.

С началом войны, из уцелевших поляков этих и других лагерей, а также ссыльных и добровольцев, были сформированы подразделения, так называемой, армии Андерса, которого освободили из лагеря. Эта армия подчинялась польскому эмигрантскому правительству в Лондоне и «союзникам» и в боях на «восточном фронте» участия не принимала. В конечном счёте она была выведена с территории СССР в Иран.

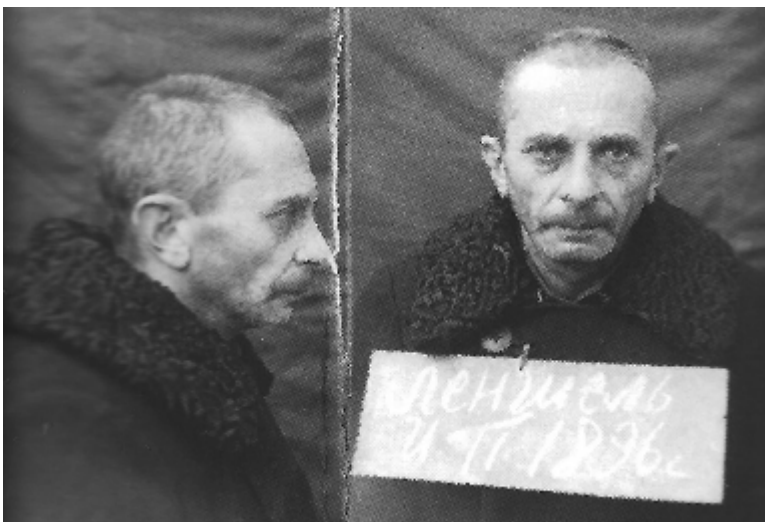
Из тех же категорий поляков была позднее сформирована дивизия им. Тадеуша Костюшки и ряд других частей, которые вместе с Советской Армией освобождали Варшаву, участвовали в штурме Берлина и составили костяк Армии Людовой социалистической Польши.

* * *

Но вернёмся в Норильск. Вот, что пишет про Норильск-2 Н.С. Дзюбенко, ссылаясь на слухи и воспоминания И.Я. Бузмакова, Ф.К. Бортникова и Й. Лендела. «По очень скудным, обусловленным подпиской о неразглашении данным, в то страшное время в Норильске происходили казни людей в штольне, находившейся в так называемом Норильске-2, в восточной части норильских гор. А происходило это примерно по такой схеме: обречённых заводили в указанную штольню, расстреливали, а следующие обречённые извлекали трупы из штольни, обливали их горючим, железные бочки из-под которого долго ещё валялись на площади перед штольней, сжигали, а затем самих их расстреливали». Мне всё это представляется маловероятным. Слишком мудрено, трудоёмко, да и горячее там было на вес золота. Воспоминания Чебуркина, большие похожи на правду. Хоронили расстрелянных в песчаном холме недалеко от штольни.

По словам Н.С. Дзюбенко: «Лендел работал санитаром у лагерного профессора А.А. Баева, прибывшего в Норильск этапом из Соловков, на лагпункте “Кирпичный завод”». Видимо речь идёт, всё же, о 3-ем л/о, которое было расположено рядом с кирпичным заводом № 3. С другой стороны, судя по воспоминаниям Лендела, он познакомился с Баевым в Норильске-2, где он был вначале пациентом Баева, а затем санитаром.

Йожеф Лендел (1896–1975) – один из основателей Венгерской компартии, участник Венгерской революции 1918 г., писатель, лауреат Национальной премии в области культуры и искусства им. Лайоша Кошута.

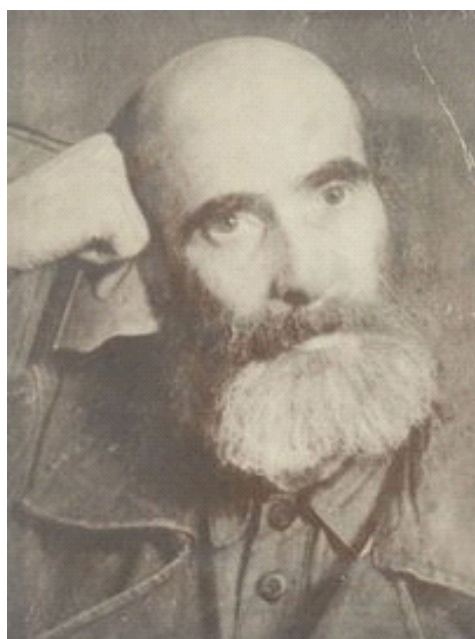

Йожеф Лендл (Иосиф Павлович Ленгель).

Далее Дзюбенко пишет. «По документам известно, что в 1940 году в Норильске-2 был организован сангородок для заключённых инвалидов, так называемая “слабкоманда”. Сделано это было по приказу А. Завенягина. Но совсем не в санаторий попадали заключённые-инвалиды. В сангородок отправляли инвалидов для более рационального их использования: они там делали канцелярские принадлежности».

Действительно, опустевшие после расстрелов, лагерные бараки отдали под «профилакторий» для «доходяг». Это были люди больные туберкулёзом, цингой, дистрофией и пеллагрой (авитаминоз). Баеву, с помощниками, пришлось вначале белить стены бараков, т. к. они были испещрены прощальными словами недавно расстрелянных заключённых.

Всё лето 1940 г. Баев работает врачом в этом «профилактории» вместе с фельдшером Шавским. Это баевский вариант фамилии, в воспоминаниях других людей встречаются варианты: Шацкий, Шаткин, Шатков. Помогая хоть как-то восстановить силы, освобождённым от лагерных работ «доходягам», Баев делает для них противоцинготные настои из хвои (хвойный квас), листьев и плодов болотных ягод, смородины и шиповника, которые в изобилии растут в окрестностях Норильска. Ловит, в близлежащих речушках и озёрах, рыбу для лагерной кухни. Рыба клюёт на, вырезанную из консервной банки, самодельную блесну с загнутым гвоздём, вместо крючка. Баева выпускают для этого за зону, так как за Полярным кругом бежать некуда. Да и местным аборигенам хорошо платили за поимку беглецов, если таковые были.

*Аграновский
Абрам Давидович.
(1896–1951).*

«Профилакторий» периодически посещает с проверками инспектор САНО (Санитарного отдела лагеря и посёлка) А.Д. Аграновский, политзек, отец известного журналиста Аграновского.

Однажды посетил «профилакторий» и сокамерник Баева по соловецкой тюрьме – агроном Горский. Он в составе небольшой экспедиции из «зеков» дудинского отделения «Норлага» занимался изучением растительного покрова тундры.

Из интервью Баева А.Л. Львову. «Отсюда (с рудника Медвежий ручей – А.Б.) перевели во Второй Норильск. Весной 40-го массовые расстрелы уже прекратились – я застал только сле-

ды. Пустые бараки были предназначены для дистрофиков. Пришлось белить стены с нацарапанными, начерченными именами, фамилиями, подписями типа: такого-то числа начинали выводить во столько-то. Вокруг бараков валялось множество котелков, кружек, мешков, бытовой мелочи. Со мной находился фельдшер Шавский, а домик в отдалении занимал начальник лагпункта, довольно молодой или очень моложавый украинец, которому тоже следовало поправиться, худоба его бросалась в глаза. Режим был почти санаторный, мои пациенты не работали, дышали чистым воздухом, никакие чины не донимали, статей не спрашивали: люди оживали за неделю-другую. Посещал нас инспектор САНО Аграновский и ему явно не хотелось от нас уходить, тем более что питание тоже полагалось усиленным. А мне начальник позволял даже рыбалить. Нет, не удочкой, а на шнур. Метровые щуки срывались и уходили, а поменьше добывал. До озер приходилось шлепать по тундре, по болотам, довольно далеко». *Это не слухи, а свидетельство очевидца.*

Й. Лендел в своей книге – «Просроченный ДОЛГ», посвящённой, в том числе, его заключению в «Норлаге», неоднократно вспоминает врача Баева.

Из рассказа «Жёлтые маки».

«Доктор Баев дважды записывал меня в больные. Когда я уже был здоров. В третий – не получилось. И меня увезли из Норильска – 2, где были люди, к кому я привык и кого уважал, и край, которым любовался и полюбил бы, если бы попал сюда свободным охотником, путешественником или геологом – на эту землю с жёлтой и бесцветной рудой и лунным ландшафтом. Сюда, где рождается ветер, и его колыбель плывёт на юг, окутанная вуалью зелёных и серебристых девственно-чистых облаков, где сверкающие органные трубы северного сияния возникают и исчезают беззвучно или с таким звуком, что нам не услышать... Незабудки, клюква и на голом каменистом холме перед штольной жёлтые маки. Жёлтых маков я в других местах не видал.

Я вернулся на большую стройку. Но мне повезло, мне ещё раз помог Норильск – 2, вернее то, что я работал там санитаром под началом Баева. Врач лагеря «Кирпичные заводы» сразу же взял меня санитаром.

Этот доктор тоже был неплохой человек, это было видно уже потому, что он уважал Баева. Но всё же он был другой. Не рисковал собственной шкурой, как Баев, который пошёл толкать вагонетки, но не потерпел, чтобы начальник указывал, сколько процентов людей может быть больными. Честно говоря, этот доктор и не мог пойти на такое. В Баеве командование само нуждалось, и, конечно, он вскоре снова получил работу врача».

*Всё что сохранилось до нашего времени от Норильска-2.
Фото А. Харитонова.*

*Прибалты поминают своих расстрелянных родственников
в Норильске-2.*

Норильск-2 в конце 20-го века.

* * *

Согласно официальной статистике, в «Норлаге», несмотря на суровые условия Заполярья, смертность среди заключённых была, якобы, одной из самых низких по ГУЛАГУ – 0.86 % от общей численности заключённых. Так в 1942 г. в «Норлаге» умерло 1727 человек (правда эта цифра тянет на 5,6 %, а не на 0,86 % при численности заключённых в 30.757 человек). 20 % заключённых умерло от кишечных инфекций, 12.8 % от туберкулёза, 9,2 % от пеллагры (авитаминоза), 5,1 % от истощения, менее 1 % от производственных травм. Видимо, это и есть те самые 0.86 %.

Средняя цифра смертности по ГУЛАГУ составляла 4.91 % от общего числа заключённых. Смертность в ГУЛАГе была на 2–3 % выше общей смертности по стране, в то время. Для сравнения: в настоящее время (1999 г.) смертность в лагерях на 25 % выше средней смертности по стране. Всего за время существования ГУЛАГа (27 лет) в лагерях и тюрьмах умерло 1.738 тысяч человек. 60 % из них умерло в голодные военные годы. Пик смертей в лагерях пришёлся на 1942 г. (умерло 376.000 человек), самый тяжёлый и самый голодный, военный год. В «Норлаге» это были 1942 г. (1727 чел.), 1943 г. (2507 чел.) и 1944 г. (1535 чел.). В 1941 г. в «Норлаге» умер 281 человек.

В «благополучных» США, в период «Великой депрессии» (1929–1932 гг.), на фоне гигантской безработицы в 17 миллионов человек и массового разорения фермеров, от голода умерли, якобы, сотни тысяч. В послевоенной Японии жертвами голода стали несколько миллионов человек. В Китае и Индии жертв хронического голода считали уже десятками миллионов. Эти факты замалчивают и не комментируют ни «демократы» по обе стороны океана, ни сторонники теории, так называемого, «голодомора» на Украине. СССР не был каким-то исключением, все в двадцатом веке были «хороши»!

* * *

В 1939 г., в Норильске, появляются – Центральная больница лагеря (ЦБЛ) и больница для вольнонаёмных. ЦБЛ была организована по приказу Волохова.

Приказ № 430.

В целях улучшения лечебной работы и обеспечения заключённым специализированной медицинской помощи, приказываю организовать Центральную больницу в составе трёх отделений – терапевтического, хирургического и инфекционного. Передать под ЦБ стационары 3-го и 4-го лаготделений и дом № 14 на Заводской улице. Начальником ЦБ назначить врача вольнонаёмную Слепцову Александру Ивановну. Старшим ординатором терапевтического отделения назначить врача-заключённого Розенблюма Захара Ильича.

4 декабря 1939 г.

Посёлок Норильск.

Капитан ГБ Волохов Н.В.

Руины здания лагерной больницы.

Захар Ильич Розенблюм.

Баев дружил с Розенблюмом (1903–1990 гг.). Они поддерживали дружеские отношения и после реабилитации. Ими были написаны в Норильске несколько совместных научно-практических работ медицинского характера. Оба принимали участие в работе комиссии по отбору медиков среди вновь прибывающих заключённых.

Из воспоминаний врача Георгия Александровича Попова. («Заполярная правда». 30 дек. 1989 г.). «Вошли в зону. В бараке мне пришлось устраиваться где-то в углу, на полу. Ночью просыпаюсь от крика: “Кто врачи? Подымайсь! Выходи!”.

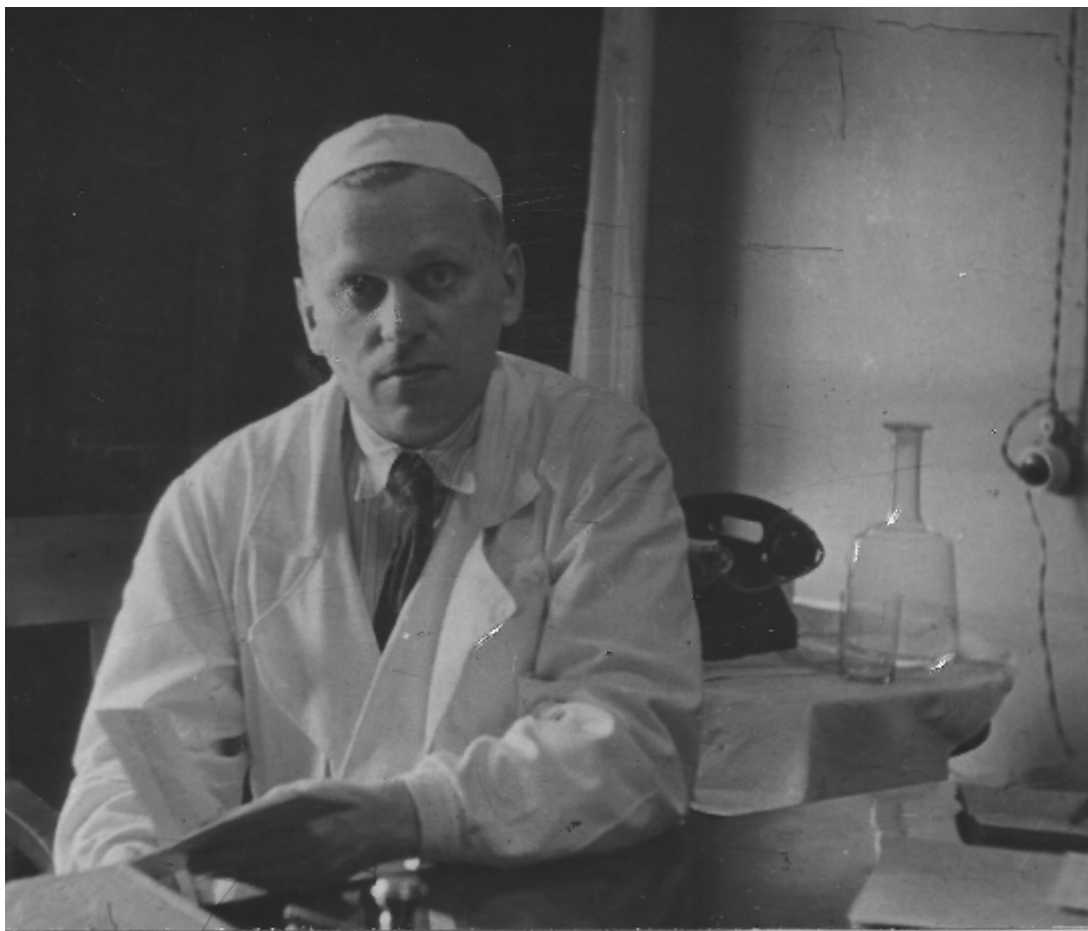
Собралось несколько человек из всего каравана. Подвели к домику, вызывают по очереди. За столом начальник и двое, видимо врачей. “Где учились? Фамилии профессоров? Как протекает брюшной тиф? Выпишите рецепт”. Это был второй госэкзамен в моей жизни. Вопросы мне задавал, как выяснилось доктор А.А. Баев, тоже заключённый, в будущем – член Президиума Академии наук СССР».

В Норильске Розенблюм женился на Хае Яковлевне Кузнецовой. Она была по образованию хирург-ортопед. После реабилитации Розенблюмы остались работать в Норильске, что было противопоказано им по состоянию здоровья. Как результат, у Хаи Яковлевны произошёл инсульт. В начале 50-х, они срочно уехали из Норильска в Подмоскowie. Захар Ильич работал главным врачом санатория «Дорохово» в Рузском районе. Его жена так и не оправилась после инсульта и через пять лет умерла. Похоронили её в Дорохово на высоком берегу Москвы-реки. Последние годы жизни Захар Ильич работал в Институте кардиологии в Москве.

* * *

Медицинское образование спасло Баеву жизнь в лагерных условиях. За это он должен благодарить своего отца. Вот что писал Баев Энгельгардту.

«Врачом я стал под влиянием отцовских внушений, который и сам хотел когда-то стать врачом, но попал на юридический факультет и сделался юристом. Отец умер, но желание его я исполнил; не будь этого, я, вероятно, никогда не поступил бы на медицинский факультет (я хочу сказать – не будь желания отца), избрал бы себе какую-нибудь теоретическую специальность и был бы далёк от медицины. С практической врачебной деятельностью меня примирял только тот спортивный элемент, который заложен в диагностической работе и составляет в одно и то же время и трудность и привлекательную сторону врачебной профессии. Вне этого остаётся бесконечная, рутинная, серая, скучная работа: рецепты, справки, больничные листы, снова рецепты, снова справки. Вне диагностики нет никакой пищи для ума, ничто не изощряет мозг, не заставляет напряжённо и сосредоточенно думать. Но я не хочу хулить то дело, которому я отдал так много сил и времени в жизни. Прежде всего, своей профессии я, по-видимому, обязан жизнью – не знаю, удалось бы мне сберечь своё здоровье и даже жизнь, не будь я врачом. А затем ей я обязан и тем, что в очень трудных условиях на душе у меня всегда было так хорошо, так мирно, как ни в одно время, ни раньше, ни позже. Этот внутренний мир возник и поддерживался той гуманитарной стороной врачебной деятельности, которая становится особенно заметной в каких-либо необычных условиях, когда горе, лишения и страдания составляют основное содержание, основной фон существования. Этот внутренний мир уберёт меня то почти неизбежного морального износа и сохранил неистраченными душевные силы».

А.А. Баев в Норильской больнице для вольнонаёмных. 1941 г.

Осенью 1940 г. Баева опять переводят в 5-ое лаготделение и назначают врачом больницы для вольнонаёмных работников комбината. В больнице (переделанный лагерный барак), вначале было три отделения: терапевтическое, хирургическое и родильное. Инфекционное отделение, биохимическая (клиническая) и санитарно-бактериологическая лаборатории находились рядом, тоже в небольших старых бараках. Баева водят на работу под конвоем.

*В августе 1941 г. из Дудинки в Норильск переводят заключённого **Владимира Евстафьевича Родионова** (1902–1969), «однokaшника» Баева по Казанскому Университету. Его назначают зав. хирургическим отделением, а с ноября 1942 г. он становится главным врачом больницы для вольнонаёмных, вместо вольнонаёмной Н.М. Ивановой. В.Е. Родионову, на тот момент, было 40 лет. В 1938 г. он был приговорён, по третьей категории, к восьми годам лагерей по статье 17–58–б. 18 июля 1939 г. Родионова, в трюме баржи, привезли в Дудинку из Красноярска. Родионов был оставлен в Дудинке, где работал хирургом в лагерьной больнице. Перевод Родионова в Норильск очевидно осуществил Панюков, назначенный в апреле 1941 г. начальником Норильлага. До этого он руководил лагерем в Дудинке и хорошо знал Родионова. В январе 1942 г.*

Родионов был досрочно освобождён. Судимость с него была снята 1 февраля 1947 г. После освобождения и реабилитации Родионов жил и работал в Норильске до 56-го года, пока позволяло здоровье. Последние годы жизни работал в г. Шуе, где и похоронен.

Елена Воронцова,
девятиклассница первой
норильской школы

Из воспоминаний Елены Александровны Воронцовой, старшей дочери главного инженера комбината. «И ещё одно потрясение помню. Обычный пейзаж: идут серые толпы заключённых. И вдруг в колонне я замечаю врачей И.З. Шишкина, А.А. Баева, В.Е. Родионова – они лечили и оперировали меня. Шишкин тоже увидел меня и приветливо помахал мне рукой. Я прибежала домой и со мной случилась истерика, так я ревела. Мама с трудом успокоила меня... Родионову, спасшему многие жизни с первых дней пребывания в Норильлаге, со временем разрешили оставаться ночевать в больнице, а медицинских светил, академика (будущего – А.Б.) Баева, хирурга Шишкина, каждый вечер уводили в казарму лаготделения».

Шишкин Илья Захарович, как Розенблюм, Гейнц и некоторые другие врачи-заключённые Норильска, был выпускником Ленинградской военно-медицинской академии. Хирург, уролог. После освобождения из лагеря повторно арестован в 1949 г. Сослан в глухую деревню, в Красноярском крае. Написал в Норильск и по распоряжению начальника комбината – В.С. Зверева его перевели отбывать ссылку в Норильск. После реабилитации жил в Ленинграде. В результате перенесённого инсульта тяжело и долго болел.

Гейнц Алексей Георгиевич (невропатолог). Главный врач Петергофской пограничной школы под Ленинградом. Был арестован и приговорён к ВМН. 70 дней провёл в камере смертников. Приговор ему заменили на 10 лет лагерей.

Необходимость постоянного присутствия врачей в больнице из-за большого объёма работы приводит к тому, что Баева тоже переводят в категорию «расконвоированных». Продолжая числится по 5-му лаг-

отделению, он получает возможность не присутствовать на утренней и вечерней проверках заключённых, покинуть лагерный барак и жить при больнице в маленьком чулане, рядом с больничной кухней.

Из норильских воспоминаний В.Е. Родионова. «Нам с Баевым разрешено было жить в больнице, и мы длительное время вдвоём обслуживали всех больных, исключая рожениц (родильным отделением руководила К.В. Самойлова – А.Б.). Нагрузка была предельная, часто приходилось работать ночами, т. к. мы были и дежурными врачами. А.А. Баев в качестве ассистента или наркотизатора помогал мне на операциях. Вспоминая то время, удивляюсь, насколько вынослив человеческий организм».

И.З. Шишкин, А.А. Баев, В.Е. Родионов и медсёстры больницы. 1942 г.

При Родионове в больнице было четыре отделения, в общей сложности на сто коек: терапевтическое, хирургическое, инфекционное и детское. Всё это хозяйство обслуживали вначале четыре врача (включая Баева) и 60 человек младшего медицинского персонала, большинство из них заключённые. Для стирки больничного белья использовали заключённых китайцев (Тим, Сим и др.) и надо сказать, что из-под их рук бельё выходило безупречной чистоты и белизны. Под прачечную был отдан барак на Угольном ручье, где собирались промывать золото, но из этой затеи ничего не вышло.

[illegible]

Центральная больница лагеря (ЦБЛ) и Больница для вольнонаёмных (здание № 35)
на пересечении ул. Заводской и ул. Октябрьской.

Правый нижний угол карты.

Родионов и Баев. Норильск. 1942 г. Родионов много курил и сигарета, которую он так изящно держит в руке, привела его к преждевременной смерти от рака лёгких.

На первых порах, в больнице, из-за нехватки в Норильске врачей, Баев заведует и работает, как врач, в нескольких отделениях: терапевтическом, инфекционном, детском, рентген-кабинете. Как вспоминал Баев: «Помню техника-рентгенолога, несчастного Чакстенъша. В его глазах отчётливо читалось: “Хочу есть!”. Баев организует детскую молочную кухню и биохимическую лабораторию. Он даёт наркоз и ассистирует Родионову на хирургических операциях. Работает терапевтом в поликлинике для вольнонаёмных, которая образовывала единый комплекс (соединялись крытым переходом) с лагерной больницей на Заводской улице, д. 14.

С одной из медсестёр больницы, запечатлённой на снимке (какой именно не знаю) связана следующая история. Она была женой охранника лагеря, вольнонаёмной. Детей у них не было. Они уговорили одну из заключённых отдать им девочку, которую она родила в лагере в начале 1945 г. Мать ребёнка была хороша собой, а по натуре очень артистична, музыкальна и до ареста, видимо, была актрисой. Вскоре приёмные родители вместе с девочкой уехали из Норильска и следы их затерялись. По некоторым данным они обосновались в Ленинграде.

*Старое здание норильской больницы для вольнонаёмных.
А.А. Баев(в первом ряду, справа) среди сотрудников. 1942 г.*

Спустя пятьдесят лет, во второй половине девяностых годов, у нас дома раздался телефонный звонок. Звонила та самая удочерённая девочка. Когда она выросла и превратилась в красивую, музыкально одарённую женщину, она поняла, что простоватые родители ей не родные. Приёмная мать категорически отказалась рассказать ей что-либо, о её настоящей матери и унесла эту тайну с собой в могилу. Женщина разыскивала свою биологическую мать, расспрашивая всех норильчан, которые попадали в её поле зрения. Моя мама помнила эту историю, встречала мать и малышку, когда гуляла со мной по посёлку в 1945 г., но ни имени, ни фамилии «артистки» не могла вспомнить. Это мог знать мой отец, который курировал в Норильске молодых мам и их младенцев, но он к тому времени уже умер. Возможно, ей мог бы помочь и поэт Давид Кугультинов, в то время простой норильский заключённый и по «совместительству» статистик Норильского роддома (с 1946 г.). Ей следовало искать свою мать и в труппе Норильского драмтеатра и лагерной самодеятельности, где работало много артистов-заключённых.

Тот же соловецкий сокамерник Баева – М.Ф. Дорошин, который был в Норлаге директором театра КВО (культурно-воспитательного отдела), мог что-то знать. Чем закончились поиски родной матери и своих корней, у этой несчастной женщины, я не знаю.

* * *

В архиве Баева хранился составленный им отчёт о работе больницы за 1942 г. Отчёт, как водится, за подписью начальства – Родионова и Смирнова. Баев подарил его норильскому журналисту А.Л. Львову. Вот что пишет Львов об этом отчёте: «Передо мной отчёт о деятельности больницы за 1942 г. Выполнен на уровне произведения искусства – по форме. Содержанием поразит любого медика. Мне подарен академиком А.А. Баевым, бывшим терапевтом и педиатром больницы Норильского комбината». «Произведение искусства» – как это характерно для Баева, чем бы он не занимался!

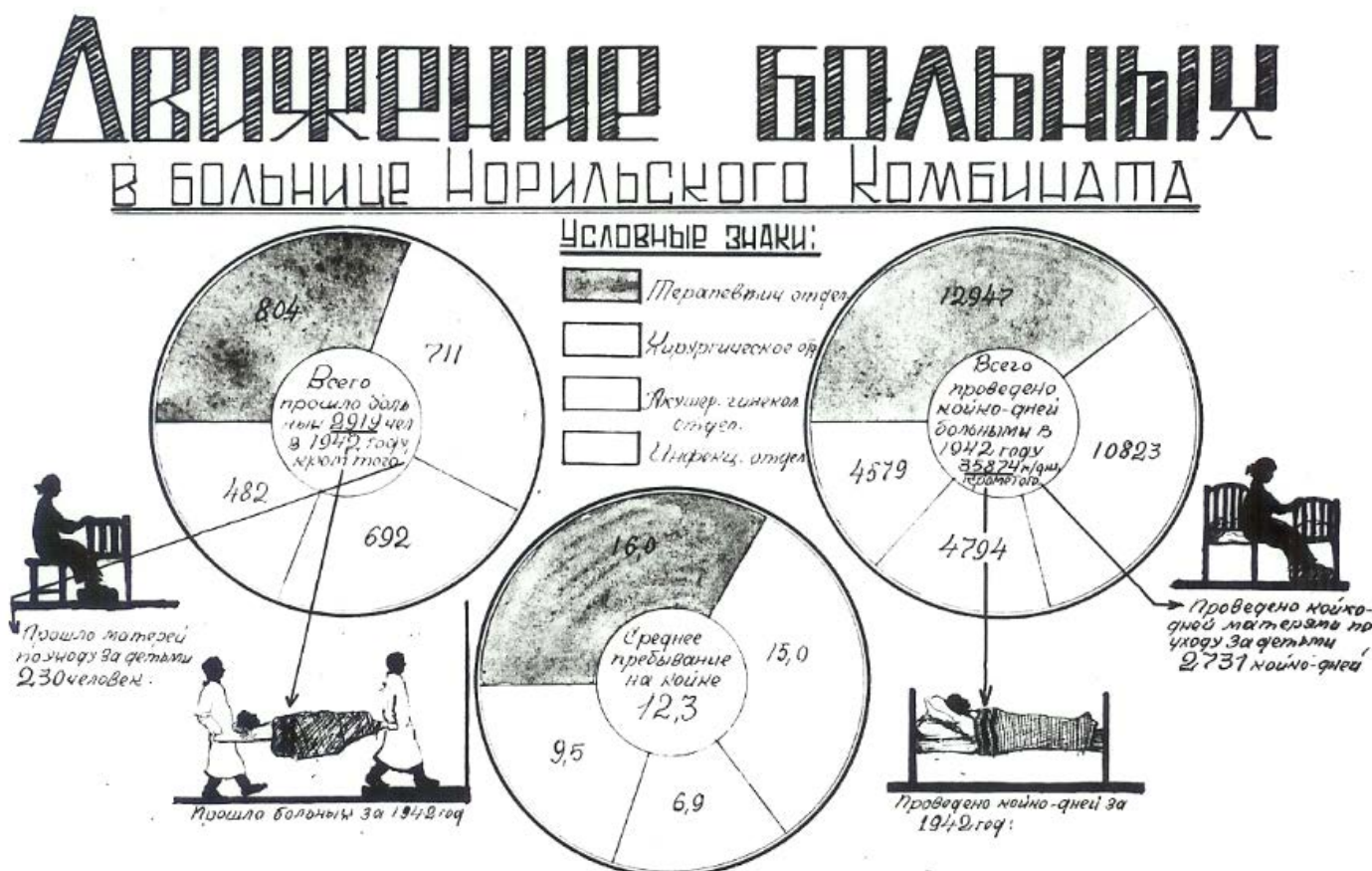

Иллюстрация Баева из отчёта по больнице за 1942 г.
В подлиннике, цветная.

Из интервью Баева Львову. «Начальником больницы для вольнонаемных оказался мой однокурсник Владимир Родионов. Ему ли я обязан был очередным переводом, не ведаю до сих пор. Он нигде и никогда, ни словом, не обмолвился на этот счет. Так, что, скорее всего, мой перевод – дело случая. *(Именно случая, т. к. Баев начал работать в больнице с осени 1940 г., а Родионов появился в Норильске в августе 1941 г. – А.Б.)*. Владимир Евстафьевич, очень работоспособный человек, очень толковый и удачливый хирург с жестким характером, отличный хозяин, сумел поставить себя и организовать больницу нужным образом. Питание, белье, инструментарий, медикаменты – даже трудно представить этот уровень в такой дали, да еще во время войны. В палатах всегда тепло, библиотека, врачебные справочники – образцовое медицинское учреждение! И высокая профессиональная подготовка персонала и прежде всего врачей. Надо сказать, что вольнонаемный доктор – Самойлова, испытывала некоторый дискомфорт. Она, член партии, была единственным среди нас “другом народа”, ей не позавидуешь. Хотя не исключено, что она хорошо понимала, кто ее окружает. Заподозрить в злых намерениях, скажем, Алексея Георгиевича Гейнца, думаю, было сложно: беспредельно добродушен, контактен, улыбчив, оптимистичен – никакой даже мимолетной мрачности. Видимо, таким и должен быть невропатолог. Но вы представляете обстановку тех лет? Культивирование недоверия, постоянные напоминания о бдительности.

Вы спрашиваете, не приходили ли в голову светлые мысли о дыхании клеток? Какие-то научные идеи? Что вы! Установка не та! Не нужно было ничего лишнего – ни почестей, ни слов похвалы, ни иной компенсации. Только выжить, и чтобы выздоравливали мои больные (среди них – начальство, начальственные жены, так что благополучие мое в любой день могло оказаться призрачным). Главное – не допустить ошибки, предотвратить возможные последствия. Жил я в больнице (и за это спасибо). Свободного времени практически не было, а если появилось – всегда есть чем заняться. К примеру, электрокардиограф, самая первая модель Эйнтховена, еще далекая от электроники. Вытянул кварцевую нить, покрыл осмием. Или пропаганда медицинских знаний. Как без этого? Вот и выступаешь по поселковому радио: «Радиационные ресурсы Норильска». *(Речь шла о световой, солнечной радиации – А.Б.)*. Но это уже после освобождения. Или вот, посмотрите, у меня сохранилась «Инструкция о медицинском отборе кадров для работы на предприятиях Норильского комбината МВД СССР. Март 47-го. Составители А.А. Баев и

З.И. Розенблюм. Утверждаю: генерал-майор Панюков». Как правило, на Север должны отбираться здоровые люди. Есть три группы болезней, наличие которых препятствует пребыванию на Севере. У меня еще есть отчет о работе больницы в 1942 году. Для музея жалко отдать. Но отдам. Всем пришлось заниматься. Вот, пожалуйста – «Борьба с летними детскими поносами». По окончании Казанского Университета, работая врачом, я начинал с туберкулезных детей, а потом в Норильске, когда стал заведовать детским отделением, появились и другие задачи. Помню, с ухода за новорожденными (вводная лекция) заявил о себе мой «Университет матери по радио». А про сон и сновидения слушали, как детектив. Вот еще документ – «К вопросу о болезнях крови на Крайнем Севере». Январь 1944 года. Я считал, что авитаминозы (в частности, нехватка витаминов группы «В») стимулируют некоторые неприятности в этой сфере».

Инструкция о «медицинском отборе кадров» в архиве Баева отсутствует. Видимо и её он отдал Львову. В инструкции у Баева и Розенблюма был перечень из 101 или 104 болезней, при которых противопоказана работа в Заполярье людям в возрасте от 20 до 50 лет. Запретов больше, чем при полёте в космос. Но кто и когда с этой инструкцией считался! «Норлаг» принимал всех – от детей до стариков!

*Фотоаппарат, которым Баев делал все свои снимки
с 1944 по 1955 год.*

Больница для вольнонаёмных Норильского комбината НКВД

Коридор.

Библиотека.

Биохимическая лаборатория.

Биохимическая лаборатория.

Биохимическая лаборатория.

Хирургический блок.

Баев готовит больную к операции. 1942 г.

*Баев даёт наркоз перед операцией. На заднем плане Родионов.
Норильская больница. 1942 г.*

В операционной. Баяев и Родионов. 1942 г.

Родионов проводит операцию. В центре Баяев даёт наркоз. 1942 г.

Баев хорошо рисовал и расписал стены детской палаты сюжетами из русских народных сказок, в виде фриза. Эти рисунки очень любили разглядывать дети. Художественные способности А.А. унаследовал от матери, которая тоже хорошо рисовала. Она училась живописи в художественной школе в Астрахани.

Манефа Николаева (вторая справа) с преподавательницей и соученицами по художественной школе в Астрахани.

Портрет неизвестного. Рисунок Баева. Тушь. Перо.

Один из акварельных рисунков Баева.

В оформлении палаты Баеву помогали фельдшеры-заключённые – Сухоруков и Буре. Н.Н. Сухоруков – призёр Европы по прыжкам в воду, выдававший себя за отоларинголога. В.В. Буре – вратарь сборных Москвы и СССР по водному поло. Был осуждён в 1936 г. по статье 17–58–10. Буре проучился три семестра в Мединституте. В.В. Буре – двоюродный внук всемирно известного швейцарского часовщика Буре и дед не менее знаменитого хоккеиста Павла Буре.

Детская палата. Фрагмент баевского фриз на стене. Фото Баева.

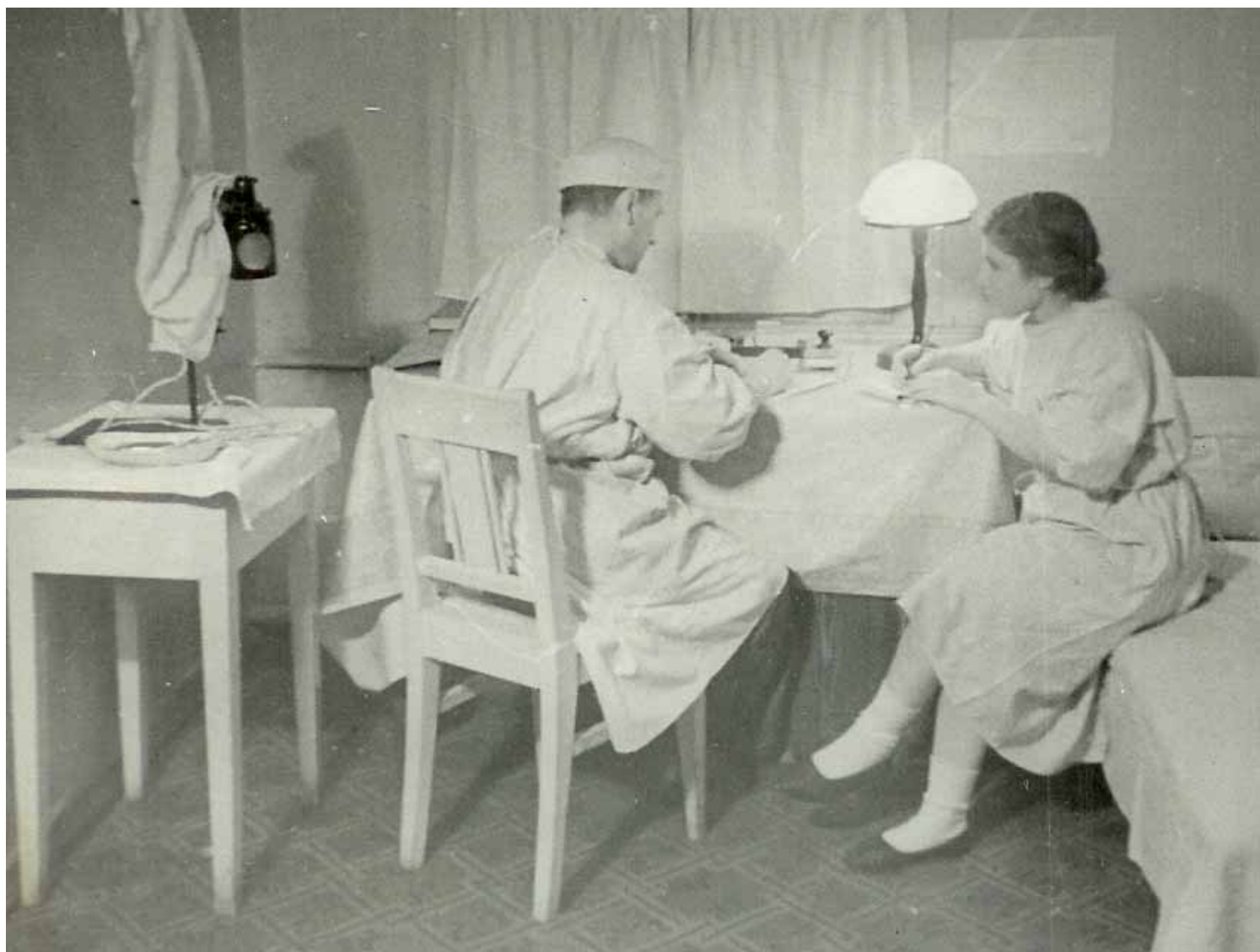
Палата детского отделения, которым руководил Баев. Фото Баева.

Баев среди своих маленьких пациентов, во время обхода в детском отделении.

Палата терапевтического отделения.

*Баев в ординаторской терапевтического отделения
с медсестрой.*

В этот период Баев, как врач-терапевт и детский врач, обслуживает и семьи лагерного начальства, в том числе, директора комбината А.П. Завенягина и его семью. Завенягин ценил Баева, как высококлассного специалиста и хорошо к нему относился. Особенно после того, как хирург Родионов (его специально доставили для этого в Норильск из Дудинки) и Баев успешно сделали, жене Завенягина, сложную операцию и Баев выхаживал её в послеоперационный период. Мария Никифоровна Завенягина (1903–1988, похоронена на Кунцевском кладбище, в Москве) в знак благодарности подарила Баеву шкатулку (сохранилась до сих пор), сделанную из дерева заключённым. Внутри шкатулки была записка: «Одному из равнолюбимых»!!! Неизвестно чем бы закончился для обоих этот лагерно-больничный «роман», но Завенягина, неожиданно для него, 7 апреля 1941 г., (по другим данным 29.03.41 г.) переводят в Москву, на повышение.

Шкатулка, подаренная М. Завенягиной А. Баеву.

* * *

7 апреля 1941 г., по рекомендации Завенягина, начальником комбината и Управления норильских лагерей был назначен 48-летний начальник Дудинского отделения комбината и лагеря – ст. лейтенант ГБ Александр Алексеевич Панюков.

* * *

Панюков Александр Алексеевич (1892–1962). Родился в г. Пермь. Образование среднее. В РСДРП(б) с 1917 г. С 2.04.1941 г. по 8.07.1948 г. был начальником Норильского комбината и местного управления лагерей. После назначения, карьера Панюкова была стремительна. До 1943 г. он ст. лейтенант ГБ, а в 1946 г. уже генерал-майор и депутат Верховного Совета СССР. «Зеки» называли Панюкова – «Князь Таймырский». «Таймыр», в переводе с нганасанского языка, – «Земля оленьих троп».

В апреле 1949 г. А.А. Панюков возглавил, так называемый, Енисейстрой, который сам же и создавал в течение нескольких лет, параллельно с работой в Норильске. В Енисейстрой входило десять лагерей, расположенных в Красноярском крае. Заключение, общим числом 11–16 тысяч человек, зани-

мались разработкой месторождений редких и цветных металлов, железорудных месторождений, лесоповалом и деревообработкой, добычей слюды, асбеста, строительством железных дорог, промышленных предприятий (в том числе, по атомному проекту) и даже геологоразведочными работами (поиски урановых месторождений). В 1948–1950 гг. Панюков, как один из зам. министра внутренних дел СССР, курировал работу: Дальстроя (Колымские лагеря), Специального главного управления, 5-го и 6-го спецотделов. С ликвидацией системы ГУЛАГа в 1954 г. был уволен в запас.

* * *

Как бы хорошо не отзывались о Завенягине и Панюкове не надо забывать, что при них в лагере проводились массовые расстрелы. Происходило это, не только в Норильске-2, но и в, так называемом, расстрельном карьере, недалеко от 3-го лаготделения. Баеву однажды довелось лечить дочь одного из членов расстрельной команды. Она обожгла руку о раскалённую «буржуйку».

* * *

22 июня 1941 г. Германия нападает на Советский Союз. А в конце августа 1942 г., в нашем глубоком тылу, недалеко от Норильска (по сибирским меркам), у острова Диксон, происходит невероятное событие, которое, возможно, повлияло на досрочное освобождение Баева из лагеря.

Летом 1942 г. командование немецкого флота решило задействовать один из своих линкоров в секретной операции «Вундерленд» («Страна чудес»). Операция была направлена против военных баз и баз снабжения в Карском море, т. к. это был один из путей поставок в СССР военной техники и других видов товаров из США (Калифорния и Аляска), по так называемому, «ленд-лизу», в том числе и в Норильск.

Провести операцию должен был фашистский рейдер – линкор «Адмирал Шеер», названный так в честь командующего немецким флотом в Первую мировую войну. Перед этим линкор успешно занимался аналогичной «работой» в Индийском океане, препятствуя ленд-лизским поставкам в СССР через Персидский залив и Иран.

В начале августа линкор, которым командовал капитан 1-го ранга Вильгельм Меедсен-Болькен, вышел из норвежского порта Нарвик в сопровождении трёх эсминцев и двух (по другим сведениям – 5) подводных лодок. Эсминцы, из-за ледовой обстановки, дальние «Новой Земли», не

пошли. «Шеер» же, пройдя севернее «Новой Земли», через Баренцево и Карское моря, дошёл до архипелага «Северная земля», разделяющего Карское море и море Лаптевых.

Рейнхард фон Шеер.

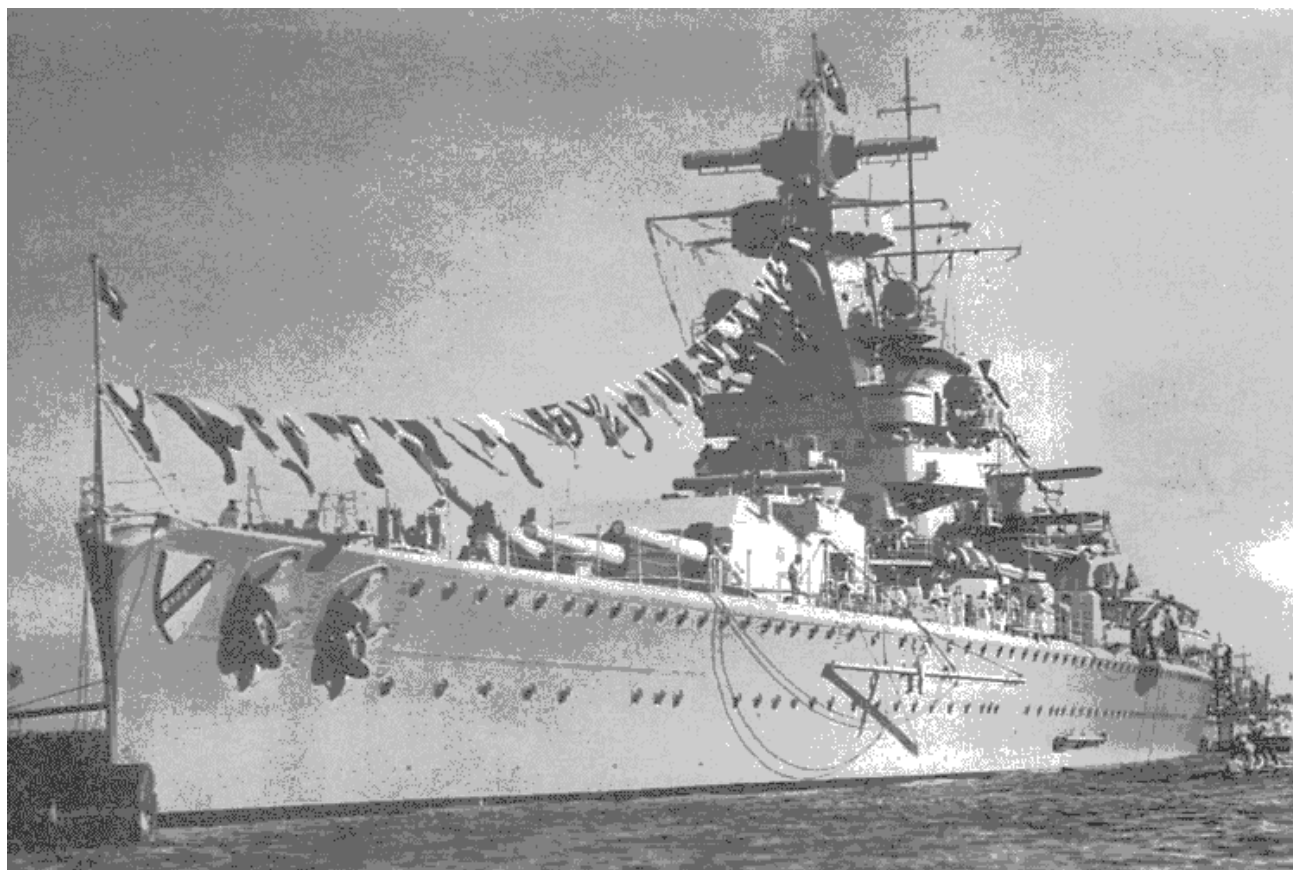
В. Меедсен-Болькен.

22 августа линкор занял боевую позицию в районе пролива Вилькицкого, для уничтожения каравана из 4-х ледоколов, 19-ти транспортов, 2-х эсминцев и крейсера «Баку». По другим данным, караван состоял всего из 2-х ледоколов и 13-ти транспортных судов. О том, что караван вышел из г. Петропавловск-Камчатский, прошёл мыс Челюскина и движется на запад, немцам сообщила 1-го августа 1942 г. японская разведка!

Плохо разбираясь в особенностях арктического судоходства и ледовой обстановке, немцы просчитались. Караван подошёл к проливу только через месяц – 22 сентября. После нескольких дней напрасного ожидания, линкор лёг на обратный курс. 25 августа, у о. Белуха, линкор случайно наткнулся на пароход ледового класса – «А. Сибиряков». «Сибиряков» вёз на архипелаг «Северная Земля» несколько десятков полярников, двух офицеров Балтфлота, ездовых собак, продовольствие, технику, горючее в бочках на палубе и 600 тонн леса и пиломатериалов в трюме. На борту было 131 человек (по другим данным – 104 человека), в том числе три женщины.

Маршрут рейда линкора «Адмирал Шеер».

Линкор «Адмирал Шеер». Экипаж 1136 человек, включая морских пехотинцев. Вооружение: 6 орудий калибра 280 мм, 8 орудий калибра 150 мм, 6 орудий калибра 106 мм. На борту был и разведывательный гидросамолёт.

Капитан А.А. Качарава.

«Сибиряков».

Экипаж «Сибирякова», по разным данным, от 32 до 47 человек, во главе с мл. лейтенантом Анатолием Алексеевичем Качарава, принял неравный бой, успев по радиации предупредить гарнизон о. Диксон о линкоре.

В результате обстрела с линкора на «Сибирякове» загорелось горючее, размещённое на палубе. Политрук команды – Зелик Абрамович Элимелах открыл кингстоны, намереваясь затопить корабль, но из-за древесины в трюме сухогруз не тонул. Только четыре прямых попадания из 280 мм орудий главного калибра «Шеера», разломившие корпус корабля пополам, отправили «Сибирякова» на дно. 28 человек (по другим данным – 18), в том числе, тяжело раненного капитана, немцы взяли в плен. Спасся только один член экипажа, кочегар П.И. Вавилов, который на бревне доплыл до о. Белуха. Через 36 дней его случайно заметили с самолёта и спасли. После войны, из плена вернулось 13 «сибиряковцев», в том числе и Качарава, с которым был знаком Родионов.

Расправившись с «Сибиряковым», линкор пошёл к о. Диксон. В порту, в это время готовился к отходу конвой из 9 судов и танкера. Большинство судов срочно ушли в сторону Дудинки и в порту остались только сторожевик «СКР-19», пароход «Революционер», танкер и транспорт «Кара» с 250 тоннами аммонала на борту, для Норильских рудников и строек. По другим данным, «Кара» тоже успела уйти в сторону Дудинки.

27 августа 1942 г., в один час пять минут ночи, на самом деле на Диксоне это период полярного дня, с 5 мая до 10 августа солнце вообще не заходит, линкор открыл шквальный огонь из всех орудий по порту и

посёлку Диксон, кружа вокруг острова. По разным данным, бой длился от 35 минут до 3-х часов. Боевым действиям, с обеих сторон, мешал сильный туман.

Гибель «Сибирякова». Снимок сделан 25.08.42 г. с борта линкора «Шеер».

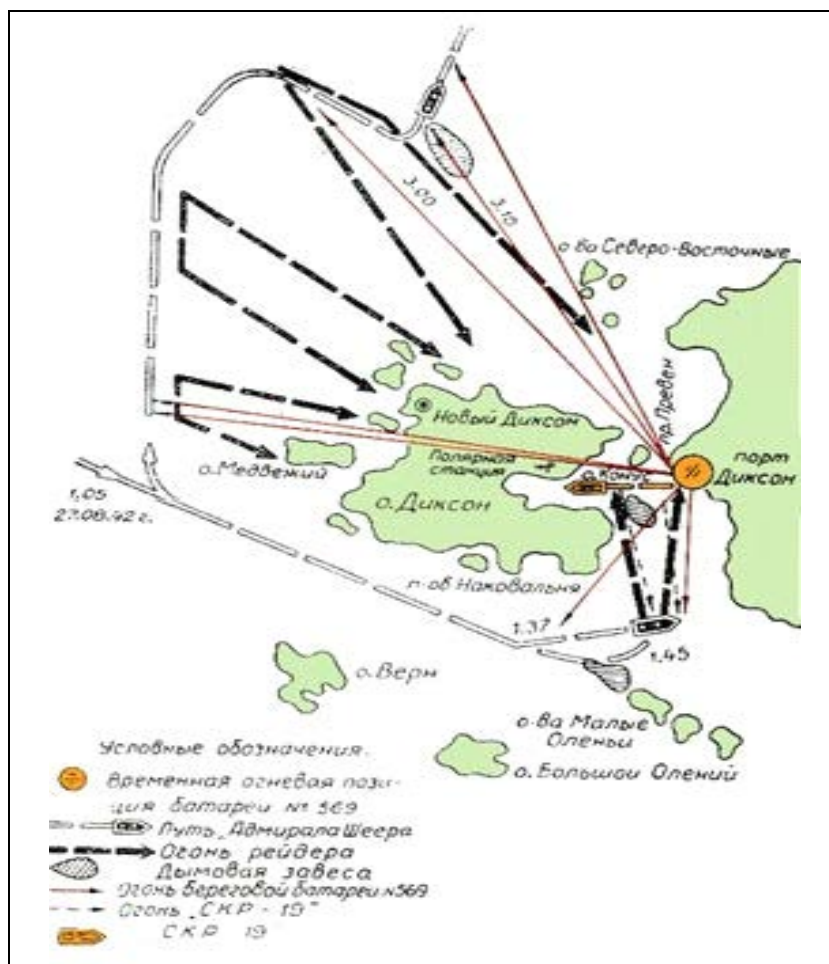

Схема нападения «Шеера» на порт Диксон.

«Дежнёв».

Командир «Дежнёва»
Александр Семенович
Гидулянов

Противодействовал линкору вспомогательный сторожевик СКР-19. Это был пароход ледового класса – «Дежнёв», вооружённый 45-мм и 76-мм пушками (по две каждого калибра) и двумя спаренными зенитными пулемётами. Командовал боем старпом – С.А. Кротов. Капитан «Дежнёва» – А.С. Гидулянов, в тот момент, был на рекогносцировке, на берегу.

Стреляла по линкору и слабая береговая батарея № 569 порта Диксон. Она насчитывала: две гаубицы калибра 152 мм, два 130 мм орудия и две 45 мм пушки. Часть орудий были сняты с боевой позиции, т. к. их собирались перевозить на архипелаг «Новая Земля». Перевозка батареи, видимо, была связана с тем, что «Шеер», проходя мимо «Новой Земли», безнаказанно уничтожил на восточной оконечности острова (мыс «Желания») радио-метеостанцию.

Встретив активный ответный огонь, в том числе из двух 150-мм гаубиц, расположение которых немцы не сумели засечь, капитан «Шеера» отказался от высадки в порту десанта из 180 морских пехотинцев. Выпустив по порту и острову (по разным данным), от 25 до 52 снарядов главного калибра (280-мм), от 21 до 76 – 150-мм снарядов и от 32 до 228 снарядов из 105-мм орудий и практически не получив никаких повреждений от ответного огня, в 1 час 41 минуту – «Адмирал Шеер» отступил. Возможно, что отступление было обусловлено затеянной

нашим командованием радиоигрой в эфире о скором подлёте к месту боя эскадрильи бомбардировщиков-торпедоносцев.

Суммарный залп орудий «Шеера» равнялся 2300кг. Суммарный ответный залп защитников Диксона (батарея и «Дежнёв») не превышал 123 кг. Слава Богу, что в этой передраге, не принимала участие «Кара». Если бы она «взлетела на воздух», от порта, посёлка и самого «Шеера» остались бы одни воспоминания.

Артиллерийская дуэль с обеих сторон, в значительной мере, велась вслепую (туман, дымовые завесы, дым от пожаров). Это снизило ущерб, который «Шеер» нанёс инфраструктуре острова, его гарнизону и жителям. В порту не было потоплено ни одного корабля. По другим данным был потоплен танкер. СКР-19, получил сильные повреждения, но остался на плаву, сохранив ход. Через шесть дней его отремонтировали, и он смог самостоятельно дойти до Дудинки, взяв на борт раненых.

После боя. Часть экипажа сторожевика СКР-19. 30 августа 1942 г.

В дальнейшем, в нашем глубоком тылу пиратствовали только немецкие подводные лодки. И не без успеха. Им удалось потопить два ленд-лизовских каравана с грузами и продовольствием для Норильска, что пагубно отразилось на заключённых и вольнонаёмных Норильска в 1943 г., вызвав в лагере и посёлке голод.

Из воспоминаний А.А. Гаевского. «Немецкие подводные лодки до конца войны не забывали о Норильске и посещали даже Енисейский залив. Снабжался Норильск, в основном, из Америки, караванами судов, не рассчитанных на долгую жизнь. Эти караваны привозили всё необходимое, в количествах, обеспечивающих бесперебойную работу комбината в межнавигационный период – от тяжёлой горной техники, разного оборудования, инструмента, технических материалов до большого ассортимента промышленных товаров, продуктов питания, в основном в законсервированном виде, лекарств и подарков, собираемых американцами. Два таких больших каравана прошли Диксон и были на подходе к Дудинскому порту, готовому к их быстрой разгрузке. Однако до Дудинки они не дошли, были потоплены немецкой подлодкой в Енисейском заливе, на глубине более шестидесяти метров. Попытки их подъёма успеха не имели. Навигация закончилась, а компенсировать потери не было возможности. Комбинат оказался в тяжелейшем положении, особенно с продуктами питания. Сказалось это, прежде всего, на заключённых. Их стали кормить варёным пшеничным зерном, да и то по минимальным нормам. Привело это к истощению, в первую очередь, тех, кто был на общих работах. Во время работы человек, внешне кажущийся здоровым, внезапно падает, температура тела резко снижается, и он не в состоянии не только двигаться, но даже стоять на ногах. Чтобы не называть такое состояние истощением, придумали термин “переохлаждение”. Места работы находились иногда на расстоянии в несколько километров от лаг-отделения. Работа бригады не прекращалась, и “переохлаждённые” ждали окончания рабочего дня, – если выдерживали. Возвращаясь с места работ, конвой заставлял тех, кто мог передвигаться, нести на себе упавших товарищей. Для измотавшихся в течение рабочего дня это было тяжёлой дополнительной нагрузкой. Затащив не могущих двигаться (или трупы) в зону, их бросали на снег и разбегались по своим баракам. Это, конечно, жестоко, но каждому хотелось, прежде всего, сохранить свою жизнь. Итак, снова трупы и трупы. Кто их считал?».

Рейд «Шеера», в трансформированном виде, попал на страницы знаменитого романа Вениамина Каверина – «Два капитана». Главный герой романа, лётчик Санька Григорьев, командир морского воздушного торпедоносца, топит рейдер в Карском море. Бой за Диксон описал и А.Н. Гарри в повести – «Битва в тундре».

В реальности, гибель постигла линкор значительно позже, за месяц до окончания войны. «Шеер» стоял на ремонте в порту г. Киль. Прово-

дилась замена изношенных оружейных стволов. В ночь с 9 на 10 апреля 1945 г., в ходе рейда 300 (по другим данным 600) бомбардировщиков «союзников», корабль получил 5 прямых попаданий авиабомб, после чего перевернулся и затонул прямо у причальной стенки.

* * *

Но вернёмся на Диксон. В порту и посёлке большие разрушения, есть убитые и раненые среди военных. На «СКР-19» убито 7 и ранено 27 человек (по другим данным 30). 1 раненый на пароходе «Революционер». На артбатареи 4-е раненых. Из гражданских жителей посёлка не пострадал никто. Их своевременно эвакуировали в тундру.

Для оказания помощи раненым, в обстановке строжайшей секретности, ранним утром 28 августа из Норильска на Диксон гидросамолётом перебрасывают: С.М. Смирнова (и. о. начальника санитарного отдела Норильского комбината, вольнонаёмный, приехал в Норильск из Москвы по приглашению Завенягина), В.Е. Родионова (хирург) и Ф.И. Макухину (операционная сестра).

Из воспоминаний Родионова. «Около 3 часов утра 28 августа 1942 г. я был разбужен звонком начальника комбината генерала А.А. Панюкова (Панюков в то время был старший лейтенант ГВ – А.Б.) и получил приказ к 6 часам утра подготовить все необходимое для оказания хирургической помощи раненым, пострадавшим при стихийном бедствии. Число пострадавших названо не было, но сказано, что их много. Мне рекомендовали взять с собой кровь для вливаний. Разрешили взять одного помощника, учитывая, что туда отправляется начальник санотдела С.М. Смирнов. Немедленно подняли нужных людей, пустили в ход автоклавы, проверили и пополнили инструменты, упаковали кровь и т. д. Что случилось? Наиболее вероятным казалось, что какое-то несчастье постигло людей, разбросанных по Таймыру: рыбаков, геологов.

Автомобиль доставил нас на Валек, где на реке «Норилка» ожидал гидросамолет. Был сильный ветер, для обычных рейсов погода была нелетной, но мы полетели. Самолет с трудом вырулил на середину реки и поднялся в воздух. Низкая облачность, дождь – ориентироваться в направлении полета невозможно. Через пять часов самолет совершил посадку в бухте острова Диксон. (Перелёт длиной в 526 км. дался Родионову нелегко, т. к. он всю жизнь, как и моя мама, страдал синдромом Меньера и был подвержен сильному укачиванию, как в воздухе, так и на воде – А.Б.). Толпы вооруженных, встревоженных людей, следы разру-

шений, пожаров. Через полчаса мы узнали, что ночью поселок острова и суда, находившиеся в бухте, подверглись артиллерийскому обстрелу с немецкого линкора «Адмирал Шеер». Нападение линкора было отбито артиллерийским огнем транспортного судна. Линкор был где-то поблизости, но из-за сильного тумана обнаружить его не удастся. Разбиты электростанция, радиостанция и другие службы. Нет электричества, связь с материком поддерживается с помощью полевой радиостанции. Есть убитые, раненые, нуждающиеся в немедленной помощи. Врачей нет, есть фельдшер и санинструкторы. Одним словом, надо приступать к делу. Предварительный осмотр всех раненых, находившихся в разных местах. Сортировка – для очередности операций. В каком-то здании наскоро развернули госпиталь. В одной из комнат организована операционная. От движка трактора или катера (не помню) подведено электричество. В операционной подвешена автомобильная фара. На случай приготовлены фонари, лампы. Безотлагательно надо было сделать несколько ампутаций, экзартикуляций, расширенную экзартикуляцию плеча с удалением лопатки и ключицы, торикотомию. Я начал, мне помогала операционная сестра Д.И. Макухина, ассистировал С.И. Смирнов, на смену приготовились санинструкторы с кораблей, не выдавшие крови, фельдшер. Вливали кровь, различные растворы, оперировали. Обстановка примитивная, непривычная, нервы напряжены до предела. Работали около двух суток с небольшими перерывами – поесть, покурить. С тяжелыми больными справились. Дальше стало легче. Взятых с собой шин для фиксации переломов (открытых, оскольчатых) не хватило. Примитивная фиксация. Обходы, повторные вливания крови, растворов, перевязки. Напряжение снизилось, ходим в столовую, спим достаточно, выходим на свежий воздух. Из Москвы прилетело начальство, требуют разные справки, отчеты. До нападения на Диксон линкор потопил наш ледокол «Сибиряков». За исключением одного матроса, весь экипаж погиб. Впоследствии оказалось, что несколько человек, в том числе и капитан Качарава, которого я знал по Дудинке, были взяты в плен, остались живы и вернулись на Родину. Раненые чувствовали себя прилично. В одном случае открытого осколочного перелома бедра – осложнение. Газовая гангрена. Ампутация. Раненый спасен. Прожили на Диксоне более десяти дней, а возможно, и больше, точно не помню. Обратно в путь тронулись по воде, так как должны были взять с собой раненых, требующих долечивания или повторных операций. К оставшимся на месте прибыл откуда-то военный врач. Поздно вечером погрузились на судно

«Семен Дежнев», сильно пострадавшее в бою, но с сохранившейся ходовой частью. Разместили раненых, разместились сами. Строжайшая дисциплина, непривычная светомаскировка. Опасались находившегося где-то недалеко вражеского линкора. Стало спокойнее, когда вошли в воды Енисея. Без особых приключений добрались до Дудинки, а затем поездом – до Норильска. Наконец мы дома, в обычных нормальных условиях. Раненых долечили, выписали. С «фронтовыми» делами покончено. Дальше пошла привычная работа.

У меня нет оснований не верить Родионову. Принимал ли участие в этой поездке Баев не понятно, но, судя по некоторым признакам, мог. Почти наверняка, он принимал участие в повторных операциях раненых уже в Норильске и их долечивании. На тот момент у Родионова, именно с Баевым, как ассистентом хирурга и анестезиологом, был большой опыт совместной успешной работы за хирургическим столом. Это был проверенный и слаженный тандем. Мне трудно представить чиновника от медицины, и. о. начальника САНО Сергея Михайловича Смирнова в качестве ассистента хирурга. Хотя на войне бывает всякое.

В упоминаемом мною выше отчёте Баева по больнице за 1942 г. есть такие строки. «Была оказана помощь пострадавшим в бою с врагом краснофлотцам на отдалённом острове Диксон. Среди операций: 4-е при проникающих ранениях живота, 4-е грудной клетки, 9 по извлечению осколков снарядов, пуль и пр., двадцать на костях».

Возможно, участие Баева в этой истории замалчивалось потому, что он был на тот момент хоть и расконвоированный, но всё же зэк, которому не положено было так далеко удаляться от своего «родного» 5-го лаготделения. Похожая история случилась с Баевым в 1949 году. Тогда он, по предложению Энгельгардта, перевёл с английского книгу Болдуина – «Динамическая биохимия», но в связи с его вторым арестом имя переводчика в изданной книге отсутствовало, несмотря на просьбы и поручительство Энгельгардта.

Родионов за Диксон был награждён медалью – «За оборону Советского Заполярья». Баева наградили по-другому. Спустя всего четыре месяца после описываемых событий, в январе 1943 г., руководство Норлага, ходатайствовало о досрочном освобождении Баева на три года раньше срока, а в 1945 г. он был награждён медалью «За доблестный труд в ВОВ 1941–1945 гг.».

Косвенным свидетельством участия Родионова и Баева в истории, которая произошла у о. Диксон, было повышенное внимание именно к их

персонам со стороны местной прессы и кинохроники. В «Заполярной правде» появилась их фотография и репортаж о работе больницы.

Вырезка из газеты «Заполярная правда».

Фрагмент фото из репортажа в «Заполярной правде». Баев (справа) ассистирует хирургу Родионову во время операции. Третья слева – Клавдия Дмитриевна Родионова. Норильск. 1942 г.

Родионов и Баев во время операции под «прицелом» фото и кино-корреспондентов. Норильск. 1942 г.

* * *

В январе 1943 г., А.А. Панюков и В.И. Козловский (начальник Политотдела лагеря) ходатайствуют перед руководством НКВД СССР об условно-досрочном освобождении Баева.

Фрагмент ходатайства Панюкова и Козловского, исключая, как всегда, чисто формальные данные о Баеве, я привожу ниже.

Ходатайство о досрочном освобождении заключённого Баева А.А.

Баев А.А. работает в вольнонаёмной больнице, заведует терапевтическим отделением. К работе относится исключительно добросовестно. Проявил себя, как специалист исключительно добросовестный в выполнении возложенных на него обязанностей. Не считаясь со временем, отдает себя всецело делу лечения больных. Исключительная трудоспособность, любовь к своему делу, знания и добросо-

вестность дают в результате, как правило, хорошие показатели восстановления здоровья и трудоспособности вверенных ему больных. Возглавляя организованное им терапевтическое отделение больницы, он одновременно вел и инфекционное отделение. При его непосредственном участии и руководстве организована и работает больничная лаборатория, освоившая сложные методы лабораторных исследований. Им организована детская палата, молочная кухня. Выполняет большую работу по оказанию квартирной помощи, консультации больных, направляемых поликлиникой. Преподавал на курсах медсестёр, что отмечено благодарностью в приказе по Комбинату. Административных взысканий не имеет. В быту поведение хорошее.

**Начальник Норильского комбината
и исправительно-трудового лагеря НКВД СССР,
ст. лейтенант ГБ – Панюков А.А.**

**Начальник политотдела Норильского комбината НКВД,
ст. лейтенант ГБ – Козловский В.И.**

Вот как описывали Козловского. «Внешне невозмутимый. Лицо белое-белое. Лоб высокий».

В деле имеется выписка из протокола № 17 от 11 янв. 1943 г. Центрального штаба соревнования и ударничества управления «Норлага», 5-ое лаготделение, в котором также ходатайствуют о сокращении срока для Баева: председатель штаба – ст. лейтенант ГБ – Еремеев и зам. председателя – Черных.

Имеется короткая, формальная, положительная характеристика на заключенного Баева (личное дело № 21137), подписанная начальником 5-го лаготделения – Серовым, нач. УРЧ (Учётно-регистрационной части) Фалиным, нач. КВЧ (Культурно-воспитательной части) Калачинским. Имеется справка начальника оперотдела Поликарпова и помощника оперуполномоченного Жильницкой о том, что «Компрометирующими сведениями на Баева за время его пребывания в Норильске оперотдел не располагает».

В.И. Козловский.

Имеется также характеристика на Баева от и. о. начальника санитарного отдела комбината Смирнова, где говорится, что «За последний (1941–42) год Баев обслужил более тысячи стационарных больных, сделал семьсот квартирных посещений и дал более пятисот консультаций».

* * *

10 марта 1943 г. Особое Собрание при НКВД СССР с формулировкой – «За высокие производственные показатели и отличное поведение в быту», снизило Баеву срок отбывания наказания в лагере на 2,5 года.

В общей сложности, срок снижали дважды: решение Особого Собрания от 10 марта 1943 г. – на 2,5 года и решение ОС от 19 января 1944 г. – на шесть месяцев. Итого – три года, как и ходатайствовал Панюков.

Из-под стражи Баев был освобожден 30 апреля 1944 г. Справка об освобождении за № 449/21137. Но это была фикция, так как согласно другой, имеющейся в деле справке, в соответствии с директивой НКВД и Генерального Прокурора СССР за № 185–1942 от 29 апреля 1942 г. Баев был оставлен на «работе» в Норлаге МВД до особого распоряжения, которое могло последовать только по окончании войны с Германией (архивно-следственное дело № 269772). Согласно этой директиве, задерживалось освобождение из мест заключения, до конца войны, заключённых, получивших сроки за контрреволюционные и другие особо опасные преступления, а уже освобождённые закреплялись за лагерями в качестве «вольнонаёмных».

После освобождения Баева, Родионов взял его в свою семью, уступив одну из комнат в своей двухкомнатной квартире. Вскоре руководство комбината выделило Баеву комнату в квартире с телефоном по адресу: ул. Озёрная, д. 7, кв. 3.

Из воспоминаний Е.А. Борисенко. «Через ЦБЛ прошло большое количество докторов: “Набор тридцать седьмого – тридцать восьмого – наш золотой фонд”, говорило руководство лагерем – Г.А. Попов, В.Е. Родионов, А.А. Баев, С.В. Знаменский, И.Б. Паншин, Л.Б. Мардна, З.И. Розенблюм, П.Е. Никишин. Последний был прекрасным специалистом, прозектором, до заключения работал в Академии наук, был всесторонне образованным человеком, о котором отзываются хорошо абсолютно все. Интересным является вопрос – каким образом здесь сформировался

такой профессиональный состав медиков? Были случаи, когда на материк делались запросы о необходимости врача какой-то определенной специальности, после чего на него формировалось дело, возбуждалось обвинение и через определенный срок ЦБЛ получала нужный кадр». (*Ну и ну!!! – А.Б.*)

Но встречались среди Норильских врачей персоны, мягко говоря, со странностями. Из воспоминаний Борисенко. «Среди младшего больничного персонала бытовало такое мнение: в инфекционное отделение больной поступал, чтобы умереть, в терапевтическое – чтобы выздороветь, а в хирургическом отделении человека нужно было воскресить. Именно этим занимался В.А. Кузнецов, которого привезли в Норильск в качестве заключенного в 1943 г., к тому моменту у него насчитывалось уже 28 лет практики. Его деятельность не оценивается равнозначно всеми. Потомки оценивают его труд как огромный вклад, продвинувший хирургию, врачи также оценивают его как специалиста высокого класса, заключенные, которые попадали к нему под нож – верили, что все будет хорошо, если он взялся за дело. Однако Е.А. Керсновская характеризует его как человека двуличного, который обладал феноменальной работоспособностью, однако не обладающего минимальным сочувствием к больному. Он выполнял свою работу, руководствуясь интуицией, увлечением, интересом. В ЦБЛ В.А. Кузнецов подготовил диссертацию на тему “Операции при выпадении прямой кишки”, в ней было рассмотрено около 100 способов операций. (*Не многовато ли? – А.Б.*). Заключённая Евфросиния Керсновская была художником, зарисовывающим весь ход множества операций. Она также была хорошо ознакомлена с сутью и имела врачебный опыт, видела, что во многих случаях это были операции-опыты, материалом для которых служили живые люди. Если операция не проходила удачно, доктор пытался избавиться от пациента, передав его другому врачу».

Как писал врач Е.А. Климов: «Кузнецов и за колючей проволокой не прекращал научный анализ результатов хирургической деятельности. У него накопился уникальный материал. В этот период он подготовил монографию “Методика оперативного лечения выпадения прямой кишки у взрослых”, опубликовать которую удалось только в 1960 г. в Ленинградском отделении Медгиза».

Мне эти опыты Кузнецова на заключённых напомнили другого, с позволения сказать, «доктора». Не буду здесь уточнять – кого и где он «трудился», чтобы не проводить мрачные параллели. В связи с этим приходит на ум высказывание Солженицына: «Не тогда надо стыдиться

мерзостей, когда о них пишут, а когда их делают». Печально то, что речь идёт о корифее норильской медицины, хирурге заключённом – Викторе Алексеевиче Кузнецове, как о нём сейчас пишут – «легендарном Человеке с большой буквы и хирурге от Бога», кавалере ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, на могилу которого в Норильске ежегодно приходят благодарные ученики и пациенты, которым он спас жизнь.

Кузнецов Виктор Алексеевич (1898–1974). Врач, хирург. Родился в Москве. Окончил в 1924 г. медицинский факультет 2-го МГУ в Москве. Арестован в 1941 г. С 1942 г. в Норильском лагере. Зав. хирургическим отделением Центральной лагерьной больницы. Освободился в 1955 г. и остался в Норильске. Был главным врачом городской больницы № 2 (бывшая ЦБЛ) и зав. хирургическим отделением. Похоронен в Норильске.

Керсновская Ефросиния Антоновна (1907–1994). Родилась в Одессе. Дочь бессарабского помещика. Вскоре после присоединения Бессарабии к СССР в 1939 г. она была арестована. С 1940 по 1942 гг. работала на лесоповале в одном из лагерей под Томском. Бежала. Была поймана и получила 10 лет. С 1942 по 1952 гг. отбывала срок в Норлаге. Работала в хирургическом отделении лагерьной больницы с Кузнецовым, в морге с Никишиным. Была взрывником и горным мастером в угольной шахте в недрах «Шмидтихи». После освобождения и реабилитации жила с матерью в г. Ессентуки.

Анатолий Львов писал о Керсновской («Заполярная правда». 20 февр. 1990 г.). «Агроном. Ветеринар. Лесоруб. Сестра милосердия. Санитарка в лагерьном морге. Шахтёрка. Писательница. Художник. Возделывала землю, лечила животных, жалела немощных, выхаживала больных. Обмывала трупы, отогревала души, добывала тепло, боролась за истину. Поведала людям о том, что было и что, не дай бог, может быть». Человек кристальной честности и сострадания, Ефросиния Антоновна оставила потомкам воспоминания, объёмом более тысячи страниц, которые она иллюстрировала своими рисунками.

ЕКАТЕРИНА БАЕВА

Через месяц после освобождения, в конце мая 1944 г., Баев, при трагических обстоятельствах, знакомится со своей будущей женой – Екатериной Владимировной Косякиной (урождённой Янковской).

Баева Екатерина Владимировна. г. Обнинск. 1975 г. Фото Баева.

Баева Екатерина Владимировна (Косякина, Янковская), (22.10.1915 – 02.09.2004. Петроград – Москва). Гидрогеолог. Родилась в Петрограде, в обрусевшей польской дворянской семье. (С-Петербург был переименован в Петроград 31 авг. 1914 г. указом Николая II – А.Б.). Отец – **Владимир Михайлович Янковский** (1895–1941. С-Петербург – Москва), мать – **Вера Фёдоровна Янковская (Шимановская)**, (1893–1974, С-Петербург – Ереван).

В.М. Янковский – выпускник Военной академии РККА им. М. Фрунзе, военный химик, военинженер 1-го ранга, профессор Военно-химической академии РККА, основанной в 1932 г. В музее Академии о нём есть материалы. Сейчас это Военная академия радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ) имени маршала С.К. Тимошенко. В 2006 г. академия переведена из Москвы в г. Кострому.

В.М. Янковский (1896–1941, Санкт-Петербург – Москва).

В.М. Янковский занимался научной и преподавательской работой в академии, редакторской деятельностью. Знал три языка: английский, немецкий, французский и немного армянский, т. к. в Гражданскую воевал против дашнаков на Кавказе. Он был автором нескольких книг и учебных пособий по боевым ОВ (1928 г., 1929 г., 1930 г., 1932 г., 1940 г.). Писал и публиковал рассказы и стихи для детей. В.М. был страстным библиофилом, которого знали все букинисты Москвы. Его увлечение чуть его и не сгубило. В 1940 г., по лживому доносу одного из друзей, который «положил глаз» на его уникальную библиотеку в несколько тысяч томов на разных языках, которую начал собирать ещё его отец – Михаил Викентьевич Янковский (1854–1904, С-Петербург – Бад-Киссенген), Владимир Михайлович был арестован, но вскоре отпущен.

В 1916 году Катины родители развелись и создали новые семьи. В.М. Янковский перебрался в Москву и был женат ещё дважды. На Лидии Александровне Шмидт (дочь – Лидия) и Ольге Николаевне Парусниковой (сын – Сергей) у которой было двое детей от предыдущего брака – Лёва и Всеволод.

В 1920 году Вера Фёдоровна уехала с новым мужем (Аракел Никитич Мушегян – учитель) в Ереван. Ещё в Питере у них родилась дочь – Нина. В 1937 г. Аракел Никитич был арестован и погиб в одном из колымских лагерей. Перед отъездом в Армению, В.Ф. оставила Катю в Петрограде на попечение бабушек – Наталии Александровны Янковской

(Алексеевой) (1876–1956), С.-Петербург – Ленинград) и Екатерины Михайловны Шимановской (?–1940, Ораниенбаум – Ленинград). Детство Кати было трудным, голодным. Родители особо судьбой дочери не интересовались. Несколько раз, из-за безденежья и болезней, бабушки вынуждены были отдавать Катю в детский дом. Повзрослев, Катя переехала к отцу в Москву. Закончила там гидрогеологический техникум, который находился на Котельнической набережной. Позднее техникум перевели в г. Старый Оскол.

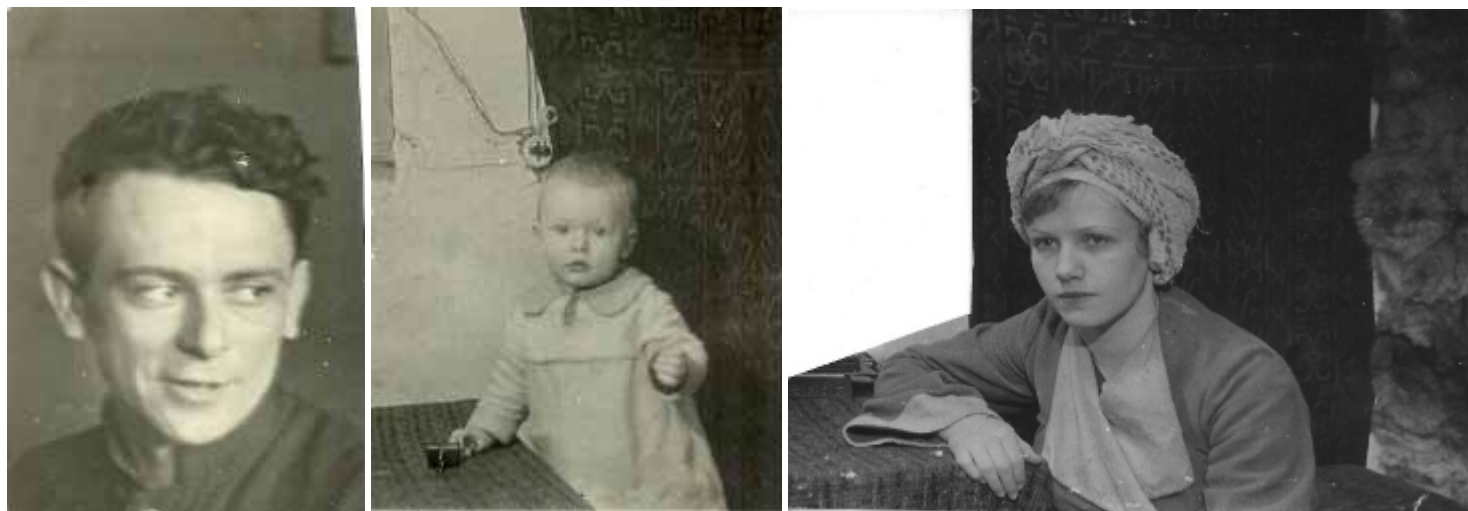

Н.А. Янковская (Алексеева) (1876–1956, Санкт-Петербург – Ленинград).

В 1936 г. Е.В. вышла в Москве замуж за инженера-геофизика **Дмитрия Германовича Косякина** (1913–1941/42/43?), уроженца г. Новороссийска. Кате был 21 год, Дмитрию – 23 года. Дмитрий происходил из семьи зажиточного кубанского казака – Германа Алексеевича Косякина. Их дом находился на центральной улице Новороссийска. После революции, дом был конфискован, и в нём, какое-то время, размещалось одно из подразделений Новороссийской ЧКа.

Молодая семья остро нуждалась в деньгах, и они решили завербоваться в Арктическую экспедицию. У Дмитрия уже был опыт подобной работы на Кольском полуострове. В 1939 году, через Московскую контору треста «Нордвикстрой» и Арктический научно-исследовательский институт Главного Управления СевМорПути (ГУСМП) в Ленинграде, они заключили 3-х летний контракт на работу в Нордвикской

нефтеразведочной экспедиции Треста «Арктикнефтеразведка» ГУСМП (нач. экспедиции Николаев), которая занималась поиском нефти на побережье моря Лаптевых в Якутии (бухта Кожевникова, мыс Нордвик, бухта Нордвик).

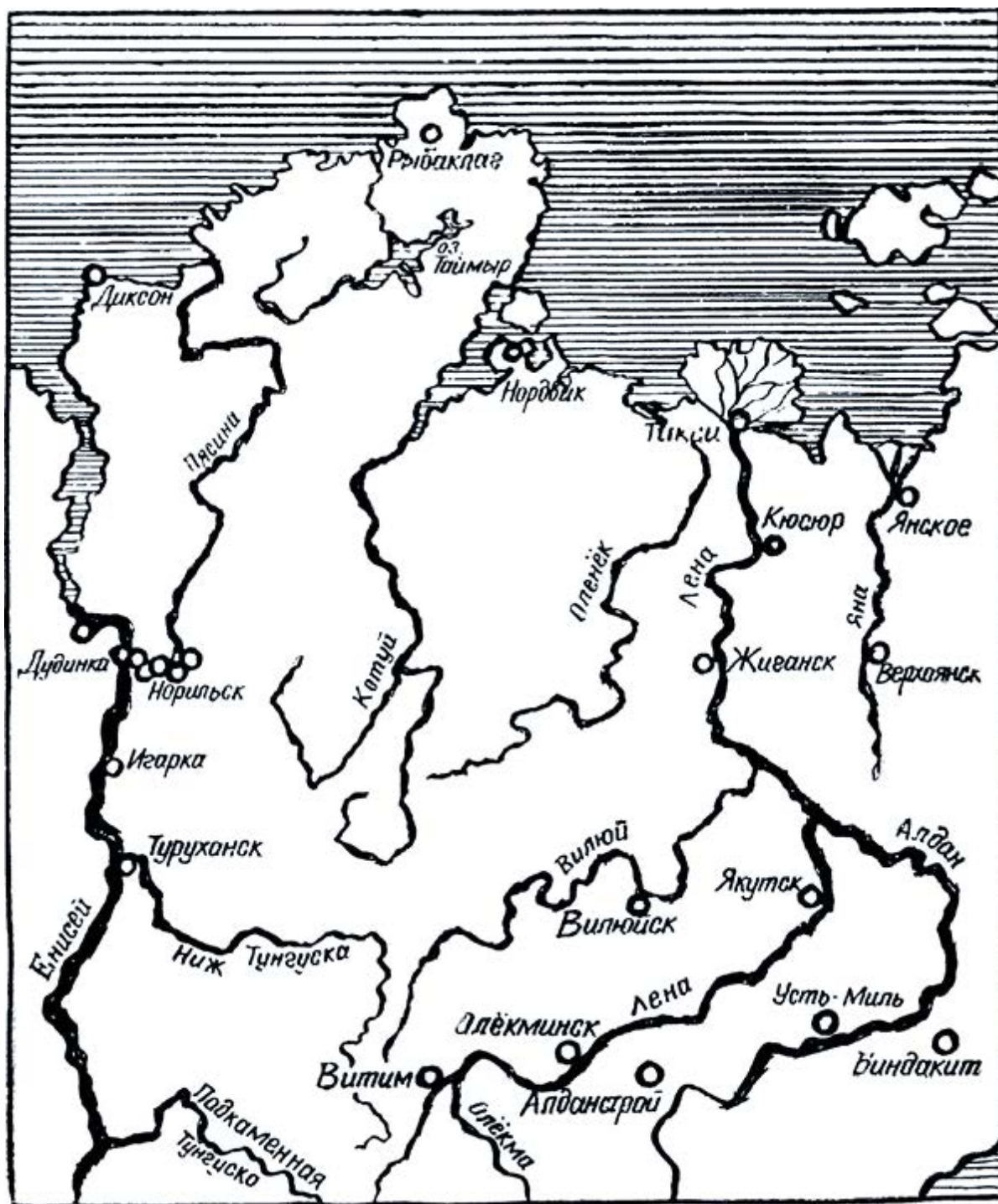

Дмитрий и Катя Косякины и их сын Юрий (05.12.1939 – 02.06.1944. Нордвик – Норильск). 1941 г. Фото Д.Г. Косякина.

Е.В. Косякина с первым сыном. Юрочке четыре месяца. 05.04.1940 г. Нордвик. Фото Д.Г. Косякина.

Екатерина работала коллектором крелиусного цеха, вычислителем геофизической партии и в плановом отделе экспедиции. 5 декабря 1939 г. у Екатерины и Дмитрия родился сын – Юра.

*Красноярский край: пос. Норильск, порт Дудинка, Карское море, о. Диксон.
Якутия: полуостров Таймыр, море Лаптевых, бухта Кожевникова,
мыс Нордвик, пос. Нордвик.*

Бухта «Нордвик» («Северный залив») была открыта в августе 1739 г. участниками Великой Северной экспедиции (1733–1743 гг.), которой руководил лейтенант Харитон Лаптев.

С XIX века было известно, что в районе бухты Нордвик есть ископаемые: нефть, уголь, соль. Геологическую разведку в регионе вели экспедиции под руководством: И.П. Толмачева, О.О. Баклунда, Т.М. Емельянцева, Л.П. Смирнова, А.И. Берзина, Ю.А. Колодяжного, Н.Н. Урванцева. В середине 30-х годов было принято решение об освоении месторожде-

ний. Этим должен был заняться трест «Нордвикстрой», который был организован 25 июля 1936 года по постановлению Совета Труда и Обороны (СТО) СССР в составе Главного Управления СевМорПути. Начальником был назначен Б.В. Лавров. Постановление предписывало «Нордвикстрою» провести географические, геологоразведочные работы и подготовить технический проект строительства Нордвикского горнопромышленного комбината и порта. Рабочую силу должен был поставлять Норильлаг. Работа осуществлялась, кроме пос. Нордвик, в поселках Нордвиксоль, Угольный, Кожевниково, Котуй, Тигян и других.

В пос. Кожевниково, начиная с 1936 г., привозили семьи раскулаченных, сосланных, депортированных. Первые поселенцы строили дома из ящичных досок, между которыми засыпали шлак из корабельных котельных (так называемые «засыпушки»). Площадь домиков не превышала 6–15 м. кв., высота потолка, не больше 2-х метров иначе их было не прогреть в долгие полярные зимы. В районе бухты других населенных пунктов не было. Ближайшие поселения Саскылах и Хатанга находились в 350 и 500 км. Позднее, рубленые дома и буровые вышки в разобранном виде доставлялись из Архангельска.

В Нордвикстрое в 1937 г. работало 114 человек (18 вольнонаёмных и 96 зеков). Вольнонаёмные жили отдельно, в небольшом посёлке. У лагеря не было ни вышек, ни колючей проволоки.

Условия в Нордвиклаге были нечеловеческие. Среди заключенных свирепствовала повальная цинга. Людей, изнуренных болезнями, непосильным трудом, лютыми морозами и пургами, косил массовый мор.

В середине 40-х все работы в этом районе были прекращены. Сегодня бухта Кожевникова своеобразный памятник социалистической бесхозяйственности. Прямо в бухте, вросшие в ил, лежат паровозы, на берегу остатки узкоколейки. Рядами стоит американское «ленд-лизское» оборудование. Некоторые ящики так и не распакованы за 60 лет.

По окончании срока контракта, в начале июня 1942 года, Косякины отправились на пароходе в Игарку, с намерением вернуться в Москву. На пароходе они узнали о войне с Германией. Руководство этот факт от участников экспедиции скрывало почти год. Как это было возможно, не понимаю? Всё это время, начальство уговаривало Д.Г. и Е.В. продлить контракт, но они отказались.

Данные о дальнейшей судьбе Дмитрия Косякина настолько отрывочны и противоречивы, что я привожу здесь одну из своих версий, не претендуя на истину в последней инстанции.

Руины Нордвика в конце 20-го века.

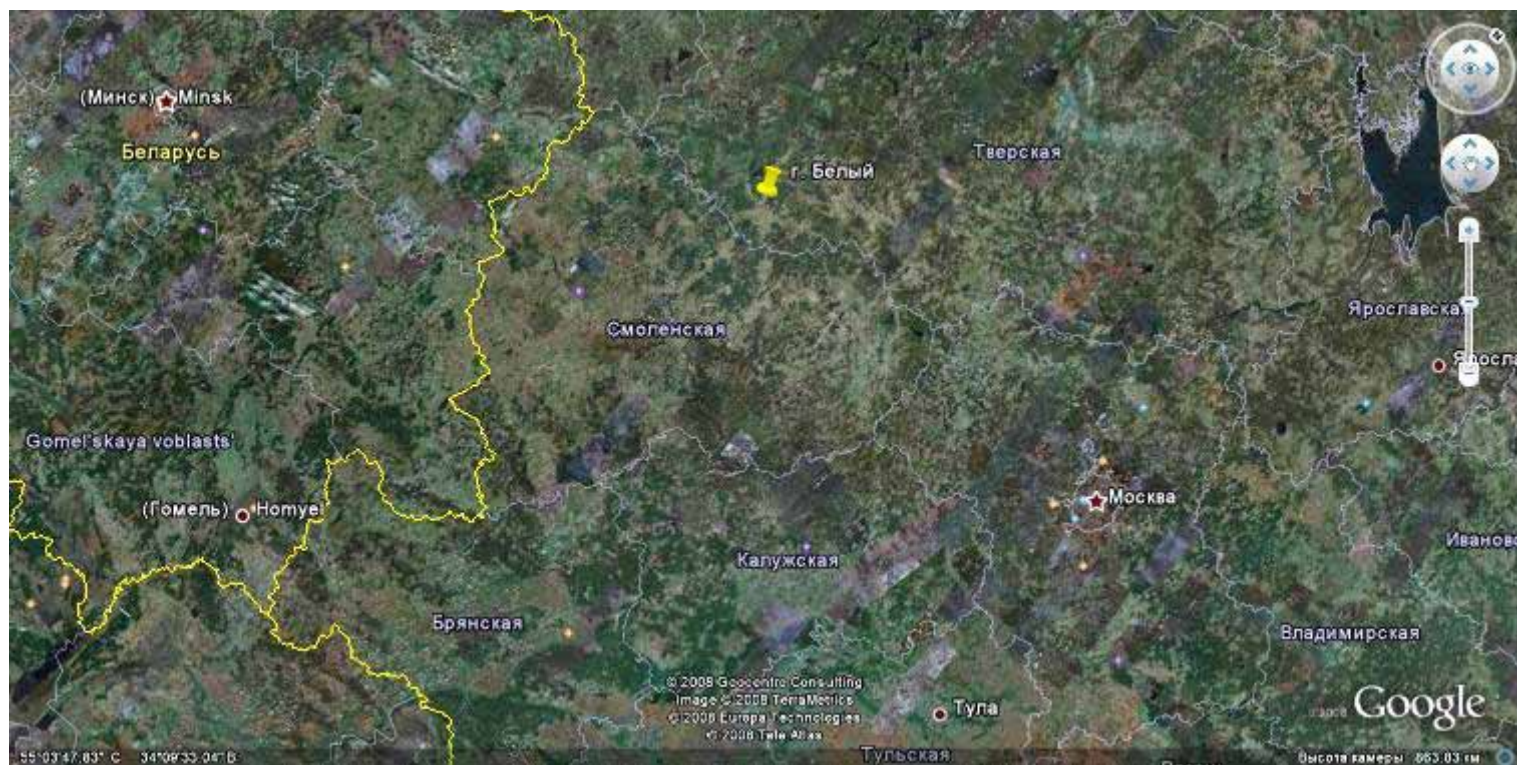

*Бывший посёлок и порт. Трест «Нордвикстрой» ГУСМП.
Нордвиклаг – система ОЛП в составе Норильлага. Красноярский «Мемориал».
Фото Алексея Бабий. 29.10.1990 г.*

* * *

Д.Г. был мобилизован в армию в Игарке и вскоре попал на Калининский фронт (командующий – генерал-полковник Максим Александрович Пуркаев), в 41 армию (командующий – генерал-майор Герман Фёдорович Тарасов), дислоцированную у г. Белый северо-западнее Москвы. Он служил в 79 красноярской стрелковой бригаде, так называемого, 6-го сталинского стрелкового корпуса, сформированного из сибиряков, в том числе и ссыльных.

Со стороны немцев боевые действия в этом районе вели части 9-ой армии Вермахта под командованием генерал-полковника (позднее фельдмаршала) Вальтера Моделя. Армия входила в группу армий «Центр» под командованием фельдмаршала Гюнтера фон Клюге, которая на тот момент занимала Ржевско-Вяземский выступ в 150 км западнее Москвы.

С 25 ноября по 20 декабря 1942 г., под руководством Г.К. Жукова, была проведена неудачная попытка окружения и уничтожения группы армий «Центр» (операция «Марс») силами Западного (командующий – генерал-полковник И.С. Конев) и Калининского фронтов. С нашей стороны, из 1890 тыс. солдат, реально в операции участвовало 668 тысяч. За 25 дней боёв наши потери, только убитыми, составили более 70 тысяч. Одно из массовых захоронений погибших сибиряков, называемое «Сибирским мемориалом», находится в деревне Плоское под г. Белый.

По одной из версий эта операция должна была просто отвлечь внимание немцев от готовившегося окружения и уничтожения армии Пау-

люса в Сталинграде в ходе операции «Уран», которая началась 19 ноября 1942 г. и закончилась нашей победой 2 февраля 1943 г.

14 ноября 1942 г., за десять дней до основного наступления наших войск в ходе операции «Марс», Дмитрий Косякин погиб в результате то ли авианалёта, то ли артобстрела противника. Где его могила и есть ли она вообще, не известно. Трагичной была судьба отца, матери и сестры Д.Г. Они погибли в Новороссийске в том же 1942 г., во время боёв за город.

После войны, в 1946 г. тётя Д.Г. – Татьяна Алексеевна Косякина, через военкомат г. Грозный, где она проживала в то время, пыталась что-то узнать о судьбе племянника, о чём в его деле № 2264, фонд № 58, опись № 18004 в ЦАМО (Центральный архив минобороны в Подольске) о потерях Красной армии в ВОВ имеются два документа, которые я привожу ниже.

Из первого документа следует, что пятого августа 1943 г. Дмитрий Косякин отправил телеграмму из г. Калинина (ныне г. Тверь) его тёте – Татьяне Алексеевне Косякиной. Во втором документе говорится, о том, что по свидетельству очевидца, «красноармеец Д.Г. Косякин погиб 08.12.1943 г. западнее Ржева, в бою за г. Белый, расположенный в юго-западной части Калининской обл.» (ныне Тверской – А.Б.). По моим данным, немцы были выбиты из г. Белый ещё 10 марта 1943 г.

Данные Центрального архива министерства обороны расходятся по дате гибели Косякина с тем, что приводит Баева в своих воспоминаниях.

Вот что она пишет в 1997 г. «В августе 1941 г. я с первым мужем (инженером-геофизиком Дмитрием Германовичем Косякиным) и двухлетним сыном Юрой возвращалась в Москву из трёхлетней геофизической экспедиции на Таймыр. Наш океанский пароход вместо того, чтобы плыть на запад, взял почему-то курс на восток, до Медвежьих островов. По пути следования он везде забирал зимовщиков. Когда мы приплыли в Игарку, на палубу поднялся военком. Переписав по паспортам всех мужчин и нескольких женщин, он сообщил, что Германия напала на Советский Союз и обязал всех включённых в список через три дня (для устройства семей, у кого они были) явиться в военкомат, имея при себе... Это был оглушительный удар! Через три дня ожидавший мобилизованных речной пароход увёз всех в Красноярск, оттуда эшелонам в Москву и через две недели офицеры были уже на фронте. Через 20 дней мой муж погиб в бою под Смоленском – ему было только 28 лет...». (Академик А.А. Баев. Глава 2. Трудные годы. Стр. 70. Москва. «Наука». 1998 г.).

Форма № 9

~~КВС СССР~~

Управление по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава

Наш. исх. № 5731004

10 4

1946 г.

Узнающему Гер. ВОЕННОМУ КОМИССАРУ

Гр. Косыкина МАТ. Алексе проживающ.

ул. Р. Люксембург д. 3 к. 15

разыскивает военнослужащего Косыкина

Дмитрия Германовича с которым по сообщению заявителя связь прекратилась с 5-й телеграммы 1943 г. из Каменкина

По спискам потерь разыскиваемый военнослужащий в Управлении не числится и по указанному заявителем адресу розыск результатов не дал.

Для принятия исчерпывающего решения по существу предлагается Вам в двухнедельный срок со дня получения настоящего отношения, путем тщательной проверки по учетным материалам, имеющимся в РВК, документов, имеющихся в партийных и советских организациях, а также документов, имеющихся на руках у заявителя или личных бесед с заявителем и свидетельских показаний установить и заполнить на разыскиваемого анкету по прилагаемой при сем форме.

Анкету с Вашим обязательным заключением представить секретным порядком Управлению по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава.

Прилагаемые к анкете свидетельские показания должны быть оформлены и заверены РВК.

Начальник Управления генерал-майор

(Шавельский)

Л И Н И Я О Т Р Ъ В А

А Н К Е Т А

1. Фамилия, имя и отчество разыскиваемого.
2. Год рождения.
3. Место рождения: область, р-н, с/совет, деревня, город.
4. Каким военкоматом призван, когда, в какую часть и когда направлен.
5. Военное звание.
6. Занимаемая должность в Красной Армии.
7. Когда прекратилась письменная связь.
8. Военный адрес по последнему письму.
9. Где проживал до призвания: область, р-н, с/совет, деревня, город.
10. Дополнительные данные о разыскиваемом: письма товарищей, сообщения в/ч., свидетельские показания и др. (приложить к анкете).

Косыкин Дмитрий Германович

1913

9. Новороссийск
Краснодарский край
в. г. Марка.

Красноармеец

телеграмма из г. Каменкина
5-й 1943г.Нордвистская партизанская разведочная
партия.

Не имел.

КУДА

Упр. Уровня
(адрес)

КОМУ

Урвоеником
(наименование р. военкомата)

№ УП/

~~НКВС СССР~~

Управление по учету погибшего и пропавшего без вести
рядового и сержантского состава
Москва

Л И Н И Я О Т Р Е З А

11. При наличии сведений о гибели.
указать: где и когда (месяц,
число, год) погиб, место похорон.

*по словам свидетеля в год
1893 подпор. Белов*

12. Кто разыскивает: фамилия, имя,
отчество заявителя.

*тетка Косыкина Татьяна
Александровна*

13. Родственное отношение заяви-
теля к разыскиваемому: отец,
мать, жена и т. д.

тетка

14. Подробный адрес места житель-
ства заявителя: область, р-н,
с/совет, деревня, город.

*Узловский пр. ст. Револьна
15 кв. 6 Суд*

15. Личное заключение военкома
по материалам. (Военнослужа-
щий: погиб, умер, пропал без
вести и т. д.).

*заключение дано по делу за
отсутствием фактов о его судьбе*

16. Приложение

на одном листе

30. июня 1946 г.

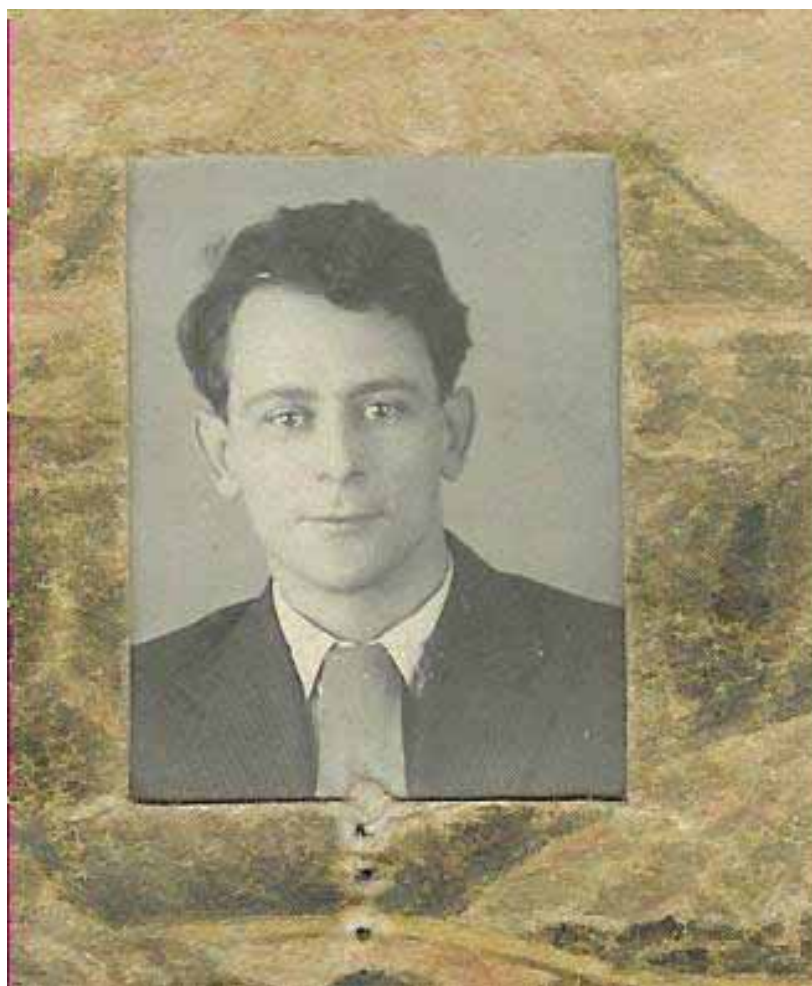
Молоотовский Райвоенком
Личная подпись военкома и печать

ПРИМЕЧАНИЕ. Без подписи военкома и печати документ не действителен

Решение Управления по учету потерь

ИТ НКВС 1024

*погиб
8. XII - 43
Лен*

Д.Г. Косякин. 14. 06.1942 г. Игарка.

Возможно, что Екатерина Владимировна в отношении 1941 г. ошиблась. В её архиве сохранилась фотография Д.Г., сделанная 14 июня 1942 г. в Игарке. На обороте фотографии, рукой Е.В. написано: «Погиб 14 ноября 1942 г. г. Белый, Смоленской области».

Может быть, в дате гибели Косякина в 1943 г., а не в 1942 г. ошибся и «соучастник события» и данные, хранящиеся в архиве Министерства обороны не верны? С другой стороны, телеграмма Косякина из Калинина его тёте датированная, с её слов, 1943 годом? Одним словом, полная неразбериха!

Если же Д.Г. погиб 8 декабря 1942 г. (а не 1943 года) в разгар операции «Марс», то он мог быть захоронен в «Сибирском мемориале» в д. Плоское, под г. Белый.

Таким образом, есть три даты гибели Д. Косякина в 1941, 1942 и 1943 году. К сожалению, разрешить эти противоречия мне пока не удалось, т. к. похоронка, письма и другие документы, связанные с Д.Г. Косякиным были уничтожены ворами, забравшимися в комнату Е.В. Косякиной в 1944 г. в Норильске. Уцелели только несколько фотографий Д.Г. и Юрочки, которые Е.В. хранила у себя на работе.

Сибирский мемориал в д. Плоское под г. Белый.

Недавно в Игарке, стараниями местных властей и ветеранов ВОВ, сооружён новый мемориал Победы, где выбиты имена всех, кто призвался в армию в Игарке и погиб за Родину. В этом скорбном списке есть и Дмитрий Германович Косякин, человек для Игарки случайный, т. к. он оказался там с семьёй проездом. **Вечная ему память!** Слава Богу, что в Игарке соблюдают святое правило – «Никто не забыт и ничто не забыто!». Эта знаменитая фраза принадлежит Ольге Берггольц (1910–1976), поэтессе и ленинградской блокаднице.

Новый мемориал, погибшим в Великой отечественной войне 1941–1945 гг. Игарка.

* * *

После мобилизации мужа, Екатерина с сыном осталась в Заполярье. Ехать ей было некуда. Её отец умер в Москве от рака, за месяц до начала войны. (Похоронен в колумбарии Новодевичьего кладбища). Родители мужа погибли. Бабушка Н.А. Янковская и другие ленинградские родственники в блокаде.

Почти год Е.В. проработала управделами Игарторга. В августе 1943 г., она перебралась из Игарки, в Норильск, где заведовала машбюро комбината.

*Машбюро Норильского комбината. Е.В. Косякина (разговаривает по телефону).
На переднем плане (спиной) Шейнгауз. 1943 г.*

Одно время у Е.В. работала машинисткой заключённая Елизавета Яковлевна Драбкина (1901–1974). Драбкина, как и Гарри, была активной коммунисткой, участницей Революции, санитаркой, пулемётчицей, секретарём Я.М. Свердлова, дружила с сёстрами Ленина – Анной и Марией. Тем обиднее было таким людям оказаться отторгнутыми родной партией и провести многие годы в лагере, на обочине жизни. До ареста и после освобождения Драбкина написала несколько литературных произведений, из которых наиболее известен был сборник рассказов – «Чёрные сухари».

Е.Я. Драбкина

Заключённая Шейнгауз – лучшая машинистка бюро.

Драбкина, из-за жестокого обращения с ней во время следствия, по-седела и очень плохо слышала. Тем не менее, её соседка по бараку – Мария Викторовна Нанейшвили считала, что она подслушивает разговоры, а потом «стучит» начальству и отношение к ней со стороны «зечек» было соответствующее.

Как вспоминала Баева: «На ногах у Драбкиной были, привязанные верёвками, куски автомобильных покрышек, которые заменяли ей галоши. У неё был роман с заключённым инженером и в обеденный перерыв они иногда сидели рядом, на каком-нибудь пустом ящике, тесно прижавшись друг к другу, как два нахохлившихся воробушка и молча ели свою лагерную пайку».

Е.В. была знакома и со Львом Николаевичем Гумилёвым (1912–1992), который отбывал свой срок в Норильлаге с 1939 г. по 1944 г. в 1-ом и 4-ом лаготделениях.

Его привезли в Норильск, в трюме баржи, из Красноярска 21 сентября 1939 г. В первом лаготделении Гумилёв сидел в одном бараке и общался, как он вспоминает, с «поэтом Дорошиным» – сокамерником Баева по Соловецкой тюрьме. В 1944 г. Гумилёв был освобождён, без права выезда из Норильска, но упробил руководство РВК г. Туруханска, когда он был там, в служебной командировке, призвать его добровольцем на фронт. Гумилёв дошёл до Берлина в составе зенитной батареи, а после войны опять был арестован и отбывал очередной срок в одном из Карагандинских лагерей.

Л.Н. читал Баевой стихи своего отца – Николая Гумилёва и матери – Анны Ахматовой, а Е.В. печатала их на машинке. Эти листки сохранились в семейном архиве.

Кроме Гумилёва и Буре в Норильлаге, в то время, «обитали» такие люди, как геолог Николай Николаевич Урванцев (1893–1954) – один из первооткрывателей норильских никелевых месторождений. Знаменитый спартаковский футболист – Андрей Петрович Старостин. Поэт Давид Никитович Кугультинов (с 1946 г.). Актёр Георгий Степанович Жжёнов (с 1949 по 1953 гг.). Журналист Евгений Рябчиков и многие, многие другие известные в СССР люди, чьи фамилии до сих пор «на слуху».

В «добровольном заключении» жил в Норильске и молодой актёр – Иннокентий Михайлович Смоктуновский (1925–1994), который начинал в местном 2-ом Заполярном драмтеатре гардеробищиком, осветителем, а затем и актёром. Он приехал в Норильск из Красноярска по собственной инициативе, спасаясь от ареста за то, что во время войны пробыл около месяца в немецком плену и какое-то время числился, как пропавший без вести. «Органы» такие факты в биографии, как правило, не прощали, несмотря на успешный побег из плена.

Г.С. Жжёнов. Норильский драмтеатр. 1946 г.

И.М. Смоктуновский

Друзьями Екатерины Владимировны по Норильску были: Лиза Забрамная, Таня Копытман, Тоня Горбовская, Юра Эдельман, Юра Муравьёв, супруги Фигуровские и Бизяевы.

***Елизавета Евсеевна Забрамная** работала диспетчером в стройуправлении Норильска. Вышла замуж за руководителя Мерзлотной лаборатории Норильска – З.Л. Пищика. Елизавета близко знала Завенягина и помогла Екатерине Баевой организовать встречу с ним в 1949 г. в Москве, в печально знаменитом «Доме на набережной», где он жил. Тогда Е.В. хлопотала об облегчении участи Баева, после его второго ареста.*

*Елизавета Евсеевна Забрамная. Норильск. Озеро Лама. 1945 г.
Фото Баева.*

***Константин Владимирович Фигуровский** – начальник пожарной охраны Норильска, а затем Красноярска. Он помог Баевой осенью 1949 г. в Красноярске с посадкой на пароход, когда Е.В. с детьми ехала к Баеву в ссылку. Е.В. дружила с его женой.*

***Александр Денисович Бизяев (1910–1978) и Лидия Вуколова-Бизяева** – вольнонаёмные. Бизяев прошёл путь от сменного инженера и руководителя норильской ТЭЦ, до председателя Красноярского совнархоза и министра энергетики и электрификации РСФСР.*

Супруги Бизяевы.

* * *

В 1944 г. в жизни Екатерины Владимировны произошла новая трагедия. В Норильске, в результате несчастного случая, умирает сын. Юре не исполнилось ещё и пяти лет. Он умер в детском отделении больницы для вольнонаёмных, которым руководил Баев, от крупозного воспаления лёгких и отёка мозга. Во время прогулки с няней ребёнок был сброшен порывом шквального ветра в «Куропаточный» ручей с ледяной водой. По недосмотру, полы его, не застёгнутого до конца пальтишка, сыграли роль паруса. Вытащили ребёнка из воды не сразу, в результате чего он захлебнулся и получил сильное переохлаждение. Юру похоронили на кладбище у подножья горы им. Ф.Б. Шмидта («Шмидтихи»). Гора названа в честь естествоиспытателя – Фридриха Богдановича Шмидта, который вместе с Киприяном Сотниковым в 1865 г. был одним из первооткрывателей норильских природных богатств. Из недр «Шмидтихи» добывается уголь.

Кладбище у подножья «Шмидтихи».

На кладбище хоронили вольных и заключённых. Екатерина Владимировна, посещая могилу сына, неоднократно наблюдала, как на грузовиках, телегах или санях, в зависимости от времени года, привозили трупы заключённых к большой яме и сбрасывали их туда. Всего было выкопано, якобы, двадцать таких ям – 20 на 20 метров. Зимой покойников не закапывали, а просто присыпали снегом. Это приводило к тому, что тела часто обгладывали песцы.

Вот как описывает это кладбище в середине 50-х годов норильский подросток Володя Рассадин. «Кладбище у подножья Шмидтихи. Пришла долгожданная весна. Было ещё грязно и сыро. Мы пробирались между могил с покосившимися крестами и редкими пирамидками. Всё имело неухоженный, запущенный и неряшливый вид. На иных могилах таблички с буквами, которые проступают как водяные знаки, на некоторых и этого нет. Кладбище кажется бесконечным, бескрайним. Нам тогда было невдомёк, что тут похоронены не только жители города, но и заключённые. А смотреть за их могилами, в сущности, было некому».

В конце 20-го века на кладбище был сооружён мемориал жертвам ГУЛАГа.

Звонница. Фрагмент мемориала жертвам ГУЛАГа.

«Шмидтиха» – один из кругов сталинского ада.

После смерти сына, Екатерина Владимировна была в очень плохом состоянии и Баев добился у начальства, чтобы её отправили на две недели в дом отдыха комбината, на озере Лама в ста километрах от Норильска.

Озеро Лама. Третье по глубине озеро России. Фото Баева. 1945 г.

Дом отдыха Норильского комбината НКВД на оз. Лама. 1945 г.

После освобождения. Баев, Ира Воронцова – первый ребёнок, родившийся в Норильске, Александр Воронцов, главный инженер Норильского комбината. Норильск. 1944 г. Фото В.Н. Лебединского.

Вернувшись в Норильск, она как-то утром, по дороге на работу встретила Баева. Из воспоминаний Баевой.

«Была середина июля. Однажды утром около своего дома – двенадцатикомнатного барака – я увидела Александра Александровича, и мы пошли с ним вместе, т. к. больница и управление были почти рядом, на одной улице. Бывало, что и вечерами он поджидал меня около больницы и провожал до дома. Постепенно мы привыкали друг к другу. Односложные разговоры сменились беседами. Он оказался очень приятным и лёгким собеседником – живым и остроумным, легко подхватывал любую тему разговора и голос его – мягкий и негромкий – действовал успокаивающе. Ходил он в лагерном ватнике, кепке, старых ботинках и довольно поношенном чёрном костюме... У него было приятное моложавое лицо, несколько застенчивая улыбка, замечательно чистые и яркие большие голубые глаза и совсем седая голова. Я была очарована его умом, весёлостью, иногда мальчишеством, его тактом, добротой и обворожительной улыбкой. Это был необыкновенный по своей природе человек. Я встречала в своей жизни мужчин, и умных и красивых и порядочных, но всё же что-то в них настораживало. В Александре Александровиче всё располагало к нему – он обладал редким обаянием».

Баев и Косякина поженились в декабре 1944 г. В августе 1945 г. у них родился сын – Алексей, а в феврале 1947 г. дочь – Татьяна.

Екатерина Владимировна с сыном Алёшей. 1946 г. Фото Баева.

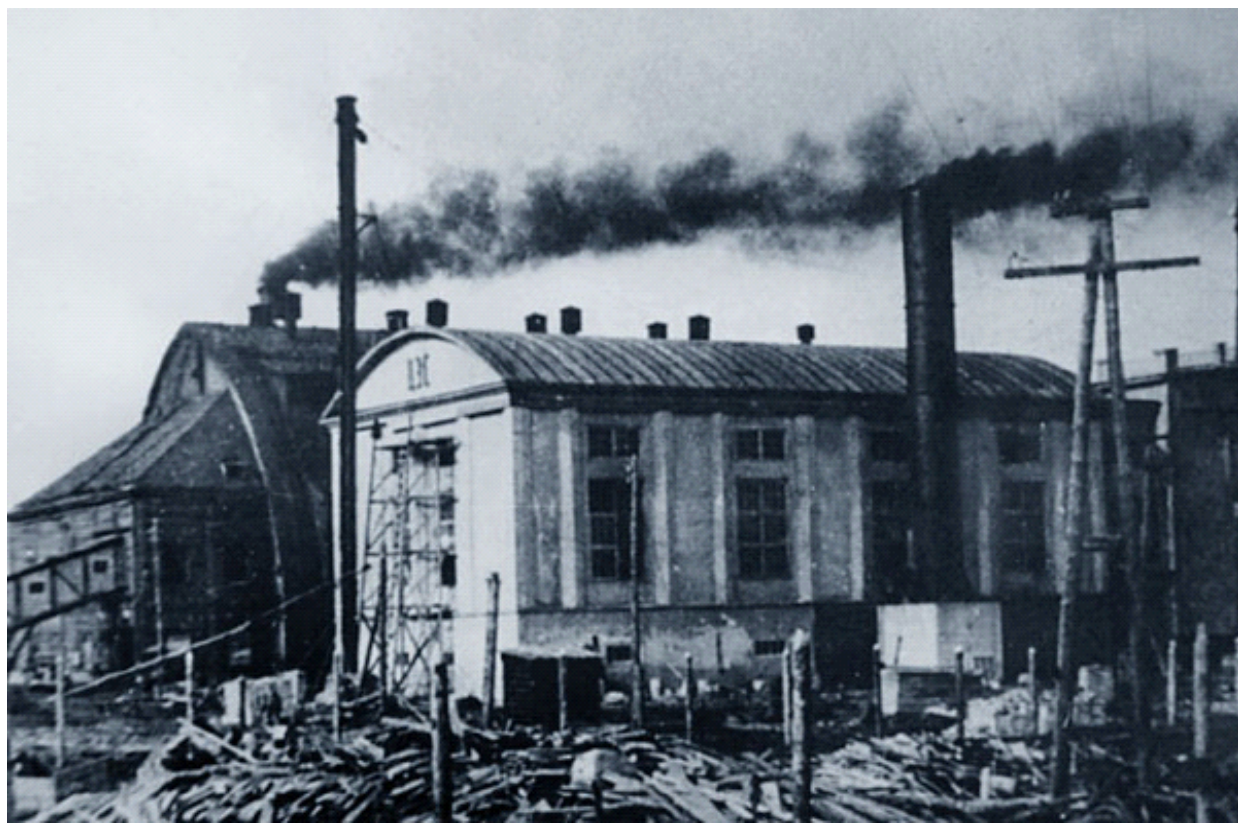
*Посёлок Норильск в начале 40-х годов 20 – века. Западная окраина.
Район ул. Горной.*

Так, безалаберно и неприглядно, выглядел посёлок Норильск в 1945 г. на момент моего рождения там. Кое-где можно разглядеть лагерные бараки и вышки охраны. Судя по всему, снимок сделан со стороны горы Рудной, с территории большой обогатительной фабрики, недалеко от штольни Сотникова. На переднем плане видна узкоколейка, идущая по отвалу пустой горной породы.

На заднем плане слева нефтебаза, левее которой оз. «Щучье», справа – оз. «Квадратное» из которого влево вытекает река «Щучья». В правом верхнем углу снимка, белеет группа бараков городка подразделений ВОХР. За ним озеро Уолба (Уолбэ). Перед озером «Квадратное», справа, видны дымящие трубы и здания временных электростанций № 1 и № 2. Одна из них вскоре превратилась в пивзавод. Левее их, на холме, белеют бараки 11-го (каторжного) отделения Норлага. В середине снимка (ближе к правому краю, на возвышенности) белеет каланча и здание первого пожарного депо Норильска. За каланчей расположен домик геолога Урванцева, на тот момент простого норильского заключённого. Левее каланчи, в сторону правого верхнего угла снимка, идёт ул. Горная, которая вскоре пересекается с ул. Заводской.

На переднем плане видна часть бараков 2-го лаготделения. Слева от них на краю снимка часть пустыря кладбища. Напротив кладбища – стекольный завод. Середину снимка слева направо пересекает линия железной дороги.

На Горной улице (в центре снимка) находится Нулевой пикет Норильска. В домах и бараках Горной улицы, которые видны на снимке, не только жили люди, но располагались и различные учреждения поселковой инфраструктуры: Управление Норильскстроя НКВД, переделанное затем в 3-й оперативный отдел с тюрьмой; Управление железной дороги; САНО; первый Дом инженерно-технических работников; первая пекарня (7 тонн хлеба в сутки); аптека; детский сад; кухня, столовая и клуб 2-го л/о; столовая для вольнонаёмных; драмтеатр (бывший лагерный клуб) и т. д.

Временные электростанции № 1 и № 2. 1945 г.

Сейчас в этом районе огромная промзона. Жилых домов нет. Озёра, с некогда кристально чистой водой и богатые рыбой, превращены в зловонные отстойники жидких и твёрдых отходов производства. Современный Норильск стали строить за озером «Долгим». Вид из космоса на Норильск и его предприятия ужасает. Более варварского отношения к окружающей среде я не видел. Но это в будущем. Хотя, судя по снимку, и тогда с экологией было не лучше.

ПЕРЕСМОТР ДЕЛА № 3314

9-го мая 1945 года закончилась Великая Отечественная война, а 2 сентября 1945 г., с разгромом Красной армией Квантунской армии Японии, закончилась и Вторая мировая война. Но Баева продолжают удерживать в Норильске на положении «крепостного от НКВД». 23 июня 1945 г. Баев пишет в «органы» заявление о снятии с него судимости.

Заявление это, как показали дальнейшие события, либо не было подано Баевым в соответствующие инстанции, либо было ими проигнорировано.

Академик В.А. Энгельгардт внимательно следит за судьбой своего ученика. Через какое-то время он узнаёт об условно-досрочном освобождении Баева и уже 19 сентября 1944 г. пишет письмо Баеву в Норильск, а в конце 1945 г. начинаются активные попытки Энгельгардта выволить Баева из Норильска и перевести его на работу в г. Ленинград, в Институт экспериментальной медицины АМН СССР, где Энгельгардт организует биохимическую лабораторию.

В связи с этим, Энгельгардт пишет ходатайство на имя Берия, где просит НКВД дать разрешение на выезд Баева из Норильска в Ленинград. 20 декабря 1945 г. Энгельгардт обращается к академику Леону Абгаровичу Орбели, как директору ИЭМ, с письмом о совместных действиях по вызволению Баева из Норильска.

Откликаясь на просьбу Энгельгардта, Орбели уже 25 дек. 1945 г. пишет известное письмо-ходатайство относительно Баева к Берия, а 13 марта 1946 года посылает письмо о Баеве непосредственно начальнику Норильского комбината НКВД Панюкову (см. также книгу – «Академик А.А. Баев», раздел «Комментарии», стр. 462–464).

Копии писем Орбели к Берия и Панюкову имеются в следственном деле Баева.

**Народному комиссару внутренних дел СССР
тов. Л.П. Берии**

**Многоуважаемый Лаврентий Павлович,
Разрешите обратиться к Вам с просьбой, уделить внимание и, если найдёте возможным, оказать содействие в положительном разрешении ходатайства, с которым обращается к Вам мой сотрудник по**

*Академик Л.А. Орбели (1882–1958). Академик-секретарь
Отделения биологических наук, вице-президент АН СССР,
генерал-полковник медицинской службы.*

Академии наук СССР, действительный член Академии медицинских наук, проф. В.А. Энгельгардт.

Речь идёт о разрешении долголетнему прежнему сотруднику проф. Энгельгардта, талантливому молодому учёному, А.А. БАЕВУ, репрессированному в 1937 г., ныне освобождённому и работающему в системе НКВД в г. Норильске, вернуться к научной работе в лаборатории, руководимой проф. Энгельгардтом в Институте экспериментальной медицины в Ленинграде.

Как член Президиума Академии медицинских наук СССР, я не могу не быть заинтересованным в укреплении этой заново организуемой лаборатории, деятельности которой академия придаёт большое значение. А.А. БАЕВ является высокоодарённым, весьма ценным

исследователем, питомцем школы В.А. Энгельгардта. Кадры талантливых, перспективных биохимиков у нас крайне ограничены, и было бы чрезвычайно важно для дела использовать имеющиеся силы наиболее продуктивным образом.

Член Президиума Академии медицинских наук СССР,
Герой Социалистического Труда, академик Л.А. Орбели.
25.12.45.

Депутату Верховного Совета СССР,
начальнику Норильского комбината НКВД,
генерал-майору А.А. Панюкову.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Как член Президиума АМН СССР, хочу воспользоваться Вашим приездом на Сессию Верховного Совета СССР, чтобы просить Вас оказать содействие в реализации поддержанного мною ходатайства действительного члена АМН, профессора В.А. Энгельгардта, о предоставлении доктору А.А. Баеву, работающему в настоящее время врачом Норильского комбината, возможности возвратиться снова к научной работе по его специальности. А.А. Баев имеет законченную квалификацию биохимика, научного работника. Он прошел аспирантуру по биохимии, работал в Институте биохимии АН СССР, имеет ряд опубликованных научных работ, показавших, что в его лице мы имеем одаренного, талантливого молодого исследователя, по специальности, в которой численность научных кадров далеко не удовлетворяет потребности. А.А. Баева имеется в виду привлечь к работе заново развертываемого в системе АМН СССР Отдела биохимии Института экспериментальной медицины. Интересы дела диктуют необходимость использовать наши кадры на такой работе, где они с максимальной эффективностью могут превратить в деле свои способности, знания и наклонности. Все что я знаю об А.А. Баеве, говорит о том, что это исключительно перспективный научный работник-исследователь. Использовать его на научной работе, по его подлинной специальности, соответствует той роли, которой сейчас с особой силой придаётся развитию науки в нашей стране. Я позволю себе выразить уверенность, что Вы учтёте

обоснованность этих соображений и не будите препятствовать переходу А.А. Баева на научную работу в систему АМН СССР.

**С искренним уважением, Герой Социалистического Труда,
генерал-полковник медицинской службы,**

академик Л.А. Орбели.

13.03.46.

Надо сказать, что подобные хлопоты были опасны, как для осужденного, так и для ходатайствующих, т. к. лишний раз привлекали внимание «компетентных органов» к той или иной персоне с непредсказуемыми последствиями. Так, известный чекист Рудольф Лацис (отец Отто Лациса, журналиста и политолога, одного из активистов «перестройки») был знаменит в послереволюционные годы тем, что считал, что: «...хлопоты мешают планомерной работе органов...». Поэтому он, нередко, спешил расстрелять тех, о ком ходатайствовали. Его самого постигла та же участь в конце 30-х годов.

Ходатайства о Баеве со стороны Энгельгардта и Орбели явление, в то время не частое, но и не исключение. В разные годы, в защиту других репрессированных учёных (вплоть до писем Сталину) выступали академики: П.С. Александров, А.А. Андронов, Н.И. Вавилов, С.И. Вавилов, В.А. Веснин, И.В. Гребеничиков, А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица, А.Н. Колмогоров, Н.И. Мухомелов, И.П. Павлов, Д.Б. Рязанов, А.Н. Теренин, чл-корр. Л.С. Понтрягин и другие.

* * *

Берия Лаврентий Павлович (1899–1953). Родился в с. Мерхеули в Абхазии, в семье крестьянина-бедняка. В ВКП(б) с 1917 г. Член ЦК ВКП(б) – КПСС (17, 18 и 19 съезды). Член Президиума Верховного Совета СССР (1938–1939 гг.). Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (1939–1946 гг.). Член Политбюро ЦК ВКП(б) (1946–1952 гг.). Член Президиума ЦК КПСС (1952–1953 гг.). Член Бюро Президиума ЦК КПСС (1952–1953 гг.). Депутат Верховного Совета СССР 1–3 созывов. Герой Соц. Труда (1943 г.). Лауреат Сталинской премии (1949 г.).

Закончил с отличием Сухумское начальное училище (1906–1915 гг.), а затем среднее механико-строительное техническое Училище в Баку (1919 г.) и Бакинский политехнический институт (1920–1922 гг.).

В 1916 г. практикант нефтяной конторы Альфреда Нобеля в Балаханах (Азербайджан). В 1917 г. организовал ячейку РСДРП в Баку. Сотрудник секретариата Бакинского Совета в 1918 г. Остался в Баку при турецкой оккупации. Конторщик на заводе «Каспийское товарищество Белый Город» (Баку 1918–1919 гг.). Председатель подпольной ячейки РКП(б) техников в Баку. В 1920 г., по поручению партии «Гуммет», поступил на службу в мусаватистскую контрразведку. В 1920 г. уполномоченный Кавказского крайкома РКП(б) и регистрационного отдела 11 армии в Грузии.

В 1920 г. арестован грузинскими меньшевиками в Тифлисе, освобожден с предписанием, в 3-дневный срок, покинуть Грузию. В 1920 г., под фамилией Лакербая, работал в полпредстве РСФСР в Грузии. Вновь арестован меньшевиками, сидел в кутаисской тюрьме, выслан в советский Азербайджан где работал в 1920–1921 гг. управ. делами ЦК КП(б) Азербайджана и отв. секретарём Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих в Баку. В органах Азербайджанской и Грузинской ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1921 г. Председатель ГПУ ГрузССР (1926–1927 гг.). Нарком внутренних дел ГрузССР в 1927–1930 гг. 2-ой секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) (1931–1932 гг.). 1-ый секретарь ЦК КП(б) Грузии 1932–1938 гг. 1-ый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) (1932–1936 гг.). 1-ый секретарь Тбилисского горкома ВКП(б) Грузии (1937–1938 гг.).

1-ый зам. наркома внутренних дел СССР в 1938–1938 гг. В 1938 г. начальник 1 управления НКВД СССР и руководитель ГУГБ НКВД СССР. С 1938–1945 гг. Нарком внутренних дел СССР. Зам. председателя СНК СССР (1941–1946 гг.), член ГКО СССР и заместитель председателя ГКО СССР (1941–1945 гг.), 1-ый зам. председателя СМ СССР и Министр внутренних дел СССР (1953 г.). Был главным куратором работ по созданию ядерного оружия и средств его доставки.

Арестован 26.06.1953 г. на заседании Президиума ЦК КПСС. На Пленуме ЦК КПСС 02.07.53–07.07.53 гг. выведен из состава ЦК КПСС

и исключен из партии как «враг Коммунистической партии и советского народа» Приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 23.12.53 г. к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован. Вокруг обстоятельств ареста, суда и расстрела Берия до сих пор ходит много противоречивых разговоров и слухов.

Вот две зарисовки с натуры, о методах работы и «чёрном юморе» сталинского подручного и как бы сказали сейчас – «эффективного менеджера». Его методы управления и поныне у ряда российских руководителей вызывают плохо скрываемый восторг и зависть.

Побиск Георгиевич Кузнецов вспоминал. «Иногда Берия устраивал в “шарашках” банкеты с обильным угощением для ученых зэков. Об одном из них рассказал Роберт Людвигович Бартини (авиаконструктор, разработчик первых экранопланов – А.Б.): «В застольной беседе возник следующий диалог:

Бартини: – “Лаврентий Павлович, почему я здесь? Я же не враг?”

Берия ответил:

– “Ну какой ты враг? Врагов мы расстреливаем. А как ещё вас всех, таких учёных разных профессий, таких умных, собрать под одну крышу? Как заставить работать всех вместе? Вот взлётит твой самолёт в небо, и ты сам вылетишь отсюда на свободу!”».

Это, так сказать, вариант – «пряник».

А вот пример – «кнута».

«Излюбленным приемом Берии для решения технических задач был метод всеобщего устрашения. Стало известно, что Япония опередила нас в производстве кобальта, необходимого компонента для получения броневой стали. Состоялось совещание у самого Сталина! Решили в течение года разработать проект и построить новый завод. Контроль за выполнением решения взял на себя Берия. Он собрал руководителей ведомства и сказал:

– “Чтобы через три месяца выпуск кобальта был увеличен в десять раз”. Начальник комбината Ивановский, увенчанный многими орденами, заикнулся было о сроке, принятом на совещании Сталиным. Берия прервал его:

– “А я сказал – Через три месяца – в десять раз!” – “Да как же так...” попытался возразить Ивановский. – “Ты что это свой иконостас нацепил?” – Берия указал на ордена. – “Кобулов, запиши: если через три месяца производство кобальта не будет увеличено в десять раз – расстрэ-

лять”. Тогда хотел что-то возразить Логинов, координатор, представлявший науку... – “А ты кто такой, молодой? Кобулов, запиши: расстреливать нэ надо. Пусть дэсят лет голой жопой морошку в тундрэ подавит, сразу умнээ будэт!” Угроза была настолько реальной, что приказ был выполнен. Но мало кто догадывается, какой ценой».

* * *

В связи с письмами Энгельгардта и Орбели, Берия поручает начальнику своего Секретариата – С.С. Мамулову заняться делом Баева. Переписка посылается из Москвы в Норильск, для ознакомления с ней руководство комбината, а оттуда обратно в Москву.

На обращение Энгельгардта и Орбели к Берия, Панюков реагирует следующим образом.

**Начальнику секретариата МВД СССР,
ген.-лейтенанту Мамулову С.С.
от начальника Норильского комбината,
ген.-майора Панюкова А.А.**

Возвращаю переписку в отношении откомандирования в г. Ленинград врача Баева А.А. Прошу Вас, ввиду отдаленности Норильского комбината от материка, ежегодного и большого роста вольнонаёмного населения, которое вынуждено жить в тяжёлых климатических условиях Заполярья, необходимости ведения научно-исследовательских работ в Норильске, не отзывать и закрепить на постоянную работу в системе Норильского комбината врача Баева А.А., т. к. специалисты врачи нам крайне необходимы.

**Начальник НК, ген.-майор А.А. Панюков.
13 февр. 1946 г.**

13 апреля 1946 г. на очередной запрос из Москвы, начальника Секретариата МВД СССР, ген.-лейтенанта Мамулова о переводе Баева на работу в Ленинград, Панюков опять просит оставить Баева в Норильске, «...не отзывать и закрепить на постоянную работу в системе Норильского комбината МВД».

Но уже через три дня, 16 апр. 1946 г. в другом письме генерал-майор Панюков пишет Мамулову:

«...В свое время АН СССР дважды ставила этот вопрос через Вас и я, в то время, возражал против откомандирования Баева из Норильского комбината. Баев работает в Норильске в качестве детского врача и хотя мы нуждаемся во врачах, видимо, он будет более полезен, работая по своей основной специальности биохимика. Поэтому я не возражаю против освобождения Баева от работы в Норильском комбинате и откомандирования его в распоряжение Института биохимии АН СССР. Считаю необходимым отметить, что Баев освобожден из Норильского исправительно-трудового лагеря по директиве № 185».

28 апреля 1946 года Энгельгардт, ещё не зная, что Панюков «сдался», пишет очередное письмо о Баеве на имя Берия. Письмо имеется в деле. В письме даётся обоснование усиления биохимических исследований в стране, организации биохимической лаборатории в ИЭМ, говорится о недостатке квалифицированных кадров биохимиков, в связи с чем, Энгельгардт и просит разрешить Баеву работать в Ленинграде. Вот отрывок из этого письма, где даётся характеристика Баева:

«Могу с полной определённостью сказать, что он был лучшим из моих учеников и сотрудников, сформировавшимся искусным экспериментатором, с самыми блестящими перспективами дальнейшего научного роста и исследовательских успехов».

Касаясь организации лаборатории в ИЭМ в Ленинграде, Энгельгардт далее пишет:

«...Основная задача при этом – подобрать коллектив одаренных, перспективных работников. Больше, чем о ком-либо другом, я думал бы именно об А.А. Баеве, соединяющем со способностями ученого-исследователя так же и прекрасные организационные задатки, особенно важные в период формирования новой научной организации».

Но одного согласия Панюкова на выезд Баева из Норильска недостаточно. После писем на имя Берия, оказываются запущенными в ход две огромные бюрократические машины – МВД СССР (бывший НКВД) и Министерство государственной безопасности (МГБ) СССР. Только Секретариат МВД СССР, под руководством Мамулова, насчитывал 200 человек.

* * *

Мамулов (Мамульян) Степан Соломонович (1902–1976) Родился в Тифлисе (Тбилиси) в семье владельца галантерейной лавки. Образование пять классов. Жестяник-паяльщик (лудильщик). В 1921 г. вступает в члены ВКП(б) и начинает работать в милиции. Несколько месяцев служил в РКК, рядовой. По окончании Гражданской войны в 1922 году на партийной работе на различных должностях в Абхазии, Грузии, Казахстане и Украине.

В январе 1939 г. Берия назначает его 1-ым замом, а с августа 1939 г. начальником своего Секретариата. В 1945 г. ему присвоено звание генерал-лейтенанта госбезопасности. С апреля 1946 г. по март 1953 г. он зам. министра внутренних дел. После падения Берия, Мамулов был арестован, лишён воинского звания, наград и приговорён к 15 годам тюремного заключения. Отбыл срок «от звонка до звонка» во Владимирской тюрьме. Освобождён в 1968 г. Реабилитирован не был.

* * *

29 апреля 1946 г. начинается активная служебная переписка между начальником отдела «А» МГБ СССР ген.-майором А.Я. Герцовским; начальником управления МГБ по Ленинградской области ген.-лейтенантом Д.Г. Родионовым; начальником 2-го отдела, 2-го главного упр. МГБ СССР (контрразведка!); подполковником Фёдором Григорьевичем Шубняковым («курировал» интеллигенцию); зам. министра МГБ ген.-лейтенантом Сергеем Ивановичем Огольцовым (бывший почтальон, с двумя классами образования, сделавший карьеру в ЧКа) и нач. Секретариата МВД СССР ген.-лейтенантом Мамуловым. (С.И. Огольцов и Ф.Г. Шубняков позднее были непосредственными организаторами убийства в Минске известного актёра и режиссёра Михоэлса).

Персона Баева подвергается тотальной проверке. Соответствующие распоряжения посылаются в Москву и Казань. Просьбу о переводе Баева на работу в Ленинград, почему-то начинают называть «пересмотром дела». Этот терминологический нюанс мог сыграть роковую роль при принятии решения по ходатайствам Энгельгардта и Орбели.

Так Родионов дает 9 октября 1946 г. распоряжение начальнику 1-го спецотдела МВД СССР полковнику Кузнецову:

«В связи с пересмотром дела бывшего осужденного Баева А.А. прошу дать указание проверить и сообщить нам подтвердили ли на судебном заседании свои показания в отношении Баева, осужденные в 1937 году ВК ВС СССР к ВМН Калинин И.И., Карепова Ю.П., Медведев Ф.П., Цинципер Л.И., Слепков В.Н., Комаров С.А.».

23 октября 1946 года зам. начальника 1-го спецотдела МВД СССР подполковник Пядышев и начальник 6-го отделения подполковник Кинжалов сообщают начальнику управления МГБ Ленинградской области Родионову, что:

«...на судебном заседании ВК ВС СССР 31 июля и 2-го августа 1937 г. Калинин Иван Иванович, Медведев Федор Павлович, Слепков Василий Николаевич, Комаров Сергей Алексеевич и на судебном заседании того суда 19 сент. 1937 года Цинципер Лев Иосифович, виновными себя признали и ранее данные показания подтвердили. Однако Баева участником антисоветской террористической организации правых на судебном заседании ВК ВС не называли. Карепова Юлия Павловна на судебном заседании ВК ВС 31 июля 1937 года виновной себя не признала и от ранее данных ею показаний отказалась».

Несмотря на это, начальник следственного отдела, подполковник И.В. Подчасов, который по указанию Огольцова, анализирует архивно-следственное дело № 269772 на Баева и др. приходит к выводу, что «по материалам дела Баев А.А. осуждён правильно».

26 августа 1946 г. дело Баева пересылают в Ленинград, где им занимается начальник следственного отдела УМГБ Ленинградского округа подполковник Хвощ. Он собирает сведения о научной деятельности Баева и просит допросить еще раз людей, дававших показания против Баева, посылая в соответствующие ведомства МГБ Москвы и Казани запросы. В частности, он пишет:

«Желательно, чтобы сбор материалов о научной деятельности Баева был осуществлен помимо Орбели и Энгельгардта, т. к. не исключена возможность их личной заинтересованности в Баеве».

Разве не ясно, что они заинтересованы?!

31 августа 1946 г. зам. начальника следственного отдела МГБ ТатССР майор Микляев присылает из Казани список научных трудов Баева, опубликованных до его ареста в 1937 году:

- 1. «Физическое развитие и болезненность призывных бывшего Буинского кантона АТССР (годы рождения 1903, 1904, 1905, 1906)», журнал Вопросы здравоохранения Татареспублики, выпуск 2, стр. 48, 1932 г. (совместно с Н. Жук);**
- 2. «Клеточное дыхание и превращение аммиака». ДАН, т. 4, стр. 69, 1934 г.;**
- 3. «Об изменении биохимических свойств туберкулезной палочки в связи с ее диссоциацией». Казанский медицинский журнал. т. 9, стр. 884, 1934 г. (совместно с Б.Л. Мазур);**
- 4. «Опыт обследования на туберкулез некоторых деревень Буинского Кантона ТатРеспублики», Вопросы туберкулеза, т. 7–8, стр. 19, 1930 г.;**
- 5. «Туберкулез татар и чуваш Буинского Кантона ТатРеспублики» (рукопись);**
- 6. «Кумыс и мочеотделение», Курортология и физиотерапия, т. 6, стр. 43, 1935 г. (совместно с Н.А. Карповым);**
- 7. «О двойственном механизме стабилизации аденозинтрифосфорной кислоты в клетке», ДАН, т. 2 (11), стр. 325, 1936 г. (совместно с В.А. Энгельгардтом);**
- 8. «Превращения аммиака в связи с дыханием клетки», Биохимия, т. 1, стр. 8, 1936 г. (совместно с В.А. Энгельгардтом); (вып. 1, стр. 113–133. – А.Б.)**
- 9. «Энзиматический анализ превращений аденозинтрифосфорной кислоты в ядерных эритроцитах» (сдано в ж. Биохимия). (1937 г., т. 11, вып. 2, стр. 454–478. – А.Б.).**

Кроме того, рефераты, статьи в Энциклопедию, обзоры и прочее.

Далее майор Микляев сообщает о том, что:

«Взять показания у лиц, арестованных с Баевым по одному делу не представляется возможным, т. к. Калинин И.И., 1905 г. р, уроженец г. Казани; Каропова Юлия Павловна, 1904 г. р., из Йошкар-Ола; Слепков Василий Николаевич., 1902 г. р.; Медведев Федор Павло-

вич, 1902 г. р., уроженец Петровского р-на, Куйбышевской области – осуждены в 1937 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР по первой категории к ВМН».

Тут Микляев схалтурил. По крайней мере, И. Калинина и Ю. Карепову можно было допросить, т. к. ВМН им заменили на 10 лет лагерей. Известны их ходатайства о реабилитации, поданные в 1954 г. и 1955 г.

В связи с «пересмотром» дела Баева начальник 1-го отдела АН СССР, присылает в Ленинград, старый протокол заседания Ученого совета Института биохимии АН СССР и уже известный список научных трудов Баева. Оба документа имеются в деле.

23 дек. 1935 г.

Протокол № 7 заседания Ученого совета Института биохимии. Зам. дир. А.И. Опарин; ст. ученый специалист, проф. Д.М. Шихман; учёный специалист С.С. Елизарова, уч. секретарь Баев.

Баев А.А., научный сотрудник 1-го разряда, имеет 8 научных работ, из которых 4-е биохимического характера. Окончил аспирантуру в 1932 г., имеет пятилетний стаж педагогической и научно-исследовательской работы по биохимии. Доклад на Всесоюзном съезде физиологов и 15 Мировом Конгрессе Физиологов. Закончил диссертацию: «Ресинтез аденозинтрифосфорной кислоты». Защита – февраль 1936 г.

Из-за подготовки к празднованию 80-летия А.Н. Баха, директора Института биохимии АН СССР, (Баев, как Учёный секретарь института принимал активное участие в подготовке юбилея) защита диссертации была отложена, а затем не состоялась из-за ареста Баева.

* * *

Иван Васильевич Подчасов (1910–?). Полковник. Начальник следственного отдела. В 1956 г. против него, Огольцова и ряда других сотрудников НКВД Ленинграда и области было возбуждено уголовное дело за фальсификацию дела ленинградских учёных в 1941–1942 гг. Тогда, только к ВМН было приговорено 30 человек. Реально расстреляли пятерых. В том числе чл.-корреспондентов АН СССР В.С. Игнатовского и Н.С. Кошлякова.

А.С. Кузнецов. Полковник. Начальник 1-го спецотдела НКВД. Известен тем, что 18 сентября 1945 года направил на имя Берия следующую докладную записку.

«Согласно существующему порядку, при выдаче справок о лицах, осужденных к высшей мере наказания бывшими тройками НКВД-УНКВД, Военной Коллегией Верховного суда СССР с применением закона от 1 декабря 1934 года и в особом порядке, указывается, что эти лица осуждены к лишению свободы на 10 лет с конфискацией имущества и для отбытия наказания отправлены в лагеря с особым режимом с лишением права переписки и передач.

В связи с истечением десятилетнего срока в приемные НКВД-УНКВД поступают многочисленные заявления граждан о выдаче справок о местонахождении их близких родственников, осужденных названным выше порядком. Наряду с этим граждане ходатайствуют о выдаче им письменных справок об осуждении своих родственников, мотивируя необходимостью представления соответствующих свидетельств в суды в связи с рассмотрением гражданских дел (развод, оформление наследства и т. д.).

Докладывая об изложенном, полагал бы необходимым установить следующий порядок выдачи справок о лицах, осужденных к высшей мере наказания:

Впредь на запросы граждан о местонахождении их близких родственников, осужденных к ВМН в 1934–1938 годах бывшими тройками НКВД-УНКВД, Военной Коллегией Верховного суда СССР с применением закона от 1 декабря 1934 года и в особом порядке, сообщать им устно, что их родственники, отбывая наказание, умерли в местах заключения НКВД СССР. 1 спецотделам выдачу подобных справок производить только после получения на это санкции соответственно Народного комиссара внутренних дел союзной (автономной) республики, начальника УНКВД края (области). В отношении осужденных Особым Совещанием при НКВД СССР к высшей мере наказания в период Отечественной войны 1941–1945 годов давать устные ответы через 1 спецотделы НКВД-УНКВД в прежнем порядке.

О выдаче сведений о смерти лиц, осужденных к ВМН, производить отметку в учетах НКВД-УНКВД и высылать соответствующие извещения в 1 спецотдел НКВД СССР для отражения в оперативно-справочной картотеке.

1-ым спецотделам НКВД-УНКВД сообщать о выдаче указанных выше справок в ОАГС, а последним, в случае обращения к ним родственников осужденных, выдавать соответствующие свидетельства о смерти, согласно установленному порядку. Прошу Ваших решений».

22 сентября Берия написал на этой докладной записке резолюцию:

«Тов. Меркулову В.Н., тов. Чернышову В.В., тов. Кобулову Б.З. Прошу Вас совместно рассмотреть эти предложения и дать свое заключение».

Заключение появилось 28 сентября:

«По существу предложения начальника 1 спецотдела НКВД СССР полковника тов. Кузнецова о порядке выдачи справок членам семей лиц, осужденных к высшей мере наказания бывшими тройками НКВД, Военной Коллегией Верховного Суда СССР и в особом порядке, считаем целесообразным:

Впредь на запросы граждан о местонахождении их родственников, осужденных к ВМН в 1934–1938 годах бывшими тройками НКВД, Военной Коллегией Верховного суда СССР и в особом порядке, сообщать им устно, что осужденные умерли в местах заключения.

Выдачу подобных справок производить 1 спецотделам только с санкции в каждом отдельном случае Народного комиссара внутренних дел союзной (автономной) республики, начальника УНКВД края (области) соответственно.

В отношении осужденных Особым Совещанием при НКВД СССР к высшей мере наказания в период Отечественной войны 1941–1945 годов давать устные справки через 1 спецотделы НКВД-УНКВД в прежнем порядке (осуждены к лишению свободы на 10 лет с лишением права переписки и передач).

О выдаче сведений о смерти лиц, осужденных к ВМН, производить отметку в учетах НКВД-УНКВД и высылать соответствующее извещение в 1 спецотдел НКВД СССР для отражения в оперативно-справочной картотеке.

Одновременно с выдачей справок о смерти заключенных, указанных в п. 1, объявлять их родственникам, что соответствующие сви-

детельства они могут получить в ОАГСе. 1 спецотделам НКВД-УНКВД сообщать о выдаче указанных выше справок в ОАГС, а последним, в случае обращения к ним родственников осужденных, выдавать свидетельства о смерти, согласно установленному порядку».

29 сентября нарком наложил резолюцию: «Согласен. Л. Берия». После этого началась практика массовых искажений в дате и причине смерти жертв «Большого террора», лишённых «права переписки и передач»!

Герцовский Аркадий Яковлевич (1904–?). Генерал-майор (1945 г.). Член партии с 1939 г. В органах ВЧК с 1920 г. В 1938–1941 гг. помощник, заместитель начальника 1-го спецотдела НКВД СССР. В 1941–1943 гг. начальник 1-го спецотдела и заместитель начальника 1-го спецотдела НКВД СССР, затем начальник отдела «А» НКГБ-МГБ СССР. В 1953 г. начальник 1-го спецотдела МВД Якутской АССР, в том же году арестован и в 1955 г. осужден на 10 лет лишения свободы.

Огольцов Сергей Иванович. (1900–1977). Родился в с. Канино, Сапожковского уезда Рязанской губ. в семье крестьянина-бедняка. Член партии с 1919 г. В 1916 г. окончил 2-классное училище в Канино. До октября 1917 г. работал письмоносцем Сапожковского волостного правления, а затем секретарём Сапожковского волостного Совета. В органах госбезопасности с мая 1918 г. Начиная в Сапожковской уездной ЧК, был следователем, секретарем подотдела по борьбе со спекуляцией.

С марта 1919 г. заместитель заведующего подотделом по борьбе с контрреволюцией. С июня 1919 г. в Рязанской ГубЧК: оперативный комиссар обысков, с августа 1919 г. заведующий подотделом оружия. В 1919–1920 гг. помощник уполномоченного Рязанской ГубЧК по Раненбургскому уезду. В апреле – мае 1920 г. в Москве, комиссар обысков ВЧК. В мае – июне 1920 г. находился в распоряжении Харьковской ГубЧК.

Личным распоряжением Ф. Дзержинского был откомандирован в Полтавскую ГубЧК, где занимал должности: заведующий бюро обысков, заведующий РСО, заместитель секретаря ГубЧК, заместитель заведующего отделом по борьбе с бандитизмом, начальник политбюро ЧК Лохвицкого уезда, заместитель начальника Прилукского окружного отдела ГПУ. Участвовал в ликвидации банд Махно, Симоненко, Нестеренко, Алеши Грозного и других атаманов «Гуляй поля».

Позднее служил в Особых отделах различных армейских дивизий, корпусов, погранвойсках. Был начальником УНКВД Ленинграда, заместителем начальников УНКВД по Ленинградской, Куйбышевской области. Наркомом госбезопасности Казахской ССР. Заместитель министра ГБ СССР по общим вопросам (1946–1951 гг.). Министр ГБ Узбекской ССР (15 февраля – 20 ноября 1952 гг.).

1-ый заместитель министра ГБ СССР (20 ноября 1952 г. – 11 марта 1953 г.). Начальник ГРУ МГБ (5 января–11 марта 1953 г.). Не прошло и месяца со дня смерти Сталина, как Огольцов 3 апреля 1953 г. был арестован по обвинению в убийстве С.М. Михоэлса. Постановлением ЦК КПСС от 6 августа 1953 г. освобожден от занимаемой должности и в январе 1954 г. уволен в запас МВД. 8 июня 1959 г. постановлением СМ СССР лишен звания генерал-лейтенанта «как дискредитировавший себя за время работы в органах и недостойный в связи с этим высокого звания генерала».

Шубняков Фёдор Григорьевич. (1916–1996). Родился в г. Макеевка, Екатеринославской губернии. Член ВКП(б) с июля 1940 г. Окончил 7 классов школы в 1931 г. С июня 1932 г. – старший вожатый средней школы № 3 в Макеевке, в октябре 1934 – декабре 1936 гг. – заведующий отделом пионеров комитета ВЛКСМ завода им. С.М. Кирова «Макеевстрой». Одновременно в 1934–1936 гг. учился на вечернем факультете общественных наук комвуза. Направлен по партийной мобилизации в НКВД.

В органах госбезопасности с января 1937 г. Учился в Киевской МКШ ГУГБ НКВД (15 января – сентябрь 1937 г.). Работал на различных чекистских должностях на Украине. С 13 августа 1941 г. – в центральном аппарате НКВД-МГБ. Начальник отдела «2-А» МГБ СССР (17 мая 1948–19 октября 1949 гг.); Начальник 2-го Главного управления МГБ СССР (3 января–28 октября 1951 г.).

28 октября 1951 г. арестован по «делу Абакумова», обвинялся во вредительско-подрывной работе в чекистских органах (ст. 58–1 «б», 58–7, и 58–11 УК РСФСР). Постановлением Следственной части по особо важным делам МВД СССР от 6 марта 1953 г. дело прекращено по согласованию с инстанцией (какой?), освобожден, реабилитирован и восстановлен на службе в органах МВД. Занимал должности: Заместитель начальника 1-го Главного управления МВД СССР (с 17 марта 1953 по 18 марта 1954 г.). Заместитель начальника 2-го Главного управления КГБ при СМ СССР (18 марта – 22 ноября 1954 г.). Резидент КГБ в Австрии (22 ноября 1954 – 15 ноября 1958 гг.), действовал под прикрытием должности – начальника отдела информации аппарата Верховного комиссара СССР в Австрии, а с августа 1955 г. – советника Посольства СССР в Австрии. 15 ноября 1958 г. откомандирован в распоряжение Министерства среднего машиностроения СССР. С 19 мая 1959 г. находился в действующем резерве КГБ. С мая 1959 г. работал заместителем директора по режиму в Институте прикладной математики АН СССР. 7 мая 1965 г. уволен в запас КГБ по болезни. Полковник. Пенсионер. Проживал в Москве. (Источники: Н.В. Петров. Справочник. «Кто руководил органами госбезопасности». А.И. Колпакиди, Д.П. Прохоров «Внешняя разведка России»).

Родионов Дмитрий Гаврилович (1906–1972). Родился в с. Починки Нижегородской губ., в семье крестьянина-бедняка. Член ВКП(б) с марта 1938 г. В 1914–1916 гг. учился в церковно-приходской школе. Работал продавцом в бакалейном магазине (1916–1917 гг.). В 1919 г. переписчик уездного отдела труда, с 1922 г. делопроизводитель уездного профбюро, с 1924 г. продавец потребительского общества. В 1925 г. уехал в Нижний Новгород, работал буфетчиком в столовой ярмарочного комитета, в 1925 г. вернулся в Починки, не работал.

С марта 1926 г. в судебных органах и милиции в г. Сергач Нижегородского края: делопроизводитель в народном суде, с сентября 1927 г. секретарь народного следователя 1-го участка, с мая 1928 г. – старший милиционер уездного отделения милиции. В органах госбезопасности с ноября 1929 г. Работал на разных должностях в г. Сергач, Выксе, в Горьковской области. С лета 1938 г. – в центральном аппарате НКВД СССР, где занимал различные должности. В 1946–1949 гг. начальник УМГБ по Ленинградской области. Начальник Управления милиции УМГБ Узбекской ССР по Ташкентской обл. с 19 октября 1951 г. по 24 марта 1953 г. Заместитель начальника 4-го Управления МВД СССР с 24 марта 1953 г. по 8 апреля 1954 г. 15 июня 1954 г. уволен по болезни. С июля 1954 г. на пенсии. Проживал в Москве.

* * *

Здесь я хочу сделать небольшое отступление в связи с неоднократно упоминавшейся в деле Баева – Юлией Кареповой.

По словам Баева – «Ярая, бескомпромиссная коммунистка, она отталкивала меня своей ортодоксальностью». Согласно приговору и, как явствует из донесения майора Микляева, Карепова была расстреляна.

С другой стороны, Ю. Карепову вспоминает в своей книге «Крутой маршрут» (Издательство «Московский писатель», Москва, 1990 г. глава 24 – «Этап», стр. 87–88 и стр. 597) Евгения Гинзбург. Она пишет о том, что на Ярославской пересылке, в конце 1937 г., она встретила Ю. Карепову – «круглоглазую Юльку, ортодоксальнейшую из всех партийных ортодоксов», которая рассказала ей о поведении В. Слепкова на следствии.

«Юлия Карепова поразила меня рассказом о поведении Слепкова. Он, оказывается, тоже был привезен для “переследствия” из уфимской ссылки, где находился после трех лет политизолятора. (Это не точно. Слепков к тому времени от ссылки был освобождён и уехал с женой из Уфы в Баку, к родителям жены. Там он пытался “отсидеться” в период очередной волны репрессий. В Баку Слепков был арестован и привезён в Казань, для следствия и суда. – А.Б.)

По рассказам Юли, Слепков пошёл на все, чего требовали от него следователи. Дал список «завербованных», свыше 150 человек. Давал любые «очные ставки», в том числе и Юле. Это был какой-то гнусный спектакль, в котором и Слепков и следователь были похожи на актеров из кружка самодеятельности, произносящих свои реплики без тени правдоподобия.

Глядя Юле в лицо пустыми глазами, Слепков повествовал о том, как он в Москве «получил от Бухарина террористические установки», а приехав в Казань, поделился ими с некоторыми членами подпольного центра, в том числе с Юлей. Она, мол, полностью согласилась с установкой и выразила готовность быть исполнителем террористических актов. Юля, задохнувшись от изумления и гнева, закричала на него: «Лжете!». Он патетически воскликнул: «Надо разоружаться! Надо стать на колени перед партией!». До сих пор не понимаю, что заставило Слепкова поступать подобным образом. В жизни он казался обаятельным человеком, привлекавшим к себе сердца не только блестящей эрудицией, но и человеческой добротой».

Очная ставка между Слепковым и Кареповой действительно была. Мне трудно судить, что тут правда, а что литературный вымысел Гинзбург или фантазии Кареповой. Во всяком случае, не Кареповой задыхаться «от изумления и гнева» по поводу поведения В.Н. Слепкова. Её лживые показания, сгубили не одного невинного человека. Слепков фамилии Баева, как члена «террористической организации», никогда не произносил.

Из протокола допроса В.Н. Слепкова.

«На вопрос о враче Баеве Слепков заявил: – Баев в нашу организацию завербован мною не был, никогда контрреволюционных разговоров я с Баевым не вёл. Отношения с ним носили чисто научный и личный характер. Кроме того, я в организацию правых стремился вербовать преимущественно членов партии, Баев же был беспартийным».

Как отмечает историк А.Л. Литвин, знакомый с делом В.Н. Слепкова, во время следствия Слепков «многие вины» брал на себя, старался «выгораживать» других обвиняемых. Называл фамилии только тех, о которых он знал, что они уже арестованы.

Во время последней встречи и беседы А.А. Баева со В.Н. Слепковым в Казани, в 1933 г., незадолго до ареста Слепкова и помещения его в Суздальский изолятор, а затем ссылки в Уфу, Слепков, по словам Баева, был грустен и сказал, в частности, следующее: «Со мной сейчас всякое может случиться, но, чтобы про меня ни говорили, ничему не верьте».

Могла ли Карепова избежать расстрела? Редко, но такие случаи бывали. Приговор не приводился в исполнение месяц, два, три, а затем заключённого вызывали и объявляли о том, что вместо расстрела он

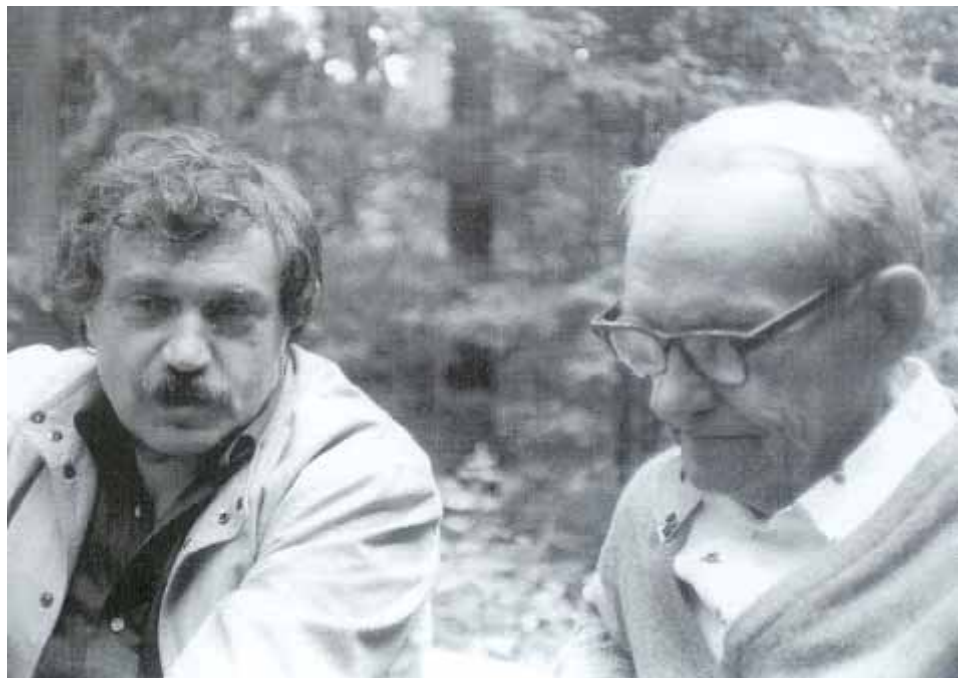
получает, к примеру, 10 лет лагерей. Лагерные остроловы такой приговор называли: «десять лет с испугом».

* * *

Несколько слов и о **Евгении Семёновне (Соломоновне) Гинзбург** (1904–1977). Е.С. Гинзбург – жена видного партийного функционера **Павла Васильевича Аксёнова** (1899–1991). В тридцатые годы он был Председателем горсовета г. Казани, членом ЦИКа СССР. В 1937 году был репрессирован, но выжил. Его приговор – 15 лет лагерей и три года поражения в правах тоже был с «испугом».

Е.С. Гинзбург.

Василий Павлович и Павел Васильевич Аксёновы.

Их сын, известный советский писатель, **Василий Павлович Аксёнов** (1932–2008), был ярким представителем московской «золотой молодёжи» и богемы шестидесятых. «Квадрат Вася, толстый, добродушный, крепко пьющий парень со звёздным билетом в кармане, шестидесятник, заразительно смеющийся тонким продолжительным смехом (з-зз-з-з-з)». (М.М. Козаков. «Актёрская книга». 1997 г., стр. 165. Москва-Вагриус.). С другой стороны, Солженицын коротко характеризовал В. Аксёнова, как «ярого русофоба», что, видимо, послужило одной из причин (кроме гонений его за участие в альманахе «Метрополь») отъезда В. Аксёнова в США.

Е. Гинзбург родилась в 1904 г. в Москве. С 1909 г. жила с родителями в Казани, училась там в гимназии и университете. По специальности –

историк, кандидат исторических наук, профессор истории Казанского университета, зав. отделом культуры областной газеты «Красная Татария». Была активной коммунисткой. Дружила с Сашей Вишневским, в будущем знаменитым хирургом, и Зиной Бурлянд (сестра друга Баева – Владимира Александровича Бурлянда).

Баев знал Гинзбург. Они были арестованы примерно в одно и то же время и прошли в Казани через одних и тех же следователей. Вот одно из воспоминаний Баева о Гинзбург. «Однажды я был у Зины Бурлянд и там встретил Е. Гинзбург. Это была интересная, ухоженная молодая дама. Она держалась явно высокомерно. Зина лебезила. Гинзбург мне не понравилась – я почувствовал, что она причисляет себя к партийной аристократии, да, вероятно, и принадлежит к ней по положению мужа Аксёнова, в действительности».

В 1937 г. Е. Гинзбург, за связь с троцкистом, профессором-историком Николаем Наумовичем Эльвовым (1904–1937) была вначале исключена из партии, а затем 15 февраля 1937 г. арестована, приговорена к 10-ти годам и отправлена на Колыму, где работала медсестрой в санчасти одного из лагерей. Это помогло ей выжить и она, умудрённая печальным опытом, уговорила сына получить, на всякий случай, медицинское образование. С 1948 г. по 1955 г. Гинзбург находилась в ссылке. После освобождения и реабилитации, Е. Гинзбург жила во Львове и Москве, работала журналисткой. Её книга воспоминаний «Крутой маршрут» (1967 г.), одно из первых литературных произведений, рассказывающих о сталинских репрессиях. Вторая часть книги написана в 1975–1977 гг. «Крутой маршрут» впервые официально издан в СССР в 1988 г. До этого распространялся в «самиздате».

* * *

Н.Н. Эльвов был зав. Отделом международной информации в газете «Красная Татария» и одним из авторов книги «История ВКП(б)».

В 1989 г. Галина Волчек, в театре «Современник» поставила по книге Гинзбург пьесу – «Крутой маршрут» (режиссёр – А. Гетман). В роли Евгении Семёновны – главной героини пьесы и воспоминаний была занята актриса Марина Неёлова.

* * *

Но не все сочувствовали Гинзбург и ставили спектакли, о её нелёгкой судьбе. Так, известный политический сиделец и писатель – **Олег Васильевич Волков** (1900–1996), который провёл в сталинских тюрьмах,

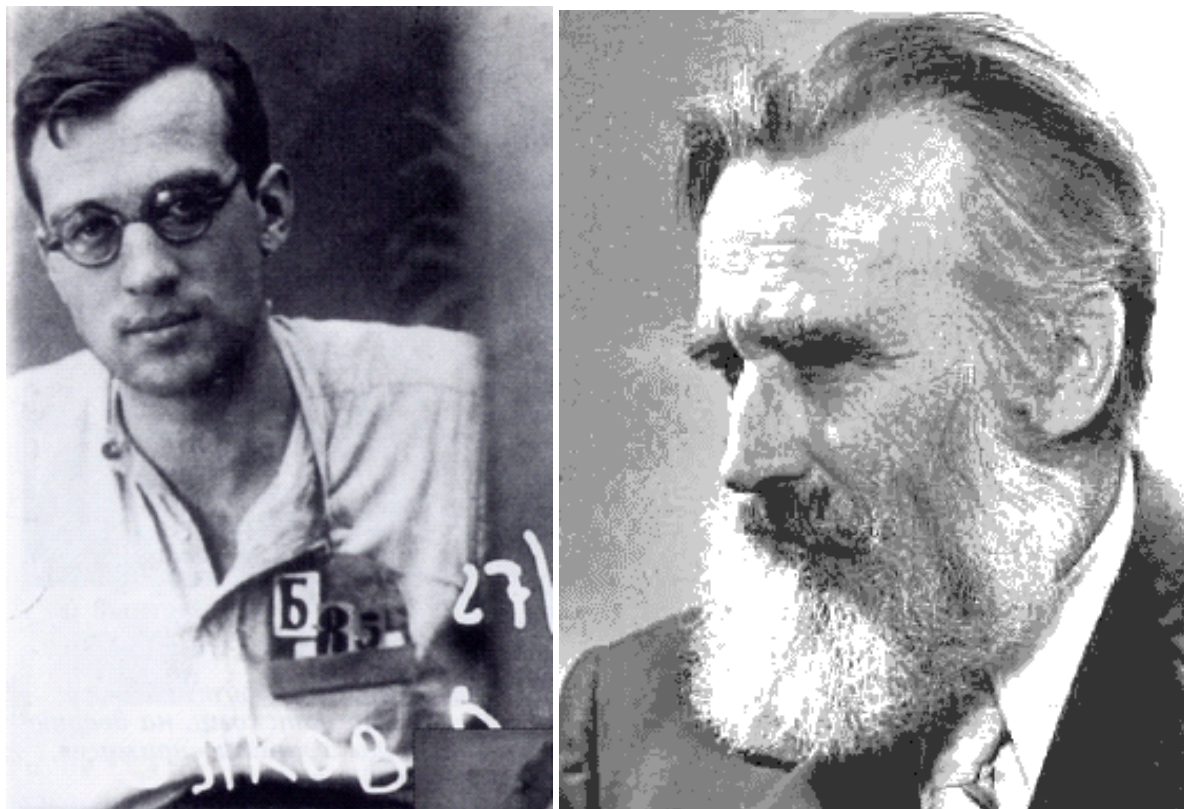
лагерях и ссылках 27 лет, в своей книге «Погружение во тьму», посвятил Е. Гинзбург и её товарищам по партии пять страниц довольно гневного текста, прочитав в шестидесятые годы в «самиздате» её «Крутой маршрут».

В частности, он пишет.

«Она очень честно рассказала, скрупулёзно придерживаясь запомнившихся фактов, о своих тюремных и лагерных мытарствах, начавшихся в 1937 году. Её воспоминания – это документ. Документ, характерный для лиц очерченного выше сословия “ответственных”. Как же неподдельно горячо она обличает “произвол”, задевший её “неприкосновенную” особу – ведь она старый член партии, сподвижница “вождей”, проводница ленинских заветов! И какой конфуз: оказалась за решёткой и на этапе вместе с... да вот именно, почтеннейшая поклонница Льва Давидовича... с кем? Уж не назовёте ли вы, Евгения Семёновна, врагами народа вот ту тройку бородатых работяг в лохмотьях, с наследственными мозолями на руках, которых оторвали от плуга, помогли разорить и благословили сослать сюда, на каторжную работу? Или этих двух истощённых лесорубов, что точат возле инструменталки топоры, обречённых сложить здесь кости только из-за того, что они, поверив вашим обещаниям, не уехали то вас подальше, а остались работать на КВЖД – один сцепщиком, другой стрелочником, когда вы вырвали дорогу из цепких японских лап? Вы описываете, как выстраивали вас на проверки. Пройдёмся с вами вдоль строя, взглянемся в лица, порасспросим. Из десяти вброшенных в этот ад – девять человек попали по выдуманному, вздорному обвинению. Они здесь лишь потому, что вы и ваши сподвижники если и не работали сами в карательных органах, то есть лично не отправляли сюда этих несчастных, то одобряли эти расправы, голосовали всегда – “За”. Для вас было нормой, в порядке вещей, чтобы тихого и робкого деревенского батюшку, обременённого многочисленной семьёй, придавленного нуждой, невежеством и страхом, хватали. Держали в подвалах ЧК, до смерти пугали и вдоволь наглумившись, “шлёпали”. Эка штука, одним попом меньше! А не то истерзанного, сломленного, ссылали умирать с голоду в Тмутаракань, а изгнанным отовсюду “матушкам” с исключёнными из школы детьми представляли погибать, как им заблагорассудится.

Вы сидели в первом ряду партера, когда уничтожали ветхих, впавших в детство царских «сатрапов», кадровых и случайных прежних военных, духовенство, чиновников. Даже лавочников и церковных старост.

И приветствовали, и поддерживали: «Враги, так им и надо!». И вот очередь дошла до вас. Беды и страхи, что вы считали справедливым обрушивать на всех, кроме вашей «элиты», коснулись вас. Грызня за власть закончилась вашим поражением. Вы возмущаетесь, клеймите порядки, но отнюдь не потому, что прозрели, что вам открылась их бесчеловечность, а из-за того, что дело коснулось лично вашей судьбы.

О.В. Волков, в день первого ареста в 1927 г. и в 70-е годы.

И потому, что Аксёнова-Гинзбург пишет обо всём этом, так и не углядев по прошествии лет как, в сущности, безнравственна и подла такая позиция, можно думать, что и прежние её единомышленники, и друзья, пригоняемые тогда в лагеря, не сознавали, что угодили под жернова, ими же приведённые в движение и уже подавившие и уничтожившие миллионы и миллионы безвинных. Притом людей, не рвавшихся, подобно им, к власти, а со страхом вжимавших голову в плечи перед грозой, людей, непричастных к политической борьбе и потому не лишивших себя, подобно «оклеветанным ленинцам», права роптать и возмущаться. Но воистину – поднявший меч от меча и погибнет» (стр. 268–269).

К сожалению, нетерпимость и жестокость к инакомыслящим демонстрировали не только работники «органов», но практически все партийные функционеры того времени, не зависимо от ранга. Так, Первый секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев (1903–1939), любимец Сталина,

а потом его очередная жертва, инспектируя тюрьмы, запрещал открывать в жару форточки в камерах, переполненных заключёнными. «Враги советского народа не должны дышать нашим воздухом!» – поучал он тюремное начальство. Не так давно, один из заместителей Зюганова по компартии, некий Рашкин, в интервью заявил, что «мы хотим дышать чистым и свежим воздухом». Знакомые мотивы! Интересно бы знать, какой ценой на сей раз?

Что касается церковных деятелей, то справедливости ради, надо сказать, что в декабре 1939 г., секретным постановлением, Политбюро запретило преследование церкви. Из мест заключения были освобождены священнослужители. В этот период Сталин часто заходил, по вечерам, в Успенский собор Кремля и минут по сорок молча стоял там, в полном одиночестве. О чём он думал и что творилось в эти минуты в его чёрной душе, знает только Бог. Может быть, тогда и родилось его сентенция: «Прошлое принадлежит Богу».

* * *

Но вернёмся к «пересмотру» дела Баева.

30 октября 1946 года начальник 4-го отделения следственного отдела УМГБ ЛО капитан Плешаков, с одобрения начальника следственного отдела майора Козырева, выносит окончательный вердикт по делу Баева.

«Принимая во внимание, что Баев осуждён как участник антисоветской террористической организации, изобличавшие Баева участники этой же организации: Медведев Ф.П., Комаров С.А., Цинципер Л.И., на ВК ВС СССР виновными себя признали и данные ими в процессе следствия показания подтвердили, сам же Баев никаких ходатайств о пересмотре приговора по его делу не возбуждал и не возбуждает, а поэтому полагал бы: ходатайство академика Орбели Л.А. и профессора Энгельгардта В.А. о разрешении Баеву А.А. проживать в городе Ленинграде оставить без удовлетворения. Архивно-следственное дело с настоящим заключением направить в отдел “А” МГБ СССР».

А вот какой ответ, в связи с этим, получает Орбели от Чернышова – заместителя Берия.

**Члену Президиума
Академии наук СССР,
академику Орбели Л.А.**

**СССР.
Народный комиссариат внутренних дел.
24 марта 1946 г.
№ 616/24.
г. Москва.**

На Ваше письмо в адрес Л.П. Берии об освобождении от работы в Норильском комбинате НКВД и откомандировании врача Баева А.А. НКВД сообщает, что в силу недостатка медицинских кадров на комбинате, мы не имеем возможности откомандировать Баева.

**Заместитель народного комиссара
внутренних дел Союза ССР
/В. Чернышов/.**

Все эти решения принимаются несмотря на то, что ещё 24 июня 1946 г. появился совместный приказ МВД, МГБ и Генерального прокурора СССР «Об отмене Директив НКВД СССР и Генерального прокурора СССР № 221 от 22 июня 1941 г. и № 185 от 29 апреля 1942 г. и всех последующих к ним дополнений». Пункт 5-ый этого приказа гласил, что «освобождение заключённых, отбывших срок наказания, задержанных в ИТЛ, колониях и тюрьмах до окончания войны на положении заключённых и вольнонаёмных – производить постепенно и закончить к 1 октября 1946 г.». В 1946 году Сталин на заседании Политбюро сказал: «Война показала, что в стране не было столько внутренних врагов, как нам докладывали и как мы считали. Многие пострадали напрасно. Народ должен был нас за это прогнать. Коленом под зад. Надо покаяться».

* * *

Чернышов Василий Васильевич (1896–1952). Родился в крестьянской семье в д. Вылки, Рязанской губернии. С 1908 г. работал буфетчиком, киномехаником, электромонтером. В июле 1915 г. призван в армию, прапорщик (1916 г.). С сент. 1917 г. зам. пред. Рязанского горисполкома. В окт. 1917 г. вступил в РСДРП(б). В 1919–1920 гг. создавал части особого назначения Рязанского губкома партии, возглавлял карательные экспедиции. В 1920 г. переведен на работу в органы ВЧК,

командовал дивизиями войск внутренней службы, нач. обороны Московского железнодорожного узла. В 1921 г. – 1922 г. нач. войск ВЧК Туркестанского фронта. Руководил проведением карательных операций, расстрелами, подавлением восстаний.

С 1922 г. нач. штаба Приволжского округа войск ГПУ ОГПУ СССР. С июля 1924 г. нач. погранвойск Казахстана. С 15.3.1927 г. пом. нач., с 1.9.1930 г. нач. управления погранохраны на Дальнем Востоке. В 1937–1950 гг. депутат Верховного Совета СССР. 7.8.1937 г. назначен зам. наркома внутренних дел СССР и нач. Главного управления рабоче-крестьянской милиции. был выдвинут В центральный аппарат Чернышов был выдвинут Ежовым, и он оказался единственным из его заместителей, кто сохранил свой пост при Берия. С 18.2.1939 г. по 25.2.1941 г. нач. ГУЛАГа. Комиссар государственной безопасности 2-го ранга (4.2.1943 г.), генерал-полковник (9.7.1945 г.). По должности замнаркома Чернышов курировал преимущественно работу лагерных управлений НКВД, а затем и МВД СССР. Фактически более 13 лет он был полноправным и единоличным хозяином рабов ГУЛАГа. За эти годы миллионы прошли через подчиненную Чернышову систему лагерей, где сотни тысяч зеков погибли от непосильного труда в суровых природных условиях, болезней, голода, производственных травм, жестокого обращения и расстрелов. Чернышов оставался зам. наркома до самой смерти. Он наверняка подвергся бы опале и наказанию при Хрущёве, как «член банды Берия», но вовремя умер «чистеньким».

* * *

В 1946 г. Норлаг насчитывал 76.636 заключённых. Из них 7086 человек, освобождённые и оставленные в лагере по директиве № 185, считались работающими в лагере по вольному найму, согласно пункту 2 этой Директивы. В число таких «вольнонаёмных» входил и Баев. Нежелание отпускать бывших зеков объяснялось просто. ГУЛАГ, кроме чисто репрессивной, играл ещё и важную экономическую роль в индустриализации и освоении наиболее суровых и удалённых регионов Сибири и Дальнего Востока. Руководство ГУЛАГА, не без оснований, опасалось, что освобождённые будут уезжать из мест, где прошли не самые лучшие годы их жизни и некому будет работать на многочисленных гулаговских фабриках, заводах, комбинатах, шахтах и рудниках, не говоря уже о лесоповале. Эта проблема всерьёз начала обсуждаться начальниками лагерей и руководителями ГУЛАГА с Берия ещё с мая 1945 г. Решение было найдено Сталиным, как мы увидим далее, в феврале 1948 г.

* * *

Потерпев фиаско с переводом Баева в Ленинград, Энгельгардт просит МВД разрешить Баеву защитить кандидатскую диссертацию в Институте физиологии им. И.П. Павлова АН СССР в Ленинграде (директор – академик Леон Абгарович Орбели). Диссертация была написана Баевым в 1935 г. и после ареста Баева сохранена Энгельгардтом. Разрешение на выезд в Ленинград для защиты диссертации было получено от Б.З. Кобулова – заместителя Берия.

Современники так описывали Кобулова. «Кобулов – толстый (120 кг. – А.Б.), до синевы выбритый, самодовольный, с красными, толстыми губами». Как и многие другие сотрудники «органов», был садистом, часто лично пытал и избивал подсудимых, которые коротко именовали его – «зверюга». Был жаден и нередко присваивал конфискованное имущество осуждённых.

* * *

Кобулов Богдан Захарович (1904–1953). Комиссар государственной безопасности 1-го ранга (генерал-полковник); «правая рука» Берия. Родился в Тбилиси в семье портного. В 1921–1922 гг. в РККА. В 1925 г. вступил в ВКП(б). С мая 1922 г. сотрудник ЧК и ГПУ. С февраля 1936 г. начальник Экономического управления госбезопасности по Закавказской Федерации (УГБ ЗСФСР). С 19 марта 1937 г. заместитель начальника 4-го отдела УГБ Грузинской ССР, с 9 августа 1938 г. заместитель наркома внутренних дел Грузинской ССР. Руководил чистками в Грузии.

С 15 сентября 1938 г. Кобулов начальник 4-го (секретно-политического) отдела Первого управления НКВД СССР. С 17 декабря 1938 г. заместитель начальника Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, начальник следственной части НКВД СССР. Приказом № 1693 НКВД СССР от 4 сентября 1939 г. назначен начальником Главного экономического управления (ГЭУ) НКВД СССР, курировавшее промышленность, сельское хозяйство, торговлю.

В 1940 году участвовал в составлении расстрельных списков польских офицеров (в том числе и по Катыни).

С 25 февраля 1941 г. Кобулов заместитель наркома госбезопасности СССР, с 30 июля 1941 г. – заместитель наркома внутренних дел СССР. 7 июля 1944 г. он назначен заместителем наркома госбезопасности СССР. С 1946 зам. нач. Главного управления советским имуществом за границей (ГУСИМЗ) при Министерстве внешней торговли СССР (с 1947 г. при Совете министров СССР) и зам. главноначальствующего Советской военной администрации в Германии. В его подчинении находились все органы государственной безопасности в оккупированной СССР части Германии, где он руководил массовыми арестами, готовя почву для создания социалистического немецкого государства. Одновременно с 1950 г. являлся зам. председателя Союзной контрольной комиссии по делам советских государственных акционерных обществ в Германии.

После смерти И.В. Сталина Берия, доверявший Кобулову, как никому другому, вызвал его в Москву и сделал своим 1-м замом. В ведение Кобулова были переданы сразу девять подразделений! 1-ое (контрразведка), 2-ое (разведка за границей) главные управления и 7-е управление (наружное наблюдение, установки, обыски, аресты). Кроме этого, 1-й (учётноархивный), 2-й (техника секретного прослушивания), 3-й (изготовление фальшивых документов), 4-й (радиоконтрразведка), 5-й (изготовление оперативной техники) и 6-й (цензура) спецотделы.

За выселение чеченцев и ингушей в 1944 г. награждён орденом Суворова I степени. С 13 апреля 1944 г. руководил операцией по очистке Крымской АССР от татар, турок, болгар, греков и армян. 15 июля 1944 г. награждён за это орденом Красного Знамени. Руководил выселением, так называемых, «немецких ставленников» (турок, курдов, хемшинов) в Кабардино-Балкарии, за что награжден орденом Отечественной войны I степени. Судя по наградам – доблестный вояка и полководец!

Кобулов был арестован 27.6.1953 г. вместе с Берия, обвинен в многочисленных злоупотреблениях, а также в шпионаже. 23.12.1953 г. приговорен к смертной казни и расстрелян. Не реабилитирован.

* * *

Прежде чем защита диссертации состоялась, Баев, в конце 1946 г., с разрешения руководства Норильского комбината, сумел выехать из Норильска в Москву. Находясь там (в декабре 1946 г. – феврале 1947 г.), Баев занимался переработкой литературного обзора диссертации, в

том числе и на квартире у Энгельгардта, расположенной тогда в полуподвальном этаже небольшого дома, сразу позади Большого театра. Учитывая то, что 30 апреля 1937 г. формально истёк срок заключения, Баев в начале июля 1947 года, получает разрешение от руководства Норильского комбината снова ненадолго покинуть Норильск, для защиты своей кандидатской диссертации в Институте физиологии АН СССР в г. Ленинграде. Официальными оппонентами были профессора – С.Е. Северин и Е.М. Крепс. Защита прошла успешно 6-го июня 1947 г.

В тот же день защищала диссертацию С.А. Бурнашова. Из воспоминаний Бурнашовой. «На второй день после моей защиты Александр Александрович пригласил меня прогуляться по Ленинграду. Мы очень много ходили по замечательным памятным местам прекрасного города, он показывал и рассказывал мне обо всех виденных нами достопримечательностях. Как хорошо он знал историю! Я была поражена его эрудицией. На меня он произвел огромное впечатление своей интеллигентностью. Его знания были глубокими, доскональными, а сам он был очень душевным. Никогда не забуду тех замечательных дней, когда я ходила, но Ленинграду, одухотворенная и очарованная близостью с таким необыкновенным человеком, как Александр Александрович. Несмотря на суровые, нечеловеческие условия, в которых он находился в лагерях, в нем сохранились чистота и свежесть восприятия всего хорошего и красивого в жизни».

Вернувшись в Норильск, Баев пишет Орбели из Норильска благодарственное письмо.

«11.07.1947 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Ещё раз приношу Вам свою глубокую благодарность за разрешение защитить кандидатскую диссертацию в стенах Вашего института. Я не могу не сознавать, что это является величайшей честью и почётом для любого, а для меня после всех испытаний, отнюдь не приносящих лавров, тем более. Защита диссертации была для меня поэтому огромной радостью и останется навсегда одним из самых ярких жизненных воспоминаний. Благодарю Вас ещё раз и желаю Вам здоровья и плодотворной работы. А. Баев».

В общей сложности, у Энгельгардта, Орбели и Баева ушло полтора года непрерывных хлопот на эту диссертационную историю. Только Владимир Александрович подал за это время 18 ходатайств и просьб о Баеве в различные инстанции с немалым риском для себя.

СЫКТЫВКАР

Осенью 1947 года, Баеву с семьёй удаётся навсегда вырваться из Норильска. На тот момент, в стране, среди осуждённых в своё время по 58 статье за террор, остаётся в живых всего 1707 человек и Баев в их числе.

Проживание в крупных городах Баеву запрещено в течение последующих пяти лет. Это было связано с поражением в правах после отбытия наказания. На тогдашнем жаргоне – «пять лет по рогам». В паспорте такого человека ставился специальный штамп.

При активном содействии академиков В.А. Энгельгардта и К.И. Скрябина, Баев начинает поиск нового места работы и жительства. В октябре 1947 года, несмотря на все договорённости, попытка устроиться на работу в столице Киргизии – г. Фрунзе (г. Бишкек), закончилась неудачей. Там побоялись брать на работу человека с «подмоченной» репутацией. Расстроенный Александр Александрович, как всегда, ищет утешение в окружающей его природе.

Из письма Баева Энгельгардту. «Осень во Фрунзе чудесная: тепло, безветренно. Небо, как огромная голубая пиала, опрокинутая над городом – безоблачное, ровное, синее; опадают листья, и воздух напоён той меланхолией, которая так притягательна поздней осенью в нашей средней полосе. Ночи здесь темные и под яркими нежными звездами лают собаки, совсем как в деревне».

Наконец усилия Энгельгардта по трудоустройству Баева увенчались успехом. По рекомендации Владимира Александровича, Баев оказывается с семьёй в г. Сыктывкар в качестве старшего научного сотрудника, а затем и заведующего биохимической лабораторией и и. о. сектора химии Коми базы АН СССР. Там Баев начинает заниматься биохимией растений, разрабатывая такие темы как: «Биологические свойства картофеля, культивируемого в Коми АССР, в связи с сортом и географическим фактором» и «Биохимия созревания ячменного зерна».

«В дирекцию Базы АН СССР в Коми АССР ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Настоящим представляю А.А. Баева для зачисления в качестве научного сотрудника (биохимика) Базы АН в Коми АССР.

А.А. Баев – кандидат биологических наук, по специальности биохимия. Он является моим учеником и многолетним сотрудником, и я знаю его самым близким образом по его работе в руководимых мною лабораториях с 1930 г. Он прошел у меня аспирантуру при кафедре биохимии в Казанском мединституте, был там затем ассистентом кафедры. При переходе моем в Москву, в Институт биохимии АН СССР, я привлек А.А. Баева в свою лабораторию, где он и работал до 1937 г.

В мае с. г. А.А. Баев защитил в Физиологическом институте им. Павлова АН СССР кандидатскую диссертацию, и Ученым советом института ему единогласно была присвоена степень кандидата биологических наук, причем и оппоненты и Ученый совет отмечали блестящие качества его работы.

А.А. Баев является широко эрудированным в области биохимии исследователем, прекрасно владеющим экспериментальной методикой. Он отличается инициативностью, отличными организационными способностями (в Институте биохимии АН он весьма успешно нёс обязанности ученого секретаря института). При этом А.А. Баев обладает большим умением передавать свои знания младшему персоналу, и, например, за время его работы в Институте биохимии им была выращена из совсем мало квалифицированной технической помощницы молодая сотрудница, в настоящее время являющаяся научным сотрудником в одном из институтов Академии наук. Умение быстро ориентироваться даже и в новых для него областях и основательный методический опыт сочетаются у А.А. Баева с исключительной тщательностью в работе, что позволяет с безоговорочным доверием относиться ко всем его экспериментальным результатам. Я могу с полной определенностью сказать, что А.А. Баев принадлежит к числу наиболее одаренных и перспективных моих учеников и сотрудников и бесспорно принесет большую пользу делу развития биохимического исследования в новом месте его работы.

Член-корреспондент АН СССР.

Академик АМН СССР.

В.А. Энгельгардт».

Весь 1948 г. Энгельгардт активно способствует оснащению лаборатории Баева необходимым оборудованием. Стремясь материально поддержать семью Баева, Энгельгардт присылает Баеву книгу для срочного перевода – Э. Болдуин. «Основы динамической биохимии».

Из воспоминаний Баевой. «Александр Александрович переводит, я с голоса печатаю на машинке. Работаем по 16 часов в сутки до полного изнеможения (весь дом на няне – Миле). Перевод сделали за 16 дней! В январе получили первый гонорар. Кончается благополучно 1948 г. С первого же дня приезда в Сыктывкар Александр Александрович начал организовывать и оснащать лабораторию, приводить в порядок институтскую библиотеку. Устраивал семинары и лекции, писал статьи в местную газету (это дома вечерами). В филиале Александр Александрович успел сделать два доклада “Современная физика – попытка анализа некоторых течений с точки зрения материалистической диалектики” и “Отношение физики и химии к биологии”. Много времени у него занимали раздумья о работе».

А.А. Баев (первый ряд, второй справа) на общем собрании сотрудников Коми базы АН СССР, посвящённом знаменитой сессии ВАСХНИЛ 7 августа 1948 г.

В одном из писем Баеву Энгельгардт пишет. «Буду рад получить от Вас весточку – каждое сведение о Вашей жизни и о делах по работе меня радуют, особенно, конечно, когда они хорошие, как это было в последних письмах.

Сердечно желаю всяких успехов и удач в работе и благополучия дома. Пожурите Катеньку, что она не хочет пополнить и укрепнуть по-настоящему. Как с угрозой кори? А впрочем, я бы считал, что это только хорошо – ведь все равно надо это проделать.

*А. Баев с сотрудниками лаборатории на опытном картофельном поле.
1948 г. Сыктывкар.*

Да, постскриптум: автор фосфоролиза заболел (*Речь шла об аресте биохимика, академика Якова Оскаровича Парнаса, который в том же году погиб в тюрьме – А.Б.*), так что учтите это в отношении портретной галереи биохимиков и всяческих упоминаний.

Еще раз сердечные приветы».

И далее приписка для Екатерины Владимировны.

Дорогая Катя!

Во-первых, надеюсь, что Вы не в претензии за фамильярное это обращение: считаю всех вас членами своей фамилии, полагаю, что вправе это сделать.

Во-вторых, сердечное спасибо за Ваше теплое, душевное письмо, которое нас очень растрогало. Я с удовлетворением ощущаю, как у меня постепенно рассеиваются долго державшиеся остатки сомнений – правильно ли я сделал, затеяв все дело с вашим переездом (*в Сыктывкар*). Знать, что мне не нужно в этом раскаиваться, это то, чего мне всего больше бы хотелось.

В-третьих, абсолютно не рассчитывая на благоразумие Сашеньки, взываю к Вашему: пришлите нам список вещей, в каких терпите нужду,

что трудно достать или совсем нету в Сыктывкаре. Не думайте, что этим накладываете на меня какие-либо обязательства, а просто облегчите мне существование, а то хочется что-нибудь сделать для вас и не знаешь – а может быть, данную вещь глупо посылать, если она у вас имеется. Пишите обо всех нуждах – и продовольственных (крупы? сладости? компот? консервы? копчености?) и промтоварных (материи, какие? трикотаж? для ребят или для вас обоих? мыло? книжки детские? игрушки? и т. д.) Располагайте, как в заявках – в порядке важности.

Наши общие сердечные приветы Вам, желаем здоровья и радости дома.

Энгельгардт.

Прожить в Сыктывкаре, в относительной свободе, Баеву было суждено чуть больше года (с 11.11.1947 г. по 23.02.1949 г.). Уже в конце 1948 г. МГБ начинает подготовку к повторному аресту Баева по старому делу, т. к. в стране начинается очередная массовая «чистка» и, прежде всего, среди тех, кто был осуждён по политическим мотивам в 1937 году, уцелел и вышел на свободу.

Во многом это было связано с началом «холодной войны», угрозой нового, уже ядерного, военного конфликта с Западом и маниакальной подозрительностью Сталина, которому «враги народа» мерещились за каждым кустом. Все его недавние рассуждения о невинных жертвах и о том, что «надо покаяться» были не более чем пустые слова.

Основанием для нового витка репрессий послужил пресловутый Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г.

«О НАПРАВЛЕНИИ ОСОБО ОПАСНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ ПО ОТБЫТИИ НАКАЗАНИЯ В ССЫЛКУ НА ПОСЕЛЕНИЕ В ОТДАЛЁННЫЕ МЕСТНОСТИ СССР».

1. Обязать Министерство внутренних дел СССР всех отбывающих наказание в особых лагерях и тюрьмах шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности, – по истечении срока наказания направлять по назначению Министерства государственной безопасности СССР в ссылку на поселение под надзор органов МГБ: в район Колымы на Даль-

нем Севере, в районы Красноярского края и Новосибирской области, расположенные в 50-ти километрах севернее транссибирской железнодорожной магистрали, в Казахскую ССР, за исключением Алма-Атинской, Гурьевской, Южно-Казахстанской, Актюбинской, Восточно-Казахстанской и Семипалатинской областей.

2. Обязать Министерство государственной безопасности СССР направить в ссылку на поселение государственных преступников, перечисленных в статье 1-й, освобождённых по отбытию наказания из исправительно-трудовых лагерей и тюрем со времени окончания Великой Отечественной Войны.

Направление в ссылку на поселение этих лиц производить по решениям Особого совещания при МГБ СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Шверник
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин
Москва. Кремль. 21.02.1948 г.

Надо отметить «гуманность» этого Указа, по сравнению с приказом Ежова № 00447 1937 года. Перечисленные в Указе 1948 г. категории «государственных преступников» в 1937 г. были бы просто расстреляны!

Особенностью Указа было и то, что советское уголовное законодательство не предусматривало повторное наказание за одно и то же преступление. И в нём не было такого вида наказания, как бессрочная ссылка (по терминологии Указа – «ссылка на поселение»).

Но всё это «мелочи»! Главным было то, что Указ позволял навсегда загнать «пятую колонну» «за Можай», тем самым решив проблему оттока квалифицированных кадров из Сибири и Дальнего Востока, о чём так волновались руководители ГУЛАГА и страны ещё в 1945 г.

ВТОРОЕ СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО № 684 (1949 г.)

В ноябре 1948 г. из Москвы в Сыктывкар присылается архивно-следственное дело № 269772 (процесс над В. Слепковым и др.). По материалам этого дела, министр ГБ Коми АССР полковник Хайлов, во исполнение Указа Президиума Верховного Совета, пишет 12 декабря 1948 года справку, в которой он кратко излагает фабулу казанского дела Баева, положив начало новому следственному делу № 684.

Справка, подготовленная полковником Хайловым в Сыктывкаре.

Справка о преступной деятельности Баева А.А., 1903 г.р., русского, уроженца г. Чита, Читинской области, гражданина СССР, беспартийного, с высшим образованием, служащего, женат, работающего в Научно-исследовательской базе АН Коми АССР, проживающего в г. Сыктывкар, ул. Совнаркомовская, д. 4, кв. 5.

Из материалов дела видно, что Баев А.А. являлся участником контр-рев. террористической организации правых, существовавшей среди научных работников г. Казани, в которую он был вовлечен в 1930 г. одним из руководителей названной организации Слепковым В.Н. (осуждён). Как установлено, Баев принимал участие в нелегальных сборищах участников террористической организации, на которых высказывал свои контр-рев. настроения и разделял террористическую деятельность правых. Являясь враждебно настроенным к партии и Советской власти Баев, по заданиям Слепкова проводил среди слушателей научно-методического кружка при Государственном институте усовершенствования врачей контр-рев. пропаганду взглядов правых и открыто выступал в защиту их установок. Будучи допрошенным по существу предъявленного обвинения Баев виновным себя не признал, однако в участии в контр-рев. террористической организации правых и контр-рев. деятельности достаточно изобличается показаниями других обвиняемых названной выше организации.

Небольшое примечание. На чекистском «канцелярите» – (осуждён) означает – (расстрелян).

15 февраля 1949 года, начальник отдела МГБ КомиАССР, капитан Ульянов и майор Модянов, приведя в качестве доказательства «преступной деятельности» Баева старые показания свидетелей и старый приговор, издают Постановление на арест Баева.

Модянов сделал успешную карьеру на сфабрикованных делах и к 1957 г. был уже Председателем КГБ КомиАССР. Постановление 22 февраля утверждают: министр ГБ Коми АССР, полковник Хайлов и военный прокурор войск МВД КомиАССР, майор юстиции Минин.

Ордер № 483 на обыск и арест Баева, был выдан 22 февраля 1949 г. лейтенанту ГБ Мелешеву, следователем 2-го отделения следственного отдела МГБ КомиАССР майором Лапиным, с санкции военного прокурора войск МВД Ком АССР майора юстиции Минина.

В ночь на 23 февраля, опять на праздник (день Советской Армии), за Баевым пришли.

Арест и обыск проводили лейтенанты ГБ Мелешев и Бочаров. Понятой присутствовала соседка по дому из кв. № 3 – Раиса Семеновна Попова.

Из протокола обыска:

«Изъято при обыске: паспорт, профбилет, записная книжка, блокнот, фотографии, заявление о снятии судимости от 23 июня 1945 г., военный билет, справки – 4-е штуки. В виду отсутствия принадлежащего задержанному Баеву личного имущества опись имущества не произведена».

В деле имеется весьма подробная анкета арестованного. В анкете Баев не указал свою сестру – Татьяну, сына от первого брака – Александра и первую жену – Татьяну Сергеевну Вельховер.

Над женой и детьми Баева тоже нависла угроза репрессий. Всё зависело теперь от приговора, который должен был получить Баев. Это было связано с тем, что ещё 15 августа 1937 г. был издан указ № 0486, согласно которому, жёны репрессированных могли быть арестованы и осуждены, а дети направлены в спецдетдома, колонии для несовершеннолетних и даже в колонии для взрослых, в зависимости от возраста. Малолетним детям, в таком случае, нередко меняли фамилию и имя.

Указ этот действовал до середины 50-х годов. Попал под действие этого указа, даже министр госбезопасности В. Абакумов. Его вторая жена – Смирнова и их четырёхмесячный сын, после ареста Абакумова, оказались в тюрьме. Ребёнку сменили фамилию. Всего репрессиям по указу № 0486 было подвергнуто более 27 тысяч детей.

Попова Р.С., Баева Е.В. Сыктывкар. Март 1949 г.

Из воспоминаний Баевой.

«Начался 1949 г. По городу пронёсся слух, что идут повальные аресты тех, кто по политическим статьям отсидел уже 10 лет в лагерях. Я встревожилась, рассказала об этом Александру Александровичу.

– Глупости! Не волнуйся, со мной ничего не случится. Я имею кандидатское звание, я уже заслужил уважение, работаю в системе АН СССР, приехал сюда добровольно. Нет оснований предъявлять ко мне претензии.

Однако... 23 февраля 1949 г. в 12 часов ночи Александра Александровича арестовали. Обыск длился до 5 часов утра. Взяли наброски рабочих черновиков, чистовики к семинарам, рецензии, письма, две библиотечные книги на английском языке, кое-какие документы. Одним словом, наскребли “компромата” меньше, чем на половину мешка, с которыми они ходят при исполнении своих обязанностей.

Во время обыска Александр Александрович совершенно спокойно сидел на диване, только слегка порозовел и голос его из мягкого стал

жестким. Когда его уводили, дети спали. Меня он поцеловал, не поднимая глаз, во всем его поведении был автоматизм и предельная собранность. Я, столкнувшись с такой ситуацией впервые, была в прострации. Да и что можно было сказать, когда в один миг рушилось все... Когда за ним закрылась дверь, непроизвольно потекли слезы. Надо было быстро привести все в порядок, чтобы не испугать утром детей. Им я объяснила, что папа срочно уехал в командировку. Няня от нас ушла на следующий день — она была из семьи ссыльных немцев и боялась за себя и свою родню.

Прежде всего, я дала телеграмму Владимиру Александровичу Энгельгардту: “Саша заболел”. В ответ пришел перевод на 2000 руб. Через некоторое время письмо: “Катя, держитесь обеими руками за квартиру”».

Письмо Бaeвой Энгельгардтам.

«Дорогие, дорогие, Владимир Александрович и Милица Николаевна!

Боже мой! Как писать мне вам об ужасном, непоправимом горе нашем. Состояние наше кошмару подобно! Сашеньку взяли в ночь на 23 февраля. Боюсь думать, но чувствую, что это безвозвратно... Правда, он не один, и все с аналогичным прошлым. Из дома взяты адресные книжки и его документы. Сашино состояние описать невозможно. Работа, дом, дети — всё, чем он жил и чему радовался, растоптано вторично. Хватит ли у него сил и будет ли какой-нибудь смысл продолжать своё фатальное существование, сказать трудно, я жду всего. Моё состояние немногим лучше, ведь детям только 2 и 3,5 года, а я совершенно истощена тревогами и морально просто опустошена. Впереди вся жизнь наших детей! Вина наша перед ними неизмерима.

Дом наш притих. Дети не шалят, почти не смеются, особенно Лёшенька стал настороженным, ласковым и тихим, видимо, что он смутно о чём-то догадывается. Пришлось сказать ему, что папа уехал в командировку. А ведь ещё два дня тому назад мы были так счастливы! Сашенька попросил у меня прощения, а мне хотелось поклониться ему в ноги — святому великомученику... Боже мой, как страшна, как незадачлива его жизнь! Но дети, дети, неужели их нельзя спасти от нищеты, горя и бедствий?

Простите, что я терзаю вас, но я не могу молчать. Верите ли, дорогие, клянусь вам жизнью детей своих, что он ни в чём не виноват! Я потеряла всё: мужа, отца детей, бесконечно любимого и бесконечно уважаемого человека, что может быть страшнее этого, лучше бы он умер у

меня на руках, чем ушёл так страшно... На работе у него абсолютно всё благополучно. А сколько он работал! С 9 часов утра и до 3–5 часов ночи он сидел, согнувшись над книгой, сколько труда и энергии вложил он в оборудование лаборатории, сколько занимался докладами в марксистском кружке. У него не хватало суток для осуществления намеченного плана дел и такой финал!».

Пока больше писать не могу и не о чем. С тоской, любовью и глубоким уважением к вам. Ваша Катя».

Из ответного письма В.А. Энгельгардта.

«Москва. 11 марта 1949 г.

Дорогая Катя,

Только что получил Ваше письмо от 24 февраля – 4 марта. Вы простите, что буду сух в своем писании: для меня, как и для Вас, это один из самых страшных дней в моей жизни, и глупо было бы пробовать выразить словами то, для чего не может быть никаких слов...

Я ничего не знал о Вашей телеграмме: она, по-видимому, пришла в мое отсутствие (я был в Ленинграде, вернулся 6-го), Милица мне о ней не сказала, очевидно, не решаясь, зная, что это для меня должно значить, и, может быть, ожидая дальнейших известий. А во мне все эти дни было глухое чувство большой тревоги – ждал известий от Александра Александровича, высчитывал дни и гнал от себя неотступную мысль – не постигло ли его то бедствие, которого, по ряду аналогий, была возможность ожидать. Ужасно, что это чувство не обмануло...».

Мне в ту пору не было ещё и четырёх лет, сестре два года, но сверстники быстро дали мне понять к какой категории граждан мы теперь относимся. Сокращённо это называлось – ЧСВН и расшифровывалось как – «член семьи врага народа».

Из воспоминаний Баевой.

«Однажды, увидев во дворе мальчиков, Алёша попросился погулять. Через пять минут он вернулся красный, дрожащий с крупными каплями слёз, которые ручьями текли по лицу. “Мама, мальчишки говорят, что не будут со мной играть, потому что мой папа – враг народа и его увезли в тюрьму”, – говорил он, дрожа и захлёбываясь от слёз. Я взяла его на руки, стала успокаивать, но он вырвался из моих рук, подбежал к окну и, стуча кулачками по стеклу, стал выкрикивать: “Дураки! Ничего мой папа не враг, он хороший, он пишет книгу! Вы всё врёте, мой папа хороший, он не в тюрьме!”».

*Таня и Алёша со своей няней, ссыльной немкой – Эмилией Штейн.
Сыктывкар. 1949 г.*

Кинулась устраивать ребят в ясли и детский сад – везде отказ – все заполнено. Стала искать работу – отказывают как жене “врага народа”. Потом стала сочинять письмо на имя Абакумова, министра госбезопасности, но решила его отправить через кремлевскую приёмную в Москве и добиться личного свидания с А.П. Завенягиным – заместителем Берии. Он строил Норильский комбинат и заведовал Норильским лагерем, хорошо знал Александра Александровича как врача и очень хорошо к нему относился. 27 апреля, уговорив няню побыть три дня с ребятами, я поспешила на самолет.

Меня встретил Владимир Александрович и привез к себе. Я рассказала Энгельгардтам обо всех событиях с 1 января 1948 г. по 23 февраля 1949 г. Накануне 1 мая около 12 часов ночи я сидела с Милицей Никола-

евной, когда раздался резкий звонок в дверь. Милица Николаевна шепнула мне: “Катя, идите скорее в ванную комнату”. Владимир Александрович Энгельгардт открыл дверь – ввалились два вооруженных солдата. Есть у вас кто-нибудь из посторонних? Никого нет, только своя семья, – спокойно ответил Владимир Александрович. Ушли!

А я в это время безуспешно пыталась протиснуться за нагревательную колонку. Увы! Она была на очень малом расстоянии от стены».

Солдаты – это один из патрулей, которые в канун государственных праздников проверяли все квартиры в центре Москвы.

* * *

Екатерина Владимировна оставила в приёмной Кремля письмо на имя В.С. Абакумова.

Министру МГБ СССР товарищу Абакумову от гр. Косякиной Екатерины Владимировны, проживающей в г. Сыктывкаре Коми АССР по Совнаркомовской ул., д. 4, кв. 5.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мой муж, Баев Александр Александрович, осужденный в 1937 г. по статье 58–10 (указана не та статья – А.Б.) сроком на 10 лет с поражением в правах на 5 лет отбывал наказание в Норильлаге, где за отличную работу и хорошее поведение в быту был досрочно освобожден в 1944 г. Работая последнее время, в качестве заведующего Биохимической лабораторией Базы АН в Коми АССР, он был вторично арестован 22 февраля с. г. в городе Сыктывкаре и в настоящее время содержится в городской тюрьме № 1. Из своего разговора с Прокурором я поняла, что новой вины у него нет и, что он будет в административном порядке выслан на вольное поселение в другое место.

Коротко его биография. Родился в 1904 г. в г. Чите. Гимназию окончил в Казани и там же поступил в Казанский университет на Медицинский факультет. По окончании университета поступает аспирантом на кафедру биохимии. С 1933 г. по 1935 г. был оставлен при кафедре. С 1935 г. по день ареста (май 1937 г.) был научным сотрудником Института биохимии АН СССР и там же с 1936 г. ученым секретарем.

Во время заключения и после освобождения, вплоть до августа 1947 г. работал в Норильске в вольнонаемной больнице комбината в качестве заведующего терапевтическим отделением. В 1946 г. сдал канди-

датский минимум и защитил кандидатскую диссертацию по биохимии. В 1947 г. из системы МВД поступает в АН СССР с направлением на работу в г. Сыктывкар. Имеет пятнадцать научных работ, две из которых написаны им в Норильске.

Весь его трудовой путь, начиная с 1937 г. и по настоящее время был неоднократно отмечен премиями, поощрениями и отличной оценкой. Человек больших способностей, трудолюбия и энергии, он своим любимым и наиболее плодотворным занятием считал биохимию и в этой области надеялся сделать успехи, на основе которых он мог бы ходатайствовать о полной своей реабилитации.

Я прошу Вас о следующем.

1. Поскольку г. Сыктывкар является местом административной ссылки – освободить Баева А.А. и разрешить ему продолжать работу в Базе АН Коми, тем более, что там он себя зарекомендовал только с положительной стороны.

2. В случае, если ссылка неизбежна, то прошу направить его в такое место, где он смог бы продолжать работу по биохимии, чтобы то, что было им сделано в этой области с 1946 по текущий год не оказалось пустой тратой сил и времени.

3. Если он должен будет ехать на новое место поселения, прошу Вашего разрешения освободить его из-под стражи и разрешить ехать в индивидуальном порядке вместе с семьей, т. к. у нас двое детей 2 и 3 лет и мне одной с такими малышами физически немыслимо проделать большой путь. Я обращаюсь к Вам с глубокой уверенностью, что Вы проверите дело моего мужа и найдете возможность помочь ему остаться на работе, которая соответствует его способностям и на которой он сможет принести действительную пользу Родине. Все характеристики, касающиеся его работы на протяжении 12 лет, а также список научных трудов можно найти в личном деле на Базе АН в г. Сыктывкаре. Каково бы ни было Ваше решение по моему заявлению, убедительно прошу Вас уведомить меня. Баева Е.В.

Кроме этого, Баева, при содействии Е. Забрамной, встретила с А.П. Завенягиным на его квартире в «Доме на набережной». Е.В. думала, что Завенягин сможет чем-то помочь Баеву. В разговоре Завенягин приписывал появление Указа лично Сталину или как он говорил – «хозяину» и сказал, что в данном случае помочь Баеву он ничем не сможет.

Выражение – «хозяин», по отношению к Сталину, стало широко употребляться советской номенклатурой с сентября 1936 г., в период гражданской войны в Испании.

В секретной переписке по оказанию военной помощи республиканцам (Операция X) начальник разведуправления РКК С. Урицкий именовался – «Директор», нарком обороны К.Е. Ворошилов – «Распорядитель», а И.В. Сталин – «Хозяин» или «Иван Васильевич».

Наивность Баевых во всей этой истории поражает! Можно подумать, что, следуя совету булгаковского профессора Преображенского, они не читали советских газет. Ведь в опубликованном Указе Президиума Верховного Совета от 21.02.1948 г., ещё за год до всего случившегося, всё было изложено предельно ясно. Повторный арест и приговор были неизбежны.

* * *

После ареста Баев содержится в тюрьме № 1 г. Сыктывкара. Начальник тюрьмы – капитан Сельков. Пока шли допросы, Баева семь дней содержали в одиночной камере, а затем перевели в общую.

Протокол первого допроса Баева 23 февр. 1949 г. Допрос проводил л-нт ГБ Мелешев. Как и в 1937 г., Баеву задаётся только один вопрос.

Вопрос: Вы арестованы за антисоветскую деятельность. Признаете ли Вы в этом себя виновным?

Ответ: Виновным себя в этом не признаю, т. к. я никогда никакой антисоветской деятельности не проводил.

* * *

28 февр. 1949 г. дело к производству принимает майор Лапин. Допросы Баева в Сыктывкаре даются мною фрагментарно в тех случаях, когда идет зачитывание показаний свидетелей из казанского дела, и имеют место другие повторы, которые уже известны. Все допросы, по традиции, проводятся по ночам, с целью дополнительного психологического давления на подсудимого. Никаких методов физического воздействия не оказывалось.

Протокол второго допроса Баева 28 февр. 1949 г. Допрос проводил майор ГБ Лапин. Допрос начат 28 февр. в 23 ч. и окончен 1 марта в 3 часа ночи. (Продолжительность 4 часа).

В протокол вошли только следующие диалоги.

Вопрос: Дайте показания о вашей контр-рев. деятельности?

Ответ: Никакой контр-рев. деятельности я никогда не проводил и давать показания мне не о чем.

Вопрос: Предлагаю давать правдивые показания.

Ответ: Я никогда никакой контр-рев. деятельностью не занимался.

Вопрос: Но в этом вас изобличают участники контр-рев. организации правых?

Ответ: Так как я никогда ни в какой к/р организации не состоял, то изобличить меня в этом никто не может.

Вопрос: Предлагаю покончить с запирательством и давать правдивые показания о вашем участии в к/р организации правых и проводимой вами к/р работе.

Ответ: Участником к/р организации правых я никогда не был и никакой к/р работы не проводил.

Вопрос: Обвиняемый Цинципер на предварительном следствии показал: *(зачитываются старые показания Цинципера)*.

Ответ: Показания Цинципера в той части, где он показывает на меня, я не подтверждаю, ибо я никогда в к/р организации правых не состоял, а так же не разделял взглядов правых.

Вопрос: Обвиняемый Калинин на предварительном следствии показал: *(зачитываются старые показания Калинина)*.

Ответ: Показания Калинина в той части, где он показывает на меня, я не подтверждаю, ибо я никогда в к/р организации правых не состоял, а так же не разделял взглядов правых.

* * *

Третий допрос состоялся 2 марта 1949 г. Допрос начат в 20 ч. 40 мин., окончен в 24 часа (продолжительность 3 часа 20 минут). В протоколе допроса вначале идет диалог аналогичный допросу от 28 февраля, со ссылками на старые показания Калинина, Медведева, Цинципера, и др. и далее:

Вопрос: Вас изобличают другие участники к/р организации правых.

Ответ: Кто бы не изобличал меня в этом я буду утверждать, что участником к/р организации правых я никогда не был.

Вопрос: Обвиняемый Комаров во время предварительного следствия показал: *(зачитываются старые показания Комарова)*.

Ответ: Показания Комарова, в той части, где он показывает на меня, я не подтверждаю.

Вопрос: Свидетель Бурдина 19 мая 1936 года показала: «...Из всех этих бесед на политические темы, происходящих у нас в квартире в период 1930–1932 гг. между Инюшкиным и Слепковым ясно вытекало, что их антипартийное содержание носит характер резкой критики политики ВКП(б). При этих беседах Инюшкина со Слепковым присутствовали и активно разделяли эти контр-рев. суждения:..., Баев А.А. – врач, бывший эсер, в данное время работает в г. Москве (л. д., 2–3)». Вы подтверждаете показания Бурдиной?

Ответ: Показания Бурдиной в отношении того, что я якобы присутствовал на собрании правых и разделял их взгляды я не подтверждаю. На квартире Бурдиной я бывал, т. к. её муж Инюшкин Н.В. был моим знакомым, и я с ним встречался у него дома, но при этом Слепкова я там ни разу не встречал и никаких разговоров на компрометирующие темы мы с Инюшкиным не вели.

Вопрос: У вас были личные счеты с Комаровым, Цинципером, Калининным, Бурдиной?

Ответ: Личных счетов с Комаровым, Цинципером, Калининным и Бурдиной у меня не было. Вместе с тем я хочу пояснить, что с Комаровым и Цинципером я в жизни никогда связи не имел, а также и никогда не беседовал, хотя в лицо их обоих знал, т. к. они работали в КГУ. С Калининным я был знаком ближе, но он не был моим приятелем и близких связей я с ним не имел. Бурдину знаю лишь только потому, что был знаком с её мужем Инюшкиным и бывая у него на квартире знал её.

Вопрос: Ваши к/р убеждения остались и по настоящее время. Предлагаю покончить запырательства и давать правдивые показания о вашей к/р деятельности после выхода из лагеря и до дня ареста.

Ответ: Никакой к/р деятельностью после выхода из лагеря и до дня ареста я не занимался.

Вопрос: После выхода из лагеря вы устанавливали свои антисоветские связи?

Ответ: Никаких а/с связей после выхода из лагеря я не устанавливал ибо никаких связей у меня никогда не было.

Вопрос: Но вы же бывали во Фрунзе, Москве и других городах с целью восстановить связи с бывшими участниками организации правых?

Ответ: Правда, после выхода из лагеря я бывал в Москве, Фрунзе, но был я в этих городах с целью, чтобы устроиться на работу. Я не

устанавливал связи. Вообще из участников правых я лично никого не знаю.

Вопрос: Вы очень не искренни на следствии. Вы и по настоящее время остались убежденным врагом, сторонником правых и проводили антисоветскую работу. С какой целью вы не желаете давать правдивые показания?

Ответ: На следствии я рассказал только правду. Врагом Советской власти я никогда не был и не являюсь в настоящее время. Никакой антисоветской работы я никогда не проводил. Ничего я не скрываю и даю только правдивые показания.

* * *

Протокол четвёртого допроса Баева от 3 марта 1949 г. Допрос начат в 0 часов 10 мин, окончен в 3 часа 10 минут (Продолжительность 3 часа). В протокол вошли только следующие диалоги.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах вы освободились из лагеря?

Ответ: *(Объясняет, как все было).*

Вопрос: Чем занимались и где проживали с момента освобождения и до дня ареста?

Ответ: Жил в Норильске, а затем решил устроиться на работу во Фрунзе.

Вопрос: Почему вы решили ехать во Фрунзе, в Киргизию?

Ответ: Рекомендовал меня туда академик Энгельгардт.

Вопрос: Когда и каким путем он давал вам эту рекомендацию?

Ответ: *(Объясняет, как все было. Этот эпизод подробно, практически теми же словами, изложен в книге: «Академик Александр Александрович Баев. Очерки. Переписка. Воспоминания». Издательство «Наука». 1998 г. Е.В. Баева. Глава 2. Трудные годы. А.А. Баев и В.А. Энгельгардт).*

Вопрос: У вас были знакомые в Киргизском филиале?

Ответ: Из числа работников Киргизского филиала АН СССР знакомых я не имел.

Вопрос: Расскажите подробнее о вашем пребывании во Фрунзе и что было дальше?

Ответ: *(Подробно рассказывает, как приехал во Фрунзе, как не смог там устроиться на работу, как приехал в Сыктывкар и как работал заведующим лабораторией и и. о. сектора химии Коми Филиала АН СССР – А.Б.).*

Вопрос: Из Фрунзе вы ехали прямо в г. Сыктывкар или по пути куда заезжали?

Ответ: Из Фрунзе я поехал в Москву, а затем в Сыктывкар.

Вопрос: С кем вы встречались в Москве?

Ответ: Будучи в Москве я встречался несколько раз с ак. Энгельгардтом на его квартире. Кроме того, встречался с работником редакции «Радио» Бурляндом В.А., он мой старый знакомый по учебе в Казанском университете. Так же встречался с родственником жены моего брата – Бородиным.

Вопрос: У кого вы останавливались в Москве?

Ответ: Я проживал у моего брата Баева В.А.

Вопрос: Кого вы имеете знакомых по Сыктывкару?

Ответ: Никого.

* * *

Протокол пятого, последнего, допроса Баева от 3 марта. Допрос начат в 14 час. Окончен в 15 час. 30 мин. (продолжительность 1 час 30 минут). В протоколе только следующая запись.

Вопрос: На предыдущем допросе вы заявили, что желаете дополнить следствие. Скажите, в чем вы конкретно можете дополнить следствие?

Ответ: Я хочу отметить, что лица, которые меня изобличали в принадлежности к к/р организации правых указывали, что якобы в эту организацию втянул меня Слепков В.Н. В отношении этого я хочу сообщить, что Слепкова я знал, как преподавателя методологии биологии. В течение 1930–1932 гг., я как аспирант мединститута посещал занятия по методологии, которые вел Слепков для аспирантов мединститута. В 1932–33 годах я слушал 5–6 лекций Слепкова в Клиническом институте и один раз был на семинарском занятии в Университете. Все эти занятия были предусмотрены планом учебных занятий соответствующих институтов и ни о каких политических вопросах там речи не было и вообще я никогда и нигде, ни на собраниях, ни в частных беседах я не высказывал симпатии к правым. Не присутствовал ни на каких собраниях, где бы одобряли деятельность правых. Никогда и нигде я не говорил ни со Слепковым ни в его присутствии по вопросам политики и не получал в этом направлении его указаний. После окончания программы за-

нятий с аспирантами Медицинского института Слепкова я видел очень редко и случайно. На квартире у него я был раза 3–4. Аспиранты Слепкова, большинство из них оказалось репрессировано, не казались мне симпатичными, и я избегал близких отношений с ними. Во-вторых, в отношении показаний Калинина. Калинин показал, что я якобы пользовался доверием у Слепкова. Я хочу сказать, что никаким доверием у Слепкова я не пользовался. Калинин далее показывает, что я защищал Слепкова на дискуссии в Татарском коммунистическом университете. Дискуссия в ТКУ была зимой 1933 года по вопросу о праве на существование методологии биологии как самостоятельной науки. Слепков отстаивал эту точку зрения. Я же считал, что методология биологии самостоятельной наукой быть не может и что сами научные исследователи должны развивать в пределах своей науки идеи диамата. Эта моя точка зрения была противоположной слепковской. Этот пример ясно показывает, какими методами создавал свои клеветнические показания Калинин.

На этом допросы Баева заканчиваются.

* * *

Здесь и ранее, Баев несколько кривит душой. Он не был со Слепковым в близких, приятельских отношениях и не вёл с ним политических дискуссий по ряду причин, (партийный – беспартийный, профессор – аспирант, и т. п.), но их отношения были вполне дружескими и доверительными. Слепков ценил в Баеве остроту ума и независимость суждений. Он действительно рекомендовал Баева в качестве руководителя философского кружка на курсах усовершенствования врачей.

Из интервью Баева Косиновой. «С Василием Николаевичем Слепковым меня свели следующие обстоятельства. Он руководил семинарами по диалектическому материализму, по методологии биологии для аспирантов-биологов Казани. Там собирались университетские аспиранты, аспиранты Казанского медицинского и Ветеринарного института. В том числе и я. Это продолжалось один год. Потом я с некоторыми из них периодически встречался, т. к. мы уже углублённо занимались диалектическим материализмом в приложении к медицине, биологии и т. п. Таких нас было человек семь. Мы иногда собирались на собеседования с участием Слепкова. С Василием Николаевичем, помимо семинаров, я встре-

чался таким образом. В здании Университета, где находилась кафедра биохимии, размещалась и университетская касса куда, два раза в месяц, Василий Николаевич приходил получать свою заработную плату. При этом он часто заходил ко мне на кафедру. Двери были рядом. Встречаясь, мы беседовали о том, о сём. Мне он очень нравился. Это был очень одарённый, талантливый человек».

* * *

3 марта 1949 г. в 20 ч., Баеву было предъявлено «Обвинительное заключение». Баев виновным себя не признал.

**Обвинительное заключение по следственному делу № 684.
5 марта 1949 г. ст. 17–58–8 и 58–11 УК РСФСР.**

«22 февраля 49 г. Министерством ГБ Коми АССР был арестован и привлечен к уголовной ответственности за принадлежность к анти-советской террористической организации правых Баев А.А.» (далее следует «под копірку» повтор обвинений из старого приговора и рассказ о том, какой срок получил, где отбывал наказание и когда освобо-дился – А.Б.). «...до 21 августа 47 г. работал в Норильской больнице, а с октября 47 г. до 22 февраля 49 г. в Сыктывкаре. Новых данных о его антисоветской деятельности за этот период, т. е. с 30 апреля 44 г. до 22 февр. 49 г. не добыто. Исходя из изложенного полагал бы: Следственное дело на Баева А.А. направить на рассмотрение Особого Сопещания при МГБ СССР и учитывая, что Баев является соци-ально опасным лицом определить в отношении его ссылку в от-далённые районы Советского Союза».

Старший следователь следственного отдела МГБ КомиАССР, майор Майзус.

28 марта 1949 г. дело направляется на рассмотрение ОС при МГБ СССР. Особое Сопещание вынесло Баеву 25 мая 1949 года приговор – «Сослать на поселение». Это означало бессрочную ссылку. Особое Со-пещание, как и пресловутые тройки – внесудебный орган. Если бы во время следствия у Баева были выявлены факты антисоветской дея-тельности или хотя бы административные нарушения, например, пас-портного режима, он получил бы не ссылку, а лагерный или тюремный срок.

* * *

Майзус Григорий Семёнович. В «органах» с 1936 г. В 1944 г. был награждён медалью «За отвагу» за участие в выселении из родных мест чеченцев, ингушей, карачаевцев и калмыков.

* * *

Из воспоминаний Баевой.

В июне я зашла к следователю, так как пронёсся слух, что начинают собирать этап на отправку. Получила разрешение на свидание вместе с детьми. Вела их в тюрьму так, чтобы они не видели высокого забора с колючей проволокой и окон с «намордниками». Свидание было в домике, где принимали передачи. Большое окно с двумя решетками и широкий подоконник перед ним. Я поставила ребят перед сетками, минут через пять вошел Александр Александрович – бритый, пополневший, но не отечный, печальный. Я начала ему говорить самое главное. В это время дежурная обратилась к нему: «Возьмите детей на руки! А можно? Можно, только недолго!»

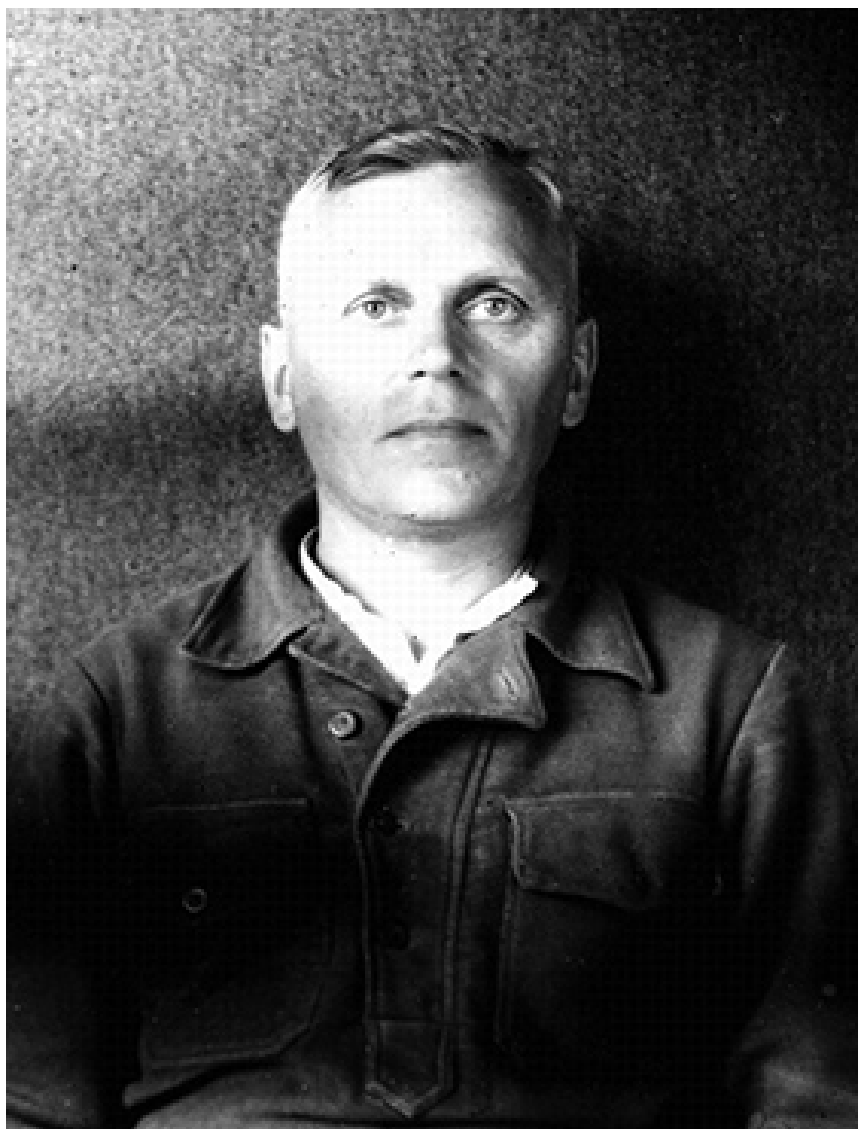
Дежурная открыла обе сетки, я передала детей. Алеша притянул к отцу, положил ему головку на плечо и замер, Татка гладила отца по щекам. А я продолжала свою скороговорку, чтобы сообщить о самом главном. Свидание окончилось. Александр Александрович поцеловал детей, меня и ушел. На глазах у него были слезы: «Я напишу. Сообщу адрес». «До свидания! Мы скоро приедем к тебе!» – кричу я на прощанье...

На обратном пути дети молчали. Дома сын спросил: «Мама, а почему там решетки? Потому, что работа у папы секретная и туда никому нельзя заходить.»

Узнав, когда отправляют этап, я в 5 часов утра с другими женами была у ворот тюрьмы. Этап был большой, конвоя много, подойти не разрешали. Когда же всех довели до реки Вымь и погрузили на баржу, основной конвой ушёл, и на мостках остались три солдатики. Я встала рядом с ними и вдруг услышала голос Александра Александровича, он находился в последнем отсеке за брезентовой занавеской. После долгих переговоров с конвоем мне, наконец, разрешили передать ему сумку с едой на дорогу, куда я засунула 100 рублей.

НИЖНЕ-ШАДРИНО.
Личное дело № 7160
ссылнопоселенца А.А. Баева
(1949–1954 гг.).

11 июня 1949 года Баева отправляют этапом, под конвоем, в Красноярск. Очередное «путешествие», через полстраны, в переполненных «столыпинских» вагонах, длится более месяца. 19 июля из Красноярской пересылки, Баева и других ссыльных препровождают в трюм колёсного парохода «Мария Ульянова». Через трое суток, 22 июля 1949 г., проплыв 685 километров вниз по Енисею, пароход швартуется к дебаркадеру у села Ярцево. Ссылным приказано сойти на берег.

Фотография А.А. Баева из л/д № 7160.

Дело начато 18 февраля 1949 г. Судя по дате и хранящимся в деле различным справкам, начато оно в Сыктывкаре, ещё до ареста Баева и вынесения приговора, то есть всё было предрешиено заранее, видимо в начале декабря 1948 года. В настоящее время (1998 г.) дело хранится в Красноярском архиве МВД (МГБ). Архивный номер: СО-41627. По словам чиновников из МВД, через пять лет (в 2003 г.), дело «может быть уничтожено, как не представляющее ценности».

В 1953 году в Красноярском крае было 10.276 ссыльных по 58 статье. По другим данным их было более 30 тысяч.

Упоминаемый мною ранее О.В. Волков, попал в ссылку в с. Ярцево в 1951 г. Вот как Волков описывает путь, который прошёл до него Баев и ярцевского районного коменданта МГБ, мл. лейтенанта Николая Ивановича Бочарова. Насколько я помню его «инспекторские» визиты к отцу в Нижне-Шадринскую больницу, большого любителя медицинского спирта и традиционных пьяных угроз в адрес «врага народа» и его семьи.

«Сплывали мы по Енисею (из Красноярска – А.Б.) несколько дней, но видеть великую сибирскую реку не пришлось – на палубу нас не выпускали. Подобравшись по низким нарам вплотную к иллюминатору, изогнувшись под нависшим потолком, можно было, прильнув к толстому мутному стеклу, увидеть лишь крохотное пространство воды с воронками и узорами стремительного течения. Было тесно, смрадно и тоскливо. И, наконец, свершилось: пароход пришвартовался у очередной пристани (Ярцево – А.Б.), и нам скомандовали выходить с вещами. Нас завели в пустые пассажирские помещения пристани и там оставили до утра. Конвоиры подняли этап затемно и, выстроив в последний раз и пересчитав на пустыре против пристани, повели по пустынной улице – унылой и неприветливой. Тёмные избы, глухие ворота в бревенчатых заплотах, бродячие тощие собаки, дощатые узкие мостки без единой живой души. Против одного из этих слепых домов попросторнее, с вывеской “Комендатура МВД”, нас остановили. Не заставила себя ждать и главная персона ожидаемого заключительного действия – местный комендант, которому предстояло поставить подпись под актом приёмки нескольких сот ссыльных душ. Это был тщедушный, курносый человечек, облачённый в длинную кавалерийскую шинель до пят, сидевшую на нём подрясником. Выступал он, впрочем, важно, с большим пальцем правой руки, погенеральски заложенным за борт шинели, и разглядывал нас с начальственным прищуром».

*Енисей. На эвенкийском языке: «Ионэсси», означает – «Большая Вода».
На древне-киргизском: «Эне-Сай» – это «Мать-река».*

По прибытии в районный центр – с. Ярцево, Баев просит региональное Управление МГБ отправить его отбывать ссылку в Норильск. Одновременно он пишет о том же начальнику Норильского комбината Владимиру Степановичу Звереву. Из Норильска никакого ответа, непосредственно Баеву, не последовало. В ожидании решения высоких инстанций на его просьбу, Баев проводит в Ярцеве почти месяц – до 20-го августа. В то же время, жена Баева телеграфирует мужу о том, что она против возвращения его в Норильск. В результате Баев принял решение остаться в Ярцевском районе.

«Доктору Баеву. Москва. 10 сентября 1949 г. Остаюсь прежнем неизменном решении всех условиях предпочитаю Шадрино Норильску. Бытом не пугаюсь. Окончательное решение отложим на год, ответ Норильск: семья, багаж находятся пути Шадрино, эту навигацию не успеем. Рассчитываю тринадцатого выезжать Красноярск. Прибытии телеграфирую. Целую. Катя»

Екатерина Владимировна, ошибочно полагала, что можно будет спокойно отсидеться в «медвежьем углу» до лучших времён. На самом

деле семья оказалась во власти часто пьяного МГБешника, который в любое время дня и ночи мог прийти в дом, выложить на стол пистолет и куражиться над «врагами народа», угрожая всякими карами, вплоть до расстрела. Когда ситуация становилась совсем невыносимой, на «сцене» появлялась очаровательная 4-х летняя малышка – моя сестра Татьяна. Весёлая и общительная, она быстро «смягчала» сердце чекиста и он, что-то недовольно ворча себе под нос, уходил восвояси.

Татуша.

* * *

Из переписки чинов Ярцевского РО МГБ. л/д. Баева № 7160. Красноярск.

«18 авг. 49 г. Начальнику Ярцевского РО МГБ, ст. лейтенанту Калачеву от нач. отдела “А” майора Карамбиров: согласно указания начальника Управления МГБ, полковника Ковалёва немедленно

направьте для дальнейшего отбывания ссылки в г. Норильск ссыльно-поселенца Баева А.А.».

Судя по этой телеграмме, реакция на письмо Баева в Норильск со стороны В.С. Зверева была и была положительная. Как и в случае с И.З. Шишкиным Баев мог отправиться отбывать ссылку в Норильск.

По дороге к мужу в ссылку. Баева с детьми и сводной сестрой Лидией Владимировной Янковской под окнами комнаты мачехи Е.В. – художницы Лидии Александровны Янковской (Шмидт). Москва. Кропоткинский переулок, д. 11. 1949 г.

«30 сентября 49 г. Начальнику отдела “А”, майору Карамбирову от и.о. начальника Ярцевского МГБ капитана Злаказова. О том, что Баев А.А. по приезде в Ярцевский район обратился письмом к начальнику Норильского Комбината, чтоб разрешили отбывать ссылку в Норильске. Вами было предложено этапировать Баева для дальнейшего в Норильск. В связи с тем, что Баев с работой и

квартирой устроился в Ярцевском районе и вызвал сюда семью от поездки в Норильск отказался». Каков грамотей!

С 20 августа 1949 г. Баев остаётся отбывать бессрочную ссылку вместе с женой и двумя детьми, которые приехали к нему 12 октября 1949 г., в глухой таёжной деревушке – Нижне-Шадрино (30 дворов), Ярцевского района (сейчас Енисейского), Красноярского края, в 638 километрах на север от Красноярска. Здесь он работает как врач и заведующий больницей.

Нижне-Шадрино. Фото А.А. Баева. 1950 г.

* * *

Деревня Нижне-Шадрино (сейчас пишут Нижнешадрино или Нижнее Шадрино) расположена на левом берегу Енисея, недалеко от устья притока Енисея – реки Кас, на широте Ленинграда, в сорока семи километрах (вверх по течению) от тогдашнего райцентра – села Ярцево. Правильнее называть Нижне-Шадрино, как и Ярцево – селом, т. к. в нём имелаась церковь. Наличие церкви придавало сельскому поселению более высокий статус. Есть церковь – село, нет – деревня. Ярцево, основанное казаками в 1605 г., было первым русским селом на Енисее. («История Сибири». Ак. Г.Ф. Миллер). Ярцево находится недалеко от слияния реки

Сым с Енисеем. Олег Волков называл Сым в своих рассказах не иначе, как «могучий приток Енисея». И это действительно полноводная и протяжённая река (более тысячи километров). Тайга вдоль Сыма была настолько «дремучей» и болотистой, что там практически никто не селился, даже такие любители удалённых и «глухих» мест, как кержаки-староверы.

Баев попал в ссылку, можно сказать, в «родные места». Н-Шадрино находится на северо-восточном краю той части Западносибирской низменности, которая заключена между Обью и Енисеем и ограничена с севера верховьем реки Таз, а с юга притоком Оби – рекой Томь. Австрийский дипломат и путешественник барон Сигизмунд фон Герберштейн (1486–1566) в своих «Записках о Московии» (1547 г.) называл эту местность – «Лукоморье». На южной границе «Лукоморья», в Томске и Мариинске жил и работал дед Баева. В Томске родился его отец.

«Лукоморье».

Коренным населением тамошних мест, правда очень малочисленным, были кеты и эвенки. Кеты (Кет означает – человек) жили рыболовством и потому селились по берегам Енисея и его притоков: Касу, Сыму, Бахте, Подкаменной Тунгуске, Дубчесу, Елогую и т. д. Эвенки – оленеводы-кочевники. О них писал в своих енисейских рассказах О. Волков. Сейчас нет никого, по тайге бродят только их одичавшие олени.

Основными жителями Нижне-Шадрино были разные категории ссыльных. Прежде всего, семьи кулаков, попавшие сюда в результате коллективизации в конце 20-х, начале 30-х годов. В 1932 г. Ягода докладывал Сталину о том, что в 1930 г. было сослано в самые глухие районы СССР 77.795 семей кулаков, а в 1931 г. 162.962 семьи. Всего было отправлено в ссылку и лагеря 1.158.966 человек этой категории, из них 454.916 детей.

Выражение и понятие – «кулак» не изобретение советской власти. Ещё со второй половины 19-го века так называли в России прижимистых и оборотистых мужиков, которые мало что, в то время, в масштабе страны производили сами, но зато активно скупали сельхозпродукцию у крестьян и потом перепродавали её с большой выгодой для себя. Словом, занимались банальной спекуляцией или, как бы сказали по нынешним временам – посредничеством.

К сожалению, термин – «кулак» стал использоваться, в период коллективизации, советской властью в её борьбе с настоящими тружениками и рачительными хозяевами, которых Бухарин призывал после революции – «развивать своё хозяйство» и обогащаться. В «кулаки» было записано и раскулачено 4-е миллиона человек. От 1 до 2,5 миллионов из них было сослано в самые глухие, северные районы СССР. Прежде чем они успели освоиться на новом месте, около 600 тысяч погибло от холода, голода и болезней.

Я хорошо помню многодетную семью (9 детей) Отто Христиановича и Ольги Иосифовны Гонекер, из так называемых «кулаков», которые жили рядом с больницей. Отто работал в Н-Шадрино на молотилке, затем на тракторе. Был награждён за свой труд орденом. Я учился в одном классе с одной из его дочерей – Леной. Сейчас она живёт в Енисейске, где всю жизнь проработала на местной лесобирже.

В семье Гонекер слилось два потока репрессированных немцев. Отец Отто – Христиан был из рода немецких колонистов, поселившихся в Новороссии ещё во времена Екатерины Великой. Он работал сельским учителем в Одесской области, вёл подсобное хозяйство. В 1928 г. Хри-

стиана записали в «кулаки», арестовали и вместе с женой и четырьмя детьми сослали в Н-Шадрино. В дороге два ребёнка умерли. В деревне он тоже работал учителем. В 1938 г. Христиана вновь арестовали, во исполнение пресловутого приказа Ежова № 00447, увезли в Красноярск, а затем в Канск, где и расстреляли.

Ольга Гонекер (Гертнер) происходила из семьи поволжских немцев. Сталинская коллективизация, помноженная на неурожайные годы, привела к тому, что родители и одиннадцать братьев и сестёр Ольги погибли от голода, а осиротевшую Ольгу в 1941 г., с началом войны, как «фольксдойч» сослали в Н-Шадрино.

Кроме немцев, жили в Н-Шадрино и окрестностях депортированные граждане прибалтийских Республик (литовцы, эстонцы, латыши), поляки из Польши и Западной Украины, калмыки и даже один турок. Калмыки, среди которых был распространён туберкулёз, быстро вымерли, в непривычном для степных жителей таёжном климате.

Другими жителями Н-Шадрино, а также окрестных деревень и «плотбиц» были «политические», в том числе жёны, дети, родители репрессированных. Среди них, на одном из подведомственных Баеву «плотбиц», обитали – жена, сын, невестка и внучка командарма Ионы Якира. Все, кроме внучки отсидели, перед этим, свои сроки в лагерях.

На балконе своей квартиры у м. «Автозаводская»: Ирина Петровна, Пётр Иванович и Сара Лазаревна Якир. Пётр (известный диссидент) и Сара, похоронены в Москве. Ирина была женой барда Юлия Кима. Родила ему дочь. Умерла от рака, когда ей было чуть больше сорока. Похоронена в Иерусалиме. Москва. 60-ые годы.

Но истинными старожилами Нижне-Шадрино были «челдоны». По одной из версий – это потомки беглых каторжников. По другой версии, «челдон» – это «человек с Дона». Судя по всему, они пришли в эти края более 400-т лет назад ещё до покорения Сибири Ермаком. Челдоны до сих пор употребляют слова, которые вышли из повседневного применения ещё с 12 века, со времён написания «Слова о полку Игореве» и «Задоницины».

Другие старожилы окрестностей Нижне-Шадрино – это «кержаки», сибирские старообрядцы, называемые так по имени реки Керженец в Нижегородской области. С берегов этой реки, в том числе и из города Керженец, старообрядцы бежали, при Петре I, от религиозных преследований в глухую тайгу Сибири и Дальнего Востока.

Вот как описывает современных кержаков В. Черников, побывавший на Касе в 2006 г. «В первой же деревне – Фомке (недалеко от Н-Шадрино), нас встретили два колоритно бородатых деда. Они староверы беспоповцы, часовенного согласия. Кержаки нарисовали нам дорогу, по которой мы к концу дня добрались до деревни Новый Городок (бывший Пит). Обычная деревня, много детей на велосипедах. Есть магазин, пекарня. В деревне живут представители двух толков. Кержаки традиционно носят бороды, не курят, не матерятся, выпивают в меру (если пьют, то брагу “кислуху”, заквашенную на картошке и сушёных белых грибах). Они хорошо воспитаны, отзывчивы, доброжелательны, не прагматичны, между ними не бывает конфликтов.

В свои дома староверы посторонних не пускают. У некоторых есть радиоприёмники, телевизоры, магнитофоны, стиральные машины. В каждом дворе «Нива», УАЗ, или мотоцикл. Деньги зарабатывают заготовкой белых грибов, брусники, кедрового ореха, белок и соболей. Их дети учатся в школе-интернате за 200–300 км. от деревни, некоторые в техникумах и даже ВУЗах, но большинство имеет только 3-х классное образование или вообще не грамотны. Поэтому молодёжь не берут на армейскую службу. Староверам-кержакам, как и раньше, не нужна власть и милиция. Живут они общиной, которой ненавязчиво управляет староста. В деревнях практически все родственники, поэтому жён и мужей выбирают в других деревнях. Одна из последних мощных волн миграции староверов в эти места из бассейна Оби (Томской области) была в тридцатые годы. Уходили они тогда в тайгу от притеснений Советской власти. Наиболее приверженные своей вере уходят всё глубже в тайгу и сейчас, подальше от цивилизации».

Во время нашей ссылки никаких примет цивилизации (кроме охотничьих ружей) у кержаков не было. Быт на уровне 18-го, 19-го веков. Жили натуральным хозяйством. Образ жизни вели очень скрытный. С окружающим населением практически не контактировали. И на то у них были основания. Советская власть, как и Пётр I, их тоже не жаловала. Так в 1951 г. спецотряд НКВД разгромил главный скит кержаков часовенного согласия в нижнем течении Енисея. При этом много людей было убито и уничтожено более пятисот древних рукописных книг.

Мой современник и «земляк», кержак-старовер Фёдор Королёв (1952 г.р.) с реки Кас (илюз – «Марьяна Грива»). Фото В. Черникова. 2006 г. «Грива» – возвышенная, сухая местность в тайге, среди болот.

Упоминание о Нижне-Шадрино попало даже в художественную литературу. Константин Симонов, в своём романе «Солдатами не рождаются» пишет о кавалере ордена Красного Знамени, командире батальона, капитане Николае Константиновиче Тараховском, погибшем в Сталинграде под Новым – 1943 год.

«Из выписки можно было узнать, что капитану Тараховскому, который сегодня, как выражаются писаря, “убыл из дивизии по причине смерти”, было 32 года от роду, что родом он из Нижне-Шадрино, на Енисее, до службы в армии был промысловым охотником, в армии про-

служил 11 лет, имеет жену – Варвару Амосовну и пятерых детей». (Стр. 34, Изд. «Советский писатель», 1965 г.).

Обитатели Н-Шадрино трудились в колхозе «Победа». Выращивали картошку, капусту, овёс, турнепс, коров и свиней. Руководил колхозом Иван Иванович Бахарев (из «кулаков»). Предметом его гордости был «служебный транспорт» – два сказочной красоты, стати и темперамента жеребца на которых он поочерёдно разъезжал по окрестным полям и весям. Жеребца вороной масти звали – «Гранит», огненно-рыжего с белой «звездой» на лбу – «Алмаз».

* * *

1 декабря 1949 г. Баев пишет Энгельгардту большое письмо, в котором описывает свою жизнь на новом месте.

«Дорогой, любимый Владимир Александрович!

С трудом и тяжелым сердцем я принимаюсь за это письмо: писать его – значит мысленно пройти многие счастливые (увы, утраченные) годы, снова пережить горечь самого разного рода, воскресить в памяти разочарования и неприятности, которые я, сам того не желая, доставил окружающим, вспомнить о том добром, которое было сделано мне, Вами в особенности, и которое никак не осталось оплаченным мною, и после всего этого прийти к такому печальному концу. Но когда-нибудь нужно было приняться за это первое, самое трудное письмо...

Много раз я хотел сказать Вам, Владимир Александрович, чтобы Вы просто махнули на меня рукой, забыли о моем существовании, перестали тратить на меня деньги, время и нервы. Я хотел это сделать вовсе не оттого, что в какой-нибудь мере не уверен в искренности Ваших отношений ко мне (потому что не могу себе представить, чтобы все, сделанное Вами для меня и моей семьи, можно было совершить из соображений долга, порядочности или чего-либо в этом роде), но оттого, что все материальные и душевные траты оказываются «нерентабельными» и не дают того, что от них ожидается, я, подобно маятнику, неизбежно возвращаюсь к исходной точке, и преодоление препятствий оказывается непосильным ни для Вас, ни для меня.

Много раз я хотел сказать Вам это и столько же раз я откладывал перо, готовое переложить на бумагу все, что давно составляет предмет моих раздумий и переживаний. Малодушие это или эгоизм – не знаю сам, но я до сих пор не могу отказаться от мысли и надежды на возвращение к активной и полноценной жизни. Словно злой рок настигает меня каж-

дый раз, когда я подхожу к тому моменту, когда становится возможной производительная и творческая деятельность (я имею в виду работу по биохимии), так было в Москве, так случилось и в Сыктывкаре. В последний раз я только что закончил кропотливую и трудную организационную работу, втянулся в новую тематику, привык к новым методикам и обстановке, как все было прервано, бесплодными остались все предварительные затраты времени и сил, впустую ушли два года тяжелого труда. Может быть, так будет и впредь, не знаю, но надежды на иные возможности меня не оставляют и сейчас, я не могу, не хочу от них отказываться. Вы единственное лицо, которое связывает меня с миром других интересов, с миром науки, единственный человек, отношение которого дает мне моральную поддержку, которая бывает иногда такой необходимой. Отказаться от общения с Вами я пока не нашел в себе сил, но откровенно сознавшись Вам в том, что я сам иногда считаю слабостью, предоставляю Вам (а это Вы можете сделать более объективно, чем я) решить, стоит ли Вам обременять себя столь тягостной опекой... У меня нет слов, достаточных для благодарности за ту моральную и материальную поддержку, которую Вы оказали Катеньке во время моих недавних приключений. Не знаю, что случилось бы с ней и ребятами без Вас и Милицы Николаевны, которые так безгранично щедро, так тепло и внимательно помогли ей в эти тяжелые дни. Я увидел ребят здоровыми и веселыми, Катеньку худенькой, но душевно бодрой, и я не мог не сознавать, что благополучием этих дорогих для меня людей я обязан Вам и Милице Николаевне. Я не мог не оценить все сделанное Вами обоими, зная, как заняты Вы, Владимир Александрович, как мало остается у Вас времени даже для себя лично, для своих размышлений и душевного отдыха, как много сил уходит у Милицы Николаевны в этой тревожной и бурной жизни. Доброта и внимательность Ваша буквально раздирают мне сердце стыдом за то, что я, взрослый человек, оказываюсь не в состоянии сам опекать свою семью, что я не в состоянии отблагодарить Вас обоих за все те благодеяния, которые Вы нам оказали. Неужели нам не суждено будет никогда на деле выказать Вам всю бесконечную глубочайшую признательность за все Ваши заботы, за всю доброту, за Ваше отношение к нам?!

Катеньку и детей я встретил в шесть часов утра 28 сентября на берегах Енисея уже лишённой зелёной растительности, под дождём и снегом, усталых и грязных. Два дня мы провели в Ярцеве и затем ближайшим пароходом уехали в Нижне-Шадрино, испытав ночную переправу через

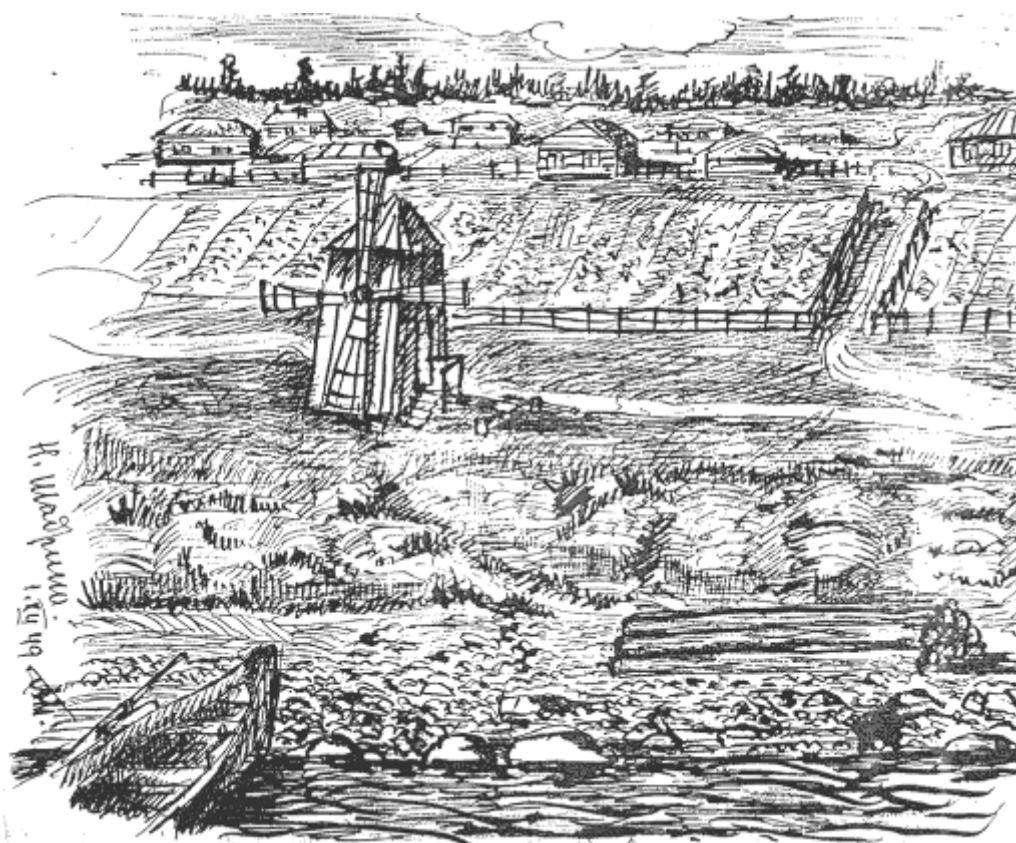
Енисей (пароход пристаёт на противоположном берегу). В эту ночь шел дождь, дул сильный ветер, гоня волны с неприветливыми белыми гребешками. Мы высадились на пустой берег и некоторое время стояли в круге, ярко освещённом прожекторами парохода, затем он отчалил и постепенно скрылся за поворотом реки, а мы остались на ветру, дожде, в полной тьме. Погрузились вместе с багажом и лошадью на большую «завозню» и поплыли по беспокойной реке без всяких ориентиров. Путешествие наше закончилось ночным маршем по колено в грязи, так как выпавший снег растаял и превратил дороги в болота жидкой грязи. К удивлению нашему, мы добрались до дома живыми и невредимыми.

Не верьте поэтам и певцам, которые прославляют Енисей – это суровая, неприветливая и коварная река. Летом на ней пороги и мели, ветра и туманы, а зимой вечно выступает прибывающая вода, образуя наледи, ломается лёд, образуя торосы и полыньи, в которых тонут люди и лошади.

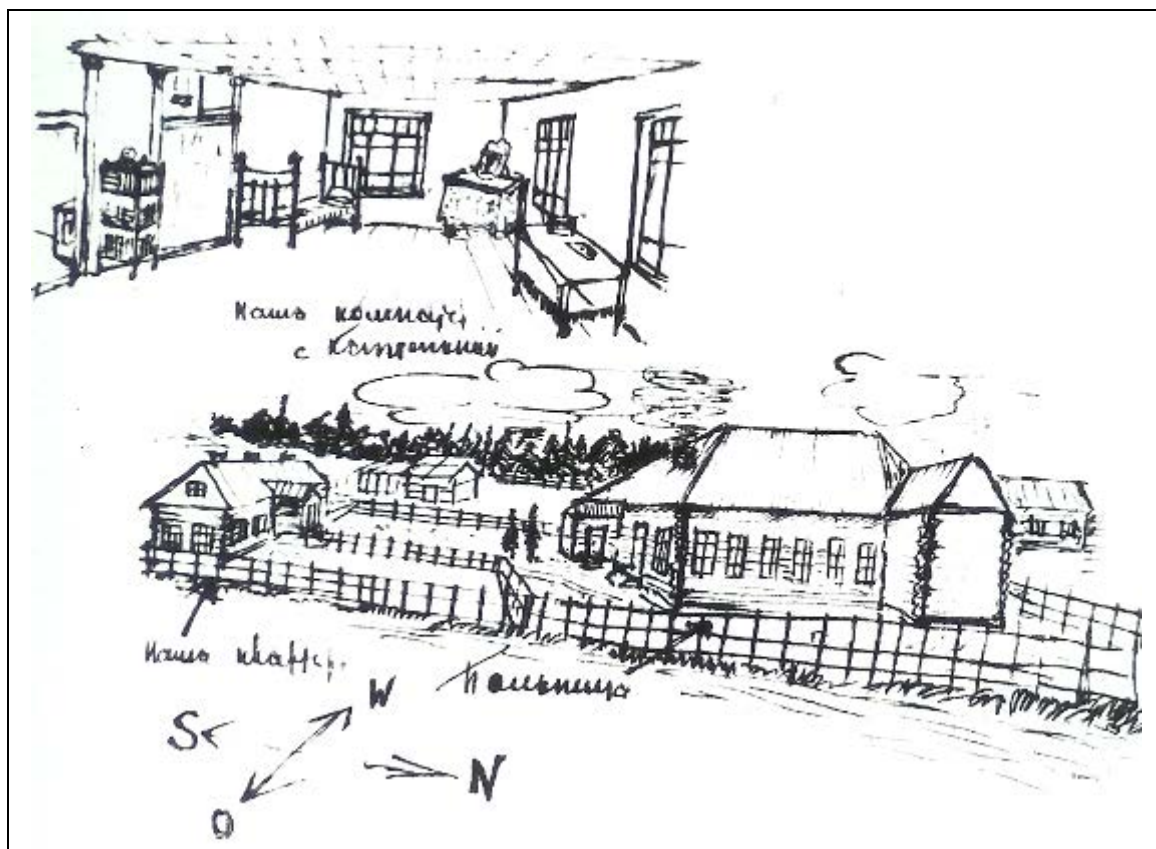
Недавно я сам чуть не стал жертвой Енисея, В 12 часов ночи 13 ноября с кучером мы поехали по вызову в деревню (*Томарово – А.Б.*), расположенную в 15 км. от Шадрино по Енисею. В темноте мы сбились с дороги, попали на тонкий лёд, лошадь провалилась в воду и погибла, а мы остались невредимы. Мне надолго запомнится призрачный лунный свет, меняющийся в силе от быстро бегущих облаков, белый снег, тёмная полынья с плавающими обломками льда и голова хрипящей от холода и ужаса лошади, смутно виднеющаяся на тёмном полотне воды, лёгкий и звонкий скрежет льда среди полного ночного безмолвия – это неожиданно вскрылся и местами тронулся Енисей, после нескольких дней полного ледостава, огоньки, отражающих лунный свет льдин, быстро бегущие в темноте по невидимым разводьям реки и, наконец, то ощущение близкой и неизвестной опасности, которое появилось у меня, когда я понял всё случившееся... Условия в Шадрине оказались не столь плохими, как можно было ожидать. Что такое представляет из себя Шадрино, Вы можете представить себе по приложенному рисунку, заменяющему фотографию. Наша квартира, которая также изображена на следующем рисунке, – это помещение в 36 кв. м, высотой в 3 м с шестью большими окнами, разделенное на три части перегородками – на кухню, нашу комнату и детскую.

Мне удалось привести в порядок окна, двери и этим утеплить до того очень холодную квартиру. По утрам у нас бывает иногда 8, чаще 11 – 14°, но днем и вечером температура держится на 19–22°. И это несмотря на крайне суровую погоду: около 10 дней стояли морозы от -40° до -49°

и только сегодня температура повысилась до -24° . Прошлая зима была теплой, а в этом году ждут больших морозов.

Н-Шадрино. 1949 г. Рис. Баева.

Больница и барак, где жила семья Баева, семья Орловых-Крохалёвых и Л. Палло. Рис. Баева. 1949 г.

Питаемся мы хорошо. Нам удалось запасти картошку (она составляет основную часть нашего меню), овощи, посолить немного капусты и огурцов. Мы покупаем масло (51 руб.), сахар, крупы, мясо (единственное, пожалуй, что здесь дешево: 14–15 руб. – 1 кг), молоко (3 руб. – литр). Все это свежее, доброкачественное и в общем, конечно, более дешевое, чем в Сыктывкаре. Мы все выучились грызть кедровые орехи, которых осенью родилось великое множество: ребята их очень ловко грызут, извлекая зерно проволокой или ногтем. Хорошее питание, отсутствие инфекций в конце концов должно сказаться на ребятах благоприятно, несмотря на ожидаемую суровую зиму. На нас с Катенькой благотворно подействует отсутствие всяких непроизводительных затрат энергии, так как здесь нет ни театров, ни кино, ни знакомых. Единственной интеллигенцией в Шадрине являются учителя школы-семилетки, по это столь серый народ, что едва ли мы с кем-либо сойдемся. Клуб здесь очень маленький, устроен в помещении небольшой церквушки, обезглавленной и удлинённой небольшим пристроем. Радио и библиотеки здесь нет, клуб получает два журнала и пару газет. Пока мы питаемся собственной библиотекой – я своими медицинскими и биохимическими книгами (все Катины посылки, между прочим, получены и пришли вместе с Катенькой), а Катя художественной литературой – она только что кончила Достоевского, перешла к Флоберу и сейчас, лежа в постели, читает «Саламбо». На следующий год мы подписались на «Красноярский рабочий», «Медицинский работник», «Советскую медицину» (это я выписал на больницу), «Успехи современной биологии», «Успехи химии» и «Биохимию» (это я выписал на себя). Сыктывкарская подписка на газеты и журналы очень исправно приходит в Шадрино.

О своей работе я могу сообщить очень мало интересного. Мой врачебный участок протянулся на 15 км по Енисею и на 40 км вглубь в тайгу, в районы лесозаготовок. Селения здесь очень небольшие, их всего только пять. Соответственно этому очень невелико и количество больных. Больница (она изображена на третьем рисунке) всего только на 8 коек, помещается в старом, достаточно ветхом уже здании, Оборудование очень примитивно, хотя имеется микроскоп, автоклав и аппарат для дистилляции, до последнего времени стоявшие без употребления, и кое-что из лабораторного оборудования. Амбулаторные приемы маленькие, всего 12–15 человек, в больнице обычно лежит 7–9 самых разнообразных больных. Интересный в диагностическом отношении материал отсутствует. Медикаментозное снабжение неплохое, но средств на больни-

цу отпускают очень мало. Штат 10 человек, из них один фельдшер и 2 медсестры, все довольно малоразвитые особы.

В самом райцентре, в Ярцеве, никого из нас, медиков, не оставили – там сидят молодые врачи, смертельно боящиеся всякой конкуренции, они организовали единый фронт и постарались поспособствовать нашей рассылке по отдаленным пунктам, видимо, под предлогом политической опасности приезжих. Но это и к лучшему: материально здесь в Шадрине значительно легче, чем в Ярцеве – и в отношении цен на продукты и особенно квартиры. Здесь мы имеем просторную, светлую и отдельную квартиру, а в Ярцеве – переуплотнение, там сдаются только углы и притом по очень высоким ценам. Стоимость продуктов в Ярцеве раза в полтора выше здешнего, там они не дешевле, чем на материке.

Нельзя сказать, чтобы работа меня особенно вдохновляла – слишком уж она мелка, однообразна, кропотлива, но в данных условиях это, конечно, зло наименьшее из всех возможных. Нужно сказать, что в Ярцеве я вел переговоры с заведующим Ярцевской зональной станцией Института полярного земледелия. Они были не прочь завести себе биохимика, но штатной единицы не было, и то, что они могли предложить мне, никак меня не устраивало в материальном отношении. Впрочем, здесь играли роль и иные обстоятельства – заведующий станцией хотел, как мне показалось, приобрести сотрудника, находящегося в полной зависимости от него («белого раба»), и его не устраивало лицо с какими-то другими возможностями и с относительной самостоятельностью, вроде моей персоны. На станции имеется химическая комната с кое-каким оборудованием – аналитическими весами, колориметром, посудой, химикалиями. Но все это лежит без всякого движения уже многие годы.

Жить тем, что у меня есть сейчас, как-то обидно, а еще больше того – скучно. Я пришел к заключению, что мне удастся организовать маленькую химическую лабораторию. Может быть, что-нибудь позаимствовать в Ярцевской станции Института полярного земледелия, но в основном будет возможность приобрести необходимые приборы на больничные средства. Дистиллированная вода у меня будет в неограниченном количестве, кислоты имеются в ярцевской аптеке (хотя нет ни грамма щелочей). С открытием навигации Катенька отправится в Красноярск (а при надобности и далее) за насосом Комовского, колориметром и химической посудой. Перебирая в памяти все, что было сделано в Сыктывкаре, я с сожалением вспоминаю о картофельной теме: о сортовых свойствах крахмала и об изменении картофельного клубня при световой яровиза-

ции, где я многое предварительно сделал и должен был поставить «чистые» опыты. Я думаю, в будущей химической лаборатории здесь мне удастся продолжить эти работы.

За биохимией я буду, Владимир Александрович, продолжать следить по мере возможности, и если у Вас будут какие-либо интересные книги, то я прошу Вас присылать их мне. Во всяком случае, почтовое сообщение не будет препятствием. В общей сложности оно здесь довольно регулярно: почта идет до Ярцева пароходом (летом) и самолетом (круглый год), а оттуда до Шадрина катером (в летнее время) или лошадьми (зимой) не реже одного раза в 7–10 дней. Перерывы в почте бывают регулярно осенью во время ледостава и весной в ледоход, когда нельзя ни пройти, ни проехать. Телеграммы обычно доходят за 24–36 часов. Журналы, газеты, письма и бандероли идут, конечно, медленно, но, насколько мы могли убедиться, достаточно аккуратно. В зимнее время почтовое отправление следует делать по авиапочте.

Беллетристики пока нам не нужно, хватит того, что Катенька взяла с собой. Недавно мы послали вам телеграмму с просьбой выписать для нас «Огонек», «Мурзилку» и «Литературную газету». Дело в том, что все это в Ярцевском районе выписать совершенно невозможно, так как эти издания строго лимитируются вообще и, в частности, «Литературной газетой» и «Мурзилкой» в лимитах Ярцева нет. Вот почему мы решили попросить Вас выписать все это в Москве с последующей переадресовкой на нас. Иметь «Огонек» и «Литературную газету» в такой глуши, как Шадрино, очень приятно, все-таки наша оторванность от культурной жизни этим значительно уменьшится. *(Этот скудный ручеек периодики по возвращению семьи в Москву превратился в полноводный поток. По подписке мы получали: газеты – «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «За рубежом», «Вечерняя Москва», «Пионерская правда». Журналы – «Новый Мир», «Знамя», «Юность», «Огонёк», «Москва», «Иностранная литература», «Вокруг света», «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Природа». «Мурзилка». В доме всегда были и газеты иностранных компартий, которые отец регулярно покупал в киосках Союзпечати. Английская – «Морнинг Стар», французская – «Юманите» и «Юманите диманш», итальянская – «Унита», немецкая – «Штерн». По спецподписке журнал – «Америка» – А.Б.).* Единственно, о чем я хотел Вас попросить еще, это прислать мне по одной книге художественной литературы на английском, французском и немецком языке для целей практики. Собственных у меня есть

только две английских книжки, но они оказались в багаже малой скоростью и лежат, по-видимому, где-то в Красноярске.

Вы писали, Владимир Александрович, о переводе – если будет что-либо подходящее, я с удовольствием возьму, не столько из-за денег, сколько как духовную пищу. В этом случае почтовая связь не будет препятствием.

Ваша телеграмма о моем кандидатском дипломе поставила меня в затруднительное положение: требуемого документа у меня нет, но я посылаю Вам все нужные сведения о том документе, который был у меня во время защиты диссертации и позже. Если этого будет достаточно, то вопрос этим исчерпывается, в противном случае придется соображать, как можно сделать иначе.

Доверенность на получение денег в издательстве я Вам посылаю.

В письме Вы меня спрашиваете о деньгах. Если говорить прямо, то деньги, которые Вы нам переводите, позволяют нам существовать без всякой нужды, без них мы, вероятно, жили бы плохо. Я получаю на руки 650 рублей, и даже здесь на эти деньги жить очень и очень трудно. Если у Вас будет возможность, то мы примем Ваши деньги с благодарностью, если нет, то никогда на это не посетуем. О размере суммы говорить нечего – она даже велика, и если Вы уменьшите ее вдвое, то нам вполне будет достаточно. На присланные деньги мы сумели не только прожить, но даже сделать зимние запасы, а для обычных расходов нам, конечно, не нужно будет такой большой ежемесячной суммы.

На этом я заканчиваю свое письмо. Может быть, я не написал всего или написал не так, как можно было бы, но первое письмо, когда нужно сказать о многом, неизбежно бывает несколько сумбурным и шероховатым. Я прошу простить меня за это.

Передайте, Владимир Александрович, поклоны девочкам и Маше.

К Вам, Милица Николаевна, письмо относится в равной степени, Вас я благодарю за внимание и заботу о Кате, которая все время вспоминает о Вас с большой благодарностью и теплотой.

Желаю вам, Владимир Александрович и Милица Николаевна, здоровья, бодрости и благополучия, примите наши поздравления с наступающим Новым Годом.

Ваш А. Баев.

P.S. Большое, большое спасибо за бандероль и за блесны и книгу. Рыболовные принадлежности я не пустил в ход этой осенью – было поздно, но со следующей весны они найдут широкое применение».

Больница в Нижне-Шадрино. Слева – барак где жила семья Баева, Орловы-Крохалёвы и Линда Палло. Справа – баня. По мосткам идёт Екатерина Владимировна с Таней. У калитки стоит Тамара Орлова и Александра Орлова с Верой на руках. Фото Баева. 1951 г.

А.А. Баев среди персонала Нижне-Шадринской больницы. 1952 г. В первом ряду (слева направо): Иван Сом (завхоз больницы), медсестра Анна Рикерт, Баев, Баева (лаборантка биохимической лаборатории больницы), акушерка Александра Борисовна Орлова (по второму мужу Крохалёва). Во втором ряду: (слева направо): две санитарки больницы, медсестра Линда Палло (отвечала за лекарства), Доба Моисеевна Гринберг (повар больницы), медсестра Люба Горохова, фельдшер больницы.

Кроме них в персонал больницы, в разное время, входили: Серебренникова Е.Д. (ухаживала за новорожденными), медсёстры: Журавлёва В., Рогозина Екатерина Петровна., Кирилова З.Н., Кириллова М.П., Шарглазова М.В., Шмакотина Е.И. Все, кроме Баевой и Гороховой, которая окончила медучилище в Абакане, были ссыльнопоселенцы.

Д.М. Гринберг – сотрудница Коминтерна и жена одного из секретарей Ленинградского горкома – Трусова, погибшего от пыток в сталинских застенках во время следствия, по так называемому, «ленинградскому делу» 1949 года. После реабилитации Гринберг жила в Ленинграде.

Фамилии пациентов Н-Шадринской больницы говорят о многом. Вот некоторые имена этих, ныне забытых рядовых труженников, в основном ссыльных: колхозников, рыбаков, охотников, лесорубов, плотвязов, сплавицков и т. д.

А. Адамявичус, И. Арабышев, Бабилюс, Болислав Барис, Берта Бир, Блинов, Бородкина, Вадвичавичуте, Васев, Степан Константинович Василюк, Люба Я. Винчан, Вера И. Войтенко, Гаманюк, Анеля Гербаускене, Ольга Иосифовна Гонекер, Екатерина Петровна Гринёва, Гринёв, В. Гринёва, Даратнавичене, Е.С. Жданова (родила двойню), Живетьев, Мария Замоликова, Захарченко, В. Кадзяускас, М. Казаченко, Аганя Кокорина, Эвальд Ф. Коп, К. Лаун, А.П. Лебейчук, Малешева, Наталья В. Наркевич, Никифорова, Н.В. Овчинникова, Р. Пагюжене, Г.В. Попова, Г.Е. Попова, П.Т. Ромашова, В. Родионов, З.Е. Рупасова, Иван В. Русакин, Н. Садохина, Самойленко, А.К. Семенченко, А.П. Соколов, Н.В. Стегницева, Бронислава Топоровскайте, В.К. Тракимас, Тракимайте, И.А. Трегуб, Трунов, Михаил Тусян, Тутуев, А.Ф. Умуд, Фаткулин, Феск-тлистов, Ольга Тарасовна Филимонова, Чеполов, Шилинскас, Я. Шлапокайте, Штумтер, А.А. Янулис.

Рекордсменом по пребыванию в больнице был Степан Константинович Василюк, одинокий мужик из деревни Пит (Новый Городок). У него была какая-то проблема с ногой (незаживающая, постоянно гноящаяся язва, возможно трофическая). Он испытывал сильные боли и мог передвигаться только на костылях. Очень переживал, что стал инвалидом и не мог «трудиться как другие и участвовать в общественной жизни». В ярцевской больнице Василюку предложили ампутацию, от которой он отказался. Баев взялся вылечить ногу. Лечение заняло больше года! Василюк пошёл без костылей 16 декабря 1951 г. К июню 1952 г. он окончательно поправился и был выписан из больницы.

Благодарность.

Я, многодетная мать Тонекер
 Ол. Моис. выношу большую
 благодарность доктору Баяву
 А.И. м/с Косыгина В.В. акушер-
 ке Орловой А.Б. за много раз
 оказанной мне помощи при
 родах, за посещение медра-
 ботников на дому в не ра-
 бочее время, за правильную
 консультацию в предохранении
 детей от инфекционных забо-
 леваний. А также благодарю
 весь медицинский персонал

Тонекер Ольга Моисовна.

Екатерина Владимировна сделала ему бесчётное количество лечеб-
 ных процедур, перевязок и всячески заботилась. Василюк писал: «Мне
 одинокому было очень тяжело. Я разговаривал с соседями по палате и
 читал книги, которые приносила мне медсестра Екатерина Владимиро-
 на. Она была самым близким другом для меня, и я ей желаю от всей ду-
 ши хороших успехов и здоровья на много, много лет».

* * *

Баевы, кроме работы в больнице, активно занимаются сельским хо-
 зяйством, чтобы прокормиться. У них 5 соток огорода при доме и 20
 соток целины, которую им выделил колхоз, под картошку.

Из письма Баевой Энгельгардтам.

«В этом году мы со своего участка сняли 90 мешков картофеля, 0,5
 мешка репчатого лука, 1 мешок свеклы, 2 мешка моркови, штук 30 бак-

лажанов, штук 100 недозрелых помидоров, которые дошли дома, 10 штук подсолнечников, из которых набрали стаканов 10 зрелых семечек, и мешков 12 турнепса для скота и муромских огурчиков примерно ведер 10–12 (из которых ведер 5 засолено на зиму). Кроме того, дома мы вырастили красный кардинальский перец, купили и заквасили бочку капусты, набрали и засушили 3,5 кг и засолили 1,5 ведерный бочонок грибов. В довершение забили поросенка на 80–90 кг чистого веса и с него натопили 2 ведра смальца.

Вам, наверное, страшно читать о таких заготовках, но для сравнения могу сообщить, что за прошлый осенне-зимне-весенний сезон наша семья, вместе со скотиной (без коровы) уничтожила 3 тонны картофеля!!!

Чем вызвана эта «кулацкая горячка»? Исключительно желанием снять с себя гнет зависимости от крестьян, которые в силу тяжелого существования своего готовы содрать с вас три шкуры и наша семья из пяти человек (*пятый член семьи – это А.Е. Алмазова – А.Б.*) на получаемые нами 1200 руб., не может кормиться и одеваться. Кроме того, наша пища (вопреки врожденной привычке) здесь значительно обильнее и по объёму, и по содержанию жиров. И это неудивительно, т. к. примитивность жизни заставляет тратить очень много физической энергии, а холода (у нас зима с начала октября, снег в лесу выпал более чем на 1 м, а с первых чисел ноября стоят морозы от 40 до 50 с лишним градусов) заставляют чем-то «подтапливаться». Решено было лучше потрудиться (а трудились мы просто до слез, особенно я, несчастная!), чтобы как-то выкарабкаться из долгов, и мы надеемся, что еще 1–2 месяца и наш бюджет стабилизируется, а питаться мы стали несравненно лучше. Наша домашняя жизнь выглядит примерно так. Основная работа в больнице, которая занимает в день 12–16 час. благодаря тому, что мы живем на территории больницы и потому, что это деревня. В промежутках Саша и я занимаемся с Лёшенькой. Кроме того, Саша колет и носит дрова, чистит стайки, задает корм корове. Я стираю, мою полы, иногда дою корову. Няня готовит, смотрит за детьми, гладит, штопает, вяжет, кормит и поит скотину, носит воду и выносит помой и делает другую домашнюю работу, если я очень занята или болею. Кроме того, почти не бывает дня, чтобы у нас не было от 1 до 3, а по выходным дням до 6–9 посторонних «гостей», как их тут называют. Это люди, которые по тем или иным обстоятельствам оказались в нашем селе и которые по сибирским обычаям могут зайти в любой дом, и надо их приветливо встретить, накормить, напоить и в случае нужды устроить на ночлег. Суровость здешних мест заставляет тебя

быть гостеприимным, т. к. и тебя может застать мороз или пурга и ты будешь рад стакану горячего чая и ржаной лепешке, но все эти паломничества страшно утомляют...

Теперь Вам должна быть понятна наша жизнь и наши подчас долгие перерывы в письмах...

Теперь, дорогие, о вашей помощи нам. Искренне и убедительно прошу вас прекратить ее! И так целых 4 года вы являетесь нашими постоянными опекунами. С вашей помощью мы пережили самые тяжелые периоды нашей жизни, а теперь, когда мы почти полностью встали на свои ноги, не тратьтесь на нас, у вас достаточно и своих нужд, вы оба болеете, вам ваши деньги достаются труднее наших. Мне кажется, что если наше здоровье не пошатнется, то на будущий год мы будем жить даже хорошо. Ведь самое трудное по устройству жизни на новом месте у нас уже позади».

Чтобы как-то скрасить убогую деревенскую жизнь детям (своим и деревенским), родители устраивали различные детские праздники. Открыли библиотеку для жителей деревни и пациентов больницы из книг, принадлежащих семье. Книги – это было то единственное, что всегда, что бы не случилось, возили с собой.

Из письма Баева Энгельгардту. «Устраивали детям ёлку и детский кукольный театр, над которым я и Катенька просидели много ночей, но зато дали возможность насладиться ребятам настоящим кукольным театром с билетами, сценой, занавесом и Буратино, который пищал им всякую чепуху, размахивал руками и кивал головой (это я, скорчившись в три погибели под “сценой”, двигал тремя пальцами и надрывал себе голосовые связки неестественным фальцетом). Затем гости танцевали к пели вокруг елки, к ним приходил Дед Мороз с подарками, и, наконец, вечер был закончен угощением за общим столом, где присутствовавшим был предложен разведенный кагор, печенье, пряники и т. д.».

Были и казённые развлечения. Иногда в деревню приезжала кинопередвижка и в продуваемом всеми ветрами церкви-клубе крутили кино. Помню, популярный до сих пор, фильм – «Свадьба с приданным» (1953 г.) с вечно молодой Верой Кузьминичной Васильевой в главной роли, и ныне всеми забытый фильм – «Алитет уходит в горы», о сторонниках и противниках организации оленеводческих колхозов на Чукотке. После просмотра этого фильма, у местных лодырей вошла в моду поговорка: «Работа не Алитет, в горы не уйдёт».

В 1953 г. Баевы опять чуть не нажили себе крупные неприятности. Они решили привлечь молодёжь деревни и сотрудников больницы к занятию художественной самодеятельностью. Составили программу сборного концерта с чтением стихов и художественной прозы из русской и советской классики, танцами и песнями. В одной из песенок собственного сочинения Баевы подвергли лёгкой критике, за невнимание к нуждам больницы, председателя колхоза – Ивана Ивановича Бахарева.

Репетиции шли полным ходом, но кто-то «настучал». В деревню явился из Ярцева оперуполномоченный РО МГБ, ст. лейтенант ГБ В. Соколов. Он пришёл к нам в дом и попросил показать программу концерта. Программа ему понравилась, а над словами песенки про Иван Ивановича, он даже посмеялся, но заявил, что все материалы, связанные с концертом, надо послать в Красноярск для проверки и получения разрешения на концерт. Материалы послали и обратно они уже не вернулись.

Вместо этого пришло запрещение на концерт, а Соколову было приказано «пропесочить» комсомольцев, участвовавших в репетициях, за потерю бдительности и общение с контрреволюционным элементом, который посмел порочить советскую власть и колхозный строй в лице председателя колхоза. В воздухе «запахло», как минимум, статьёй 17–58–10. Слава Богу, всё обошлось, но после этого Баевы дали себе зарок – больше никакой самодеятельности. Работа, только работа и ничего кроме работы!

Вот что пишет Баев Энгельгардту о своих делах и настроении в тот период.

«День у меня обычно бывает полностью загружен – хозяйство, амбулаторный прием, работа в стационаре, письменные дела не оставляют много свободного времени. Вечера я провожу обычно за книгами до поздней ночи. Места для скуки нет. но для тоски поводов достаточно. Особенно болезненно на меня действует все, связанное с биохимией – этой синей птицей моей жизни. Возьмешь ли новый номер “Биохимии”, какую-нибудь из старых книг своей библиотеки, испещренных заметками, сносками и т. п., встретишь ли в журналах знакомую фамилию, все это порождает такую щемящую тоску, которая не скоро проходит и стихнув, оставляет следы на многие дни. Вы, Владимир Александрович, вероятно, недоумевали и сердились на меня за мое длительное молчание, но, поверьте мне, я много раз собирался писать вам и в самом деле брался за перо и каждый раз чувствовал полную невозможность связать хотя бы пару слов в осмысленную фразу. Другим это непонятно, но Вы, Вла-

димир Александрович, поймете меня. Мое отношение к Вам создавалось на почве дела, на почве общих и любимых занятий; теперь эта почва исчезла, и хотя не порвались обычные человеческие связи, но они уподобились растению с корнями, извлеченными из питающей их земли. Мне часто вспоминается (кажется, андреевская) легенда о воскресшем Лазаре и тот заключительный ее эпизод, когда Лазарь возвращается домой и все видят его живым, радуются, но, взглянув ему в глаза, с ужасом встречаются со взором человека, который посетил потусторонний мир и теперь никогда уже не сможет ни радоваться, ни наслаждаться жизнью. У меня ничего не умерло внутри, но смогу ли я, как и воскресший Лазарь, наслаждаться всеми радостями жизни, смогу ли когда-нибудь снова заняться любимым делом? По здравому смыслу – нет. И вот каждый раз, когда я берусь за перо, все эти мучительные вопросы, воспоминания и переживания встают передо мной. Катенька много и горько бранила меня за мое молчание, называла меня эгоистом, неблагодарным и т. п. и переживала это очень болезненно. Не вините меня, Владимир Александрович, за этот “столбняк”, так как он проистекает вовсе не из черствости моего характера, не из отсутствия привязанности к Вам, которая в действительности растет из года в год...».

Семья Энгельгардтов продолжает заботиться о семье Баева.

Из письма Энгельгардта. «Александр Александрович, мой дорогой, опять, как почти в каждом письме, настойчиво взываю к Вам: дайте мне знать обо всем, в чем у Вас есть потребность и в чем возможно Вам помочь. Напишите обо всем в порядке, последовательности и необходимости, а мы тут будем комбинировать, как удастся: продукты, промтовары, книги – специальные и литературу, учебники ребятам, охотничьи или рыболовные принадлежности, не знаю уж, что еще. Пусть у нас будет список этих пожеланий, дело покажет, что и когда будет реализоваться. Вы считайте, что я об этом прошу из побуждений чистого эгоизма: для меня трудно ридумать большую радость, как сознание, что чем-нибудь могу скрасить Ваше существование. Впрочем, еще одна почти такая же радость: получить от Вас весточку, обо всей Вашей жизни, с темными и светлыми (в той мере, как они есть) сторонами. Нет ли намерений перевести Вас в более крупное лечебное учреждение, где могли бы работать в полную мощность? Какова обстановка, и вообще все о себе. Может быть, Вам доведётся выехать в какую-нибудь командировку в Красноярск, дайте тогда телеграмму, я бы хотел поговорить с Вами по телефону, услышать Ваш голос. Я теперь буду все время в Москве, поездки в Ленинград намерен прекратить.

До свидания, хотел бы я сказать, но когда-то оно смогло бы осуществиться?

Обнимите и поцелуйте от нас обоих (Милицы нет здесь со мной, по ее чувства те же) Катю, напишите все и о ней – или пусть она сама напишет. Расцелуйте ребятишек.

Крепко жму руку и целую Вас. Энгельгардт».

д. Нижнее Шадрино. 2006 г. Фото В. Черникова.

На фотографии современный вид на деревню вниз, по течению Енисея, ширина которого в этом месте достигает двух километров. За спиной фотографа единственная улица деревни круто поднимается в гору. Там находилось ещё несколько домов, бывшая церковь, переделанная под клуб и деревенская школа. Там же, за оковицей, на песчаной «гриве» были расположены огромные погреба, в которых хранилась колхозная картошка, капуста, турнепс и прочая сельхозпродукция.

На заднем плане: Енисей, Большой Касовский остров, который разделяет Енисей на два рукава (правый – судоходный) и противоположный берег Енисея. Справа, вдоль деревни, приток Енисея – речушка Су-

коватка с хорошо видимым коровьим бродом, существовавшим на этом месте и при нас. Брод ведёт на полуостров, луг которого служит пастбищем для коров, т. к. из-за постоянного ветра с Енисея, на нём почти нет шершней, оводов, слепней, комаров, мошки (мокреца) и прочего таёжного «гноса». Однажды, на пастбище был убит огромный медведь, успевший задрать двух «бурёнок».

Странное название реки – это древнеславянское (известно с 6-го века н. э.) и местное название архаичной деревянной бороны. Её делали из срубленной верхушки дерева, укорачивая ветки до размеров сучков. Какую аналогию нашли местные жители между такой бороной и речкой я не знаю. Возможно, что название возникло из-за того, что русло её было прямым, как ствол, а верховья реки были сплошь завалены «топляком» с точащими из воды сучьями и ветвями.

Больница и барак, где жил Баев с семьёй, располагались в конце деревни, «на отшибе» слева, на «широте» впадения Суковатки в Енисей (небольшая светло-зелёная роща), но, судя по фотографии, от этих строений ничего не осталось. Подтверждали это и бывшие ссыльные, приезжавшие в Нижнее Шадрино в 90-е годы 20-го века.

После отъезда Баева из Н-Шадрино, передовая больница района, которая получала благодарности и переходящее Красное знамя, превратилась в фельдшерский пункт, а затем и он закрылся. Дом «дохтура» и здание больницы были разобраны жителями деревни для строительства других построек и на дрова. Мельница на берегу Енисея, изображённая на рисунке Баева, тоже не сохранилась.

Местность возле мельницы обладала, какой-то таинственной аурой, вызывающей щемящую тоску по утраченной, как казалось навсегда, прежней жизни. Моя сестра вспоминала. «Как-то я гуляла с отцом неподалеку от мельницы. Помню почти бесшумное движение огромных крыл. Вдруг папа взял меня на руки, прижал к себе, и я увидела, что лицо его заливают обильная влага. Я целовала его и размазывала ручонками его слезы. Оба молчали. Я никому не рассказала об этом дома. Это была наша маленькая тайна».

Ни электричества, ни радио в Н-Шадрино в то время не было, равно как и других плодов технического прогресса и цивилизации (даже велосипедов). Основой существования был ручной труд и конная тяга. Первый трактор появился в деревне во второй половине 50-х годов. За всё время ссылки, я только один раз видел проехавший через деревню мото-

цикл и заглохшую на дороге у почты – полуторку. В её кабине восхитительно пахло новым дерматином и бензином марки А-56.

Главным источником технических познаний для деревенских детей был Енисей. По нему сновали моторные лодки, плыли белоснежные пароходы, а буксиры тянули караваны барж с заключёнными и километровые плоты с сибирским лесом.

На больничном дворе. 1951 г. Фото А.А. Баева.

Слева направо: Анна Ефремовна Алмазова, Тамара Петровна Орлова, Александра Борисовна Орлова-Крохалёва (акушерка) с дочерью Верой, Бирюков (ветеринар колхоза «Победа»), Алексей и Таня Баевы, Мария Сом, Иван Сом (завхоз больницы) с сыном Володей, Люба Горохова (медсестра).

На заднем плане сарай («стайка»), в котором содержалась больничная живность: кобыла-водовоз – «Верба» (с бельмом на правом глазу); корова – «Милка»; два поросёнка – «Пик» и «Пак» и многочисленные куры. «Хозяином» двора была рыжая сибирская лайка – «Дунай». Справа, под навесом, хранились дрова для больницы. Под крышей «стайки» был сеновал.

На брёвнах любил сидеть (в периоды ремиссии) пациент больницы, сумасшедший литовец Юстас, развлекавший детей фокусами с надетой

на пальцы рук бечёвкой. В больнице у него была отдельная комната с решёткой на окне. Все обитатели этого больничного мирка, кто лечил и кто лечился, за редким исключением, были ссыльнопоселенцы, которые не по своей воле заселяли и осваивали необъятные сибирские просторы.

После реабилитации Орловы-Крохалёвы поселились в Красноярске, Бирюков вернулся в Москву, А.Е. Алмазова жила в Симферополе, в семье своей племянницы.

Мария Сом была родом из Белоруссии. Она нашла своего будущего мужа – Ивана (украинца), раненого, на поле боя. Мария вылечила его, и он продолжил воевать с немцами в партизанском отряде, в белорусских лесах. После реабилитации Ивана, они вернулись в Белоруссию, жили в деревне. Иван работал шофёром. Через какое-то количество лет он бросил Марию. Последнее, что она видела, это клубы пыли, в которых скрылась его полуторка. Когда подрос их сын, он тоже покинул мать. На старости лет Мария осталась одна, больная трахомой, от которой ослепла.

Хочу упомянуть ещё нескольких обитателей Н-Шадрино, с которыми наша семья встречалась в Москве и поддерживала отношения. Это «раскулаченная» семья Мефодия и Валентины Гринёвых, которая после реабилитации вернулась к себе на Кубань. Турок-коммунист, подлинного имени которого я не знаю, т. к. он скрывался в СССР под псевдонимом – Александр Павлович Мартель, поэт и писатель, попавший после турецкой тюрьмы прямоком в сталинские лагеря, а затем и ссылку. (Его творчество высоко оценивал известный турецкий поэт – Назым Хикмет). И, наконец, московский художник – Николай Колоденко, картины которого украшают стены нашей квартиры и поныне. Его жена училась в Астрахани, в одной гимназии с мачехой Екатерины Владимировны – художницей Лидией Александровной Янковской (Шмидт).

* * *

Так выглядят окрестности Н-Шадрино на космическом снимке в наши дни. Справа Енисей, Большой Касовский остров, слева – р. Кас. Севернее Каса видна дорога, по которой вывозят из тайги срубленный лес. Заключение и ссыльные, которые на протяжении многих десятилетий валили лес в тайге вдоль р. Кас, превратили эти красивейшие места в безжизненную пустыню, видную ныне даже из космоса. Розовые и белесые проплешины на снимке – это пустоши на месте вырубленной тайги частично заросшие кипреем (Иван-чай).

Окрестности д. Нижне-Шадрино (вид из космоса). Енисей, Кас, Большой Касовский остров.

Поговаривают, что в этом районе найдена нефть и что будет с природой, когда начнётся её добыча, одному Богу известно. Енисей сильно пострадал за прошедшие годы от неконтролируемого сброса промышленных и бытовых стоков Красноярска, Енисейска и других городов. Как результат, в реке появилось много больной и мутировавшей рыбы. Рыбные запасы Енисея сильно оскудели.

По левому берегу Енисея, на окраине Н-Шадрино, видны несколько озёр, образовавшихся из-за изменения русла р. Кас. Тонкая косая линия по левому берегу Енисея ниже озёр – р. Суковатка. Вдоль неё и идут дома деревни. На озёрах и Енисее мы ловили рыбу, плавали на небольшой лодке, выдолблённой из ствола осины. Кеты называют такую долблёнку – «ветка», а кержаки – «обласок».

В начале зимы, когда озёра замерзали, но лёд ещё не был покрыт толстым слоем снега, любимым развлечением деревенских детей было катание по льду этих озёр, на небольших платформах, вырезанных из льда – «ледянках». Их разгоняли до огромных скоростей, отталкиваясь баграми. Катались по льду и на самодельных коньках из дерева. Это бы-

ли деревянные чурбачки, которые привязывали верёвками к валенкам, а для лучшего скольжения таких «коньков» на их нижнюю поверхность, в специальный желобок, намораживли смесь коровьего навоза и воды.

Алёша и Таня. Ловля карасей и линей.

Катание на «ветке». Алексей и Таня Баевы, Валера Крохалёв.

Озеро «Конопляное». Фото Баева. 1952 г.

Большой Касовский остров и его озёра служат местом «днёвок» для перелётных птиц на их пути к гнездовьям в тундре. По весне, на остров, для промысловой охоты, на гусей и другую перелётную птицу, из года в год, приезжал из Ярцева О.В. Волков. Эту охоту он описывает в одном из своих сибирских рассказов («На Енисее»). Ссылнопоселенец Волков работал в Ярцево подсобным рабочим, плотником, а затем охотником-промысловиком Потребкооперации.

Мы – дети иногда приезжали на остров вместе со взрослыми за продуктами для больницы, т. к. там находились продовольственные склады. Во время переправы на остров случались и трагедии. Так однажды, налетела буря, поднялась большая волна, и лодку с колхозниками перевернуло. Спасая людей, утонул молодой парень из ссыльных немцев – горбун Роберт. В детстве он у меня ассоциировался с Квазимодо из романа В. Гюго – «Собор парижской Богоматери». Как и герой Гюго, он обладал большой физической силой, людей спас, но сам погиб. Тело его нашли только через три дня.

Незабываемое впечатление от мощи природы на всю жизнь оставили два события. Первое – это когда стоишь, по колено в воде, на мысе острова, сложенного из крупной гранитной гальки. Мыс, как нос кораб-

ля, режет енисейскую воду на два неравных потока, которые со скоростью курьерского поезда несутся, по правую и левую руку от тебя, на север к Ледовитому Океану. Второе – это ледоход, который начинался, как правило, в ночь на 1-ое Мая и длился до двух недель. Енисей, со страшным грохотом, громоздил на своих берегах многометровые ледяные торосы. Наблюдать это грандиозное природное явление на берег реки выходила вся деревня.

*Н-Шадрино. Ледоход на Енисее. Алексей и торосы.
2 мая 1952 г. Фото Баева.*

*Н-Шадрино. Ледоход на Енисее. Алексей, Екатерина Владимировна,
Валера Крохалёв, Таня, Анна Ефремовна Алмазова.
2 мая 1952 г. Фото Баева.*

*На Енисее. Татьяна, Алексей, Екатерина Владимировна.
1952 г. Фото Баева.*

Таня на берегу Енисея. Слева – «Завозня» с сеном. Фото Баева. 1953 г.

«Больничные» дети на берегу Енисея: Валера Крохалёв, Миша Орлов, Алёша Баев, Тома Орлова, Таня Баева. На заднем плане Большой касовский остров. Фото Баева. 1953 г.

Миша Орлов всю жизнь проработал сотрудником и начальником на различных метеостанциях в Красноярском крае. Жена его трагически погибла от удара током. Миша так любил свою жену, что больше не женился. Их двоих детей – Олю и Алёшу, взяла на воспитание сестра Миши – Тамара, у которой своих детей не было. Выйдя на пенсию, Миша вернулся в Нижне-Шадрино, где и умер от инфаркта, поднимаясь по крутому косогору от Енисея к деревне.

Михаил Петрович Орлов и его дети – Оля и Алёша.

Тамара Петровна Орлова со своей сводной сестрой – Верой Павловной Крохалёвой.

За водой для больницы. Слияние Енисея и Суковатки. Павел Кузмич Крохалёв (какое-то время был завхозом больницы) и «Верба». 1951 г. Фото Баева.

Кузьмич на фронте получил тяжёлое ранение в голову. Довольно большая дырка в черепе была затянута только пульсирующей кожей. Это не мешало Кузьмичу пользоваться всеми радостями жизни, в том числе и алкоголем. Он женился на Александре Борисовне Орловой, усыновив её детей – Мишу и Тамару. В конечном счёте, он стал отцом двух своих детей – Валеры и Веры и дожил до глубокой старости.

После реабилитации все поселились в Красноярске. Со временем, члены этой большой семьи разбрелись по всему свету – от Хакассии до Соединённых Штатов Америки.

Прогулка в окрестностях Н-Шадрино. 1952 г. Фото Баева.

Прогулка по зимней тайге. Таня, Алёша, Екатерина Владимировна, Анна Ефремовна Алмазова. 1952 г. Фото Баева.

Таня и Алёша. 1952 г. Фото Баева.

Алексей и Таня. Лыжная прогулка по огороду. 1952 г. Фото Баева.

Поездка за дровами для больницы. Берег реки Кас. Март 1953 г. Фото Баева.

* * *

Нижнее Шадрино и окрестности в начале 21-го века. Тотальная нищета и запустение. Нет больше ни больницы, ни почты, ни клуба, ни колхоза. Тайга поглотила даже сельское кладбище, разрушив могилы. Словом, от прежней жизни, какая бы она ни была, не осталось ни-че-го!!! Деревню заселили вышедшие из тайги кержаки, которые с трудом выживают за счёт своих огородов, охоты и скудной рыбалки на Енисее.

Единственная улица деревни. Фото В. Черникова. 2006 г.

р. Суковатка. Пастбище. р. Енисей.

* * *

Река Кас – главная достопримечательность окрестностей Нижне-Шадрина. Эта река являлась составной частью древнего водного торгового пути (более 400 километров) из Оби на Енисей. Так называемый, Кеть-Касовский волок с Оби на Енисей был известен местным племенам ещё за 3000 лет до н. э. В более поздние времена о нём знали скифы, что подтверждается археологическими раскопками.

Активная экспансия русских в эти места началась в 17-ом веке, когда воевода Молчанов со стрельцами и казаками впервые прошёл из Оби по Кети, Водораздельному (Большому) озеру, Малому и Большому Касу в Енисей в 1606 году. На следующий год он двинулся вверх по Енисею и дошёл до места, где в 1628 г. был основан Красноярск.

*Плоты в устье р. Кас. Им предстоит долгий путь вниз по Енисею, до Игарки.
1950 г. Фото Баева.*

Этот поход стал возможен благодаря тому, что на водоразделе между Енисеем и Обью, с запада на восток, расположено уникальное озеро, являющееся неотъемлемой частью бескрайних сибирских болот, которые питают его водой. Озеро называется – Большое или Водораздельное. Его длина 5 км., ширина 700 м., глубина 1,5 м. Из западной оконечности озера, вытекает река Язевая, по которой через реку Ломоватую, Озёрную и Кеть можно выйти на Обь. Из восточной оконечности озера вытекает р. Малый Кас. Через 95 км. Малый Кас впадает в Большой Кас, который через 213 км. впадает в Енисей у д. Нижне-Шадрино.

В 19-ом веке, для улучшения судоходства, из озера в верховье Малого Каса (по причине его маловодности), в сторону Енисея, был прорыт 8-ми километровый Обь-Енисейский или Кеть-Касский канал. Местные называют канал – «копь». От слова – копать. Канал с двух сторон ограничен шлюзами – Марьиным (Марьяна грива) и Касовским (Казанцевским).

Строительству предшествовали изыскательские работы, которые были проведены, ещё при Александре II, на средства купца Фунтусова (в 1875 г.) и Александра Сибирякова (в 1878 г.) капитан-лейтенантом Сидснером и бароном Аминовым.

Канал начали строить в 1882 г., уже при императоре Александре III. Строили канал и шлюзы местные вольные жители: русские, кеты, селькупы, ханты, эвенки. Руководил строительством начальник Томского округа водных путей сообщений – барон Бьёрк Александрович Аминов, который, как и современные чиновники, не гнушался коррупционных схем, которые естественно преумножали его личное благосостояние.

Число строителей доходило до 2000 человек.

Водораздельное озеро 2006 г. Фото В. Черникова.

Начало реки Малый Кас. 2006 г. Фото В. Черникова.

р. Малый Кас. 2006 г. Фото В. Черникова.

Место слияния Малого и Большого Каса. 2006 г. Фото В. Черникова.

Этой стройкой власти намеревались соединить Западную Сибирь (бассейны Оби и Енисея), через Ангару, Байкал и Селенгу с Китаем. Транссибирской железной дороги тогда не существовало.

Протяжённость всей шлюзовой системы составила 160 км. Вдоль неё была проложена по тайге гужевая дорога из брёвен лиственницы, сохранившаяся до сих пор.

«Баронская» дорога из лиственницы. 2006 г. Фото В. Черникова.

На этом водном пути, собирались построить 29 шлюзов, но построили только 14. На Малом Касе их было пять: Мокряки, Налимный, Безымянный, Георгиевский, Александровский.

Нехватка финансовых средств, постройка Транссиба, русско-японская война, Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции 1917 г., не позволили полностью завершить проект. Тем не менее, в 1892 г. усовершенствованный водный путь был открыт для судоходства. По системе теперь могли плавать суда водоизмещением до 80 тонн, длиной 22 метра, шириной 7,5 м и осадкой 1,25 м.

Строительство шлюза. 1899 г.

Готовый шлюз. 1892 г.

Кеть-Касский канал (копё) в 1893 г. и в наши дни.

В настоящее время Александровский шлюз практически полностью разрушен. Георгиевский шлюз сохранился значительно лучше. По нему можно судить о характере постройки. Брёвна лиственницы, из которых он сделан, подогнаны друг к другу очень тщательно, в шип без гвоздей, все одного диаметра (калиброваны через кольцо). В воде лиственница не гниёт, а только становится крепче. На сваях из сибирской лиственницы не одно столетие стоит Петербург и Венеция. Ворота шлюза армированы 4-х метровыми болтами с квадратными гайками. Дно шлюза было выстлано тремя слоями толстых лиственничных досок с прослойкой из кирпича.

Остатки Александровского и Георгиевского шлюзов. 2006 г. Фото В. Черникова.

В 1918 г. отряд белогвардейцев в пятьсот штыков, под командованием ротмистра Алиферова (по другим данным – полковника) попытался на речных судах выйти в Енисей с Оби, но шлюзы оказались узки. Тогда алиферовцы принялись разрушать шлюзы. Это не понравилось местным жителям – кержакам и все белогвардейцы были перебиты.

Работала эта водная артерия между бассейнами Оби и Енисея, с конца 19-го, до середины 20-го века. В 1942 г. её использовали в последний раз, когда из Енисея на Обь провели три колёсных парохода и катер.

Навигация, из-за сурового климата, длилась не более 3,5 месяцев в году. За прошедшие годы инженерные сооружения практически полностью разрушились, уровень озера понизился, и оно так сильно заилилось, что стало труднопроходимо даже для моторных лодок.

Советские власти вновь вспомнили о Кеть-Касской водной системе в 1984 г., в связи с проектом поворота сибирских рек на юг, в Среднюю Азию, для орошения сельскохозяйственных земель и обводнения Аральского моря. Предполагалось перекачивать воду из Енисея в Обь. «Перестройка» и развал СССР похоронили этот бредовый проект, но кто знает, что будет в дальнейшем. Ведь основательно разрушенная и заброшенная система всё же существует, а пресная, чистая вода неуклонно превращается в стратегически важный ресурс.

* * *

Как уже было сказано, во время ссылки Баев работает врачом и одновременно заведующим Нижне-Шадринской больницей. Он был обязан, раз в две недели, отмечать своё удостоверение ссыльнопоселенца в сельсовете. Без такой отметки, удостоверение становилось недействительным, со всеми вытекающими из этого последствиями. Кроме того, в Ярцевской Спецкомендатуре МГБ, Баев дает расписку в том, что он предупрежден о том, что в случае побега из ссылки ему грозит 20 лет каторжных работ, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. Расписка была дана Баевым только 18 февраля 1952 г.

Врачебный участок Баева, 15 на 50 километров (750 кв. км.), включал, кроме Шадрино, ещё пять деревушек: Тамарово, Назимово, Фомка, Шерчанка, Пит (Новый городок) и многочисленные безимянные, им присваивались только номера, лесозаготовительные пункты («плотбища») вдоль р. Кас, разбросанные друг от друга по тайге на десятки километров и административно принадлежавшие Туруханскому леспромхозу.

Как возникали эти населённые пункты. Часть из них, вроде Шерчанки или Пита, были основаны староверами. Шадрино – челдонами. Тамарово – «кулаками» Денисенко. В 1931 году семью Иосифа и Ефимии Денисенко из восьми человек, в которой шестеро были дети (три мальчика и три девочки в возрасте от 15-ти до 2-х лет), после «раскулачивания», просто высадили в тайгу на берегу Енисея в 15-ти километрах от Н-Шадрино. Одна из девочек – Катя Денисенко работала почтальоном в Н-Шадрино. Позднее, выучившись на шофёра, она уехала по найму в Но-

рильск. Шадринской почтой заведовала – Мария Яковлевна Клепачёва. Она заменила на этом посту мужа – Александра Васильевича, который ушёл добровольцем на фронт и погиб в Сталинградской битве. Он был в Шадрино героем реальным, а не литературным. Их сын – Николай, известный в Красноярске правозащитник.

С. С. С. Р.
Министерство
Внутренних дел
Управление МВБ
по Красноярскому краю
22/VIII 1949 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ
(взамен паспорта)

Дано ссыльному Боев
фамилия
Александр Александрович 1903 г.р.
имя и отчество

в том, что он ограничен в правах передвижения пределами
ми Ерчевского района Красноярского
края Боев А. А.
фамилия

состоит под явным надзором в Ерчевском
РОМ 25 с. Н-шадрино ~~РОМВД НК~~ и обязан
являться на регистрацию каждого 1-15 числа в
Н-шадринский с/совет, при отсутствии
метки о своевременной явке на регистрацию, удостове-
рение ~~недействительно~~.

Начальник Ерчевского РОМВД НК
(Клепачёв)

Ром 25 ст. Л-нт
Боев Александр Александрович 1903 г.р.
завершил регистрацию РОМ 25-Или

МВБ СССР по Красноярскому краю
Аппарат управления
Шадринский район
Шадринский с/совет

Удостоверение ссыльнопоселенца образца 1949 г.

«Плотбища», если можно так сказать, были основаны заключёнными. Это остатки «СИБЛОНа» – Сибирских лагерей особого назначения, заключённые которых должны были, кроме заготовки древесины, строить железную дорогу от Красноярска до устья Енисея. Проект этот оказался настолько трудоёмким и сложным технически, что от него отказались.

Зима 1949–1950 гг. была особенно суровая. Не успела ещё семья, как следует освоиться на новом месте, как Баеву пришла пора отправляться в тайгу с очередным объездом подведомственных ему населённых пунктов. Екатерина Владимировна с детьми осталась одна.

Из воспоминаний Баевой.

«Ударили морозы до -50°C . Пришлось мне впервые в жизни взяться за колун. Огромные кедровые чурбаны я могла расколоть только при таком сильном морозе. Все больные, прижав к стеклам носы, смотрели, как докторша колет дрова! В квартире нашей такой холод, что отойти от плиты нельзя, и ели мы прямо с плиты, одетые в валенки, зимние пальто, шапки и варежки. Были и другие прелести, так как “удобства” во дворе. У Александра Александровича для зимних поездок был олений малахай с капюшоном, и ездил он зимой на санях, летом верхом на лошади. Вернувшись, он прежде всего изобрел замазку из творога и глицерина и замазал все окна, привез с плотбища молодого крепкого украинца в качестве нового завхоза (Иван Сом – А.Б.). С ним он начал увеличивать больницу с 5 коек до 15, иногда там лежало и до 20 больных. В ней были аптека, кабинет для амбулаторного приема (кабинка из занавесок), лабораторный отсек, баня-прачечная, теплый туалет, родильная палата, мужская и две женские палаты. Была еще маленькая палата для инфекционных больных и небольшая кухня для подогрева воды и еды. Основная кухня была в отсеке дома медперсонала. Александр Александрович отремонтировал автоклав, привел в порядок дистиллятор для аптеки и прочих нужд, мобилизовал персонал больницы на капитальное утепление окон и дверей, пошив больничного белья, полотенец, пеленок, косыночек; с помощью райздравики обзавелся необходимыми инструментами; достал кровати, тумбочки, табуретки, на матрацники, посуду и пр. Купил в рассрочку у колхоза сено для матрацев и подушек, в сельпо – одеяла (пока в долг, так как больничные деньги были пропиты предыдущим завхозом). После этого купил в колхозе (опять в долг) корову для больницы и сена. С наступлением лета вместе с новым завхозом переменил венцы у больницы, а то она совсем скособочилась, исправили двери, не-

которые рамы, построили навесы для дров и сена, отремонтировали хлев и пристроили еще маленький. Он работал всю весну, лето и осень 1951 г. и одновременно лечил больных и вел ежедневно амбулаторный приём. В феврале 1951 г. я поступила на работу в больницу медсестрой-лаборанткой. Поздней весной 1951 г. Александр Александрович отправил меня в командировку в Москву для приобретения лабораторного оборудования. У него была тайная надежда, что В.А. Энгельгардт пришлёт что-нибудь для его лабораторных опытов с картофелем. До этого времени он пытался достать хоть что-нибудь в Ярцеве, но ничего там не нашел. Была в Ярцеве какая-то экспериментальная сельскохозяйственная станция, на которой пытались вывести карликовые плодоносящие деревья и кустарники, но попытки были бесплодны. У них было некоторое количество химического оборудования, сваленного в углу и покрытого пылью, но они ему ничего не уступили».

В письме Энгельгардту от 1 декабря 1949 г., Баев уже упоминал об этой Ярцевской зональной станции Института полярного земледелия. А.А. думал, что там можно было бы заняться научной работой, по которой он так тосковал. Хорошо, что из этой затеи ничего не вышло. Вот, что писал об этом заведении Олег Васильевич Волков, который отбывал ссылку в Ярцеве и одно время работал подсобным рабочим на этой станции.

«Припоминаю деятельность Опытного опорного пункта Института полярного земледелия в Ярцеве в начале пятидесятых годов как, своего рода, рекорд очковтирательства. Директор Бастриков хлопотал о фруктовом саде; его супруга, тоже агроном – и даже с учёной степенью! – взяла на себя не менее сенсационное, хотя и столь же бесперспективное здесь, как и плодоводство, дело – выращивание особых сортов гречихи и пшеницы, которые бы “наперекор” стихии созревали за короткий вегетационный период между последними весенними и первыми осенними морозами, выстаивали в знобящие плотные туманы. Если яблони не плодоносили и никак не росли, в лучшем случае давали по горстке дрянных плодов величиной с грецкий орех, к тому же больных, тем ставя Котика, как ласково звали Бастрикова подчинённые и собутыльники, в положение почти безвыходное, когда требовались образцы даров северной Помоны на выставку достижений в Москву, то хозяйке полеводства всё же удавалось выбирать на своих участках сноп – другой достаточно длинных стеблей пшеницы. Они и свидетельствовали на далёких столичных стендах успешное и победоносное продвижение сталинского земледелия за Полярный Круг!

Преступность всей затеи заключалась в том, что эти шарлатанские эксперименты внедрялись в практику на ярцевских полях. И в колхозе не созревала пшеница, гречиха даже не проросла, под снег уходили борозды с карликовыми корнеплодами; на покосах курились зароды сопревшего сена.

Помню корреспонденции, печатавшиеся в те годы в краевых газетах и частенько воспроизводившиеся в центральных. В них на все лады воспевались успехи приполярных хлеборобов. Один такой корреспондент, некто Казимир Лисовский, красноярский борзописец и пиит, расписывал свои впечатления от бастриковских яблоневого садов, «шелестящих листвой на ветру». (В 1944 г. Лисовский «пиитствовал» в Норильске – А.Б.). Они явно не предназначались для жителей Ярцева, хотя – кого в те годы не убеждали в чём угодно газетные безапелляционные строки! Читая оды Лисовского, я имел перед глазами хилых карликовых питомцев Бастрикова, которым не помогали никакие укутывания и удобрения: они редко выживали в грунте – большинство погибало в ближайший год после пересадки из теплицы.

Всё это смахивает на анекдот в стиле Салтыкова-Щедрина, если бы жертвой этих бесчестных очковтирателей не стало обширное село, жители которого расплачивались за эти авантюрные затеи. (*Погружение во тьму*» 1989 г. Стр. 440–441. Изд. «Молодая гвардия»).

Баев на конференции медработников в райцентре Ярцево (третий ряд, третий справа). Справа стоит хирург ярцевской больницы – М.В. Румянцев. 1953 г.

Семья ссыльнопоселенцев – Румянцевых. Мария Станиславовна и Михаил Васильевич. 1951 г. Фото Баева.

Баева связывали с Румянцевым дружеские и профессиональные отношения. Как писал о нём О. Волков, «незабвенный Михаил Васильевич» был хирургом Ярцевской районной больницы. Румянецев был арестован в Ленинграде и попал в Норильский лагерь, а потом и в Ярцево. Женился на ссыльной полячке. После реабилитации Румянцевы вернулись в Ленинград. Когда М.В. не стало, его вдова – Мария Станиславовна уехала на родину, в Польшу. Жила в Варшаве.

** * **

Дело № 7160 бедно материалами достойными упоминания. Кроме разных справок и расписок оно содержит, перехваченное «органами» письмо, которое было написано Екатериной Владимировной мужу в поезде, во время поездки в Москву в мае 1951 года. В письме она пишет о своём разговоре с попутчиками (двумя чинами из МГБ), из которого следует, что скоро предстоят перемены во внутренней политике, благодаря которым, многие заключённые и ссыльные, якобы, будут освобождены. Подобные разговоры, людей явно осведомлённых, объясняются, на мой взгляд, тем обстоятельством, что к 1951 г. здоровье Сталина было уже подорвано несколькими микроинсультами. Первый случился у него ещё осенью 1945 г. Чекисты немного поторопились в своих прогнозах – «скоро» наступило только весной 1953 г.

Кроме письма в деле есть следующие три документа.

14 авг. 1951 г.

Постановление.

Я, комендант Ярцевского РО МГБ мл. лейтенант Бочаров, установил, что ссыльно-поселенец Баев А.А., 1903 г. рождения совершил проступок заключающийся в том, что 29 июля 51 г. не имея разрешения спецкомендатуры командировал в с. Ярцево ссыльно-поселенку Палло, на что не имел право, выдав последней командировочное удостоверение. В июле месяце 1951 г. отправил без уведомления комендатуры ссыльно-поселенку Бондарчук Л. жившую у него в домработницах. На основании изложенного и руководствуясь постановлением СНК СССР за № 35 от 8.01.45 г. Постановил: Ссыльнопоселенца Баева А.А., 1903 года рождения, за совершённый поступок подвергнуть штрафу в административном порядке на сумму 100 рублей. Внести деньги в десятидневный срок.

Штраф был заплачен 21 янв. 1952 г.

**Коменданту спецкомендатуры Бочарову Н.И.
от зав. Нижне-Шадринской больницы Баева А.А.**

Объяснительная записка.

По поводу командировки в с. Ярцево медсестры Палло Л.К., имею сообщить следующее. Вследствие срочной необходимости в медикаментах (вата, пеницилин, сульфонамиды и пр.) я её командировал в Ярцево за получением медикаментов. Она выехала поздним вечером 29 июля в Ярцево (на пароход ей удалось сесть утром 30 июля) и 31 июля выбыла из Ярцева на катере обратно. На Фомке она вынуждена была просидеть двое суток за отсутствием транспорта и прибыла в Н-Шадрино 3 августа 51 г. За отсутствием коменданта в Н-Шадрино я не мог получить разрешение на её выезд в Ярцево, но обязал Палло явиться для отметки в РО МГБ, что она и сделала. В настоящее время Палло находится на месте, в Н-Шадрино.

7 авг. 51 г. А. Баев.

**Коменданту спецкомендатуры Бочарову Н.И.
от зав. Н-Шадринской больницы Баева А.А.**

Объяснительная записка.

Вами потребованы от меня объяснения по поводу, якобы находящейся в побеге, Бондарчук Л. Я могу сообщить о ней только следующее. Она работала в моей семье домработницей с декабря 1950 года по 2 июля 1951 года, когда она по собственному желанию уволилась и выбыла, поскольку мы знаем, на Фомку. 4 августа она приходила на рейд реки Кас и через рабочих, приехавших в Н-Шадрино за хлебом, просила переслать ей оставшуюся у нас и принадлежащую ей кофту. Из этого можно заключить, что она где-то на Фомке. Там она, по слухам, работает так же в домработницах.

7.08.51 г. А. Баев.

РЕАБИЛИТАЦИЯ

5 марта 1953 года, после очередного обширного инсульта, умирает И.В. Сталин. В это время в лагерях и тюрьмах томилось 2.526.402 заключённых всех категорий («урки», «бытовики» и «политические»). Из них, особо опасными, считались 221.435 человек. В ссылке находились многие сотни тысяч.

Среди заключённых и ссыльных, реакция на смерть Сталина была разной. Кто-то искренне скорбел, у кого-то его смерть породила надежду на перемены в судьбе и даже радость. Я помню слёзы Анны Ефремовны Алмазовой и Добы Моисеевны Гринберг, но не берусь судить – оплакивали ли они, в те мартовские дни, вождя или свои исковерканные судьбы. Как бы то ни было, у моих родителей и других обитателей Н-Шадрино затеплилась надежда на освобождение и на то, что со смертью Сталина безвозвратно уходит в прошлое самый мрачный, жестокий и кровавый период отечественной истории.

Политзек Борис Владимирович Витман (1920–2012) так описывал то, что происходило в Норильлаге в начале марта 1953 г. («Шпион, которому изменила Родина». Казань. Издательство «Элко-С». 1993 г.).

«Странным предвидением (или предчувствием?) начался для меня этот год – в жизни вождя всех народов, Слава Богу, последний! Я увидел во сне его – Сталина. Совсем не того, что проникновенно-заботливо смотрел со всех подретушированных портретов, с сильно увеличенным лбом, облагороженным овалом лица и притом не рябого. Увидел я отлитую из золота статую. В величественном безмолвии, ибо всему, связанному с его именем, наверное, даже во сне, положено было быть величественным. Монумент неожиданно качнулся и рухнул, превратился в огромную кучу мусора. Я человек не суеверный. Но, зная последующие события, как тут не поверить в вещие сны? Впрочем, этому предвидению тогда я поверил сразу: уже несколько раз сны не обманывали меня.

Прошло совсем немного времени. Вот-вот должна была наступить весна, а ее приход в норильском лагере ждали особо нетерпеливо. И тут, как-то совсем неожиданно, замолкли сразу все громкоговорители зоны. Вообще они работали постоянно и безотказно, за что и были прозваны экаками «наждаком». Раздражал «наждак» не меньше яркого света голой электролампы в камере. Как пытка.

И вот воцарилась тишина. Поначалу пугающая, но тут же рождающая непонятные предчувствия. Впрочем, молчание громкоговорителей было не таким уж долгим... Зазвучала траурная музыка: Чайковский, Бетховен, Вагнер, Скрябин... – Тянули время... Создавали настроение... Усилиями титанов пытались подготовить оплакивание грандиозного трупа. Одна мелодия сменяла другую, но, как ни странно, чем торжественнее и печальнее становилась музыка, тем легче и радостнее становилось на душе. Чувствовалось, что назревает, надвигается что-то значительное. Тут же стала возникать невероятная по своим масштабам догадка... Но едва ли хоть кто-нибудь тогда смог решиться произнести ее вслух или даже до конца признаться самому себе... Это было бы слишком!

Наконец первое сообщение, произнесенное скорбным дикторским басом, с мировым надрывом – о тяжелой болезни любимого вождя. Был вечер. Люди повскакивали с нар, выходили из бараков, как сомнамбулы, не зная, в какую сторону податься.

У одних на лицах предчувствие невиданной радости, у других – панический страх. Третьих не было. В эту ночь мало кто спал. Ждали очередного сообщения. А я только одного и ждал – прихода из шахты Василия Крамаренко. Когда он вошел, я по глазам понял, что и он уже знает все. Мы крепко обнялись и долго молчали. Никогда еще в моей жизни не было случая, чтобы я радовался чужой болезни, тем более смерти. Даже трупы гитлеровцев на фронте вызывали у меня скорее жалость, чем злорадовство. Хотя оснований ненавидеть их у меня было не меньше, чем у других.

Здесь, за колючей проволокой, с нетерпением ожидая сообщения о смерти Сталина, радовались, казалось, все, по крайней мере, многие. Одни выражали свои чувства открыто, другие их сдерживали. Боялись, а вдруг ошибка, и тогда шкуру ведь снимут с живого. А то и еще хуже.

Василий и я сразу отправились к нашему хорошему приятелю – заведующему лагерной баней. Там наспех заперлись в моечном помещении втроем, и, как ошалелые мальчишки, принялись скакать, барабанить по шайкам, распевать песни, притом каждый свою и кое-что все вместе. Если кто-нибудь мог бы видеть нас со стороны! Жуууть! Да простит Господь, мы ликовали и радовались смерти человека. Нет! Не человека – страшного, кровавого чудища. Уже тогда мы знали: в его черный смертный список были занесены представители всех сословий и всех национальностей этой странной и страшной страны. И множество людей за ее пределами.

У него были длинные руки. А туда, куда он не дотягивался, добирались его подручные. Он не щадил ни стариков, ни детей, ни соратников, ни друзей молодости, ни близких родственников, ни своего собственного сына. Он присваивал чужие революционные, военные и даже научные заслуги и идеи, а потом уничтожал их авторов. Это он погубил сельское хозяйство страны, отбил у людей охоту к труду, любовь к земле. По его указанию были обезглавлены вооруженные силы страны, уничтожен почти весь высший и средний командный состав Красной Армии. Истреблены или репрессированы наиболее талантливые представители науки, культуры, техники. Он растлил сознание целого поколения, насаждая ложь, раболепие. Он превратил для многих родину-мать в мачеху-предательницу. Он стал фактическим виновником нашей неподготовленности к войне, а может быть, и виновником самого ее возникновения...

Об этом или, примерно, об этом мы говорили и думали той ночью. Да, мы ждали сообщения, о его смерти? И я не верю тем, кто заявляет, что не знал, не видел, не думал тогда обо всем этом, если, конечно, человек не затыкал себе уши, не закрывал глаза... Или это так кажется мне сейчас, по прошествии стольких лет? А тогда все было по-другому?. Не знаю... Еще не было двадцатого съезда, не было свидетельств Александра Солженицына, Василия Гросмана, Юрия Домбровского и многих других.

Но ведь были глаза, и были уши. Был здравый смысл. Были, наконец, Норильские лагеря, равно как десятки и сотни других лагерей! Едва ли в ту пору кто-либо мог представить себе масштабы сталинских преступлений, но не видеть их совсем?. Не верю. Надо было очень хотеть не видеть, не слышать, не знать. Таких и сегодня тьма-тьмущая. Да, огромное количество свидетелей было уничтожено, но уцелевшие сотни, тысячи находились здесь, рядом со мной. Общаясь с ними, я получал бесконечные подтверждения бесчисленных преступлений, творимых Сталиным и его холуями. Видно, большому количеству подлецов все это было нужно и очень выгодно. Не иначе.

Вся огромная масса свидетелей томила тяжелым ожиданием. И, наконец, свершилось! Диктор Левитан надрывно зачитывал сообщение правительственной комиссии. Умер! Умер! Он умер... Ухнуло в тартарары исчадье ада и сам сатана.

Лагерь ликовал. Никто не пошел на работу в шахты. Все лагерное начальство, надзиратели и охрана сначала попритихли, а потом вышли из зоны, от греха подальше. Внутри за колючей проволокой оставались только зэки».

Далее следует описание жестокой расправы, которую учинили «политические» над наиболее ненавистными «урками», которое я здесь приводить не буду.

* * *

Л.П. Берия – один из самых омерзительных сталинских приспешников, быстро сориентировался в складывающейся в стране обстановке и предложил провести в ГУЛАГе целый ряд реформ.

«Первый блин» у него получился комом. Речь идёт о знаменитой амнистии 1953 г. 23 марта 1953 г. было амнистировано, по разным данным, от 800.000 до 1.200.000 человек. Эта амнистия практически не коснулась политических, а только «социально близких», что вызвало, «холодным летом 53-го года», рост уголовных преступлений в стране и разочарование в обществе.

4 апреля 1953 г. Берия издаёт приказ «О запрещении применения к арестованным, каких-либо мер принуждения и физического воздействия».

Он же предложил ликвидировать экономическую систему ГУЛАГА, передав в ведение соответствующих министерств: строительные, гидротехнические, рудные, лесные и прочие подразделения МВД.

К первому января 1954 г. число заключённых в стране сократилось на 53,6 %, т. к. началось освобождение невинно репрессированных людей и по политическим статьям.

* * *

18 декабря 1953 года В.А. Энгельгардт пишет ходатайство об освобождении Баева на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова, а в марте 1954 г. Главному Военному Прокурору СССР.

Председателю Президиума Верховного Совета СССР,
товарищу К.Е. Ворошилову

Глубокоуважаемый Климент Ефремович,

Я обращаюсь к Вам с большой, настоятельной просьбой. Речь идет о предоставлении возможности вновь вернуться к научной работе моему ученику и сотруднику, А.А. Баеву.

Александр Александрович Баев начал свою научную работу в качестве научного сотрудника по кафедре биохимии в бытность мою профессором Казанского мединститута в 1930–1933 г. Уже с первых шагов

А.А. Баев проявил себя как исключительно одарённый молодой исследователь. Поэтому при переходе моём в 1935 г. в Институт биохимии им. А.Н. Баха Академии наук СССР я пригласил А.А. Баева войти в состав создававшейся мною лаборатории. Здесь А.А. Баев работал до 1937 г. Уже в первый год своей работы в институте он выполнил исследование представляющее настолько значительный интерес, что оно докладывалось им на 15-ом Международном физиологическом конгрессе в Ленинграде летом 1935 г. За время работы в Институте биохимии А.А. Баев выполнял обязанности учёного секретаря института, снискал всеобщие симпатии коллектива как человек редких духовных качеств. Им были опубликованы две научные работы, материал которых составил основу подготовлявшейся им кандидатской диссертации. Однако, последняя в то время не могла быть защищена.

В 1937 г. А.А. Баев был арестован и репрессирован. В годы войны он работал врачом Норильского комбината, был досрочно освобождён. Его отличная работа отмечена награждением его медалью.

Ещё во время своей службы в Норильске А.А. Баев закончил оформление своей кандидатской диссертации. Я представил эту работу к защите, и она была весьма успешно защищена А.А. Баевым в Физиологическом институте им. И.П. Павлова Академии наук СССР в Ленинграде. А.А. Баеву была присвоена учёная степень кандидата биологических наук.

По моей рекомендации А.А. Баев в 1947 г. был приглашён на работу в качестве заведующего лабораторией в филиал Академии наук СССР в Коми ССР, в г. Сыктывкаре. И здесь А.А. Баев проявил себя наилучшим образом, в короткий срок организовал лабораторию, начал представляющие интерес научные исследования, вёл работу с молодыми местными кадрами. Руководство филиала очень ценило работу А.А. Баева.

Однако в начале 1949 г. А.А. Баев без каких-либо причин был вновь арестован и направлен на проживание в Красноярский край, где он по настоящее время работает в качестве главного врача больницы в небольшом селе Нижнее-Шадрино, Ярцевского района, Красноярского края. За отличную постановку дела больнице присуждалось переходящее знамя. Я с полной убеждённостью могу сказать, что А.А. Баев является самым способным и одарённым из всех моих учеников, прошедших через мои руки на протяжении моей более чем 25-летней научной работы. Он был и остаётся для меня поистине духовным сыном по научной деятельности. Ясный, критический ум, совершенно необычайная работоспособность, большие познания сочетаются у А.А. Баева с высокими моральными дос-

тоинствами. Это человек большой скромности, глубокой порядочности, честности, требовательности к себе как в научном отношении, так и в жизни. Я не позволил бы себе обращаться с этим ходатайством, если бы у меня были хотя бы малейшие подозрения в том, что за ним могла бы числиться какая-либо действительная вина. Для меня нет ни малейшего сомнения в том, что его осуждение является прискорбной ошибкой, приписанная ему вина – чисто вымышленная.

Я и ранее, в 1947 г., обращался с ходатайством о пересмотре дела А.А. Баева, о снятии с него судимости. Тем не менее я сохраняю надежду, что А.А. Баев сможет вернуться в число моих сотрудников, или, если бы это оказалось невозможным, что он сможет хотя бы в какой-либо форме, пусть не под моим прямым руководством, вновь вернуться к той научной деятельности, к которой у него призвание и способности. Я убежден, что лишение его этой возможности – это не только не заслуженная им несправедливость, но одновременно и ущерб для нашей науки, кадры которой не так многочисленны и для которой одаренные, творческие исследователи очень нужны.

Всё это и побуждает меня обратиться к Вам, глубокоуважаемый Климент Ефремович, с настоящим ходатайством. Оно делается мною по моему почину, без ведома А.А. Баева. Я очень надеюсь, что Вы уделите этому вопросу внимание. Если это будет нужно, я буду рад дать какие только потребуются дополнительные сведения.

Академик В.А. Энгельгардт. 18.XII.1953 г.

Главному Военному Прокурору СССР

от Академика В.А. Энгельгардта, лауреата Сталинской премии

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я обращаюсь к Вам с просьбой принять меня, чтобы я мог лично ознакомить Вас с материалами, могущими, как мне кажется, иметь существенное значение при пересмотре дела моего ученика и многолетнего сотрудника Александра Александровича Баева.

А.А. Баев прошел у меня аспирантуру в бытность мою в Казани, затем работал в руководимой мною лаборатории Института биохимии Академии наук СССР с 1935 по 1937 гг. В 1937 г. он был арестован, работал в годы войны врачом Норильского комбината, был досрочно освобожден. В 1946 г. Баев защитил в Физиологическом институте им. Павлова диссертацию на степень кандидата биологических наук.

По моей рекомендации А.А. Баев в 1947 г. был приглашен на работу в качестве заведующего лабораторией в филиал Академии наук СССР в Коми АССР в г. Сыктывкаре, где развернул очень большую и успешную работу.

Однако в начале 1949 г. А.А. Баев был вновь арестован и направлен на проживание в Красноярский край, где он в настоящее время работает в качестве главного врача больницы в небольшом селе Нижне-Шадрино, Ярцевского района, Красноярского края.

А.А. Баев является прекрасно подготовленным, обладающим незаурядными исследовательскими способностями ученым-биохимиком. Лишение его возможности использовать свои знания и способности на поприще научной работы – это, не только не заслуженная им несправедливость, но, что более важно, одновременно и ущерб для нашей науки, кадры которой не так многочисленны и для которой одаренные творческие исследователи очень нужны.

Моим давнишним желанием было, чтобы А.А. Баев вновь мог вести научную работу под моим руководством или в контакте со мною.

Из письма А.А. Баева к его родственникам мне стало известно, что его жалоба, адресованная в Президиум Верховного Совета СССР, передана на разрешение и Главную Военную прокуратуру. Полагая, что сведения, которые я мог бы сообщить о А.А. Баеве, могут иметь значение при решении вопроса о реабилитации его и возвращения ему возможности продолжать научную работу, я и прошу Вас вызвать меня для ознакомления Вас с этим делом.

Москва, «?» марта 1954 г.

Академик В.А. Энгельгардт.

5.01.1954 г., после долгих колебаний, А.А. Баев, так же подаёт заявление о реабилитации в Президиум Верховного Совета СССР.

В Президиум Верховного Совета СССР

От Баева Александра Александровича, врача, проживающего
в селе Нижне-Шадрино Ярцевского района Красноярского края

ЗАЯВЛЕНИЕ

19 сентября 1937 г. Военной Коллегией Верховного суда СССР я был осужден по ст. 17–58–8, 58–11 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы за участие в контрреволюционной подпольной террористической организации правых.

Сейчас едва ли есть надобность касаться деталей этого трагического события в моей жизни, т. к. все они в конечном счете сводятся к одному — я не состоял ни в каких подпольных организациях, я никогда не принимал участия в антипартийных движениях ни словом, ни делом, я не был даже достаточно ориентирован в партийных разногласиях прошлого и не имел никаких оснований сочувствовать каким-либо антипартийным группировкам.

Одностороннее и жестокое следствие преследовало только одну цель — всеми средствами добиться от меня признания принадлежности к контрреволюционной организации, но этого ему не удалось — я не признал себя виновным ни в процессе следствия, ни суда. Это поведение было продиктовано отнюдь не стремлением к сокрытию действительных фактов, но тем простым обстоятельством, что в условиях 1937 г. мне нечего было терять, кроме, скажем, жизни, но и при этом последнем исходе совесть моя оставалась бы чистой — я не наклеветал на себя и на других, что было бы неизбежным в случае признания своих вымышленных следствием преступлений.

Единственная истинная причина заключалась в том, что я, к несчастью, был знаком с предосудительным лицом (В.Н. Слепков), с коим меня столкнули мои увлечения диалектическим материализмом, но и только.

В деле моем (я могу об этом лишь догадываться, т. к. никогда его не читал и не держал в руках) не содержится никаких конкретных фактов, кроме утверждения о моей принадлежности к подпольной организации, исходящего от лиц, на долю которых выпала печальная роль клеветников. Вот все, что я мог бы сказать о событиях 1937 г.

В 1944 г. я был досрочно освобожден: до 1947 г. работал врачом в Норильском комбинате МВД, после того — зав. биохимической лабораторией Базы АН СССР в Коми АССР.

В 1949 г. я был снова арестован; надо мной было проделано нечто вроде нового следствия по старому делу, но уже без применения каких-либо принуждений, в результате чего последовало постановление Особого совещания МГБ СССР, и я оказался в ссылке в Красноярском крае, где работаю врачом по настоящий день.

Работа моя по Норильскому комбинату отмечена поощрениями и наградами (в частности, медалью, «За доблестный труд в Отечественную войну»), так же, как и по Ярцевскому району, где я ежегодно получал благодарности, а в 1953 г. получил переходящее красное знамя лучшего медицинского учреждения района.

Как вытекает из всего изложенного, я считаю себя не виновным в инкриминированных мне преступлениях и примененные ко мне репрессии несправедливыми. Фактическая моя деятельность до и после заключения была честным трудом, которого мне нечего стыдиться.

Это дает мне моральное право просить Президиум Верховного совета СССР:

Либо дать указание органам надзора ознакомиться с моим делом и, если будут для того найдены основания, пересмотреть его.

Либо, если за давностью времени нет возможности войти в существо дела, применить ко мне частную амнистию, избавить от ссылки и вернуть гражданские права, которых я столь несправедливо лишен.

1954 г. 5/1. Баев.

* * *

После письма Энгельгардта Ворошилову дело Баева уже 19 декабря 1953 г. берут для проверки и возможного пересмотра в Военную Коллегию Верховного Суда. По определению № 4н-09114/54 этим занялась Военная Коллегия Верховного Суда СССР в составе: ВРИО Председателя ВК ВС СССР ген.-майора Суслина, членов Коллегии – полковников Сенина и Сёмика. (Материалы из папки с делом № 684, архивный № 2–2087, центральный архив № 275122).

Те, кто ранее карал, теперь занимаются реабилитацией! Так Суслин часто работал в одной «тройке» с Кандыбиным и Ульрихом. Сенин, в 1954 году, сообщив о посмертной реабилитации «лишённого права переписки и передач» И.Э. Бабеля, его вдове – инженеру-метростроевке Г. Пирожковой, искажил, при этом, дату и причину смерти Бабеля.

Проверка дела Баева длится 9 месяцев! Только 11 сентября 1954 г. помощник Главного военного прокурора, майор юстиции Захаров «рожает» «Заключение» по делу Баева. В тот же день состоялось заседание ВК Верховного Суда СССР под председательством Суслина и членов коллегии Сенина и Сёмика. Военная Коллегия Верховного Суда СССР вынесла «Определение», имеющееся в деле.

Определение ВК ВС СССР.

11 сентября 1954 г. Москва.

Военная Коллегия Верховного суда СССР 11 сентября 1954 года, заслушав доклад тов. Сенина и заключение пом. Главного Военного прокурора, майора юстиции Захарова установила:

Баев А.А. был признан виновным в том, что он являлся участником антисоветской террористической организации правых и присутствовал на нелегальных собраниях этой организации, на которых высказывал враждебное отношение к Советской власти. Предлагается приговор ВК ВС СССР и постановление Особого Совещания в отношении Баева А.А. отменить и дело о нём прекратить по следующим основаниям: на предварительном следствии и в суде Баев А.А. не признал себя виновным. В своих жалобах Баев так же утверждает, что осужден он неосновательно и просит реабилитировать его. Основанием для обвинений Баева А.А. послужили показания арестованных по другим делам Цинципера Л.И., Комарова С.А., Калинина И.И., Кареповой Ю.П. и Медведева Ф.П. Однако проведенной дополнительной проверкой по делу Баева А.А. установлено, что показания этих лиц нельзя признать доказательством вины Баева А.А. в антисоветской деятельности. Из материалов дела на Комарова, Карепову и Цинципера видно, что все они в суде при рассмотрении их дел от своих показаний, даваемых ими на предварительном следствии, отказались. При таком положении их показания на предварительном следствии в отношении Баева А.А. не могут служить доказательством его вины в антисоветской деятельности. Проверкой дел Калинина И.И. и Медведева Ф.П. установлено, что в антисоветскую организацию Баева А.А. завербовал Слепков В.Н. Однако Слепков В.Н. не подтвердил показания Калинина И.И. и Медведева Ф.П.

Таким образом, по делу Баева вскрылись новые, неизвестные суду обстоятельства, свидетельствующие о том, что нет данных для признания Баева А.А. виновным в антисоветской деятельности.

Рассмотрев материалы дела и соглашаясь с доводами, приведенными в заключении Главного военного прокурора, Военная Коллегия ВС СССР

Определила:

Приговор Военной Коллегии от 19 сентября 1937 года и Постановление Особого Совещания от 25 мая 1949 года в отношении Баева А.А. по вновь открывшимся обстоятельствам отменить, дело за отсутствием состава преступления прекратить.

Ходатайство о реабилитации называют – «жалобами». Молодцы! И какие такие новые, неизвестные суду обстоятельства? Что за чушь!

Одним словом, этим «Определением» советская юстиция дала блестящий пример того, как на основании одних и тех же сфабрикованных материалов можно человека посадить, а можно и освободить в зависимости от генеральной линии Партии на данный исторический период.

*И ещё одна юридическая тонкость. Определение – это далеко не одно и то же, что Приговор именем СССР или Постановление ОС при МГБ СССР. В случае чего, легко отыграть и назад в зависимости от политической ситуации в стране и «вновь открывшихся обстоятельств». Эти «обстоятельства» висели «дамокловым мечом» над Баевым всю жизнь, т. к. на обложке его следственного дела № 3314 написано: **«Хранить вечно»!***

ЭПИЛОГ

В середине октября А.А. Баев получает пакет из Главной Военной прокуратуры. В нём два документа.

**Военная Коллегия Верховного суда Союза СССР
18 сентября 1954 г.**

СПРАВКА

Дело по обвинению Баева А.А. пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР 11.09.1954 г.

Приговор Военной Коллегии от 19 сентября 1937 г. и Постановление Особого Совещания от 25 мая 1949 г. в отношении Баева А.А. по вновь открывшимся обстоятельствам отменены и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

**ВРИО Председателя Военной Коллегии
Верховного Суда Союза ССР
генерал-майор Суслин.**

**Главная Военная Прокуратура СССР
9 октября 1954 г.**

**гр. Баеву А.А. Красноярский край, Ярцевский р-н,
село Н.-Шадрино.**

Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР, приговор по Вашему делу и Постановление Особого Совещания при МГБ СССР, по вновь открывшимся обстоятельствам, отменены и дело о Вас, за отсутствием состава преступления, прекращено, от ссылки вы освобождаетесь.

**Воен. прокурор Отдела ГВП,
майор юстиции Колосов.**

Неделя ушла на улаживание дел, связанных с Н-Шадринской больницей и на лихорадочные сборы в дорогу.

Справка

Р. С. Ф. С. Р.
Исполнительный комитет
ЯРЦЕВСКОГО
РАЙОННОГО СОВЕТА
депутатов трудящихся
Районный Отдел
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
25/IX 1954 г.
№
г. Ярославль
Ярославского края

Дана Якушевский райздравотдел
Ярославского края

Баеву Александру Александровичу
в том, что он действительно работал
в системе Якушевского райздравотдела
в качестве врача заведующего сель-
ской участковой больницей с. Н. Шадринско.
с 20 августа 1949 года по 26 октября 1954 года
Справка дана взамен трудовой книжки
Уволен с работы по собственному желанию.
Зав. Райздравотдел. Семенов В.

27 октября 1954 года, перед самым закрытием навигации и ледоставом, когда по Енисею уже шла ледяная «шуга», А.А. Баев вместе с женой и двумя детьми покинул место ссылки. С момента первого ареста прошло: **семнадцать лет, шесть месяцев и один день.**

Полная реабилитация А.А. Баева состоялась спустя три года, в 1957 г., после реабилитации В.Н. Слепкова и всех тех, кто, якобы, был членом, возглавляемой им «террористической организации младобухаринцев».

* * *

На перроне Ярославского вокзала в Москве, Баева с семьёй встречал В.А. Энгельгардт. Баев вспоминал: «Всё то, что сделал Владимир Александрович, не имеет аналогий, по крайней мере, моя память не хранит других примеров подобного рода. Никогда он не объяснял, почему и для чего он потратил столько времени и сил, ради чего пережил, как нетрудно догадаться, много неприятных минут. Он никогда не говорил об этом, хотя я отдаю себе отчёт в том, что в наших отношениях были моменты, когда иной на его месте напомнил бы об этих событиях, даже упрекнул бы».

Чувство глубокой благодарности и любви к Владимиру Александровичу и Милице Николаевне Энгельгардт Баевы пронесли через всю жизнь.

Дорогой Владимир Александрович!

Катенька и я поздравляем Вас с Днём рождения и хотим пожелать здоровья, бодрости и духовных сил. Мы рады видеть, что, преодолевая возраст, болезни и жизненные невзгоды, Вы сохраняете творческий порыв, к которому время прибавило мудрость и зрелость.

Нет никого на свете, кому мы были бы обязаны больше, чем Вам, в самые разные периоды нашей жизни – хорошие и плохие. Оглядываясь на прошлое, мы часто думаем, что всё случившееся с нами граничит с чудом. Но, разобравшись трезво во всей цепи событий, мы не можем не видеть, что слово чудо мало подходит к нашему случаю – оно содержит в себе что-то необъяснимое. Между тем во всех событиях, которые были решающими в нашей судьбе, принимали участие Вы, как добрый гений, по собственному изволению являющийся в нужную минуту.

Вы должны знать, Владимир Александрович, как важно для нас всё, что касается Вас, как рады мы вашим успехам и как мы огорчаемся всякому Вашему неблагополучию.

Мы обнимаем и целуем Вас. Ваши любящие – Екатерина и Александр Баевы.

4 декабря 1970 г.

* * *

Касаясь репрессий в отношении советских учёных, Марк Поповский в книге «Управляемая наука», (Лондон, 1978 г., стр. 29), писал: «Великий террор всей тяжестью своей обрушился на новое поколение, на тех, кто сложился как учёный в советское время. У молодых никакого конфликта с большевиками не было, многие из них вступили в партию, и вообще генерация эта в целом отличалась искренним политическим и научным энтузиазмом. Но жернова государственной мельницы перемололи и их. В тюрьмах, лагерях и “шарашках” побывали тысячи деятелей науки. Многие годы провели в тюрьмах биофизик Чижевский, тангутовед Невский (через пятнадцать лет после смерти в лагере получил Ленинскую премию), эпидемиолог (иммунолог – А.Б.) Здродовский, самолётостроитель Туполев, физик Ландау, ракетостроитель Королёв, биологи Крепс и Баев, медик Парин. Те из них, кто вернулись, создали эпоху в своей области науки. Но сколько же их вернулось?»

Л.Д. Ландау провёл в заключении несколько месяцев, А.Н. Туполев и С.П. Королёв около двух лет, Е.М. Крепс три года, В.В. Парин и П.Ф. Здродовский шесть лет, А.Л. Чижевский восемь лет.

А.А. Баев, вспоминая этот период своей жизни, писал: «Странным образом, у меня не было, и нет обиды за всё, что случилось со мной и стоило семнадцати лет жизни, самой активной и деятельной. Есть только сожаление, что я не смог сделать для науки всё то, что мог бы по своим склонностям».

* * *

По возвращении в Москву, Баеву была выплачена компенсация за годы неволи, в размере двух месячных окладов научного работника, а в трудовой книжке не было ни слова о том, где был и что делал Баев с 1937 г. по 1955 г.

В 51 год ему пришлось заново начинать свой научный путь практически с нуля, с должности младшего научного сотрудника.

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ	
№ записи	Дата			работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число		
1	2	3	4	3	4
				Общий список работ по найму до настоящего времени в Институте Академии Наук СССР составляет 11 лет 2 месяца и 20 дней (однажды 12 месяцев, два месяца 4 20 дней)	
				Институт Биохимии им. В.Н. Баха Акад. Наук СССР.	
1	1935	7	10	Зачислен в инст. Биохимии на должность младшего научного сотрудника.	Приказ по ин-ту № 105 от 10/7 1935г.
2	1954	1	1	Зачислен младшим научным сотрудником.	Приказ № 115 от 28/1 1954

Страница из трудовой книжки А.А. Баева.

Как говорится: «Да был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было!». Максим Горький. «Жизнь Клима Самгина».

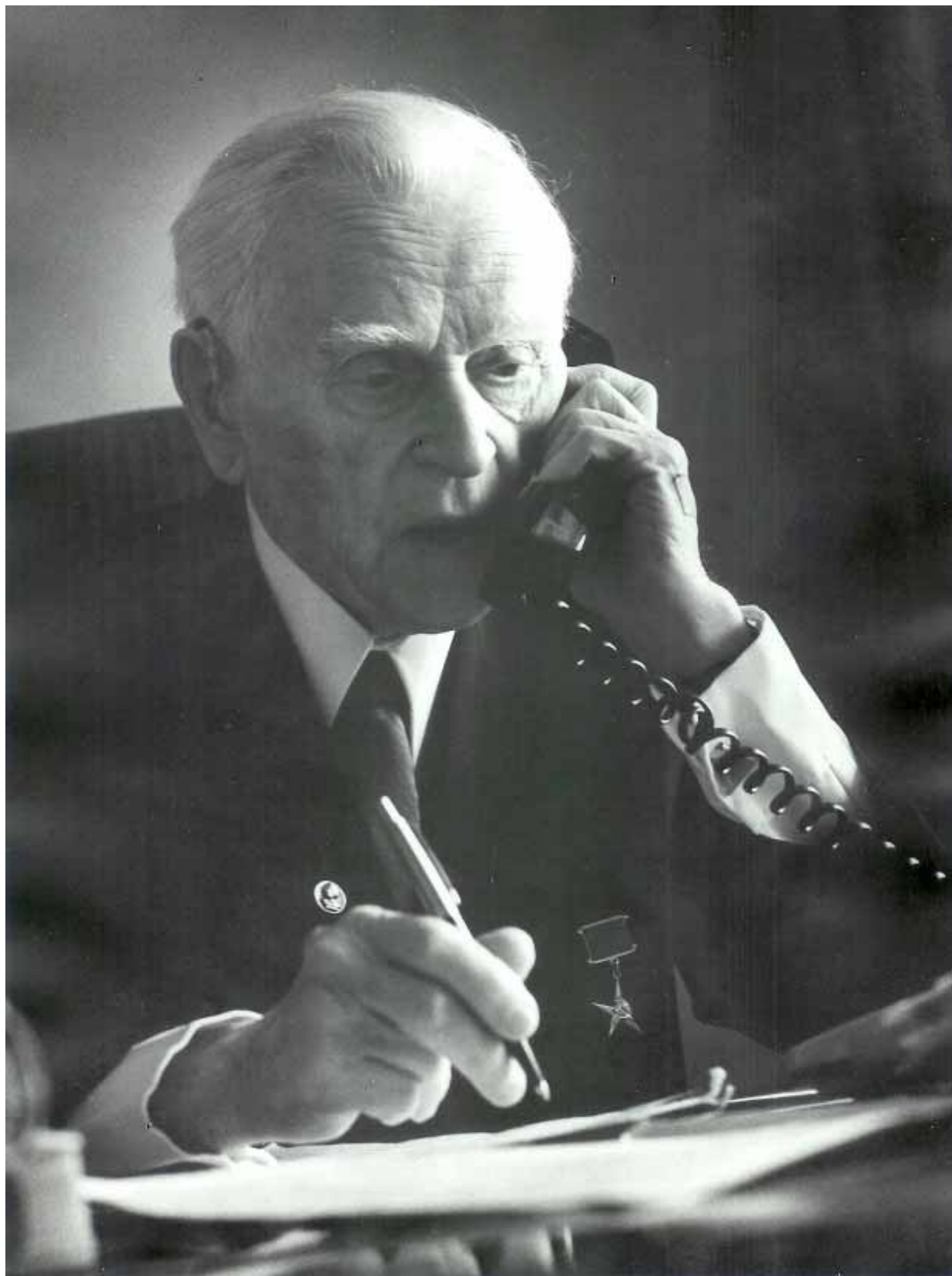
* * *

Сотрудник Института молекулярной биологии АН СССР и художник – Сэм Тулькес вспоминал, как он вместе с А.А. Бaeвым был в Третьяковке на персональной выставке, посвящённой творчеству Левитана. «Посетовав на то, что художник не писал севера, Сан Сан заговорил о красках северного неба, заметив, что это самое сильное впечатление о местах, где ему суждено было провести немало лет. Я знал уже кое-что о его нелёгкой судьбе, но был поражён услышанным. Господи! Сколь же должен быть крепок духом этот человек, чтобы унести с собой на всю жизнь из этого ада лишь красоту неба, безучастного и равнодушного ко всем тяготам его жизни.

В ту пору по утрам по дороге в институт я частенько встречался с Сан Саном в трамвае. Жил он тогда на Ульяновской улице (*ныне Николаямская – А.Б.*) неподалеку от Яузских ворот, а я подсаживался к нему у Вишняковского переулкa и старенький вагон, вздрагивая на стыках и позванивая, неторопливо тащил нас мимо Зацепы и Даниловского вала туда, где под сенью вдохновенного творения архитектора Жолтовского, украшенного внушительной колоннадой, обрел пристанище наш Институт радиационной и физико-химической биологии, ставший впоследствии Институтом молекулярной биологии. Ясными зимними днями поздний восход заливал застывшие, узорные окна вагона апельсиновым светом. «Совсем как в полярный день», заметил улыбнувшись Сан Сан. Тогда я слушал его внимательно, но понять и осознать его чувства мне было суждено много позже, путешествуя в Ледовитом океане и северных морях. Там краски неба и обратили меня к живописи. Сан Сан стал одним из самых первых посетителей моей первой персональной выставки 1977 года. Впоследствии он не пропускал ни одной из ежегодных экспозиций моих работ, которые я разворачивал на наших зимних школах по молекулярной биологии в Дубне и Можинке. Суждения его были лаконичны и точны. Во время недолгих прогулок в трескучие морозы мы любовались густыми красновато-лиловыми тонами неба, застывшими, серебристыми стволами деревьев и остекленевшими ветвями. Расставаясь с Сан Саном, я нередко не мог отрешиться от странного ощущения. Мне все казалось, что он хотел сказать или спросить что-то еще, но не хотел или не мог себе этого позволить. Под конец разговора он как-то уходил в себя или принимал страшно озабоченный вид. Мне казалось, что он сознательно избегал неразделенности своих впечатлений и ощущений. Неразделенности, с которой неизбежно приходит чувство одино-

чества. Это сродни тому, что постоянно мучит художника – неразделенность до конца ни с кем – воплощенного замысла.

И в последнюю его осень – долгую, тихую, теплую, неторопливо прохаживаясь по пестрому лиственному ковру, мы говорили об осенних красках».

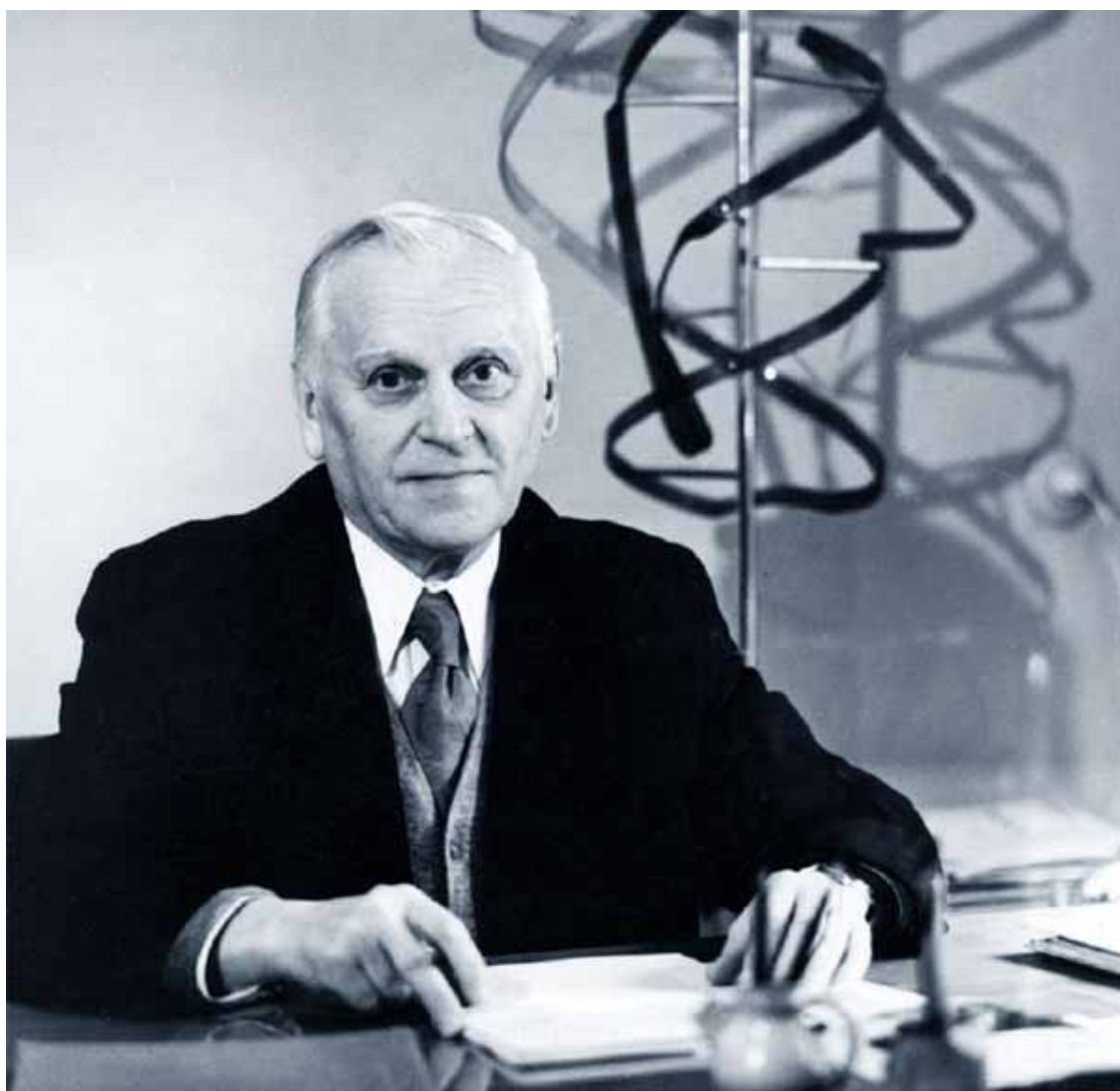
А.А. Баев накануне девяностолетия. Декабрь 1993 г. Впереди ещё год жизни, последний 1994 год... Фото Новикова.

* * *

Александр Александрович Баев был автором и соавтором 763 (по другим данным 879 или 887) научных работ, статей, брошюр и книг. Ему с коллегами принадлежат 58 авторских свидетельств и 17 патентов.

А.А. Баев – один из основоположников отечественных исследований в области молекулярной биологии по таким направлениям, как: структура нуклеиновых кислот, генетическая инженерия, генно-инженерная биотехнология, геном человека. Он внёс свой вклад и в укрепление обороноспособности страны.

Среди его учеников десятки кандидатов и докторов наук, профессоров и академиков. Все они, от рядовых сотрудников до руководителей лабораторий, отделов, университетских кафедр, институтов, научных центров и министерств когда-то начинали свой научный путь в лабораториях А.А. Баева.

*А.А. Баев и трёхмерная модель валиновой тРНК. 1973 г.
Фото О. Кузмина. ТАСС.*

На склоне лет, вернувшись в науку, А.А. Баев быстро завоевывает авторитет не только в СССР, но и за рубежом.

В конце 1967 г. венгерский писатель Йозеф Лендел в своём дневнике оставил такую запись о Баеве.

«16 декабря 1967 г. Баев.

Значит, жив и работает Александр Александрович Баев, который у меня под своим собственным именем описан в «Незабудках» («Жёлтые маки» – А.Б.). Он сделал заявление ТАСС об экспериментах американских биохимиков. Так я узнал, что в этом году Баев открыл структуру одной из нуклеиновых кислот и, что до сих пор в мире была известна структура только четырёх нуклеиновых кислот. (Речь идёт о транспортных рибонуклеиновых кислотах – тРНКа – А.Б.). Что же, это должен быть именно мой Баев, который до того, как попал в Норильск, был ближайшим сотрудником академика Баха, великого физиолога (биохимика – А.Б.). Там, уже после Норильска-2, он стал директором большой норильской поликлиники, под его началом работало около 40 вольных врачей – только его одного по вечерам конвоиры сопровождали в лагерь спать. Так вот это Баев! (О поликлинике и сорока врачах явное преувеличение. – А.Б.)

О Козыреве я уже давно знаю, что он открыл две новые звезды в крымской обсерватории. Как хорошо, что они живы! Но нет в живых Тру Ран Чена, Рене Мольнара, Александра Сергеевича Полякова, с которым Рене установил близкое родство венгерской и якутской грамматик, и я уже почти не жив. Но всё же мы живы. Скольких бы из нас ни извела систематическая и сознательная контрселекция».

Козырев Н.А. (1908–1983). Знаменитый астрофизик и астроном. Арестован в 1936 г. В «Норлаге» с 1939 г. по 1946 г.

А вот, что писал в январе 2004 г., в год столетнего юбилея Баева, американский профессор Шиям Дюбе (Мерилендский Университет. Мериленд. США.) в письме, к одному из учеников Баева – профессору Иштвану Фодору (Центр молекулярной биологии и генной терапии. Университет Лома Линда. Калифорния. США.) о своих впечатлениях от доклада Баева на Гордоновской конференции по нуклеиновым кислотам, проходившей в США в том же 1967 г. С того дня прошло 37 лет!

«Я до сих пор помню день 19 июля 1967 г. на Гордоновской конференции по нуклеиновым кислотам. Лекционный зал, рассчитанный на

сто человек, был полон. Среди присутствующих были Пол Берг, Гобинд Хорана, Дейл Кайзер, Роберт Летсингер, Фриц Липман, Джим Медисон, Мет Мезелсон, Маршал Ниренберг, Александр Рич, Фред Сенгер, Роберт Синсхаймер, Гюнтер Стент, Горди Тенер, Джерри Виноград, Ганс Цахау, Брунно Зимм и многие другие основатели и творцы молекулярной биологии. Роберт Холли в тот день председательствовал на конференции, и транспортная РНК была молекулой дня. Воздух был насыщен возбуждением. Атмосфера словно символизировала заряженное состояние тРНК в великий момент передачи её драгоценного груза рибосоме. *(Мною выделены фамилии лауреатов Нобелевской премии – А.Б.)*

В своём приветственном слове Холли объявил, что у него в запасе есть нечто, что доставит нам особое удовольствие. Мы будем первыми по эту сторону Атлантики, кто услышит о важных успехах в исследовании транспортных РНК по ту сторону «железного занавеса». И что услышим мы об этом не от кого-либо, а от самого профессора Баева, известного советского учёного. Это было в дни «холодной войны» и такое событие, как выступление советского учёного было событием экстраординарным.

Ожидание его доклада, у присутствующих, было огромным. Всё это выглядело так, словно кто-то с другой планеты должен был прибыть на Землю. Холи организовал программу первого дня конференции таким образом, что профессору Баеву было предоставлено лучшее время для его доклада. В положенное время все взоры были устремлены на трибуну, но на ней не было никаких признаков профессора Баева. После нервных перешептываний с организаторами конференции, которые в свою очередь лихорадочно общались с соответствующими официальными лицами, Холли объявил, что профессор Баев задерживается. Он так же сказал, что мы будем продолжать ждать его, а пока используем возникший перерыв, для незапланированных дискуссий.

Прошёл час, но профессора Баева всё не было, и участники конференции стали шептаться, что имеет смысл устроить перерыв на обед, а затем, в зависимости от того, как будут развиваться события, продолжить конференцию. И как раз в тот момент, когда некоторые участники конференции уже потянулись к выходу, решив пообедать, в зал вошёл профессор Баев. Это было неожиданно и всё выглядело так, словно профессор Баев был сброшен в зал заседаний со спутника. Все тут же забыли об обеде и под оглушительные аплодисменты заняли свои места, чтобы послушать доклад профессора Баева.

После позабавившего всех замечания Баева, об излишней подозрительности американских чиновников в аэропорту, что послужило причиной его опоздания, он изложил главные этапы и результаты работы его группы, которая провела выделение и определение полной нуклеотидной последовательности валиновой тРНКа дрожжей.

Его доклад был абсолютно фантастическим. От него исходили положительные флюиды, а энтузиазм, с которым он говорил, буквально пронизывал весь конференц-зал. Наиболее знаменательный момент в его докладе наступил тогда, когда он рассказал присутствующим о разделении молекулы валиновой тРНКа на две половинки, которое удалось осуществить за счёт точного расщепления молекулы в антикодоновой петле. Кульминацией доклада явилось сообщение Баева о том, что после того, как две разделённые половинки были смешаны, полная биологическая активность молекулы тРНКа самопроизвольно восстановилась. Это сообщение вызвало овацию, все встали и аплодисменты продолжались несколько минут.

В своём докладе он упомянул имена всех членов своей группы и рассказал, как вклад каждого из них был важен для работы в целом. Его искренняя привязанность ко всем им была совершенно очевидной.

Оценивая значимость этого исследования, можно сказать, что оно было первым исследованием такого рода в Советском Союзе и одним из первых в мире. В тот день стало ясно, что работа с валиновой тРНКа инициировала расцвет молекулярной биологии в России и сегодня мы видим, что это конечно так и было».

* * *

А.А. Баев был академиком двух отечественных и семи зарубежных академий, членом шести международных научных обществ. На протяжении шести лет он был Президентом и Past-президентом Международного биохимического союза (IUB). 17-ть лет А.А. Баев член Президиума АН СССР и академик-секретарь Отделения биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений АН СССР.

А.А. Баеву было присвоено звание Героя Социалистического Труда, Лауреата Государственной премии СССР, премии Совета Министров СССР и Демидовской премии. За вклад в науку он был награждён золотой медалью им. В.А. Энгельгардта, золотой медалью им. Г. Менделя и золотой медалью «За заслуги перед наукой и человечеством».

В 2004 г. Президиум Российской академии наук учредил премию им. А.А. Баева «За выдающиеся работы в области геномики и биоинформатики», которая присуждается российским учёным раз в два года. И прочее, прочее, прочее...

Баев начал работать в 14-ть лет и работал до последнего дня жизни. Оформил пенсию в 89 лет, в июне 1993 г. Его трудовой стаж, с учётом повышающих коэффициентов за годы работы в Заполярье и приравненных к нему мест, превысил число прожитых им лет!

В одном из исследовательских центров Германии хранится и изучается ДНКа Баева, как образец ДНКа человека, который перешагнул девяностолетний рубеж и сохранил при этом высокий уровень интеллектуальной и деловой активности.

Удивительная, парадоксальная судьба!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо Евгении Семёновны (Соломоновны) Слепковой (Брейтман) А.А. Баеву.

Уважаемый Александр Александрович!

Я очень болела, лежала и не могла выполнить своего обещания – прислать биографию Васи. Сейчас мне перепечатали, и я посылаю Вам и биографию и воспоминания (краткие) мои о Васе. Сделала это по просьбе Казанского музея истории при КГУ.

Не удивляйтесь, что там есть немного и обо мне. Я училась в КГУ и меня просили написать и о себе и семье моей. Я сделала это очень коротко. Говорить о таком человеке как Вася, можно много, а писать трудно. Я принималась за воспоминания много раз и... рвала. А потом, вдруг, села и написала, видно выболело всё внутри и я всё писала, писала в мыслях своих. А написала, верно, 3-ю часть того, что вспоминалось, да и всегда вспоминается, но внутри меня.

Я откровенно пишу Вам это. Вам, огромное спасибо за всё! За Ваш добрый звонок, за Вашу речь о нём, такую добрую, такую справедливую, честную. И то что Вы мне рассказали о своей последней встрече с ним... Вообще, спасибо огромное за всё, что помогает мне сейчас в думах о нём. Знаете, когда Вы сказали: «Я ученик Василия Николаевича, я учился в его семинаре...». Вы знаете, вначале у меня затряслись руки и ноги, т. к. после «исповеди» Жени Гинзбург, я не знала, что скажите Вы дальше. А потом, я встала, вернее вскочила, когда Вы согласились встретиться со мной.

Я так любила Васю! Нет слов сколько я выстрадала за него и как я старалась украсить, облегчить его сложную, трудную жизнь. А начиналось всё ведь так светло. Да и потом, всё же, было много светлого. Ещё раз спасибо Вам! Этот вечер в клубе им. Курчатова я никогда не забуду. Живите долго! И пусть в вашем доме всё будет хорошо.

Здоровья Вам и жене вашей. Евгения Слепкова.

P.S. 1). Если Вы что-то напишете для музея о Василии Николаевиче, то очень Вас прошу напечатать экземпляр и для меня. Очень жаль, что там не записывались выступления. Я думала, что запись будет, это большое упущение.

2). И ещё: приходил ко мне дважды Саша Вайсберг от И.А. Захарова (д.б.н. И.А. Захаров-Гизехус. Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова, РАН, Москва – А.Б.) и я дала им 1 экземпляр биографии Васи и карточки. Хотят написать в «Науку и жизнь» так сказали. И.А. звонил мне. И третье – в те годы, семья дружила с Аголом и с Дубининым. Дубинин Н.П. даже приезжал к нам в ссылку. Теперь слышу о нём плохое, но был он тогда очень хорошим человеком, и мы его тогда любили. Теперь, с тех пор не встречались и я не знаю его сейчас. Но раньше он делал много хорошего для меня и для Васи, рискуя многим. Захотелось Вам и об этом написать.

Не сердитесь за беспокойство. Очень хотелось бы весной? летом? встретится с Вами. Евг. Семеновна. 8.05.1989 г.

Отец ответил Евгении Семёновне. В письме он написал, что Слепков был ярким и глубоко порядочным человеком. Судьба поставила его, как и многих других в то время, в очень сложную жизненную ситуацию. Но что бы про В.Н. Слепкова не говорили, он всегда вспоминал о нём только хорошее.

* * *

Последнее письмо В.А. Энгельгардта А.А. Баеву в связи с празднованием 80-ти летнего юбилея Баева в Институте молекулярной биологии.

«Москва. Январь. 1984 г.

Мой дорогой, самый давний – полу столетней давности, верный друг, судьба или медицина сыграли со мной злую шутку, какую только могли выдумать: в лице благожелательного, но неумолимого моего врача, да и само недомогание держат меня в постели, с температурой, болями и прочей прелестью. И это вместо того, чтобы быть с Вами, всей нашей институтской хорошей семьей, от сердца к сердцу передать мои искренние чувства, для выражения которых не могу найти должных слов.

Примите от меня мою искреннюю привязанность. Физически лишенный этой возможности, я всей душой с Вами, издалека присутствую в выражении добрых, сердечных чувств, идущих к Вам во всех словах наших соратников.

Мой привет Вам от нашей полу столетней дружбы, всей душой с Вами».

Ваш В.А. Энгельгардт.

* * *

Последняя встреча А.А. Баева и В.А. Энгельгардта.

1984 год начался у меня с проблем. Опять забарахлили почки. В январе я перенёс уже вторую и не очень удачную, операцию в ЦКБ АН СССР, а на июль была назначена третья. На семейном совете решено было провести её в ЦКБ 4-го главного управления Минздрава СССР, в Кунцево. Вначале меня две недели наблюдали нефрологи, во главе с профессором Сурой, в терапевтическом отделении больницы, а затем я был переведён в хирургический корпус, в урологическое отделение, возглавляемое профессором Козловым. На следующий день, 8 июля, ко мне пришли родители, т. к. через три дня мне предстояло лечь на операционный стол. От них я узнал, что в соседней палате, после операции лежит Владимир Александрович. Мы решили заглянуть к нему.

Владимир Александрович полулежал на подушках, в руках у него была газета французских коммунистов – «Юманите», на голове ночной колпак с кисточкой, т. к. палату в этот момент проветривали, приоткрыв окно. Мы тепло поздоровались. Владимир Александрович удивился моему появлению и больничному наряду. Я объяснил, что я его товарищ по несчастью, а со вчерашнего дня ещё и сосед. Владимир Александрович предложил нам присесть, но мы с мамой, поблагодарив его и пожелав скорейшего выздоровления, вышли в коридор. Папа остался в палате. Он пробыл там минут пятнадцать, двадцать. О чём они говорили, как оказалось в последний раз, я не знаю.

Через день, рано утром 10 июля, я услышал какой-то шум и суету за стенкой. По коридору прогрохотала «каталка». Потом всё стихло. Выйдя к завтраку, я спросил у сестры, что произошло в соседней палате и с ужасом услышал в ответ, что мой сосед академик – умер. Так я узнал, что не стало ангела-хранителя нашей семьи, горячо всеми нами любимого Человека! Алексей Баев.

* * *

Последнее публичное выступление А.А. Баева. Речь на вручении Демидовской премии в новом здании Президиума РАН на площади Гагарина. Москва. 29 ноября 1994 г.

Глубокоуважаемые члены Комиссии! Дамы и господа!

Присуждение мне Демидовской премии глубоко взволновало меня. Произошло это отнюдь не потому, что были затронуты мои честолюби-

вые чувства. Напротив, меня охватили сомнения – достоин ли я такой высокой награды, присвоенной человеку, уже прошедшему свой научный и даже жизненный путь. Но, в конце концов, эти сомнения лишь усилили чувство признательности.

Возрожденная Демидовская премия – это возрожденная связь с далеким прошлым, с историей моей родной страны. Мне уже более 90 лет, и многие события, происшедшие за последнее столетие, мне известны не из сегодняшних газет и речей ораторов, по как современнику, очевидцу и даже участнику. Отсюда и отношение у меня, да и у лиц моего поколения, к прошлому особое – оно является частью меня самого, и я не могу от него отказаться. Мне трудно понять, как может уважающая себя нация отказаться от своего прошлого, а потомки, выросшие из этого прошлого, делать вид, что они не имеют к нему никакого отношения. Мы не можем вычеркнуть из нашей истории ни татарского ига, ни династии Романовых, ни времени сталинизма с его лагерями, ни Отечественных войн – словом, ничего.

Сейчас, не в самый безмятежный период для нашей Родины, обращение к прошлому своевременно и оправдано многими соображениями. И прежде всего потому, что прошлое – это не только вереница горестных событий, не торжественное и безнаказанное шествие преступников и честолобцев, но также и деяния героев, проповедников возвышенных идей, светлых умов и носителей высоких добродетелей. Демидовская премия связывает нас с вами именно с этим прошлым и с этими людьми. Она вносит в наши души радость и ободрение, уверенность в том, что несмотря ни на что Русь не пропадет, как не пропадут и ее обитатели.

Я принимаю сегодня премию имени Демидова с сознанием того, что она превышает мои заслуги перед страной, наукой и людьми, и вместе с тем с радостью и благодарностью за оказанную мне честь.

А.А. Баев.

Памяти академика А.А. Баева

1. В 1995 г. в здании Института молекулярной биологии РАН была открыта бронзовая мемориальная доска в честь А.А. Баева, который проработал в Институте с момента его основания, с 18 апреля 1959 по 31 декабря 1994 г.
2. В период существования отечественной программы «Геном человека», «Научный совет ГНТП “Геном человека”» с 1995 г. ежегодно присуждал премию им. А.А. Баева за лучшую отечественную работу по изучению генома человека.
3. В 1997 г. в издательстве «Наука» вышла книга – «Академик Александр Александрович Баев».
4. В 2004 г., к столетию со дня рождения А.А. Баева, были открыты мемориальные доски в его честь:
На здании Института биохимии и физиологии микроорганизмов им. Г.К. Скрыбина, в Центре биологических исследований РАН. г. Пушкино. Московская область.
На главном здании Казанского Университета (восточное крыло). г. Казань. Республика Татарстан.
5. В 2004 г. Президиум Российской академии наук учредил премию им. А.А. Баева «За выдающиеся работы в области геномики и биоинформатики». Присуждается российским учёным раз в два года.
6. В Сельскохозяйственной академии им. К.И. Тимирязева на кафедре биотехнологии есть студенческий научный кружок, который носит имя ак. А.А. Баева.
7. На Центральном телевидении были выпущены два телефильма о А.А. Баеве:
«Академик А.А. Баев». Реж. Элеонора Власова. Телеканал «Культура». Студия «Наука-Видео». 1995 г.
«Александр Баев. Наперекор судьбе». Реж. – Юлия Маврина. Сценарист – Светлана Нюссер. ООО «Цивилизация». ГТРК «Культура». 2013 г.

Основные даты жизни и деятельности А.А. Баева

Александр Александрович Баев родился 10 января 1904 г. (28 декабря 1903 г. по старому стилю) в г. Чите.

1921 г. Окончил среднюю школу в г. Казани.

1921–1922 гг. Учеба на естественном отделении физико-математического факультета КГУ.

1922–1927 гг. Учеба на медицинском факультете КГУ (с 1930 г. Казанский медицинский институт) на кафедре физиологической химии.

1927–1930 гг. Ординатор терапевтической клиники Казанского медицинского института, санитарный врач, затем заведующий туберкулезным диспансером в Буинском кантоне ТатАССР.

1930–1935 гг. Аспирант, затем ассистент кафедры биохимии Казанского медицинского института.

1935–1937 гг. Научный сотрудник, старший научный сотрудник и ученый секретарь Института биохимии АН СССР.

1937 г. 30 апреля. Первый арест. Приговор – 10 лет тюремного заключения и пять лет поражения в правах по статьям 17–58–8 и 17–58–11 УК РСФСР.

1937–1944 гг. Отбывал наказание во Владимирской тюрьме, а затем в Соловецкой тюрьме особого назначения и в Норильском лагере.

1940–1947 гг. Лагерный врач, а затем врач и заведующий терапевтическим и детским отделениями больницы для вольнонаёмных Норильского горнометаллургического комбината НКВД.

1944 г. Досрочно освобожден без права выезда из Норильска.

1945 г. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

1947 г. Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук в Институте физиологии им. И.П. Павлова в Ленинграде.

1947–1949 гг. Заведующий лабораторией биохимии Коми филиала АН СССР в Сыктывкаре.

- 1949 г. 22 февраля. Повторный арест по делу 1937 г. Приговор – Сослать на поселение.
- 1949–1954 гг. Отбывал бессрочную ссылку в с. Нижнее Шадрино, Ярцевского района, Красноярского края. Врач и заведующий сельской больницей.
- 1954 г. Отмена приговоров по делам 1937 и 1949 годов и освобождение от ссылки. Возвращение в Москву.
- 1957 г. Полная реабилитация по делам 1937 и 1949 годов.
- 1954–1959 гг. Младший научный сотрудник. Старший научный сотрудник Института биохимии им. А.Н. Баха АН СССР.
- 1959–1994 гг. Старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, заведующий отделом, советник Института молекулярной биологии им. В.А. Энгельгардта РАН (с 1959 по 1965 гг. – Институт радиационной и физико-химической биологии АП СССР).
- 1954–1966 гг. Научный редактор реферативного журнала «Биохимия».
- 1962–1994 гг. Член редакционной коллегии, затем редакционного совета журнала «Вопросы медицинской химии».
- 1965 г. Награжден серебряной медалью ВДНХ.
- 1967 г. Присуждена ученая степень доктора биологических наук. Награжден золотой медалью ВДНХ.
- 1967–1994 гг. Член редакционной коллегии журнала «Молекулярная биология».
- 1968 г. Избран членом-корреспондентом АН СССР.
- 1968–1989 гг. Заведующий лабораторией, заведующий отделом в Институте биохимии и физиологии микроорганизмов АН СССР. Центр биологических исследований АН СССР. Пущино на Оке.
- 1968 г. Удостоен Государственной премии СССР за установление первичной структуры валиновой тРНК.
- 1969 г. Избран действительным членом АН СССР.
- 1970 г. Награжден юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».
- 1970–1990 гг. Сопредседатель Комиссии по двустороннему сотрудничеству АН СССР и АН ГДР.
- 1971 г. Присвоено ученое звание профессора.
- 1971–1988 гг. Академик-секретарь Отделения биофизики, биохимии и химии физиологически активных соединений АН СССР. Член Пре-

зидиума АН СССР. Руководитель делегации от АН СССР в Комиссии по многостороннему сотрудничеству Академий наук социалистических стран в области молекулярной биологии. Координатор биологических исследований в академиях наук союзных республик.

1971–1990 гг. Главный редактор журнала «Доклады Академии наук».

1972–1994 гг. Руководитель группы экспертов советско-французского научного сотрудничества по проблеме «Физико-химические основы жизни».

1973 г. Избран почетным членом Академии естествоиспытателей «Леопольдина» (ГДР). **1973–1982 гг.** Член редакционной коллегии журнала «Nucleic Acids Research» (США).

1974 г. Награжден орденом Ленина. Избран иностранным членом Академии наук ЧССР. Избран иностранным членом Германской академии наук в Берлине (ГДР).

1974–1989 гг. Заместитель председателя Междуведомственного научно – технического совета по проблемам физико-химической биологии и биотехнологии при ГКНТ и Президиуме АН СССР.

1975 г. Награжден юбилейной медалью «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Избран ассоциированным членом Европейской организации по молекулярной биологии (ЕМВО). Избран доктором *honoris causa* Грейфсвальдского университета им. Э. Арндта (ГДР).

1975–1989 гг. Член редакционного совета журнала «Биоорганическая химия». **1975–1994 гг.** Руководитель советско-западногерманского научного сотрудничества по проблемам молекулярной биологии.

1976 г. Избран почетным членом Венгерской академии наук. Избран членом комитета МСНС по генетическому экспериментированию (COGENE). Награжден орденом «Кирилл и Мефодий» 1-й степени (Болгария). Награждён почетной грамотой и значком «25-летие научно-технического сотрудничества СССР и ГДР».

1976–1982 гг. Президент и *past*-президент Международного биохимического союза (IUB).

1976–1994 гг. Член редакционной коллегии журнала «Gene» (США).

1976–1991 гг. Руководитель советско-итальянского научного сотрудничества по проблеме «Макромолекулы в функционирующей клетке».

- 1977 г.** Награжден юбилейной медалью «60-летие Великой Октябрьской социалистической революции». Избран иностранным членом Польской академии наук. Избран почетным членом Американского общества по биохимии и молекулярной биологии. Академией наук ЧССР награжден золотой медалью «За заслуги перед наукой и человечеством».
- 1981 г.** Присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот». Лауреат премии Совета Министров СССР.
- 1981–1987 гг.** Член Комитета советских ученых в защиту мира против ядерной войны.
- 1981–1993 гг.** Председатель Научного совета по проблемам биотехнологии АН СССР.
- 1982 г.** Награжден юбилейной медалью «60-летие СССР».
- 1983 г.** Награжден золотой медалью почета Общества немецко-советской дружбы.
- 1984 г.** Награжден орденом Октябрьской революции.
- 1984–1994 гг.** Председатель редколлегии серии «Классики науки» НИСО РАН.
- 1985 г.** Избран действительным членом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина. Награжден юбилейной медалью «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и золотой медалью ВДНХ «За заслуги в развитии биологических наук».
- 1986 г.** Избран иностранным членом Болгарской академии наук.
- 1988 г.** Академией наук ЧССР присуждена золотая медаль Г. Менделя.
- 1988–1994 гг.** Советник Президиума АН СССР. Член редколлегии журнала «Вестник АН СССР». Член Научно-методического совета РАН по проблемам медицины.
- 1989–1994 гг.** Председатель Научного совета ГНТП «Геном человека». Член редколлегии журнала «Biomedical Science».
- 1989 г.** Избран членом Международной организации по изучению генома человека (HUGO). Вручена медаль «Ветеран труда».
- 1989–1994 гг.** Член Научного совета ГНТП «Борьба с наиболее распространенными болезнями». Член Межведомственного совета по научным проблемам СПИДа.

- 1991 г.** Избран членом Европейской академии. **1991–1994 гг.** Член Национального комитета по биоэтике.
- 1992 г.** Удостоен премии им. В.А. Энгельгардта.
- 1993–1994 гг.** Председатель секции серийных изданий НИСО РАН.
- 1994 г.** Награжден золотой медалью им. В.А. Энгельгардта «За выдающиеся работы в области молекулярной биологии». Вручена Демидовская премия «За выдающиеся достижения в области химии и биологии».
- 31 декабря 1994 г. скончался в Москве. Похоронен на Кунцевском кладбище.
- 1996 г.** 21 мая в здании Института молекулярной биологии им. В.А. Энгельгардта РАН открыта мемориальная доска в честь А.А. Баева. Международная конференция, посвященная памяти акад. А.А. Баева. Москва. Россия. 20–22 мая 1996 г.
- 2004 г.** Президиум Российской академии наук учредил премию имени А.А. Баева «За выдающиеся работы в области геномики и биоинформатики». Присуждается российским учёным раз в два года.
- 10 января открыта мемориальная доска в честь А.А. Баева на здании Института биохимии и физиологии микроорганизмов им. Г.К. Скребины, в Центре биологических исследований РАН. г. Пущино. Московская область.
- 17 июня открыта мемориальная доска в честь А.А. Баева на главном здании Казанского университета (восточное крыло).

Хронологический указатель
основных научных трудов А.А. Баева
(отобрано им лично)

- Баев А.А.* Клеточное дыхание и превращения аммиака // Докл. АН СССР. 1934. Т. 4. № 1–2. С. 69–73.
- Баев А.А.* Энзиматический анализ превращений аденозинтрифосфорной кислоты в ядерных эритроцитах в связи с дыханием и гликолизом // Биохимия. 1937. Т. 2. № 2. С. 454–478.
- Энгельгардт В.А., Баев А.А., Венкстерн Т.В.* Превращение нуклеотидов в ядерных эритроцитах в связи с дыханием // Там же. 1959. Т. 29. № 1. С. 157–170.
- Venksterm T.V., Bayev A.A.* Absorption spectra of minor bases, their nucleosides, nucleotides and selected oligoribonucleotides. N.Y. Plenum Press-data Division. 1965. P. 86.
- Баев А.А., Венкстерн Т.В., Мирзабеков АД., Крутилина А.И., Ли Л., Аксельрод В.Д.* Первичная структура валиновой транспортной РНК 1 пекарских дрожжей // Мол. биология. 1967. Т. 1. № 5. С. 754–765.
- Mirzabekov A.D., Kazarinova L. Ya., Lastity D., Bayev A.A.* Enzymatic aminoacylation of dissected molecules of baker's yeast valine tRNA 1 // FEBS Letters. 1969. Vol. 3. № 4. P. 268–270.
- Mirzabekov A.D., Lastity D. Bayev A A.* Acceptor activity of incomplete aggregate molecules of valine tRNA 1 consisting of four fragments // Ibid. 1969. Vol. 4. № 4. P. 281–284.
- Mirzabekov A.D., Lastity D., Levina E.S., Bayev A.A.* Self-assembly of transfer RNA fragments // Ibid. 1970. Vol. 7. № 1. P. 95–98.
- Mirzabekov A.D., Lastity D., Levina E.S., Bayev A.A.* // Localization of two recognition sites in yeast valine tRNA I // Nature New Biology. 1971. Vol. 229. P. 21–22.
- Тихомирова Л.П., Петровская ЛЛ., Таняшин В.И., Солонин А.С., Матвиенко И.И., Баев А.А.* Гибридные молекулы ДНК фага лямбда и плазмиды E. Coli // Доклады АН СССР. 1975. Т. 223, № 4. С. 995–998.
- Bajew AA.* Genmanipulation – Stand und Perspektiven // Greifswalder Universitätsreden. Neue Folge. 1976. № 35. S. 5–17.

- Grineva N.I., Karpova G.G., Kuznetsova L.M., Venkstern T.V., Bayev A.A.* Complementary Val addressed modification of yeast tRNA with alkylation derivative of d(pC-G) – A. The positions of the alkylated nucleotides and the course of the alkylation in the complex // *Nucleic Acids Research*. 1977. Vol. 4. № 5. P. 1609–1631.
- Bayev A.A., Skryabin K.G., Zaharyev V.M., Krayev A.S., Rubtsov P.M.* Yeast ribosomal genes // *Macromolecules in the functioning cell*. N.Y.; London: Plenum Press. 1979. P. 3–14.
- Bayev A.A.* Plasmid vectors: general principles of their construction // *Proceedings of the 12th FEBS Meeting (Dresden. 1978)*. Vol. 51. Gene Function // Ed. S. Rosenthal et al. Oxford: Pergamon Press. 1979. P. 499–507.
- Баев А.А.* Общие представления о генетической инженерии // *Итоги науки и техники. Молекулярная биология* // А.А. Баев. М.: ВИНТИ, 1979. Т. 12. Ч. 1. С. 6–35.
- Копылова-Свиридова Т.Н., Бельков В.В., Фодор И.И., Баев А.А.* Новые дрожжевые векторы на основе митохондриальной ДНК *Saccharomyces cerevisiae* // *Доклады АН СССР*. 1981. Т. 259. № 4. С. 990–992.
- Georgiev O.I., Nikolaev N. Hadjiolov A.A., Skryabin K.G., Zakharyev V.M., Bayev A.A.* The structure of the yeast ribosomal RNA genes. 4. Complete sequence of the 25S rRNA gene from *Saccharomyces cerevisiae* // *Nucleic Acids Research*. 1981. Vol. 9. № 24. P. 6953–6958.
- Bayev A.A.* Biology as a Social Phenomenon // *Social Sciences*. 1982. Vol. 13. № 1. P. 52–64.
- Bayev A.A.* New Trends in Genetic Engineering in the Soviet Union // *Symposium «From Genetic Engineering to Biotechnology – The Critical Transition»* / Ed. W.J. Whelan and S. Black. N.Y.: John Wiley & Sons Ltd. 1982. P. 119–122.
- Melnikov A.A., Tchernov A.P., Fodor I.I., Bayev A.A.* Lambda phagmids and their transducing properties // *Gene*. 1984. Vol. 28. P. 29–35.
- Рубцов П.М., Парсаданян А.Ш., Свердлова П.С., Чунеева В.В., Лашас Л.В., Скрыбин К.Г., Баев А.А.* Характеристика соматотропина человека, синтезируемого в бактериях методами генетической инженерии // *Докл. АН СССР*. 1984. Т. 276. № 3. С. 762–764.
- Баев А.А., Бочков И.П., Иванов В.И.* Медицинские и экологобиологические последствия возможного ядерного конфликта // *Климатические и биологические последствия ядерной войны*. М.: Наука. 1986. С. 124–140.

- Баев А.А. Биохимия, молекулярная биология, генетическая инженерия – взгляд в будущее // Изв. АН СССР. Серия биол. 1986. № 2. С. 169–180.
- Дубинина Е.Н., Лукьянов Е.В., Козлов Ю.В., Баев А.А. Механизм действия шига-токсина // Доклады АН СССР. 1988. Т. 301. № 1. С. 226–228.
- Kozlov Yu. V., Kabishev A.A., Lukyanov E.V., Bayev A.A. The primary structure of the operons coding for *Shigelia dysenteriae* toxin and temperate phage H30 shiga-like toxin // Gene. 1988. Vol. 67. P. 213–221.
- Рубцов П.М., Скрябин К.Г., Баев А.А. Генетическая инженерия гормона роста человека // Гормон роста человека. Пущино: ОНТИ НЦБИ АН СССР. 1988. С. 70–74.
- Баев А.А. Геном человека: Общий взгляд. М.: ВИНТИ, 1989. С. 45.
- Bayev A.A. First moves of the USSR Human Genome Project // The FASEB J. 1991. Vol. 5. № 1. P. 70–73.
- Bayev A.A. Policy in relation to the Human Genome Project. A view from the USSR // Human Genome Project: Ethics. II Workshop. Valencia. November 12–14. 1990. // Madrid: Fundacion BBV. 1992. P. 89–95.

Литература о жизни и трудах А.А. Баева

1969

- А.А. Баев: К избранию чл.-кор. АН СССР // Химия и жизнь. 1969. № 2. Стр. 45.
- О научной деятельности А.А. Баева: К избранию чл.-кор. АН СССР // Известия АН СССР. Сер. хим. 1969. № 6. Стр. 1415. Портр. Стр. 1409.
- Энгельгардт В.А. Алфавит биологии: К присуждению А.А. Баеву совместно с др. Гос. премии СССР за раскрытие первичной структуры валиновой рибонуклеиновой кислоты // Известия. 1969. 19 нояб. Моск. веч. вып.

1970

- Баев Александр Александрович // БСЭ. 3-е изд. 1970. Т. 2. Стр. 519. Библиоф.: 3 назв.

1971

А.А. Баев: К избранию действительным членом АН СССР // Изв. АН СССР. Сер. хим. 1971. № 4. Стр. 905.

А.А. Баев: Крат, биограф. очерк // Химия и жизнь. 1971. № 2. Стр. 37. Выборы в Академию.

Баев А.А. Лаборатория функциональной энзимологии: О деятельности лаб. рук. А.А. Баевым // Институт молекулярной биологии. М. 1971. Стр. 17–23. Портр. Библиогр.: 7 назв.

К избранню А.А. Баева действительным членом АН СССР // Журн. общ. биологии. 1971. Т. 32. № 2. С. 242.

Кочерёжкин В.Г., Королев Ю.Б. Научная деятельность А.А. Баева: К избранию действительным членом АН СССР // Изв. АН СССР. Сер. биол. 1971. № 2. Стр. 313.

1972

Bayev A.A. Laboratory of functional enzymology // Institute of molecular biology. М. 1972. P. 14–23: phot. portr. Bibliogr.: 15 ref.

1974

Баев А.А. награждён орденом Ленина: [Крат, биограф. очерк] // Вестник АН СССР. 1974. № 4. Стр. 133.

1975

Венкстерн Т.В. Баев Александр Александрович // БМЭ. 3-е изд. 1975. Т. 2. Стр. 445. Форум микробиологов страны // Коммунист. 1975. 6 июня. Портр.

1976

Kohler K.H. Laudatio für Alexander A. Bajev // Khrenpromotion, am 9 Mai 1975. Greifswald, 1976. S. 17–23. Greifswalder Universitätsreden. Neue Folge. № 35. Bibliogr.: 57 ref.

1979

Баев А.А. Лаборатория функциональной энзимологии: (О деятельности лаб. рук. А.А. Баевым // Институт молекулярной биологии. М., 1979. Стр. 7–11. Библиогр. 8 назв.

1980

А.А. Баев: Краткая биограф. справка в связи с избранием академиком-секретарем Отделения биохимии, биофизики и химии физиологиче-

ски активных соединений АН СССР // Изв. АН СССР. Сер. биол. 1980. № 6. Стр. 950.

Баев Александр Александрович // Сов. энцикл. словарь. М., 1980. Стр. 950.

Баев Александр Александрович // Москва: Энциклопедия. М., 1980. Стр. 123.

1981

Bayev Aleksandr Aleksandrovich // The International who's who. 45–58 p. 1981–1995. London, 1981–1994.

1982

Волков В.А. Учёные химики – Герои Социалистического Труда. О науч. деятельности А.А. Баева // Химия в школе. 1982. № 4. Стр. 19. Портр.

1983

Баев Александр Александрович // Сов. энцикл. слов. 2-е изд. М., 1983. Стр. 99.

Муладжанов Ш. // Труд ученого: Обязательные неожиданности. Праздничная неделя акад. А.А. Баева // Моск. правда. 1983. 30 апр.

1984

Академик Александр Александрович Баев: (К 80-летию со дня рождения) // ЖВХО. 1984. Т. 29. № 2. Стр. 100–101. Портр.

Академику А.А. Баеву – 80 лет // Вестн. АН СССР. 1984. № 4. С. 138: портр. Баев Александр Александрович // Биологи: Биограф. справ. Киев, 1984. Стр. 35. Портр.

Волков В.А., Вонский Е.В., Кузнецова Г.И. Баев Александр Александрович // Химики. Биограф. справ. Киев, 1984. С. 34. Портр.

К 80-летию Александра Александровича Баева // Молекуляр. биология. 1984. Т. 18. № 1. Стр. 5–7. 1 л. Портр.

Молекулярная биология. Т. 18. № 1. Номер посвящён А.А. Баеву в связи с 80-летием со дня его рождения. М.: Наука, 1984. Стр. 285. 1 л. Портр.

Чуба А. Верность традиции. К 80-летию акад. А.А. Баева // Сов. Россия. 1984. 10 янв. Порт.

Alexander Baev // La paz y el desarme: Investigaciones científicas, 1984. Moscu, 1984. P. 85.

1985

Баев Александр Александрович // Сов. энцикл. словарь. 3-е изд. М., 1985. С. 99.

Бартошевич Ю.Э., Неклюдов А.Д. Рец. на кн.: Биотехнология // Отв. ред. А.А. Баев. М. 1984. 318 с. // Антибиотики и мед. биотехнология. 1985. Т. 30. № 7. Стр. 556.

1986

Баев Олександр Олександрович // Укр. рад. енцикл. слов. В 3-х т. 2-е вид. Киев. 1986. Т. 1. Стр. 123. Портр.

Батраков В. Гормоны и гены: бактериальный синтез соматотропина. О достижении советской генной инженерии – доклиническим испытаниям синтетического гормона роста человека, полученного микробиологическим путем. Работа выполнена под руководством А.А. Баева // Химия и жизнь. 1986. № 2. Стр. 9–14. Портр.

Хромченко М.С. В стране Био. М. 1986. Стр. 64–65. 136. 152. Портр. на вкл. С. 96–97. Российские города науки.

1987

Овчинников Ю.А. Баев Александр Александрович. Крат. очерк науч. деятельности // Биоорганическая химия. М. 1987. Стр. 330. Портр.

Король И.Л. Рец. на кн. Климатические и биологические последствия ядерной войны. Отв. ред. Е. Велихов. 1986. // Изд. АН СССР. Физика атмосферы и океана. 1987. Т. 23. № 6. Стр. 667–669.

Отдел генетической инженерии. Лаборатория функциональной энзимологии. О деятельности лаб. рук. А.А. Баевым // Итоги научных работ за 1986–1993 гг. Информ. материал // Отв. ред. А.Д. Мирзабеков. Пущино. 1987–1994.

1989

Баев А.А. Владимир Александрович Энгельгардт в Казани // Воспоминания о В.А. Энгельгардте. М. 1989. Стр. 28–49. Фото. (Ученые СССР. Очерки, воспоминания, материалы).

Баев Александр Александрович // Видные ученые отечественной медицины и здравоохранения – питомцы Казанского медицинского института // Сост. А.П. Галиуллин и др. Казань, 1989. Стр. 30–34.

Bayev Aleksandr Aleksandrovich // The Tauris Soviet directory. The elite of the USSR today. London, 1989. P. 410–411.

1990

Баев А.А. Лаборатория функциональной энзимологии: О деятельности лаб. рук. А.А. Баевым // Институт молекулярной биологии им. В.А. Энгельгардта, 1959–1989. Отв. ред. А.Д. Мирзабеков. М., 1990. Стр. 5–7. Библиогр. Стр. 11–12.

Баев Александр Александрович // Сов. энцикл. слов. 4-е изд. испр. и доп. М. 1990. Стр. 97.

Винокурова С. Биология без иллюзий. Портреты ученых // Правда. 1990. 31 мая. Стр. 4. Портр.

Львов А.А. Через Гулаг – в XXI век // Заполяр. правда. 12 янв. 1990.

1991

Баев Александр Александрович // Большой энцикл. Слов. В 2-х т. М., 1991. Т. 1. Стр. 96.

Баев Александр Александрович: Краткий очерк науч. деятельности // Человек. 1991. Вып. 2. Стр. 138. Портр.

Волков В.А., Вонский Е.В., Кузнецова Г.И. // Баев Александр Александрович. Выдающиеся химики мира: Биогр. справ. М., 1991. Стр. 27–28.

Григорьян Н.А. Ученый и власть: Новые архив. материалы об акад. Л.А. Орбели: Об участии Л.А. Орбели к судьбе репрессир. А.А. Баева // Вестн. АН СССР. 1991. № 4. Стр. 68–69. Портр.

Cock-Deegan R.M. USSR; Glasnost and perestroika // Gene Quest. Science, politics and the human genome project. A prepublication draft for scholars. Washington, 1991. P. 1–7.

1992

Бродский Ю. Красный СЛОН на Белом море. Баев А.А. Воспоминания узника Соловецкого лагеря особого назначения // Северные просторы. 1992. № 5/6. Стр. 24–26.

Краткий очерк научной деятельности А.А. Баева // Перспективы современной биологии. Импакт: наука и общество. 1992. № 1/2. Стр. 33.

1993

Баев Александр Александрович // Научная элита: Кто есть кто в Российской академии наук. М., 1993. Стр. 20–21.

Группа функциональной энзимологии: О работе группы, возгл. А.А. Баевым // Информационный материал: Итоги науч. работ Ин-та молекуляр. биологии РАН за 1991 год. Пущино, 1993. Стр. 36–38. На рус. и англ. яз. Библиогр.: 14 назв.

Научный совет по Государственной научно-технической программе Российской Федерации «Геном человека»: О работе совета, председателем которого является А.А. Баев // Там же. Стр. 75–78. На рус. и англ. яз. Библиогр. 6 назв.

1994

Академику А.А. Баеву – 90 лет // Вестн. РАН. 1994. Т. 64. № 5. Стр. 459. Портр.

Александру Александровичу Баеву – 90 лет // Молекуляр. биология. 1994. Т. 28. Вып. 1. Стр. 5–6.

Баев А.А. Моя биография // Вестн. РАН. 1994. Т. 64. № 4. Стр. 356–365. Библиогр. С. 364–365.

Лауреат Демидовской премии Александр Александрович Баев // Наука Урала. 1 994. 29 ноябр. Стр. 5. Фот.

1995

Александр Александрович Баев: К присуждению Демидовский премии 1994 г. // Вестн. РАН. 1995. Т. 65. № 3. Стр. 284. Портр.

Александр Александрович Баев (1904–1994): Некролог // Молекуляр. биология. 1995. Т. 29. № 2. Стр. 247–248. Портр.

Баев Александр Александрович (1904–1994) // In Memorial: Ист. Сборник памяти. // Ф.Ф. Перченко. М.; СПб., 1995. Стр. 145–146.

Готтих Б.П. Штрихи к портрету А.А. Баева // Вестн. РАН. 1995. Т. 65. № 12. Стр. 1074–1079. Портр. (Этюды об ученых).

Памяти Александра Александровича Баева. Некролог // Природа. 1995. М. № 1. Стр. 91. Портр.

Петров Р., Кнорре Д., Мирзабеков А. Памяти академика Баева // Известия. 1995. 6 янв. Стр. 8.

Поглазов В.Ф. Памяти А.А. Баева: (Некролог) // Биохимия. 1995. Т. 60. Вып. 12. Стр. 2060–2061.

Bayev Aleksandr Aleksandrovich // Who's who in Russia. London, 1995. P. 40–42. Portr.

Campbell P.N. Alexander A. Bayev. 1904–1994: an appreciation // TIBS. 1995. 20 July. P. 259–260. Bibliogr.: 3 ref.

Mirzahekov A.D., Bernardi G., Cohen S.N. and oth. In memorial Alexander A. Bayev, 1904–1994 // Gene. 1995. Vol. 162. P. 1–3. Phot.

Russian genome project // Nature. 1995. Vol. 374. № 6523. P. 580.

1996

А.А. Баев // Международная конференция, посвященная памяти акад. А.А. Баева, Москва. Россия. 20–22 мая 1996 г. Программа. М., 1996. Стр. 1.

Наганов А. Вручены премии им. А.А. Баева // Независимая газ. 1996. 28 мая. Портр.

Международная конференция, посвященная памяти акад. А.А. Баева. 20–22 мая 1996 г. Москва. Россия. М. Центр «Биоинженерия» РАН. 1996. Стр. 396. 1 л. портр. Кн. на рус. и англ. яз. А.А. Баев. Стр. 5–6. А.А. Bayev. P. 184–185.

Таняшин В.И. «Нуклеазы как реагенты» (1968). Развитие исследований в Пущинском отделе молекулярной биологии. Стр. 8.

Tanyashin V.I. «Nucleases as reagents» (1968). Development of research at Pushchino department of molecular biology. P. 187.

Whelan W.J. Alexander Bayev: international statesman. P. 188.

Светланова Е. Александр Александрович Баев. Открытие мемориал. доски в фойе Института молекулярной биологии // Поиск. 1996. № 21. Стр. 1. фот.

Bayev Alexander A. (1904–1995): (About scientific activities) // Bioorganic chemistry. M., 1996. P. 280. Portr.

1997

Академик Александр Александрович Баев: Очерки. Переписка. Воспоминания // Отв. ред. А.Д. Мирзабеков. М. Наука. 1997. 520 Стр. 4 л. Фот. Рис. Серия Ученые России: Очерки. Воспоминания. Материалы. Тираж 1000 экз. (В 1998 г. вышел доп. тираж книги – 540 экз.). Содержание: Баев Алексей А., Беляева Н.Н., Венкстерн Т.В. и др. К читателям. Стр. 5–7. Гл. 1. А.А. Баев о времени и о себе. Дороги жизни: Автобиография. Стр. 1–42. фот. Размышления. Стр. 42–59. Будущее биологической науки. Стр. 59–60. Мир – познание – личность. Стр. 60–66. Речь па вручении Демидовской премии. Стр. 67–68. Гл. 2. Баева Е.В. Трудные годы. А.А. Баев и В.А. Энгельгардт. Стр. 69–121. фот. Н.В. Энгельгардт. Переписка В.А. Энгельгардта с А.А. Баевым и Е.В. Косякиной-Баевой с 1945 по 1954 г. Стр. 121–258. фот. А.А. Баев Памяти академика В.А. Энгельгардта. Стр. 258–260. Гл. 3: Воспоминания о А.А. Баеве. Баев Алексей А. Отец: семья, детство,

юность. Стр. 261–281. Рис. Фот. *Горский А.И.* Человек великой души. Стр. 282–284. *Дорошин М.Ф.* Я устоял благодаря ему. Стр. 284. *Забоева И.В.* Александр Александрович Баев в Коми филиале АН СССР. Стр. 285. *Фишман М.В., Кузькокова Н.П.* Редкая отзывчивость. Стр. 286. *Бурнашева С.А.* Мне посчастливилось с ним работать. Стр. 296–288. *Поглазов Б.Ф.* Он учил нас жизни. Стр. 288–290. фот. *Лисовская Н.П.* Светлый человек. Стр. 290–294. фот. *Ливанова Н.Е.* Счастье, выпавшее нам на долю. Стр. 294–297. *Канопкайте С.И.* Жизнь дала возможность. Стр. 297–300. *Малкова М.Г.* Многогранный талант. Стр. 300–302. *Поляновский О.Л.* Хранитель традиций. Стр. 302–307. *Кафиани К.А.* Большой человек и философ. Стр. 307–314. фот. *Венкстерн Т.В.* Удивительный человек. Стр. 314–324. 1 л. портр. *Мирзабеков А.Д.* Учитель и наставник. Стр. 325–336. фот. *Ли Л.И.* Человек с большой буквы. Стр. 336–338. *Лецинская И.Б.* Блестящий экспериментатор. Стр. 339–340. *Левина Е.С.* Мужество и воля. Стр. 340–345. *Белжеларская С.И.* Учитель. Стр. 346–349. фот. *Кочкина В.М.* Служение истине. Стр. 349–351. *Фодор И.* ИМБ, Пущно. Стр. 351–354. *Таняшин В.И.* Первые годы в Институте биохимии и физиологии микроорганизмов. Стр. 355–357. фот. *Готтих Б.П.* Авторитет ученого и аура человека. Стр. 358–364. фот. *Евдокимов Ю.М.* Малоизвестные страницы. Стр. 364–369. *Шеллер В.* Научные связи с ГДР. Стр. 370–371. *Грюнберг-Манаго М.В.* Мои воспоминания. Стр. 371–374. фот. *Гро Ф.* Симпозиум в Конкарно с профессором А. Баевым... 20 лет тому назад! Стр. 375–378. *Цахау Г.Г.* Встречи с Александром Баевым. Стр. 378–381. *Еременко Т.* Мечта о сообществе в науке. Стр. 382–385. *Макинтайр Я.* Саша: Воспоминания. Стр. 385–387. *Лим Х.А.* Дань уважения человеку и ученому. Стр. 387–393. фот. *Матяш Л.Ф.А.А.* Баев и отечественная биотехнология. Стр. 393–398. *Беляева Н.Н.* Под знаком Козерога. Стр. 399–404. фот. *Твердохебов Е.Н.* Вперёдсмотрящий. Стр. 405–411. фот. *Спирин А.С.* Два подвига в четвертой жизни. Стр. 411–414. фот. *Курсанов А.Л.* Его духовный мир. Стр. 414–417. фот. *Бутенко Р.Г.* Преданность науке. Стр. 417–418. *Кнорре Д.Г.* Настоящий гражданин. Стр. 419–423. *Иванов В.Т.* Дружеское участие. Стр. 424. *Мацука Г.Х.* У истории альтернативы нет. Стр. 425–427. *Кавсан М.В.* «Я всегда работал». Стр. 427. *Свердлов Е.Д.* Несколько очень личных воспоминаний об Александре Александровиче Баеве. Стр. 427–429. *Тулькес С.Т.* Несерьезно о серьезном. Стр. 431–448: рис. *Приложе-*

ние: Основные даты жизни и деятельности А.А. Баева. Стр. 450–452. Хронологический указатель основных научных трудов А.А. Баева // Сост. А.А. Баев. Стр. 452–453.

Григорьян Н.А. Организации защиты кандидатской диссертации А.А. Баева в Физиологическом институте АН СССР 6 июня 1947 г. // Академик Леон Абгарович Орбели: Науч. наследие. – М., 1997. Стр. 310. Науч. наследство. Т. 26.

Гущина В.И. Александр Александрович Баев (1904–1994) // Биология. 1997. Март. № 12. Стр. 13–14. Фот.

Орбели Л.А. Депутату Верховного Совета СССР, начальнику Норильского комбината НКВД генерал-майору А.А. Панюкиву [о переходе А.А. Баева на научную работу в систему Академии медицинских наук СССР: Письмо. (Ленинград, 13 марта 1946 г.) // Академик Леон Абгарович Орбели: Науч. наследие. М. 1997. Стр. 213. Науч. Наследство. Т. 26.

1998

Кузьменко Р.И., Львова Т.Н. Александр Александрович Баев. 1904–1994. Библиография учёных. Вступительная статья: А.Д. Мирзабеков, Т.В. Венкстерн. М.: Наука. 154 стр. Портр. Сер. Биохимия. Вып. 16. 560 экз.

2004

К 100-летию ак. А.А. Баева // Молекулярная биология. Т. 38. № 1. 2004 г. *Алексей Баев.* Виновным себя не признаю // Молекулярная биология. Т. 38. № 2. Стр. 352–361.

2008

В. Родионов. В каком-то здании наскоро развернули госпиталь. Стр. 225–239. О времени, о Норильске, о себе. Книга 1. 2008. М.: ПолиМЕдиа. 552 стр. Редактор-составитель Г.И. Касабова.

2009

Вячеслав Звягинцев. Трибунал для академиков. Гл. 8. Стр. 105–118. «Я тюрьму заслужил». (А.А. Баев, Е.М. Кребс, К.И. Скрыбин, Г.К. Скрыбин). Из-во «ТЕРРА». 464 стр. Москва. 2009 г.

2010

Stephen F. Cohen. The Victims Return: Survivors of the Gulag after Stalin. Publishing Works. Exeter. NH, 2010. USA.

А. Львов. «Судьбы Буре, Баева, Лебединского, Перфилова – это одна миллионная доля норильской истории. “О времени, о Норильске, о себе”». Книга 11. Стр. 18–109. Глава 2. Через ГУЛАГ в 21 век. Стр. 47–61. 2010 г. М.: ПолиМЕдиа. 640 стр. Редактор-составитель Г.И. Касабова.

2011

Стивен Коэн. Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв. Перевод И. Давидян. М. Серия «АИРО – первая публикация в России». Москва. АИРО-XXI. 2011. 208 стр. 40 стр. илл. Тираж 5000 экз. (О Баеве стр. 24, 55, 58, 77, 78, 85, 156, 162). Русское издание – расширенное и дополненное.

Алексей Александрович Баев. Это только документальные свидетельства о жизни моего отца Александра Александровича Баева. «О времени, о Норильске, о себе». Книга 12. Стр. Фото. Тираж 2000 экз. 2011 г. М.: ПолиМЕдиа. С. Редактор-составитель Г.И. Касабова.

2013

Рощевский М.П. Удел сильной личности. 31 декабря 1994 г. скончался ак. А.А. Баев // М.П. Рощевский Избр. труды. Т.1. Статьи и выступления. 1952–2011. Сыктывкар, 2013. Стр. 312–315.

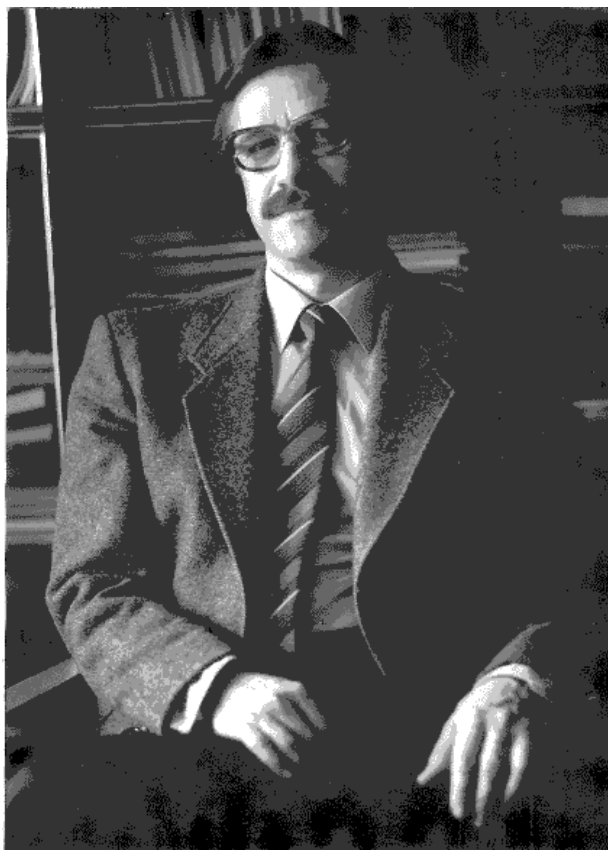
2015

Алексей Александрович Баев. Академик Александр Александрович Баев. Отлучение от науки. Архивно-следственные документы 1937–1954 гг. и многое другое. Серия «АИРО – первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова. АИРО-XXI. 352 стр. Илл. Тираж 500 экз. Москва. 2015 г. (Проект Стивена Коэна и Катрины ванден Хювел).

2016

Иозеф Лендел. «Просроченный ДОЛГ». Составитель, переводчик и автор послесловия Татьяна Лендел. 735 стр. Илл. Тираж 990 экз. Москва, 2016 г. (О Баеве стр.: 61, 68, 78, 79, 81, 82, 457, 458, 586, 587).

Об авторе книги.

Алексей Александрович Баев. 1993 г. Фото Новикова.

Баев Алексей Александрович. Родился 15 августа 1945 г. в посёлке Норильск, Красноярского края.

Отец – Баев Александр Александрович, биохимик, врач, заведующий терапевтическим и детским отделениями норильской больницы для вольнонаёмных работников Норильского горнометаллургического комбината НКВД СССР.

Мать – Баева (Янковская) Екатерина Владимировна, гидрогеолог, заведующая машбюро Норильского горнометаллургического комбината НКВД СССР.

С ноября 1954 г. живёт в Москве. Учился в школе № 50 и № 423. В 1963 г. окончил вечернюю школу рабочей молодёжи № 117. В 1971 г. окончил Московский институт тонкой химической технологии имени М.В. Ломоносова. Защитил с отличием дипломную работу по закрытой тематике.

В 1971–1973 гг. служил в звании лейтенанта и старшего лейтенанта в должности командира взвода радиационно-химической разведки в одной из воинских частей ДВО в Амурской области, г. Благовещенск.

В 1973 г. поступил на работу в Институт Молекулярной биологии (ИМБ) АН СССР, где работал на различных должностях в 1973–1982 гг. и в 1992–2013 гг.

Кроме ИМБ работал в разные годы: во Всесоюзном научно-исследовательском институте электромеханики (ВНИИЭМ) (1961–1963 гг.); Институте химии природных соединений (ИХПС) АН СССР и Институте полиомиелита и вирусных энцефалитов АМН СССР (1966–1967 гг.); Институте общей генетики им. Н.И. Вавилова АН СССР (1982–1990 гг.); Институте биологии гена РАН (1990–1992 гг.).

Член КПСС с 1977 г. В 1978 г. окончил с красным дипломом Университет Марксизма-Ленинизма при МГК КПСС (Октябрьский филиал).

Область научных интересов – молекулярная биология, генетическая инженерия. Кандидат биологических наук. Лауреат Государственной премии СССР 1982 г. за цикл работ, опубликованных в 1972–1981 гг. «Мобильные гены животных» (совместно с соавторами). В 1986 г. награждён бронзовой медалью ВДНХ СССР «За достигнутые успехи в развитии народного хозяйства».

По линии научного обмена работал по приглашению в Великобритании и США. Был в краткосрочных научных командировках в Чехословакии и Польше. Принимал участие и докладывал результаты своих работ на научных конференциях, сипозиумах и конгрессах, проходивших в СССР, Болгарии, Великобритании, Западном Берлине, ФРГ, Кубе, Италии и США. Автор более сорока научных публикаций, одной научно-популярной брошюры и книги.

Общий трудовой стаж – 46 лет. Ветеран труда. С 2013 года на пенсии.

ИЗДАНИЯ АИРО в 2021 гг.

2021

- Коротко о важном / Фред Фирсов (составитель). М.: АИРО-XXI, 2021 – 416 с.
- Гросул-Войцеховская Н.В.* Архитектор В.А. Войцеховский: замыслы и воплощения. 1909–1977. – М.: ЦНИ «Актуальная история»; АИРО-XXI, 2021. – 96 с.
- Сергей Войтиков.* Ленин, Свердлов и Троцкий. партия, власть и террор. Очерки советской политической истории эпохи Гражданской войны. – М.: АИРО-XXI. 2021 г. – 240 с.
- ЕГО ПУТЬ. Вспоминая Стивена Коэна. Сост. Катрина ванден Хювел и Геннадий Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 404 с.
- HIS WAY. Remembering Stephen Cohen. Editors Katrina vanden Heuvel and Genady Bordyugov. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 404 с.
- Медведев Р., Андреев Н.* Владимир Путин и Си Цзиньпин: личность и лидерство / Рой Медведев, Николай Андреев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 288 с.
- Мурашкин И.А.* Усть-Медведицкая колыбель «Тихого Дона». (Серия «АИРО – Исследования по проблеме авторства “Тихого Дона”») – М.: АИРО-XXI; Актуальная история. 2021 г. – 240 с.
- Малых Владимир, Носков Евгений.* Пеленг Огненных шаров. Гибель туристов группы Дятлова. – М. Актуальная история. 2021 г. – 88 с.
- «Тихий Дон». Кто автор? Из архива исследователей / под ред. А.Г. Макарова. (Серия «АИРО - Исследования по проблеме авторства “Тихого Дона”»). - М.: Актуальная история, 2021. - 272 с.
- Бозиев С.Н.* «Тихий Дон» в сравнениях. А.С. Серафимович, Ф.Д. Крюков, М.А. Шолохов ... – М.: АИРО-XXI, 2021. - 376 с.
- Barabash V., Bordyugov G., Devyatov S., Kotelenets E.* History issues of Russian 20th century / Translation editor M. Kupriyanova. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 336 с.
- Куренышев А.А.* Жизнь как роман, роман - как жизнь. За что боролся и погиб Б.В. Савинков. Штрихи политического портрета. - М.: ЦНИ «Актуальная история» АИРО-XXI, 2021. - 230 с.
- Ажгихина Надежда.* Девочка с птицами. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 224 с.
- Владислав Леонидович Малькевич: на службе Отечеству и людям. Воспоминания и свидетельства коллег и близких. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 216 с.
- Фирсов, Фридрих.* Опыт семейной археологии. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 400 с. – (АИРО – Первая публикация).

- Томилин В.Н.* Государство и колхозы: 1946–1964 гг. / В.Н. Томилин. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 448 с. (Серия «АИРО – монография»).
- Черёмушкин Пётр.* Александр Ведерников, главный дирижер. – М.: АИРО-XXI, 2021, – 184 с.
- Неймарк Норман.* Геноцид: всемирная история / Перевод Ирины Давидян. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 256 с. – (Серия «АИРО-XXI – первая публикация в России»).
- Гребенкин И.Н., Романика А.С.* Революционная Россия и военный вопрос: от Севастополя до Цусимы. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 288 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Торгово-промышленная палата Российской Федерации в 1991–2020 гг. / Под редакцией президента ТПП РФ С.Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; ЦНИ «Актуальная история», 2021. – 464 с.; илл.
- Медведев Рой, Андреев Николай.* Владимир Путин и Си Цзиньпин: личность и лидерство. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 224 с.
- Крюков Федор.* Накануне. В час предрассветный. Статьи и очерки. М.: АИРО-XXI, 2021. – 368 с.
- Крюков Федор.* Старое поле. В начале пути. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 320 с.
- Феномен красной конницы в Гражданской войне / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 336 с.

С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

А.А. Баев
Отлучение от науки.
Академик Александр Александрович Баев.
Архивно-следственные документы 1937–1954 гг.
и многое другое.

Научное издание

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
Интернет: <http://www.airo-xxi.ru>

Подписано в печать с оригинал-макета 23.11.2021
Формат 60×84 1/16. Усл. изд. л. 25,5
Электронное издание